

Виктор Коллингвуд

Книга 1

КОММАНДЕР

Века были — так себе, средние. Никакой стабильности!

Еще вчера ты был кладоискателем в суровом магическом мире. Нет, конечно не твоя вина, что последняя находка стала причиной кровавой войны! И вот, пожалуйста — кирку заменил меч, а ты ведешь в бой отряд наемных негодяев...

Но разносить вхлам целый город все равно не стоило!

Глава 1

У всякого дела есть начало и конец.

— Похоже, мы уже близко!

Рыцарь Рэйвен Теодор Эйхе, унтерконнетабль монастыря Пресветлого Селестина, возглавлявший наш маленький отряд, натянул поводья и привстал в стременах, осматривая лежащую перед нами холмистую равнину. Я подъехал к нему, двое наших спутников остались поодаль, так же озираясь по сторонам. Лошади, уставшие после долгого дневного перехода, недовольно фыркая, тут же остановились.

Мы шли уже третью неделю. Бесконечные подъемы и спуски с холма в долину, из долины на очередной холм, бесчисленные ручьи, мелкие настолько, что кони не замочили в них бабки, урочища, луга, перелески, распадки, и вот, мы у цели. Почти у цели.

Рыжий здоровяк Эйхе обернулся, протягивая мне амулет на цепочке. В наступающих сумерках был виден еле заметный красноватый огонек. Верный знак!

— Да, видимо, мы рядом с тем самым местом. Можно остановиться здесь, командер!

— Готовьте привал, Энно. Вон там подходящее место. Пойдете завтра. Стусс, Даррем, вы знаете что делать!

Эйхе махнул рукой в сторону, где наметил привал. Тронув поводья, мы шагом прошли несколько десятков рютт,* и действительно — оказались перед неглубоким оврагом, на дне которого поблескивал ручей. То, что надо.

Я устало сполз с седла и с наслаждением ощутил под собою твердую землю. Вся внутренняя поверхность икр и бедер болела, как от растяжения. И, конечно же, стерто все что можно и нельзя. Езда верхом, даже на этой смирной кобыле, для меня все еще сродни пытке.

— Простите, сударь!

Гелло Стусс, оруженосец рыцаря Эйхе, белобрысый худосочный щенок со смазливой мордочкой, спешил рядом и небрежно бросил поводья слуге.

— Отчего вы не займетесь делом? Разве не *вам* рыцарь приказал разбить привал?

Вот же наглец!

— Герр Стусс. Вы — валлет рыцаря. Разводить огонь на привале — это ваше дело. Как и многое другое.

Юнец надменно скривился.

— Я оруженосец рыцаря. Монастырские крысы мною не командуют.

— Вы валлет, и не пытайтесь указывать юнгеру!

— Разведи костер, Гелло! Даррем, займись лошадьми! — раздался голос командера.

Эйхе осмотрел окрестности и возвратился к нам. Отдав коня серву, рыцарь небрежно бросил походный плащ на землю и растянулся на нем, глядя в быстро темнеющее небо.

Стусс, боявшийся его как огня, побрел за дровами. Вскоре он, чертыхаясь, уже рубил окрестные кусты. Мечом! Вот идиот...

Я снял с лошади два приседельных мешка с провизией. Слуга отвел животных к ручью, напоил и начал расседлывать.

— Запечем мясо?

Продолжая глядеть вверх, Эйхе кивнул.

— Конечно. Давно пора. Оно скоро протухнет!

Оленину мы добыли «по случаю». Два дня назад мы последний раз видели людей — троих вилланов, охотившихся в пустошах на оленей. Вообще, травить господскую дичь, конечно, преступление, но в диких местах на это смотрят сквозь пальцы. Мы просто забрали у них одного рогача и отправили восвояси. Наш командер, в сущности, довольно добродушен, хотя, окажись у браконьеров олениха — им бы явно не поздоровилось.

Вот этой тушей мы и кормились третий день. Пора закоптить остатки, иначе, действительно, придется перейти на одни сухари.

Гелло развел жиденький костерок из хвороста. Зеленые ветки горели неохотно, застилая все сизым дымом. Безрукий дебил!

— Найдите сухостой, Стусс, иначе мы тут будем ждать до утра!

Тот покосился на рыцаря, но исполнять приказание не спешил. Эйхе сел на снятое с лошади седло, поправил горящие сучья веткой, как кочергой.

Я достал свой тесак и начал рубить остатки туши на куски.

— Мастер Эйхе, могу ли я завтра взять мясо с собой?

Эйхе, глядя на огонь, подумал, потом кивнул.

— Берите, Энно. Вам оно будет нужнее.

— А мы тут что, ветки будем грызть? — возмутился Стусс, подкидывавший дрова в разгорающееся пламя. — Нам еще назад ехать! А сколько еще ждать придется?

— А чтобы не грызть хворост, вы, сударь, завтра отправитесь на охоту и добудете нам дичи. Ее тут полно — отрезал Эйхе, пересаживаясь к костру.

— Но рыцарь, у нас нет ни лука, ни арбалета! Как же мне охотиться!

Вот тут он совершенно прав. Хотя бы один арбалет надо иметь, и для охоты, и для боя. Это камешек в огород нашего командера — именно он должен был позаботиться о походном снаряжении!

— Возьмете рогатину и пойдёте на кабана — флегматично отозвался Эйхе, кутаясь в плащ. — Даррем, порежь мясо потоньше! Герр Андерклинг не очень сноровист в таких делах!

Слуга занялся оленьим окороком, ловко кромсая его на тонкие ломтики. Рыцарь засунул прутик с кусками оленины прямо в пламя. Я последовал его примеру. Ждать углей — слишком долго, да и не будет их с тонкого сырого хвороста.

Вскоре мы рвали зубами полусырую внутри и обугленную снаружи оленину. То еще удовольствие! Она жесткая, даже если её удастся сварить, а уж сырая — вообще беда. Но, если не ел с утра, а за день отмахал десять ландмиль,** и ячменная похлебка покажется амброзией.

Стусс опасливо косился на рыцаря, пытаясь понять, серьезно ли он насчет охоты на кабанов, но прямо спросить не решался. Эйхе любит шутить, внешне оставаясь серьезным.

Я представил себе, как этот белокурый молокосос будет добывать рогатиной матерого вепря, и не смог сдержать улыбки. Куда тебе на кабана, щенок! Силки на куропаток ты будешь завтра ставить, да и то не сам, а со слугой.

Даррем, монастырский серв, немолодой мужик с плечами разной высоты, закончил возиться с лошадьми и оставил их стреноженными пастись рядом с нашим бивуаком. Животные были беспокойны.

— Волков, что ли, чуют? — спросил я у Эйхе.

— К волкам они привыкли. Их пугает Хаос — ответил тот, укладываясь спиной к

костру. — Дай седло, Даррем. Да не сюда, под голову!

В таком состоянии лошади могут разбежаться даже стреноженными. Порвут путы, да и все.

— Ты хорошо их подвязал, Даррем?

— Не беспокойтесь, мастер Энно.

— Я спокоен. Если моя лошадь сбежит, поеду обратно на тебе!

— Вы так добры, сударь! Это будет огромное повышение моего статуса!

— Точно. Огромное и незаслуженное. Ладно, давайте спать, а то сейчас разбудим командера.

Проснулся я рано. Одежда оказалась влажной, и предрассветный туман пробирал сквозь нее до костей. Торопливо раздув еще горячую золу, я погрел себе кусок ячменного хлеба и под нестройный храп спутников начал собираться.

Впереди меня ждут Мертвые земли. «Мертвые», «Гнилые», или «Проклятые» — люди в разных местах их называют по-разному, но суть одна. В них рассеяна мощнейшая демоническая магия, оставшаяся здесь со времен древнего нашествия Хаоса.

Зайти сюда даже на короткое время смертельно опасно. Мертвые земли способны свести с ума — заставить убивать друг друга, убегать от неведомой опасности, бросаясь в воду, прыгая с обрыва, лезть в петлю или вспороть себе живот.

Вся страна буквально испещрена ими. Это те самые места, где давным-давно, более двух тысяч лет назад, прошли самые страшные битвы между Хаосом и Светом.

Никто не может долго сопротивляться Хаосу. Сильные маги, искусные в своем деле, умеют ставить магическую защиту, но действует она недолго. Хорошо обученные паладины Света способны противостоять этой магии, но тоже без гарантий. Никто не сможет обещать, что не потеряет концентрацию, пропустив какую-нибудь хаотическую дрянь в свой мозг. А потом тихо свихнется и ночью перебьет своих товарищей.

Поэтому я пойду один.

Сборы не заняли много времени. Все-таки не в первый раз.... Как всегда, со мною заступ и кирка, в котомке — запас еды — сухари, оленина, сушеная рыба, мне хватит примерно на четыре дня. Из оружия взял свой кинжал — куда тут без него — и боевой тесак. Тяжеловат, но что поделать — надо! Двunoгих тварей я там вряд ли встречу, а вот крупные звери могут быть. Да и на границах Мертвых земель — на входе и на выходе из них, может случиться нежелательная встреча.

Тщательно проверил изношенную, потертую шпорами, обувь. Один сапог — тот, что я обычно надевал на левую ногу — еще ничего, а вот другой скоро потеряет подметку. И ведь давно уже думал купить новые, скопил уже деньги, но, решил отложить до возвращения из этого похода.... Наверное, зря.

Напоследок надо хорошенько натереть сапоги оленьим жиром, иначе на росистой траве они обязательно промокнут, а сушить их будет некогда. Впереди очень долгий и трудный путь, и любая мелочь может на нем задержать. А мне *очень* не хочется задерживаться там, куда я иду.

Стараясь сильно не шуметь, я начал будить рыцаря. Ренн, как всегда, спал крепко.

— Что? — наконец он оторвал голову от походного седла, служившего ему подушкой.

— Я ухожу. Где «поисковик»?

— Вот.

Он протянул мне тяжелый, чеканного золота амулет на увесистой, золотой же, цепи.

Я поднял его и коснулся небольшого рубина, вделанного в середину золотого диска. Он не отозвался.

— Подержи подольше. Держи, пока читаешь «Слава Свету»!

Я снова коснулся камня и мысленно начал произносить слова короткой молитвы, которую тут все бубнят постоянно, по поводу и без. Нет, не получается.

— Давай я.

Эйхе взял амулет, недолго подержал в ладони. Камешек загорелся тусклым красным светом. Я поводил диском из стороны в сторону, вглядываясь в камень — надо было понять, в каком направлении он светит ярче.

— Удачи, Энно. И не заставляй нас долго ждать!

Рыцарь перевернулся на другой бок и моментально снова уснул. Вот что значит — опыт в походном деле! Не то, что я.

Окинув еще раз взглядом наш маленький лагерь, я накинул свой плащ из плотной серой материи, и, грызя остывшую лепешку, зашагал в направлении, указанном амулетом. У всякого дела есть начало и конец, но нет для человека времени собирать плоды трудов своих... Кто-то будет теперь отлеживать бока, и жарить куропаток. А мне предстоит долгий путь по холодным лесам и пустошам, пешком и без торной дороги. Надеюсь, в эти дни не будет дождя!

Преодолев пару холмов по еще невысокой весенней траве, я окинул взглядом предстоящий путь. Впереди расстилалась бурая пустошь с пятнами кустарника, розовеющего в лучах восходящего солнца, но вдали, на горизонте, открывалась кромка высокого, и, видимо, очень старого леса.

Еще до полудня я добрался до опушки. Вдоль кромки леса белела невысокая, по пояс, местами разрушившаяся от времени стена из замшелого дикого камня. Никакой четкой границы между обычным миром и Мертвыми землями нет, в них очень просто зайти незаметно для себя. Потому-то поселяне и огораживали их собранным в полях булыжником, чтобы скотина или дети не забредали, куда не следует.

Туман развеялся, и весеннее солнце то и дело проглядывало сквозь низкие тучи. Впереди за густой порослью молодых деревьев виднелись огромные, раскидистые дубы, буки и вязы. Еще раз я достал Поисковик и направил его в чащу леса. Этот простой, хотя и редкий амулет указывает место, где аура магического предмета «светит» сильнее всего. В данном случае мне нужны развалины древнего храма сигмаритов. Именно там лежит штука, за которой меня и послали сюда.

Достав амулет-поисковик, я отставил его на вытянутой руке как можно дальше от себя, проводя им по дуге во все стороны. При направлении его на юго-юго-запад рубин начинал светить чуть ярче. По опыту я знал, — такой сигнал дает магический предмет, находящийся в 2–3 днях пути. Хорошо. Пока все идет ожидаемо, согласно полученным инструкциям. Вот бы, и дальше так было!

Глава 2

Лес встретил меня тишиной. Ни пения птиц, ни жужжания насекомых — только шум ветра в кронах дубов и шелест прошлогодней листвы под ногами.

Каждый раз, оказавшись в лесу, я вспоминаю, как попал сюда, в этот мир безумной,

болезненной фантазмагории. А случилось это как раз в лесу...

Еще три года назад я жил в нормальном, реальном, современном мире. Ходил на работу, качал железо, периодически выбирался куда-нибудь с друзьями. И машина была (сильно подержанная), и девушка (нормальная). И вот, в один далеко не прекрасный день мы с друзьями отправились на рыбалку с ночевкой — 2 машины, палатки, несколько спиннингов, виски, бехеровка, все такое. Был вот почти такой же лес, только осенний, неширокая река, заваленная корягами, на которых мы и потеряли все блесны. От нечего делать я пошел побродить по лесу. И наткнулся на *это*.

Не знаю, как это описать. Как будто круг, ворота из уплотненного воздуха. Стоял он в совершенно не примечательном месте недалеко от берега. Вот что меня заставило войти внутрь? То ли выпил лишнего, то ли просто идиот... а вернее всего, и то и другое разом!

Ладно. Все равно уже ничего не изменить.

Весь день шагал я по прелой листве, под корявыми, только начинающими зеленеть ветвями. Лишь сгущающиеся сумерки заставили меня оставить воспоминания. Пора было заняться устройством ночлега. Найдя подходящее место у корней огромного, даже по местным меркам, дуба, я быстро нарубил веток, сделал «лежку» и небольшой шалаш над нею.

Лишь опустившись на землю, я почувствовал, как сильно устал. Очень хотелось разжечь костер — пока глядишь на его пламя, не чувствуешь себя в лесу так одиноко. Но решил не разводить, слишком это долго, да и не так уж холодно. Лучше подольше отоспаться, и, встав с утра пораньше, тронуться в путь. Закусив сухарями и мясом, я погрузился в сон, слушая шум ветра в вершинах гигантских деревьев.

Рассвет встретил меня холодом и туманом. Как всегда при пеших переходах, очень хотелось есть. Хорошо, что я выцыганил себе мясо! Встав и немного приведя себя в порядок, я двинулся дальше, провожаемый острым запахом сырой дубовой листвы.

Интересно, мне так и придется идти по лесу до самой цели, спотыкаясь о толстенные, заросшие мхом корни? Так я и в четыре дня не обернусь! В лесу идти намного медленнее, чем по равнине. Иногда натыкаешься на заросли кустарника, так что приходится прорубаться тесаком, иногда приходится обходить кучи бурелома. Но, по большому счету, ничего страшного нет, главное выдерживать направление. Сухари только надо поберечь.

Так я прошел по лесу еще около двух часов. Время от времени ударом тесака я делал насечки на древесной коре, чтобы облегчить себе путь назад. Неожиданно впереди послышался странный шум. Он раздавался через неравные промежутки времени, как будто кто-то протискивался среди кустов, с треском ломая ветви.

Стараясь ступать бесшумно, я двинулся вперед. Это могло быть что угодно, и, если это были плохие новости, я хотел их знать раньше, чем они узнают обо мне.

Треск веток становился все ближе. Я, конечно, не мог быть в этом до конца уверен, но скорее всего, причиной шума был не человек.

Осторожно выйдя на опушку, я увидел в утреннем негустом тумане, как на противоположной стороне яростно раскачиваются ветви кустарника. Слышался треск, стук копыт и гневный храп. Я вынул тесак и осторожно подошел ближе, вглядываясь вперед.

Крупный олень бодался с зарослями кустарника. То, отходя назад, то бросаясь грудью на ветки, он ожесточенно сражался с кустами, как будто это были его соперники во время гона.

Так-так. Похоже, он забрел случайно в эти проклятые леса, и сошел со своего оленьего

ума. Ему кажется, что он сражается на осеннем турнире со своими сородичами, а на самом деле — ломает ветки кустистого тиса своими, толком еще не отросшими, рогами.

Бедолага... Самое лучшее, что я мог бы сейчас сделать — зарезать его, чтобы не мучился. В таких местах как это, такое случается постоянно — и люди, и животные просто сходят с ума, набрасываются на всех подряд или, раз рядом никого — на деревья, кусты, начинают драться и либо принимают смерть от сородичей, либо теряют в бесплодной борьбе все силы и губят сами себя.

Также тихо, как и пришел, я отступил от места последней битвы оленя с иллюзиями. У меня тут свои дела. Вскоре шум затих у меня за спиной.

Становилось ветрено. Хмурые свинцово-серые тучи огромными ключьями неслись по небу. Несколько раз приступал дождь, но, пощелкав по молодой листве косыми крупными каплями, вскоре прекращался. Лес поредел, и вскоре передо мною открылось холмистое поле с разбросанными по нему деревьями. Теперь, чтобы поставить зарубку на очередном дереве, приходилось идти к нему специально, а не ставить их походя.

Местность стала неровной — поднимаясь на очередной холм, с него я уже видел следующий, на который только предстоит взойти. Идти становилось все тяжелее. На равнине нет корней деревьев, зато полно старой, сухой травы, а это еще хуже. Как жаль, что сюда нельзя приехать на лошади...

Не все звери сходили с ума в Мертвых землях. Несколько раз из-под ног у меня взлетали куропатки, пару раз видел зайца, а в небе кружили ястребы. А растениям тут вообще раздолье! Дубы и вязы чередуются с зарослями орешника и тиса, на открытых пространствах бодро зеленеет молодая трава. Хаос — хаотичен. Непонятно, как он отбирает свои жертвы. Можно было бы подумать, что хуже всего тут приходится более умным и развитым, ведь чтобы свести с ума — надо чтобы у пациента *был* бы какой-то разум. Но — нет, все работает немного по-другому. Безумие может поразить и растения, и самых примитивных животных. Я видел в таких местах горизонтальный лес — огромные дубы росли горизонтально, опираясь на землю ветвями. Помнится, мне пришлось его обходить — продрагаться там было почти невозможно. Видел шары из дождевых червей — они вылезали из земли и буквально на глазах собирались в жуткую сферу размером с футбольный мяч. Видел птицу, с размаха влетевшую в землю. Встречал и вовсе невообразимые вещи. В общем, создания с отсутствием интеллекта тоже поражаются этой дрянью, но, в целом, чем разумнее существо, тем скорее оно сходит с ума. Те же лошади, в среднем, выдерживают полдня, потом сбрасывают с себя всадников и с диким ржанием уносятся куда-то. Впрочем, редкий всадник выдержит тут полдня, без защитного амулета обычно хватает и пары часов...

И, в то же время — есть люди, которые могут находиться тут более-менее постоянно, без каких либо последствий. Ну, как люди — человек. Я так могу. Больше никто. Насколько я знаю, никто.

Второй день подходил к концу. Дважды пришлось пересекать ручей, причем, кажется, один и тот же. Чтобы не мочить ноги, я в одном случае, не пожалев времени, свалил тесаком небольшое дерево, перекинув его через ручей, а в другом — шел вдоль ручья, пока не нашел запруду из валежника. Воспользовавшись случаем, набрал воды в деревянную походную баклажку. В тихо струящемся потоке отразилось мое лицо — худошавый «молодой господин», со впалыми щеками, острым, чуть крючковатым носом и колючими серыми глазами, заросший в походе неопрятной жидкой бороденкой. Надо будет сбрить этот позор немедленно, как вернемся в город!

Кинув пару пригоршней ледяной воды в лицо, пригладив взъерошенные, мышинного цвета волосы, я поспешил дальше вперед.

Все это несколько сбило меня с курса, так что я решил поднажать и не останавливаться на обед. Поисковик уверенно давал направление на юго-запад, и это вселяло надежду на успех. И вот, поднявшись на один из холмов, я вдруг увидел впереди гигантскую котловину — воронку от титанического заклинания, примененного два тысячелетия назад в грандиозной битве с силами хаоса. Возможно, оно и сделало эти земли мертвыми. Судя по показаниям амулета, искомые развалины я найду где-то в центре этой лощины.

Остановившись на краю низины, я решил заночевать здесь. В сумерках все равно ничего не найду, да и сил уже нет.

Утро выдалось ветреным, и неожиданно солнечным. Золотые лучи осветили кроны гигантских вязов, шумевших молодой листвой, спустились ниже, и, наконец-то, здесь стало тепло. В такие минуты начинаешь хорошо понимать местных, чья религия — поклонение Свету. Очень не хотелось оставлять залитый солнцем склон и спускаться в темный и сырой распадок, но выбора не было. Вздохнув, я начал карабкаться вниз, цепляясь за пучки прошлогодней, сухой травы и кусты.

В низине еще клубился утренний туман. Огромные изувеченные дубы выплывали из него одно за другим, как призраки того ужаса, что творился здесь когда-то. Вскоре мне стали попадаться деревья, растущие корнями вверх — характерный признак отравления скверной хаоситов. Дальше виднелись топи, заросшие камышом. Лезть в болото не хотелось, но еще меньше я желал бы обходить его стороной, ведь это могло бы занять неделю. Вырубив тесаком жердь, я повесил на нее сапоги и двинулся вперед.

Идти было тяжело. Песок под ногами сменялся то на скользкую глину, то на черный, вонючий ил, то темно-коричневый торф. Но, на самом деле, все это тоже терпимо. Главное, найти сухое место для ночлега.

Болото все не кончалось. Не окажется ли, что артефакт затоплен где-нибудь на дне? Вот это будет совсем скверно!

День клонился к вечеру, когда я, наконец-то, вышел на твердую землю.

Заросшая травой и кустарником равнина, недалеко — группа холмов. Амулет недвусмысленно вел меня туда.

Надев сухие сапоги и воткнув жердь вертикально, чтобы быстрее найти место, где вышел на берег, я зашагал вперед. Должно быть уже близко. Скоро перспективы моей миссии станут ясны.

И тут я наткнулся на них.

* — рюгта — примерно 4,5 метра

** — ландмиля — около 7,5 км.

Глава 3

Это были останки людей, погибших, наверное, несколько лет назад. Один, безголовый, лежал на боку рядом со своим черепом, в глазнице которого застрял кинжал. Другой поодаль — с разрубленным плечом, так что голова и рука валялись отдельно. Еще подалее третий, — изрублен просто в хлам, отсутствуют рука и обе ноги, тело разрублено, ребра раскрошены, череп тоже неизвестно где. В общем, картина жуткая, даже через несколько лет после убийства. Лежали они, видимо, в том порядке, как их застигла смерть — ведь тут нет ни медведей, ни волков, растащить кости просто некому.

Одежда убитых более-менее сохранилась — не настолько, чтобы снять ее и натянуть на себя, но достаточно, чтобы понять — это были отнюдь не вилланы. Один из них, тот, что лежал на боку, носил прекрасный пластинчатый доспех, покрытый серебром и медью. Ему-то и зарядили в глаз кинжалом — и правильно сделали, проткнуть такой доспех нереально. А потом, как будто пять дюймов стали в мозгах убийцам показалось мало, еще и голову отрубили!

Я попытался достать клинок, но он прочно застрял в глазнице, пришлось сначала расшатать его в черепе. Да, судя по слою ржавчины на кинжале, произошло все 2–3 года назад. Кинжал работы мастеров из Флиссингена, но это ни о чем особенно не говорит — их продают по всей Империи и в королевствах. Неплохой металл, пригодится. Жалко, ножен нет.

Я окинул взглядом поле с мертвецами, еле заметными в траве. Интересно. То, что заходить сюда опасно — да что там опасно — это просто верная смерть! — известно давно и повсеместно. Что привело сюда этих людей? Как они смогли зайти в Мертвые земли так далеко? Они должны были погибнуть намного раньше, не пройдя и трех лиг по этим пропитанным безумием лесам.... И что вообще они тут делали — решили умереть в мучениях?

Так-так-так. Если они зашли сюда так глубоко, у них должны быть защитные амулеты. Обычно их носят на шее, реже — в виде браслета, совсем редко — перстня. И это — редкие и дорогие штуки. И очень маленькие. Все, как я люблю.

Я обошел вокруг поле, на котором лежали скелеты. Внимательнее осмотрел каждого из мертвецов. Ничего похожего на амулеты не обнаруживается. Нет и кошельков с деньгами, и обычных для воинов украшений — ни золотых цепей, ни украшенных поясов. Поясов, кстати нет вообще — и это странно. На поясе носят и кошелек, и кинжал, и меч, и он же — основное украшение. И, главное — ничего похожего на оружие, которым их искромсали. Тут должен быть большой меч или топор — не кинжалом же изрубили того бедолагу без ноги!

Так, а это что?

В десяти шагах от меня стоял сундук. Заросший со всех сторон высокой травой, он не сразу был мною замечен. Здоровая штука, окована железом, сразу видно, очень тяжелый, и, когда-то, прочный. Деревянная основа почти полностью сгнила — только железная окантовка позволяет ему еще сохранять форму. Крышка, видимо, была открыта, потом отгнила и отвалилась от петель, и теперь лежит рядом.

Перевернув крышку, я осмотрел ее снаружи. На ней может быть имя владельца, родовой

герб, или еще какие-то признаки, позволяющие понять, что это и кому принадлежало.

Ндаа... Навершие сундука, должно быть, когда-то действительно имело маркировку, но сейчас все изъедено ржавчиной. Поскребя ее концом свеженайденного кинжала, чтобы не тупить собственный, я не добился никакого путного результата. На крышке сундука было изображение, похожее, возможно, на крест или... чертова ржавчина... Топор? Молот?

Так-так-так. А не в этом ли сундучке хранилось то, за чем меня послали?

Достав амулет, я поволил им возле сундука. Сигнал везде был максимальный. Амулет на таком близком расстоянии уже не помогал — рубин светился очень ярко в любом направлении. Придется искать самому! Я могу пошарить вокруг, попытаться найти какие-то признаки артефакта. Древние развалины, могилу, курган, мастабу, тайник — но был почти уверен, что это бесполезно.

Мои напрасные изыскания прервала надвигающаяся ночь. Придется устраивать привал прямо здесь — надеюсь, мертвецы не обидятся!

Я устало опустился на землю. Три дня не разжигал я огонь, не грел свою пищу, не сушил ни одежду, ни сапоги. Поэтому, первым делом я развел костер и поставил сушиться обувь. Давно уже надо было завести, кроме сапог, еще и кожаные обмотки. Их и сушить намного быстрее и легче, и дорожные сапоги не снашиваются в дальних пеших переходах.

Прикончив остатки мяса, я попытался заснуть, но сон не шел. Человек я невпечатлительный, но, трое мертвецов под боком и рой мыслей в голове никак не способствовали полноценному отдыху. Кто они? Как оказались здесь без амулетов? И где их оружие?

Лишь к утру я провалился в вязкий, наполненный сновидениями сон.

Утром я с трудом раскрыл веки. Голова болела, как с перепоем. Всю ночь меня мучили кошмары, но вспомнить, о чем они, я не смог.

Размочив в воде пару сухарей, я торопливо позавтракал и начал свои поиски.

Обойдя окрестности по спирали, я нашел еще двоих. Это, вероятно, были слуги. И, наконец, у подножия одного из холмов я увидел полузаваленный проход. Похоже, сундучок-то вынули отсюда! Вот и обрубленные ветки кустарников валяются рядом — это грабители расчищали проход вниз.

Узкий лаз внутрь кургана был сделан явно не просто так. Быстро сделав факел, я спустился вниз. Как я и думал, тут было подвальное помещение. Я прошел через небольшой узкий зал и оказался в темном коридоре.

Тут было темно и, как ни странно, сухо.

Я готовился копать проход, выдалбливая камни в древней кладке и разбирая тысячелетние завалы. А тут — все уже сделано... и, кажется все уже похищено до меня.

Для очистки совести я обшарил окрестности в поисках других тайников, но тщетно.

Итак, картина вырисовывается следующая. Небольшой отряд, три или четыре года назад, совершил дерзкую, но хорошо подготовленную и продуманную попытку пройти Мертвые земли и забрать здесь какую-то ценную вещь, возможно — ту самую, за которой пришел сейчас я. Они знали какую-то сильную защитную магию, что позволила им углубиться в мертвые земли очень далеко — намного дальше, чем это могли бы сделать неподготовленные люди. Но у цели их постигла неудача — защитные чары развеялись, и, свихнувшись, они перебили друг друга. Или нет?

Сумасшедший не стащил бы с трупов ценные вещи и эту шутку из сундука. Нет, эти люди знали что делали!

Как бы там ни было, а надо возвращаться. Цель не достигнута. Но такое бывает — вроде амулет указывает нужное место, а приходишь — там ничего нет. Похоже, артефакт утрачен для Церкви навсегда. Надеюсь, у нас с Эйхе не будет проблем с начальством из-за этой неудачи....

С сожалением я смотрел на серебристый доспех на безголовом трупе. Вот бы что отсюда забрать! Но, утащить такую тяжелую штуку отсюда, пожалуй, нереально. Впрочем, покойник его как-то носил!

Я начал терзать застёжки. Заскорузлая кожа поддавалась с трудом, но, все же, где растегнув, где разрезав, удалось избавиться от застёжек. Сняв, наконец, доспех с мертвеца, я внимательно его осмотрел. Если я что-то понимаю в панцирях — а я таки что-то понимаю, доспех отличный. Кое-где на серебристой поверхности выступают пятнышки ржавчины, есть вмятины и царапины, ну да это ерунда. Нормальная защита, не парадная, не турнирная, именно так и выглядит. Пластины толстые, на груди, наверное, 2,5–3 мм, на спине в два раза тоньше. Манера, в которой выполнен доспех, мне незнакома. Ни разу еще такого не видел — большая шестиугольная пластина на груди, вокруг пластины поменьше, тоже шестиугольные, внахлест друг на друга. Рукава на 2/3 руки, на правом предплечье — наруч. На левое предплечье наруча нет, его должен защищать щит.

Непривычная конструкция. У нас доспех — это кольчуга с коротким рукавом. На руки натягиваются кольчужные рукава с перчатками и пристегиваются к рукавам кольчуги. Сверху — шлем с просторным кольчужным ожерельем, прикрывающим плечи. Всадники надевают еще и кожаный жилет, простеганный прямоугольными стальными пластинами. А тут все совсем по-другому...

Найти герб владельца на доспехе так и не удалось. Впрочем, это к лучшему — никто не обвинит в краже. А вот клеймо мастера обнаружилось сразу — и, судя по всему, произвели доспех в Идернии.

Редкая птица в наших краях! Идерния и Бастонь — королевства, отделенные от земель бывшей Империи непроходимыми горами. Когда-то был сухопутный путь через Перевал мерцающих огней, но сейчас там Проклятое место. В общем, сухопутного пути нет. Купцы плавают в эти королевства через Море Клык, и вроде бы, даже наловчились делать это с приемлемыми потерями. Но все равно, товары оттуда редки и дороги.

Непростой, очень непростой был владелец этого доспеха. Мог позволить себе переплатить втрое за качественную и редкую вещь. У них там, за перевалом, куют самую лучшую сталь, покупая болванки у гномов. Нам приходится обходиться тем, что есть.

Лучше всего было бы надеть доспех на себя. Так вес равномерно распределится по телу. Только сделать это, конечно же, не удастся. Была бы это обычная кольчуга, которую натягивают, как свитер — надел бы без проблем. А эти ремешки я на себе не застегну — тут нужен оруженосец.

Ладно, сверну его в плащ и закину за спину, как мешок. Тяжело, довольно неудобно, придется часто останавливаться на отдых. Но, мы ведь никуда не торопимся! Ради такой классной штуки стоит потерпеть. Жаль, казенную лопату придется оставить тут...

Наконец я уложил доспех в свой плащ, скрутил и завязал узел. Закинув за спину импровизированную котомку — тяжело, килограмм под 30 — я заковылял в обратный путь. Хорошо, что не пришлось тащить еще и этот молот, я все-таки не лошадь! А впереди еще путь через топи...

Теперь главное — не заблудиться. В полях это нетрудно — я вижу свои следы по

примятой траве. В лесу все сложнее. Зарубки на коре деревьев я, конечно, оставлял, но их еще надо найти.

Обычно обратный путь кажется короче. Но не в этот раз. Как тяжело... Смогу ли я донести его? Ведь впереди еще и болото! Может, все-таки попытаться его надеть?

Я развернул его снова, накинул на себя, продев голову в горловину. Нет, с боковыми застежками я не справлюсь.... Но ничего, можно подвязаться поясом, и попробовать идти так. Не очень удобно, длинные «фалды» мешают шагать, но сколько-то пройти я смогу. Зато плечи пока отдохнут.

Кто все-таки этот владелец серебряного заморского доспеха, что не наденешь в одиночку? Не простой воин, это понятно. Доспех дорогой и очень-очень редкий. Меч и пояс, видимо, тоже — убийцы не зря их забрали. С доспехом не стали возиться — торопились покинуть Проклятые земли. Но неужели дело было настолько важным, что знатный герр отправился сюда «in person»? Трудно поверить, что какой-то граф или барон добровольно попрется в эти безрадостные места, рискуя сойти с ума или получить топором по башке от свихнувшегося спутника.

Чертовы топи встретили меня равнодушной, черной от торфа водой. Шест торчал на том месте, где я его воткнул. Только вот воспользоваться им теперь я не смогу — куль с броней мешает. Как хорошо, что я нашел ту тропу, по которой сюда добирался!

И вот я снова тащусь через это треклятое болото... Замучившись с болтавшейся по телу броней, переложил ее сначала на одно, потом на другое плечо, а затем и отправил за спину, завернутый в плаще. Все три варианта переноски доспеха оказались в равной степени, хотя и по-разному, неудобны. Много раз я боролся с желанием сбросить этот груз с плечь прямо в болотную тину. Прошла, казалось, вечность, пока я топал по болоту, хлюпая трясинной и чертыхаясь. Но, все однажды заканчивается — или дорога, или силы. Уже в сумерках я увидел края котловины, вздымавшиеся на добрый десяток рюгт**. На склон я взобрался из последних сил, цепляясь за кусты свободной рукой. Пришлось делать это дважды — сначала поднял куль с доспехом, потом — оружие и остальные свои вещи, и без сил повалился на землю.

На этот раз надо развести огонь. К счастью, трут огнива не отсырел.

Сухарей у меня оставалось мало. Мяса не было вовсе. Похоже, я ужинаю тут в последний раз.

Сколько раз я уже задумывался о том, что необходимо оставлять на маршруте провиант, и, возвращаясь, подбирать его. Но нет, каждый раз одно и то же — думаешь, что обернешься быстро, а выходит наоборот.

Потом я два бесконечно долгих дня пробирался по лесу к лагерю, выискивая зарубки на стволах дубов и вязов. Я всегда стараюсь выходить из Гиблого места тем же путем, как и входил в него, ведь так намного проще найти потом лагерь. Конечно, иногда тянет спрямить дорогу, но с этим искушением надо бороться — заблудишься, и кранты. От голода было крайне тоскливо, чувствовалась слабость до шума в ушах. Кхорнов доспех, Нургл его дери, казался уже неподъемным. Неужели придется бросить такую вещь?

Лишь на третий день я вышел на ту поляну, где олень героически сражался с тисом. Бедолага был здесь, и, как ни странно, еще живой. Он лежал, судорожно дергая копытами, в закатившихся безумных глазах его стоял дикий ужас. Его еще мягкие, покрытые замшей рога были ободраны и кровоточили.

Я подошел ближе. Склонился над дрожащим рогачом, положив руку на холку. Достал

нож.

— Прости. Надо было сделать это раньше — произнес я, с содроганием перерезая ему горло.

Густая темная кровь толчками потекла на землю, растекаясь по прошлогодней листве. Глаза оленя, карие, с темными овальными зрачками, вскоре стали мутными и безразличными.

До того, как появиться здесь, мне не приходилось никого убивать. Не могу привыкнуть к этому чувству — когда лишаешь жизни, тебя будто током бьет через клинок. Пока мне приходилось резать только животных, но, чувствую, это до времени. Однажды дойдет и до людей, и то, неизвестно еще — кто кого...

— А теперь, дружок, услуга за услугу — давай, делись своими запасами!

Я вскрыл брюшину, стараясь не пропороть рубец, чтобы зловонное содержимое оленьего желудка не запачкало другие внутренности — отмыть их будет нечем. Вырезал печень, не сразу найдя ее среди другой требухи, и, торопливо собрав сухие ветки, раздул пламя костра. Долго пытался оттереть с пальцев кровь и желчь, но преуспел лишь частично. Никогда еще жесткая, несоленая, странно пахнущая оленина не казалась мне такой вкусной...

Теперь можно было не торопиться. Вдоволь отдохнув, остатки пути я проделал гораздо бодрее.

К лагерю я вышел примерно в полдень восьмого дня. Перекинув свой груз через кучу булыжников, когда-то бывшую стенкой, сначала почувствовал запах дыма, а затем увидел огонек небольшого походного костра.

Наконец-то.

Глава 4

— Кхорн возьми, Энно! Мы уже думали уходить! Где ты шляется?

От огня поднялась высокая фигура рыцаря. Сидевший рядом Стусс картинно взмахнул руками, благодаря Свет Неизбывный, что наконец-то их ожидание закончилось; и только Даррем дисциплинированно продолжил вращать вертел.

— Спешил, как мог. В этот раз все оказалось непросто, командер.

— Да уж. Дольше вы ходили только в Нульнском лесу!

— Наверное. Только там было полно вполне съедобных орехов, и рыба в Рейке размером с руку. А здесь пришлось затянуть пояс!

— Вы нашли Тереллину эту штуку?

Я присел на свой куль с доспехом, вытянул ноги к пламени костра.

— Нет. Не удалось. Похоже, кто-то утащил ее ранее.

— Не удалось? А принесли вы что?

— Это трофей.

Я показал ему добытые латы. Эйхе впечатлился.

— Отличная вещь для риттера! И очень редкая! Не припомню, чтобы видел такое, а я много чего повидал.... Только вам, Энно, они ни к чему.

— Отчего же?

— Видите, пластины нахлестывают друг друга снизу вверх. Так делают, когда хотят защитить всадника от ударов снизу. Ты же не умеешь сражаться на коне!

— Надеюсь научиться у тебя, Рэйвен.

Рыцарь скептически посмотрел на меня.

— Ты толковый парень, Энно, но — вряд ли. Видите ли, этому обучают с детства. Меня посадили в седло в четыре года, и тогда же надели доспех, который до меня носили три моих старших брата. И они учили меня всему, что сами они узнали от нашего батюшки. А в шесть я рубил деревянным мечом дворовых динстманнов, которых выстраивали в ряд, как вражеское войско!

— Оу. И много зарубил?

— Ну, старику Вильгельмину, помнится, я здорово пробил голову. Пришлось им на время тренировки одевать хуки, а то мы бы остались без сервов. Ну, а потом мне слепили глиняного болвана, и несколько соломенных чучел. Братья таскали их по полю на шестах, а я гонялся за ними на пони и рубил так, что сечка летела. И так — каждый день, кроме праздников, на протяжении пяти лет. Нет, Энно, драться верхом ты не сможешь уже никогда!

— Ну, может быть, его можно продать...

— Само собой, если только его не признают собственностью Церкви.

— Нет. Он не из храма. Это снято с трупа грабителя.

Я рассказал, что увидел в Гиблых землях. Меня слушали с жадным интересом, задавая множество вопросов. Всем всегда интересно, что же происходит в запретных для людей местах.

— Грабители могил перебили друг друга? Туда и дорога! Но как они туда попали? — удивился рыцарь.

— Право, для меня это загадка.

— Может, неслись на лошадях вскачь, чтобы обернуться побыстрее? — предположил Стусс.

— Валлет, вы же слышали, там надо идти через болото. Какие лошади? Какой галоп?

— Может, они зашли с другой стороны?

— Может. Но тогда они шли из земель орков, да еще и намного дальше, чем прошел наш юнгер. Конечно, это возможно, но выглядит форменным безумием!

— Вот где угодий вдоволь — оживленно толковал о своем Даррем. — И луга, и лес, и дичь, и пахота! И все пропадает зря! Иметь бы там фригольд побольше, — вот было бы славно! Никаких других богатств не надо.

— Да уж. Сильно подозреваю, что мой лен остался именно там. А может, даже аллод! — иронично откликнулся Эйхе.

Но я уже имел кое-какие представления о здешних реалиях.

— Увы, были бы эти земли доступны, за них бы уже шла драка. А в результате, появилось бы новое баронство с ленниками. Никаких фригольдов, никаких аллодов. Кстати, о драках. Может быть, уделите мне немного времени? Я давно не тренировался!

— Пожалуй. Я тут совсем околел от безделья. Можем устроить это, пока Стусс и серв собирают лагерь. Но как жаль, что вы не нашли артефакт!

Мне тоже жаль, Ренн. Нам была обещана весомая награда — три рейксталера ему и один — мне. А вот, в итоге — ничего.

Серв и оруженосец быстро собрали лагерь — раскидали небольшой шалаш, покрытый ветками и походными плащами, оседлали славно отдохнувших коней, и отправились снимать силки. Я поставил сапоги и верхнюю одежду сушиться, оставшись в одной камизе.

Как раз есть часик помахать железом.

Надеваю кожаный колет. Хоть какая-то защита. Достаяю щит — небольшой, дюймов 17 в диаметре, круглый баклер, с добротной железной окантовкой. Всегда беру его в монастырском арсенале, когда отправлюсь «в поиск». Своего щита у меня пока нет.

— Возьми себе меч Стусса, а то поцарапаешь себя своим же тесаком. А его оружие тупое, как и он сам.

— А ты чего, будешь со своим мечом?

— Ну, я-то никому ничего не отрублю, если не захочу этого!

— Он тяжеленный! Ты мне щит поломаешь.

— Ладно, обмотаю лезвие.

Мы надели хауберки с ожерельями и вышли на ровное место.

Рыцарь махнул пару раз мечом, разминаясь. Я покачивал в руке мечом Стусса, привыкая к его балансу и весу. Клинок не внушал доверия, но для тренировки — самое то.

Безо всякого предупреждения Эйхе вдруг бросился на меня. Я инстинктивно подставил щит под его удар сверху. Раздался глухой удар по щиту, и тут же выше колена меня коснулось железо.

Эйхе стоял, держа острие меча у моей ноги.

— Сколько раз говорить, когда поднимаешь щит, не забывай про ноги. Противник только этого и ждет! Продолжаем.

Обмениваемся ударами. Стараюсь быть осторожным. Но при очередном размене рыцарь бьет по моему мечу так, что он отлетает, выпав из рук. Удар пришелся рядом с запястьем.

— Говорю еще раз, Андерклинг — прежде всего, следует научиться отбивать удар. Нет большой хитрости в том, чтобы рубануть врага сверху. Но надо сделать это так, чтобы тебе при этом не отсекали ни руку, ни ногу!

Снова сходимся.

— Займи устойчивую позицию. Так, чтобы ты мог и уклониться от атаки, и атаковать сам. Согни колени! Ты должен быть готов к любому действию врага!

Удары Эйхе чудовищно сильны. Пытаюсь провести удар «под щит», но все без толку, я постоянно попадаю по его окованному краю, отчего дерьмовый меч Стусса дико вибрирует, отдаваясь болью в пальцах.

— Нападай! Или ты ждешь, пока ноги не дадут корни?

Нападаю. Ххрясь! В глазах искры. Рот наполняется соленой кровью. Эйхе врезал мне щитом по физиономии!

— Ренн, Кхорн тебя дери! Ты выбил мне зубы!

— Ха! А ты думал, они у тебя навечно?

Эйхе весело скалится, с одной стороны у него тоже нет зубов, ни на нижней челюсти, ни на верхней.

— Когда ты научишься защищаться? У твоего врага, конечно, будет щит. И он может прилететь тебе в голову!

И снова, гад, нападает!

Прячусь за щитом, втягивая голову в плечи. Поднимать щит под удар — тоже не вариант — прилетит по ногам чуть быстрее, чем сразу.

— Чего ты опять встал? Так бой не выиграть!

Машу мечом, пытаюсь поймать его руку. Куда там... Внезапно он оказывается совсем

близко. Мое оружие оказывается зажато между его щитом и мечом. Раз — и клинок вылетает у меня из руки. В запястье — острая боль.

— Стой! Ты мне руку сломал!

— Вряд ли.

Эйхе спокойно отступает, оценивающе смотрит на меня.

— Ты запыхался. Отдохни, и продолжим.

— Пожалуй, на сегодня все.

Осторожно ощупываю языком свои зубы. Один точно вылетел. Губы разбиты и болят. По заросшему подбородку катятся крупные капли крови. Вот Кхорн!

Хауберк не особо от чего защищает. Шлем нужен, нормальный глубокий шлем. С переносом и авентайлом.*

Рыцарь скинул с себя кольчужный капюшон, убрал в седельную суму и подошел ко мне.

— Дай-ка гляну.

Я протянул ему руку.

— Чепуха. Она не сломана. Поболит и пройдет.

Что перелома нет, я и сам уже понял, но сустав быстро отекает. Растяжение.

— Ты слишком мягкотел, Энно. В бою надо сражаться за свою жизнь, даже если тебе что-нибудь отрубят!

— Уверен, что ты так и сделаешь. Даже если тебе отрубят голову. Все равно она тебе без надобности. Где мне теперь взять новый зуб?

— У тебя их еще много!

— Ага. По одному на тренировку.

— Пустяки. Ну, будешь растирать себе ячмень в мелкую кашу, как Пресветлый отец Клементин. Говорят, очень способствует воспитанию смирения и дисциплине. Ха-ха-ха!

Вот сволочь. Хорошо ему — он вольнонаемный. Может пить, гулять, путаться с женщинами. А я — «монастырская крыса», так что слова «смирение» и «дисциплина» — это все именно про нас, Кхорн побери.

Вдали показались наши спутники, и мы, не дожидаясь их, неторопливо тронулись в обратный путь.

Стусс и Даррем вскоре нагнали нас. К седлу серва было приторочено несколько куропаток, которых он на ходу ощипывал. Нам предстоял неблизкий путь, и не хотелось терять лишнее время на привале. Тем более, мы все очень хотели вернуться в город как можно быстрее.

— Как думаете, Энно, доберемся мы назад за две седмицы?

— Навряд ли. Мы сюда ехали больше трех!

— А если свернуть с торных дорог и пойти напрямик? Через леса и поля?

— Зачем нам это?

— Затем, что прекрасная Агнес скучает там, в Андтаге. Я обещал воротиться ко дню Пресветлого Адеоданта, а придем мы, благодаря одному беззубому гробокопателю, дней на пять позже.

— Смирение плоти способствует просветлению, как учит нас мать-церковь!

— Объясни это моей любовнице. Чувствую, еще седмица, и она с немалой благосклонностью отнесется к тому купчишке с Улицы Горшечников... Давно надо было ему что-нибудь сломать!

— Ничего. Найдешь себе другую. У тебя это хорошо получается.

— Да? Без мужа, с бесплатной квартирой и лицом, не как у гоблина? Наш Андтаг, конечно, велик и славен, но, ни одна другая дамуазель не сможет выполнить три эти условия одновременно. Поверь мне, я проверял!

— Ну, поживешь пока в монастыре!

— Отлично. Лекарство хуже болезни. Туда вообще не пускают женщин, а Стусс мне почему-то постоянно отказывает. Да, герр оруженосец?

Бедняга Стусс застыл в ужасе вместе с лошадьё, но, услышав наше ржание, успокоился.

На ночном привале рыцарь, однако, вернулся к этой теме.

— Seriously, Энно! Мне надоела эта кочевая жизнь! Раз ты умеешь находить путь в диких землях, давай поедem напрямик! Ты же сам говорил, что если идти не дорогой, а полями, то Оденельштадт вдвое ближе, а там и до Андтага — рукой подать!

— Ренн, по карте, конечно, да. Но мы-то пойдem не по пергаменту, а по реальным буеракам. Там могут быть и гоблины, и кхорновы бароны-фрайхеры, и бриганды. Ну зачем искушать этих добрых людей? Наши лошади, хоть и не лучшей породы, но тоже стоят денег. Не хотелось бы прийти в Андтаг пешком! Старик Гонорий, наш добрый конюший, сильно огорчится.

— Ну, гоблинов в этих краях сейчас нет. По весне они сидят в своих норах, в набеге уходят ближе к осени. А владельцы должны будут пропустить нас своими землями, мы же все-таки отряд церкви!

— Ага. Если не попадешь на сигмарита или ульрикийца. Когда я ездил с инквизиторами, наслушался всякого....

— Для человека, чья доля — шариться в Гнилых землях, ты слишком осторожен!

— Коммандер, к осторожности не применимо слово «слишком». В Гнилых землях проще, там меня никто не повесит. А если попадемся поселянам, которые решат, что мы — недобрые люди, нас, сам знаешь, не просто вздернут! Будет все намного хуже!

— Не стоит поддаваться унынию. Это ведь грех? А нам, как слугам Света, не пристало грешить! Мне приходилось сходить с торных путей, и как видите, до сих пор я жив и здоров. Ничего страшного там нет, скорее, наоборот. Вот дороги как раз и привлекают всякую нечисть — бригандов, гоблинов, раубриттеров, и не в меру рьяных коннетаблей. А в глубине земель живет народ простой и бесхитростный — покажешь им штандарт с солнцем, и они сразу бьют поклоны.

— Рыцарь, вы коммандер отряда. Вам решать. Прямо, так прямо. Но прошу запомнить, что я был против!

— О, не беспокойтесь. У меня прекрасная память, уверяю вас.

— Это до первого удара дубины. Потом все на свете забудете. Уверяю вас!

Наутро мы сверились по солнцу и свернули с дороги в сторону города Оденельштадт.

В сущности, рыцарь оказался прав. Идти полями, если ты верхом, немногим сложнее, чем по заброшенной дороге. Дичи вокруг оказалось довольно много, только вот не было времени за ней гоняться.

Только на четвертый день мы увидели следы присутствия людей — сначала пастбище с коровьими лепешками, а потом и небольшое поле с едва взошедшим овсом. На другой день увидели и деревню — Даррем съездил туда и справился, правильно ли мы держим путь. Как я и думал, поселяне ничего ему толком не сообщили.

— У них там только двое ездят в город и знают туда дорогу. Городок Мортенау в паре дней пути.

— Мортенау? Мы прошли его стороной, когда ехали сюда. Направление правильное. А что за деревня? Вольные вилланы или чьи-то сервы?

— Тут — вольные. Но земли принадлежат какой-то шишке из городского совета. Они платят аренду.

— И много?

— По нашим меркам — гроши.

Обычное дело в отдаленных местах. Только вот при этом поселян никто и не защищает. Если придут любые враги — их просто вырежут, а землевладелец потом найдет новых арендаторов. Се ля ви.

Через пару дней местность стала совсем обжитой. Поля и пашни теперь попадались чаще, чем пустоши и леса. Но и дичи стало меньше. А рыцарь Эйхе не любит путешествовать на голодный желудок, и я его в этом полностью поддерживаю. Да и остальные придерживались того же мнения.

— Давайте заедем в ближайшую деревню и купим хотя бы хлеба! — воскликнул Стусс, плохо переносивший полевую жизнь.

— Прекрасно. Найдите его, и добудем хлеба. Я даже готов заплатить — сообщил Эйхе, посмотрев за подкладку своего пояса. — Овса тоже нужно, а то наши клячи не дотянут до Андтага. И еще я хочу перековать лошадь!

Вскоре Даррем заметил следы стада. На рысях мы пошли на его поиски, ориентируясь на свежие кучи навоза.

Мы нашли его на опушке старой дубовой рощи. Две дюжины поджарых, полудиких свиней паслись под дубами, азартно доставая из под прошлогодней листвы прошлогодние же желуди. С полсотни давно не стриженных, лохматых овец жевали молодую траву в поле рядом с лесом. Чуть дальше паслись коровы и козы.

Здоровый пес, злобный как Архаон, начал яростно лаять, лишь увидав нас, но благоразумно держался на отдалении. Эйхе на всякий случай достал из-за спины копье, и я сделал то же. Из-под дуба тотчас поднялась долговязая фигура.

Пастух вышел из-под кроны на яркое весеннее солнце, флегматично покручивая ремень пращи. Даррем махнул ему рукой с открытой ладонью.

— Отзови собаку, любезный! Мы не грабители!

Пастух негромко свистнул, и собака, присмирив, вернулась к овцам, продолжая со злобой коситься на нас. Оставив в покое пращу, парень подошел поближе.

На такую работу вообще часто берут разных маргиналов, но этот был совсем уж чучелом. Здоровый, с нескладной фигурой, мускулистыми руками, торчащими из-под овчинной безрукавки, в скверной войлочной шапке, из-под которой почти не было видно лица. Но при этом, почему-то, хорошо выбрит. Странный тип.

— Где тут селение? Нам надо купить припасы!

Пастух с секунду тупо смотрел на нас, потом махнул рукой в сторону.

— Не знаешь, у кого можно купить сыр?

— Ххырр хы, — пробормотал пастух и мрачно почесал в затылке.

— Эй, мужик! Ты когда разговариваешь с благородными, снимай свою шапку! — вмешался Стусс, воинственно взмахнув арапником.

— Ххы, — протянул пастух, но шляпы не снял. Похоже, сублильный юнец не произвел на него никакого впечатления.

— Да он немой, что с ним говорить — догадался Даррем. В деревню заедем, там все и

узнаем!

— Поехали, — рыцарь махнул рукой, и мы порысили между зеленеющими всходами в сторону села.

На подъезде мы увидели, что в селении что-то дымилось.

* Авентайл- кольчужная бармица.

Глава 5

Подъехав ближе, мы увидели, что дыма над селением заметно прибавилось, и был он сильно гуще обычного дымка от очага.

— А что там у вас, Тзинч возьми, происходит? — вежливо осведомился рыцарь у пожилого поселянина, сотявшего с готентагом на воротах. Тот бодро скинул войлочную шапку с седой головы.

— Ведьму жгут, герр кавалер!

Привстав на стременах, я увидел на небольшой сельской площади огромный разгорающийся костер и примотанную к столбу фигуру. Женщина, похоже, была еще жива, но потеряла сознание от дыма, и висела на веревках, сложившись почти вдвое.

Вокруг собралось удивительно много народу, как будто тут была не глухая деревня, а приличный городок. Поселяне весело смеялись и болтали, о чем-то бились друг с другом об заклад. Дети шныряли туда-сюда прямо под копытами лошади.

Миновав частокол, мы заехали в неширокие деревенские ворота. Подъехав к площади ближе, мы увидели, что приговоренную, судя по всему, решили сжечь на медленном огне. Сырой хворост сильно дымил и не разгорался, а несколько добровольных помощников палача, делая вид, что разводят пламя, похоже, специально его гасили. Я посмотрел на женщину у столба. Она была сильно выпачкана сажей, распущенные каштановые волосы заслоняли лицо, но даже сейчас было видно, что она довольно молода, и, по местным меркам, красива.

Странное место для аутодофе. Обычно такое происходит в городе, на главной площади, под звуки труб и фанфар, среди толпы народа, в которой шныряют лотошники и карманники, в присутствии фогтов и жрецов, а то и бургграфа. А тут — не пойми что, самодеятельность какая-то.

— Вы когда-нибудь видели такую ведьму? — спросил я рыцаря. Тот пожал плечами.

— Не приходилось. Обычно они старые и уродливые.

Да, ведьмы, как правило, в возрасте, и не блещут красотой. Все книги на эту тему (а их было три), прочитанные мною, говорили об этом напрямую. Да и те ведьмы, кого мне пришлось увидеть вживую, были непохожи на эту. А повидать их пришлось, пока служил охранником на судебных процессах.

Три года назад меня также могли спалить на костре, как и эту несчастную. И эта возможность до конца так и не закрыта. Эх... По-хорошему, держаться бы мне от всего этого подальше. Мне, конечно, все это ни к чему... но, с другой стороны...

У палача наконец-то начало что-то получаться. Языки пламени коснулись ног женщины. Она закричала глухим, сорванным голосом, и задергалась, пытаясь сбить огонь с одежды. Да Кхорн побери их всех!

— Давайте-ка снимем ее — тут что-то не так!

Рыцарь смотрел на костер и женщину на нем довольно-таки равнодушно.

— Стусс, идите, закажите нам хлеба. И справьтесь, нет ли чего-то еще — сыра или солонины! Даррем, надо будет напоить лошадей, найди тут колодец... и кузнеца!

Затем он обернулся ко мне.

— Мне, в общем, все равно, хотите — разбирайтесь, пока лошади отдыхают. Вы у нас церковник, вам и кости в руки!

Я подъехал к костру вплотную, растолкав крестьян.

Стражник с готентагом преградил мне путь.

— Убирайся с дороги, мужик! Эй, Даррем, погоди. С лошадьми еще успеешь, им все равно надо сначала остыть. Лучше отвяжи-ка ее!

Серв и оруженосец подъехали ближе. Стусс остался верхом, а Даррем, чертыхаясь, залез на кучу хвороста и перерезал веревки засапожным ножом.

Один из стражников полез было к нему, но тут Стусс без долгих разговоров врезал тому в спину чубуком копья. Белокурый засранец, надо отдать ему должное, любит подраться, и никакого повода не пропускает.

Стражники были вынуждены расступиться, зеваки вокруг отшатнулись от костра.

Даррем с трудом стащил бесчувственное тело вниз, и отбежал от костра подальше, кашляя и утирая слезы.

— Стойте! Стойте! Что это?

Судейский чиновник, с посохом и свитком под мышкой, торопливо ковылял в нашу сторону.

— Самоуправство! Кто вы и почему нам препятствуете? Мы творим правосудие во имя Света Неизбывного и Неиссякаемого!

За чиновником тем временем показались еще фигуры стражников с короткими копьями. Ну вот, начинается.

Пришлось выехать вперед.

— Слава Свету Неизбывному! Кто мы — вас не касается. А вот женщина эта на ведьму не похожа!

Ропот изумления пробежал над толпой поселян. Чиновник, однако, уже увидел флажок с изображением кометы и солнца на копье Эйхе, и сбавил обороты.

— Уважаемые господа, я старший помощник судьи округа Оденельштадт. Бейно Лазарикус, к вашим услугам. И уверяю вас, мы достоверно установили природу этой...

— По какому bestiariu?

— Простите?

Лазарикус смешался и покраснел.

— По какому bestiariu вы «устанавливали ее природу»?

— Мы используем... некоторые критерии, выработанные практикой. Испытание водой....

Женщину тем временем уложили возле обочины. Я скинул с луки седла свой серый плащ.

— Я так и думал. Даррем, укройте ее этим. А вы, любезный, не слышали прс постановление XVIII Мильхенбургского Собора по признакам ведьмовства?

— Мы давно...

— Какие признаки ведьмы достопочтенный Бендус Благополучный перечисляет в своем bestiarii? Это самый авторитетный источник на сегодняшний день, как и было установлено названным мною Собором!

— Ну... бородавки...

— Да, бородавки, лиловые и коричневые пятна на коже, лишай, и другие признаки тлена и разложения. В Bestiarii Теодульфikuса это объясняется неминуемым отравлением,

наступающим при постоянном общении с силами Тьмы. Мы что-то видим здесь? — я указал концом копья на тело женщины.

Никаких перечисленных мною признаков не было.

— Стусс, она вообще живая? Может, мы зря тут спорим?

Валлет ткнул женщину концом копья. Она пошевелилась.

Герр Лазарикус не собирался сдаваться.

— Мы провели испытание водой! Она — ведьма! Мы зафиксировали результат протоколом, подписанным всеми членами комиссии!

— Испытание водой? Этот архаичный способ не рекомендован авторитетными охотниками на ведьм! В частности, названный мною Бендус... Так, стоп, а вы вообще *кто*? Я бывал на всех конклавах инквизиторов в Великом герцогстве Виссланд, но вас я не помню!

Герр Бейно заметно занервничал.

— Мы направлены Советом господ Оденельштадта навести порядок в селениях, входящих в округ города....

— Так-так, любезный, я понял! Это решительно все объясняет! Ну конечно, откуда несведущему человеку знать, как все это делается? Ступайте, и объясните Совету господ, что для такой работы нужен квалифицированный охотник на ведьм, а не помощник судьи, видевший только карманников и скотокрадов. Вы тут пол — округи сожжете, а ведьма — настоящая ведьма — будет сидеть тихонечко, и хихикать над вашим «расследованием»! Кто конкретно обвинил эту женщину в колдовстве и в чем именно ее обвинили?

Помощник судьи Оденельштадта приободрился.

— Нас направили сюда разобраться в причинах падежа скота, затронувшего и стада горожан. На эту женщину показали больше дюжины поселянок, они видели, как она портила скот!

— Так-так. А мужчины среди обвинителей были?

— Нет. Но показания женщин учитываются в славном округе Оденельштадта не менее серьезно, чем мужские. Показания женщины равны $\frac{1}{2}$ показаний мужчины — серва, или $\frac{1}{4}$ показаний свободного горожанина, или $\frac{1}{6}$ показаний цехового мастера, или $\frac{1}{12}$ показаний олдермена....

— Ладно-ладно, довольно, мы уже поняли. Но все это не отменяет того непреложного факта, что женщины — суетные и мелочные создания, не способные управлять ни своими чувствами, ни своим разумом, не так ли? Отцы церкви нашей неоднократно отмечали это прискорбное обстоятельство в своих трудах, с которыми вы, как образованный человек, конечно, знакомы?

Лазарикус энергично закивал, понимающе осклабившись.

Я внутренне усмехнулся. Уж в чем — в чем, а в мужском шовинизме тут запросто сойдешься с любым существом в шосссах — хоть с прелатом, хоть с еретиком, хоть с орком!

— Так вот, о чем это я... Да. Бабы. Они, как известно — дуры. И им оговорить другую женщину — ну вот совершенно ничего не стоит. Особенно если им она не нравится. Скажем, ведет себя чересчур вольно, мужья чужие на нее заглядываются, вот это вот все...

Теперь уже кивал не только герр Бейно, но и стражники, и подошедший деревенский ратман.

— А выявить ведьму, на самом деле — непростая задача. И если мы будем основываться на таких шатких доказательствах, как бабы склоки, мы ничего не добьемся!

Лазарикус, похоже, заколебался, но все еще стоял на своем.

— Мы все доказали. Есть показания достаточного количества женщин. Осталось только сжечь ведьму, и моя задача будет выполнена.

Ах, вот в чем дело! Ему надо «сжечь ведьму», и можно ехать обратно в город. И сжечь ее надо непременно на месте — если он ее притащит в Оденельштадт, там могут ее забраковать. И отправится герр Лазарикус вновь шарахаться по деревням и весям.

— Значит так, любезный. Я, конечно, не инквизитор, но в допросах участвовал. Давайте-ка мы, скажем так, верифицируем ваши действия в этом деле.

— Простите? Не понял вас, — Помощник судьи от мысли о какой-то проверке его действий явно встревожился.

— У нас, конечно, мало времени, но, впрочем, его не так уж много и потребуется. Давай-ка, гребни сюда всех этих фрау, что давали показания на нее, я им задам несколько вопросов.

— К чему все это? У вас есть полномочия?

— О, не стоит благодарности. Считайте это просто братской помощью. Мы же одно дело делаем, не так ли?

По лицу Лазарикуса было видно, что он думает не так, и даже ровно наоборот.

— Не вижу никакой необходимости... — начал было он.

— Конечно же, не видите! Не видите сейчас. А вот после повторного допроса вы посмотрите на дело совсем под другим углом. Уверяю вас! Итак, где они?

Лазарикус нахмурился.

— Я по-прежнему не вижу в этом никакого смысла. У вас нет никаких полномочий проверять мои решения!

— Боюсь, что вынужден настаивать. И если вы не согласны, я просто возьму эту женщину под свою защиту, как невинно пострадавшую, заберу с собой, и буду вынужден представить от ее имени жалобу в церковную конгрегацию.

Герр Бейно задумался. Удивительно, до чего некоторые люди боятся бумажного хода дел — когда начинаются жалобы, протоколы, разбирательства, акты, комиссии.... Видимо, они знают, как все происходит на самом деле, и не хотят участвовать в этом, оказавшись на месте своих «клиентов».

— Я приведу сюда свидетельниц, — неохотно заявил Лазарикус, — но только чтобы убедить господ рыцарей в том, что они ошибаются.

— Вот славно! Давайте их сюда.

Глава 6

Пара стражников пошла за вилланками. Они, разумеется, ошивались на площади, откуда их, всей крикливой толпой, и привели.

Фрау поставили по отдельности, чтобы они не могли друг с другом разговаривать, договариваясь о совместных показаниях. Пара стражников осталась присматривать за ними, чтобы невзначай не разбежались.

Первая тетка оказалась женой мельника. Низенькая толстая баба сразу показалась мне вздорной и очень глупой.

— Значит так, фрау... — Я развернул свиток с протоколом допроса. — Вы утверждали, что подсудимая, как ее там... Азалайса Швайнфельд, ага... ну и имена у этих вилланов, помилуй Свет! — что эта самая Швайнфельд занималась колдовством, морила скот и

поклонялась демонам.

— Истинная правда, сударь!

— И что же она делала?

— Как это что? — Мельничиха сделала вид, что ей очень весело. — Вы смеетесь надо мною, сударь? Губила скотину, вот что!

— Как именно она это делала, добрая женщина?

— Ну как... — свидетельница закатила глаза. — Совала им что-то в морды, а скотина потом болела да мерла!

— А как болела скотина?

— Известно как, сударь. Вот, вроде, бычок живой-здоровый, и вдруг — перестает есть, худеет, тоска на него нападает, да и издыхает, в конце концов.

— Понятно, добрая женщина. А что же это она к чужим бычкам лезет, а ее никто и не остановит? Куда пастух смотрит, куда — подпасок?

— Так ее хозяйева скотины и приводили, дескать, лечить она будет!

— Так ее к больной скотине приводил сам хозяин?

— Приводил, сударь, приводил. А она-то и стала пихать какие-то корни всем подряд, и больным и здоровым. Оттого многие и померли.

— Хм. Понятно. Все понятно с тобою, добрая женщина!

— Так мне идтить можно?

— Пока отправляйся-ка ты в подклет....

— Как? За что?

Баба страшно перепугалась.

— Да не за что. Пока не за что. А там видно будет. Давайте следующую.

— Мне нельзя в подклет! Мне поросят кормить надо!

— А у тебя и поросята есть? Хорошо, хорошо. Надо будет зайти, посмотреть. Следующая!

Охающую поселянку увели в келлер. Вторая свидетельница, высокая худощавая фройляйн средних лет, зашла в комнату уже с очень тревожным выражением на скуластом, обветренном лице.

— Ты Сайрин, из семьи арендаторов.

— Да.

— Не замужем.

Сайрин мрачно кивнула.

— Вы, любезная, утверждали, что обвиняемая Азалайс ... — я открыл свиток с показаниями, ища нужную часть — так, где это...вот. Что она вступала в сношения с бычками на пастбище и в хлеву.

Она снова кивнула, с еще более мрачным выражением лица.

— Сударыня. Писцу затруднительно записывать в протокол ваши кивки. Отвечайте словами!

— Да, сударь!

— А потом эти бычки заболели...

— Так и есть!

— ...а затем и издохли....

— Именно!

Баба немного приободрилась, и с вызовом смотрела на меня.

— А что при этом делал пастух?

— А что пастух?

— Ну, при стаде же был пастух, не так ли? Он позволял твориться этому безобразию?

— А пастух у нас сударь, то спит, то пьян, то на рыбалку сбегает. Очень ненадежный человек этот пастух.

— Ну, вот когда ты это видела.... Кстати, когда конкретно ты это видела? В какой день?

— Две седмицы назад, на Фокиона Великого!

— И где был пастух? Спал?

— Спал, сударь.

— Правда?

— Истинный Свет, спал!

— А что же ты его не разбудила и не призвала к порядку? Ему же платит община? Сколько, кстати, ему платят?

— О, очень много мы ему платим! Десять фунтов муки, пять фунтов толокна, семь нёзелей* эля каждую седмицу! А еще отрез сукна, сапоги и пять лангрских гротенов в конце года! А он, гад, молоко сцеживает и скотину колотит!

— Да, безобразие. Так, а чего он спал-то, чего ты его не разбудила! Ведьма скотину портит средь бела дня, а он спит?

— Да не успела я! Азка-то быстро все, фиють — и поминай ее как звали!

— Так все равно надо было разбудить пастуха! Рассказать что видела, чтобы впредь не спал! Ты разбудила его? Рассказала все?

— Рассказала!

— А он что?

— А он сказал, мол, знать ничего не знаю.

— Так и сказал? Ладно, добрая женщина, ступай-ка в подвал!

— Как в подвал?! — Сайрин изумленно захлопала глазами, — за что меня в подвал?

— Не догадлива, вижу. Ни за что, посидишь пока просто. Ступай, милочка, ступай. Да не ори ты, всех там распугаешь!

Бейно нахмурился.

— По-моему, вы запугиваете свидетелей!

— Просто вы не знакомы с методами инквизиции. Свидетель сегодня — обвиняемый завтра. И никак иначе, достопочтенный мэтр! Особенно, если этот свидетель свободно разговаривает с глухонемым пастухом. Давайте, кто там еще?

Третья фрау была снохой старосты. Оказалась без меры болтлива, держалась дерзко. Мне даже пришлось возвращать ее к теме наводящими вопросами.

— Так как она скотину — то портила?

— Подлезает да облизывает своими губищами бесстыжими коровье вымя. А от того вымя у коровки трескается и кровянит, и доиться перестает скотина!

— Ага. Слушай, любезная, а мне что-то кажется, что Азалайса эта — та еще потаскуха? Не только коровье вымя любит облизывать?

— Так и есть сударь, так и есть! Мужики наши на нее так и пялятся, как коты на сметану!

— Понятно. Тоже, небось, колдовством берет?

— Да уж, наверное! Что в ней они находят — одному Свету известно. Но бегали к ней полдеревни, наши бабы дюже на нее злые!

— А «твой» — чего?

— Мой-то — потупилась она, — мой — ничего.

— Не оскоромился об ведьму?

Лицо женщины вдруг побагровело.

— Нет — мрачно сказала она и стала очень немногословной.

— Ну, нет, так нет. Это прекрасно, когда муж верен жене. Не так ли?

По-моему, женщина поняла, что над нею издеваются. Она ничего не ответила, но в глазах ее мелькнуло бешенство.

— Ладно. В любом случае, облизывать вымя чужой корове — это не дело. Эта Швайнфельд преступила все законы, небесные и человеческие. Надо ее наказать! А ты, дорогуша, отправляйся пока в подвал!

— Как в подвал?

Мысль о том, что ее вот так запросто могут отправить под стражу, показалась бабе настолько дикой, что она просто ушла в ступор. Пришлось Даррему врезать ей хорошенько, чтобы она пошевеливалась. Та заорала как недорезанная свинья, и начала отбиваться так яростно, что пришлось мне помогать серву.

Закончив с этим мутным занятием, я послал за следующей. Четвертая свидетельница, тоже из зажиточных вилланов, вошла тихая и испуганная.

— Так, ты у нас жена кузнеца. На допросе показывала, что подсудимая Азалайса подкидывала в ясли скотины заговоренные угольки...

— Я, сударь, ничего не знаю.

— Как так? Вот же твои показания записаны, и господин юнгер их по протоколу зачитывает? — вмешался Лазарикус.

— Ничего не знаю, сударь, и записи ваши врут. Не говорила я ничего.

— Да как не говорила? В присутствии господ секретаря, декуриона и старосты! Писец все точно записал!

— Нет, не говорила я!

Баба помрачнела и уперлась. Стало ясно, что ничего больше мы от нее не дождемся.

Следующие за ней женщины все как одна отказывались давать показания. Как сговорились, ей-Свет.

Что же, пора пояснить помощнику судьи Лазарикусу, к чему пришло следствие.

— Вот смотрите, что у нас получается. Все эти фройляйн и фрау дают совершенно разные показания. Прежде всего, — о способе колдовства. От банального отравления через корм, — а для этого вообще никакого колдовства не надо, можно просто накормить скот отравой, — до противоестественной связи с быками. Причем, скотина болеет всегда одинаково — поражается и кровоточит вымя. Но, если уж ведьма решала извести скотину, — она использует один-единственный способ! Зачем прибегать к таким разным методам? Настоящая ведьма всегда применяла бы одно, самое действенное, заклинание. А эти бабы говорят о совершенно разных приемах ворожбы, причем, судя по этим рассказам, никакого колдовства они, ни разу в жизни, не видели!

Второй момент, на который я обратил бы ваше внимание, это явная нелюбовь к подсудимой со стороны свидетельниц. Все они или завидуют ей, или ревнуют своих мужей. К таким свидетелям надо относиться с осторожностью, особенно — свидетелям женского пола!

Ну и, наконец, вы видите, что свидетельницы нервничают. Как только мы перестали

отпускать допрошенных, складывая их по подвалам, они поняли, что ветер подул не в их сторону, и теперь отказываются от показаний! Добрые свидетели так себя не ведут. Те, кто уверен в своей правоте, готовы пойти на костер, но не отступить от правды перед лицом Света Истинного! Вы со мною согласны?

— Но у меня показания двенадцати женщин! Они записаны в протоколе!

— У вас *нет* показаний двенадцати женщин. Свои слова подтвердили только трое. Как мы с вами уже обсуждали, в нашем славном герцогстве Виссланд для обвинения нужны показания не менее четырех сервов. Поскольку свидетельство одной женщины соответствует $\frac{1}{2}$ крепостного мужчины, так что у вас всего лишь показания полутора сервов, а это вдвое меньше, чем нужно. Да и остальные бабы сейчас откажутся от показаний, я в этом уверен. Ну и, наконец, вопрос, который следовало бы задать первым. Эти женщины прошли через компургацию?

— Простите?

Лазарикус вдруг густо покраснел, как застигнутый на поселянке монах.

— Компургацию. Вы же знаете, что это такое?

Лазарикус знал, что такое компургация. Я по лицу видел, что он это прекрасно знал, а также, что ему очень не нравится, что тут есть еще один человек, которому это понятие известно. Таким звучным именем зовется сложная, многоступенчатая клятва, которую каждый свидетель должен произнести по установленной формуле. Затем следует контрклятва обвиняемого. Затем должны принести свои клятвы компургаторы — это как бы поручители, свидетели добросовестности основного свидетеля.

И тут есть нюанс. Если хоть один из них сбивался при даче клятвы, — все, попытка не защитана, начинай сначала. Сбился три раза подряд — до свидания, ты со своими клятвами негоден Свету, и он не помог тебе! Поэтому Лазарикус благоразумно забыл про необходимость этой процедуры — ведь нет ни одного шанса, что эти малограмотные женщины смогут произнести клятву без запинки!

— В общем, давайте так. Бабу эту я заберу. Доставлю ее в ближайшую диоцезию с камерой дознания. Мы сами из Андтага, на службе у викария. Скорее всего, им и надо ее передать. Пусть там с ней разбираются. А вы, Лазарикус, можете считать себя полностью исполнившим свой долг. Тзинч побери, хотелось бы мне так сказать о себе самом! Я прямо завидую вам, ей-Свет! Ну, мы договорились?

— Видимо, вы правы, сударь, — наконец промямлил Лазарикус. — Колдовство, — дело темное. Это вне компетенции светских судов!

— Кстати, а почему Совет господ направил вас, а не кого-нибудь из Инквизиции?

Лазарикус замялся.

— У господ города некоторые разногласия с церковью. Назначение викария, произведенное последний раз Советом, вызвало большое неудовольствие Конклава...

Ну, разумеется. Грызня за инвеституру. Церковники и светские власти никак не могут решить, кто назначает священников — Конклав, капитулы диоцезов, князя, графы, или городские советы. Потому что здесь замешаны большие по местным меркам деньги, и немалая власть.

На лице Бейно Лазарикуса несколько секунд отражалась яростная борьба мысли. Наконец, он принял решение.

— Герр Андерклинг, я полагаю, вы не откажетесь подписать расписку, о том, что ведьма передана вам для сожжения в Андтаге?

Да, пожалуйста!

— Конечно! Дайте пергамент.

— Позвольте, я сам напишу текст. Для Совета господ важны формулировки...

Чертов бюрократ!

— Пишите. Но я прочту, прежде чем подписать!

— О, разумеется!

И он с помощником отправился в дом старосты, готовить свою отмазку перед городскими альтиманами.

А мне надо было устроить «ведьму» и позаботиться о продовольствии.

* нёзель — примерно 0,6 литра

Глава 7

Сначала я увидел Даррема, который болтал на площади с поселянами и стражниками. Костер, на котором должны были спалить фройляйн Азалайсу, давно прогорел, и по золе весело бегали деревенские дети, играя в «сожжение ведьмы».

— Даррем! Где наши?

— Рыцарь и валетт отдыхают в доме кузнеца. Он, по случаю, меняет подкову лошади мастера Эйхе.

— Давай, покажи, где это.

Жилище кузнеца мы нашли легко, по звонкому стуку железа о железо. Возле дома были подвязаны лошади — рыцаря и Стусса. Оруженосец вычесывал им гривы и хвосты. Даррем усмехнулся, на что мальчишка взглянул на него с ненавистью. Гелло (как и все остальные оруженосцы, кого мне довелось знать) считал чистку лошадей мужицкой работой.

Рыцарь сидел в доме за столом и нетерпеливо барабанил пальцами по его плохо выструганным доскам.

— Чего вы тут ждете? Мне казалось, вам должны перековать лошадь?

— Да, только у этого олуха не оказалось ни одной подковы. Жду, пока выкует. Очень неторопливый, сукин сын! Что у вас там с этой ведьмой, Энно?

— Возьмем с собой. Как я и думал, следствие проведено Тзинч-знает-как.

— Энно! — Рыцарь был недоволен, — я хочу быстрее вернуться! Зачем нам лишний груз? Сдадим ее в Оденельштадте, раз уж ты желаешь, чтобы все было по закону, да и поехали дальше!

— Вы вроде бы не хотели, чтобы мы заезжали в город?

— И сейчас не хочу, Кхорн возьми, но что поделать?

— Она нас не задержит. Привяжу ее к лошади, пусть бежит. Захочет жить — будет поспевать за нами! Все равно мы идем шагом.

— И она сможет идти? Из того, что я видел, у нее должны были обгореть ноги!

— Нет, как не удивительно!

— Допустим. Допустим, она пойдет сама. А кормить ее чем?

— Разве Стуссу не удалось добыть еды?

Рыцарь скривился, как будто проглотил клопа.

— Он заказал нам дюжину хлебов — они вскоре испекутся, и приобрел четыре фунта молодого сыра. Не знаю, стоит ли ожидать большего. Вы же знаете, этому идиоту ничего нельзя поручить! Да и у них особо ничего нет. До урожая далеко!

— Но я видел на улице прекрасных гусей, а на пастбище есть и овцы и телята. Мельничиха мне говорила, что собиралась кормить поросят — не хряка, не свинью, а именно поросят!

— Вот это славно. Потолкуйте с ней, нам бы не помешала пара подсвинков! А с бабой этой — поступай, как знаешь, только чтобы нас это не замедлило!

Я вернулся к дому старосты.

Лазарикус наконец накалякал свою индугенцию, и теперь промокал чернила с пергамента сухим песком. Увидев меня, он даже обрадовался.

— Прошу вас, герр Андерклинг.

Пергамент был покрыт аккуратными письменами, не понятными мне от слова «совсем».

— Это что, антикшпейх? Вы не могли написать это на человеческом языке? Я не могу это подписать!

Лазарикус явно был доволен. Показал, что есть вещи, которые знает он, и не знаю я. Жалкий, самовлюбленный дебил!

— Извольте, я пропишу текст ниже на рейкшпиле.

— Да уж, окажите любезность.

Пока он снова распечатывал чернильницу и, высунув язык, усердно скрипел пером, я вышел проведать спасенную фройляйн.

Женщина, закутанная в мой серый плащ, сидела у крыльца. Рядом торчал охранник, болтавший с парой мужиков

— Слышь, как тебя там... Азалайса! Ты есть хочешь?

Женщина посмотрела на меня непонимающе, потом яростно кивнула.

— Очень хочу, добрый господин, — ответила она хрипловатым, сорванным голосом.

— Эй, Даррем, где ты там? — крикнул я слугу.

Серв точил лясы с поселянами неподалеку, сидя на невысокой ограде. Услышав мой крик, торопливо слез и порысил к нам по грязи.

— У нас оставалась пара сухарей, они в моей седельной сумке. Притащи сюда! И воды во что-нибудь зачерпни!

Тот отправился исполнять.

— Слушайте, фройляйн, — обратился я к женщине — Мы уходим из вашего гостеприимного селения, и что-то мне подсказывает, что тебе тут тоже не стоит оставаться. Очень много добрых женщин хотят, чтобы тебя тут совсем сожгли. Ты идти сможешь?

Она покачала головой.

— Покажи-ка ноги.

Она высунула пятки из-под плаща. Никаких следов ожогов. Одежда обгорела, а золотистая, гладкая как шелк, кожа — нет! Ох, неспроста это!

— Эти бабы... Будь они прокляты! Суки! — Лицо спасенной исказила гримаса ненависти. — Они убьют меня, рано или поздно. Вы правы, сударь. Они...

Даррем притащил еду и воду. Я протянул руку, помогая ей встать. Женщина покачивалась от слабости, уцепившись за меня, но при виде еды сразу оживилась.

Тут она вцепилась зубами в галету.

— Все...ненавидят меня. Все! Дался мне их скот... Твари! Долбаные мрази! Подстилки Слаанеша! *****! Драные *****!!!

Даррем догадался плеснуть в воду немного вина. Азалайса заметно порозовела — то ли от еды, то ли от гнева.

— В общем, собирай-ка манатки, и поехали с нами. У нас, по крайней мере, тебя не сожгут. А если сожгут, но не сразу!

— Мне нечего собирать, добрый господин — Азалайса говорила, продолжая давиться сухарем, и не забывала про кувшин с разбавленным вином. — Они все разграбили, а хату сожгли.

— Ну, что-то же, возможно, осталось? Можешь попрощаться с родными, покопаться в развалинах, только недолго. Нам до заката надо проделать еще четыре лиги.

— Нет там ничего, все разграблено. И родных у меня нет!

— Ты тут одна жила? — удивился я.

— Да. У меня давно все умерли. Я занималась врачеванием. Коров им лечила! Гады грязнорылые! Можно я это оставлю? — спросила она про недоеденную галету. Я кивнул.

— Я не ела три дня, — извиняющимся тоном сказала Аззи, убирая сухарь за пазуху, — Эти сволочи ни разу не кормили меня за все время дознания!

А дамочка-то дерзкая — подумалось мне. Поселяне — а особенно, поселянки — обычно ведут себя поскромнее. Подумаешь — не кормили ее! Хорошо, что вообще цела.

Подошел один из городских стражников.

— Мэтр Лазарикус просит вас!

Я подошел к секретарю суда.

— Итак, вы написали?

Бейно протянул мне пергамент.

Там в цветастых выражениях сообщалось, что Лазарикус передает мне «для казни» Азалайсу Швайнфельд, ведьму из Торропа. Я расписался, добавив, что казнь непременно состоится при подтверждении вины в колдовстве. Мэтра Лазарикуса это вполне устроило.

На улице меня ждало двое поселян. Это оказались мужья женщин, которых я отправил в келлер старосты.

— Может, нашим женам уже можно выйти? — спросил меня плотный медно-красный мужик в кожаном переднике. По следам муки на хорошей, добротного сукна одежде, я понял, что это мельник.

— Можно и отпустить, можно и еще поспросать. Какие-то они подозрительные, особенно — мельничиха!

— Да что там, обычная баба!

— Да с виду-то они все обычные. А как копнешь... Слушай, а у вас ведь поросята есть?

Мельник печально кивнул.

— Так продай нам парочку? У нас путь долгий, надо харчами запастись!

При слове «продай» мельник приободрился.

— Маловаты они еще, мы хотели побольше их откормить...

— Ну ничего, мы за ценой не постоим!

Мужик обрадовался и пошел за поросятами.

— Мэтр Лазарикус! — окликнул я помощника судьи, который в это время хлопотал об отъезде. Тот обернулся.

— Не одолжите ли мне ваши письменные принадлежности и небольшой пергамент?

— Увы. Не могу. Пергаменты у нас наперечет. Я должен предъявить в палату столько пергаментов, сколько взял с собой, даже если они исписаны.

— Ничего, можно небольшой кусок. Отрежете от свитка побольше, вот, например, от этого!

Герр Лазарикус нахмурился от такой бесцеремонности, но выделил мне один и длинных свитков. Я не без труда отрезал ножом неширокую полоску, и, воспользовавшись его же чернильницей, набросал небольшую расписку.

Мельник тем временем пришел с двумя поросями под мышкой.

— Вы быстро, любезный, и это делает вам честь! Итак, во сколько мы оценим этих славных поросят?

— По двадцать крейцеров, сударь!

— Ну, двадцать, конечно, многовато. Я рассчитывал на подсвинков, а вы несете их подмышками! Тут и десяти фунтов не будет в пересчете на доброе мясо!

— Не меньше двадцати, ей-Свет! Да взвесьте их сами!

— Ладно, из неизбывной доброты нашей матери-церкви, пусть будет пятнадцать за голову!

Я вписал цифру в пергамент.

— Герр Бейно, возьмите свою чернильницу, она больше не нужна.

Затем обернулся к ничего не понимающему мельнику.

— Вот вам вексельная расписка для получения тридцати полновесных крейцеров из средств диоцеза Андтаг. Вы сможете получить деньги в ближайшей меняльной конторе Ашшенбахов или Вольфрамов, каковые имеются в Оденельштадте, Андтаге, Теофилбурге и других крупных городах Виссланда.

— А деньги? — тупо спросил мельник.

— Так я вам и объясняю, любезный — вот ваши деньги. Сдадите этот пергамент, получите крейцеры. В лавке Ашшенбахов или Вольфрамов. В Андтаге.

— Нет, мне нужны деньги! Вы эти господские штучки себе оставьте. А мне дайте монеты!

— Ты что, мужик, смеешь сомневаться в порядочности церкви Света? Вы тут не еретики, случаем? Даррем, стукни-ка этого господина палкой, а то, если это сделаю я, боюсь, ему не оправиться!

Подошел Даррем, выразительно помахивая дубинкой. На лице мельника появилось выражение покорности судьбе.

— Да, и отпусти этих баб из келлера, а то они там, у господина старосты, наверное, весь эль выпили!

Стражники Лазарикуса, наблюдавшие за нашими препирательствами, дико заржали. Мельник тоже деланно улыбнулся, вертя в руке мою расписку. Для него «поехать в Андтаг» означало примерно, то же самое, что «слетай на луну», на любую из двух местных.

Рыцарь со Стуссом, тем временем, закончили все дела и собирались в дорогу. Гелло седлал коней, запихивал в сумы свежеспекавшиеся хлеба. Появление поросят всех порадовало.

Наконец мы выехали из Торропа под пристальными взглядами Лазарикуса и его костоломов. Аззи была привязана и шла за моей лошастью. Проходя мимо судейских, она смачно плюнула в их сторону.

Глава 8

Когда селение скрылось из виду, женщину отвязали.

Наконец, я мог рассмотреть ее ближе. Темно-каштановые, густые волосы, вздернутый носик, веснушки на лице, и, видимо, по всему телу. По меркам моего 21 века красавицей её, конечно, не назовешь — слишком тяжеловатые черты лица, подбородок, массивный, как у статуи Свободы, чрезмерно густые темные брови. При взгляде на ее руки и ноги на язык сразу приходит слово «крепкие». Широкие, большие ступни, привыкшие к ходьбе босиком; мускулистые икры, широкие бедра, далеко не осиная талия. Кожа загорелая, как у всех деревенских.

— Тебя, может, на лошадь посадить?

— Ничего, я ногами пойду. Вы отдадите меня инквизиции?

— Не думаю. Так ты говоришь, что занималась врачеванием?

— Всю жизнь. С самого момента, как себя помню, помогала бабке лечить и скот, и людей. И я делаю это намного лучше, чем она!

— Ну и славненько. В Андтаге тебе будет, чем заняться!

Нас прервал крик Эйхе.

— Вот Кхорново отродье! Да тут половина, наверное, гороха!

Оказалось, нам испекли хлеб из гороховой муки. Мне уже приходилось такой пробовать, он очень противен. А Стусс не проверил и заплатил за них.

— Когда ты, Тзинчев сын, начнешь выполнять свои обязанности нормально?

Эйхе от души огрел оруженосца арапником.

Тот струсил и дал шпоры своей лошадке, пытаясь избежать тумачков.

— Эй, я с тобой не закончил!

Ренн, всплыв от такой дерзости, поскакал за ним, сразу переходя на галоп. Оба исчезли в ближайшей рощице, только слышался треск веток и ругань рыцаря. Даррем покатывался от смеха, пороси визжали, по мере сил участвуя в общем веселье.

Вскоре рыцарь вернулся, громко поминая всех демонов Хаоса. Его лошадь захромала. Похоже, кузнец в той деревне оказался совсем скверным, а свалить это на Стусса было уже нельзя — такой серьезный вопрос, как состояние лошади, проверяет сам наездник.

Запасной лошади не было. Значит, Даррему придется идти пешком, а он не молод, и не сможет идти также быстро, как фройляйн Азалайса. А лошадь в любом случае надо тащить за собой, — она же монастырская! Похоже, мы встряли.

— Пусть Стусс идет пешком, — предложил я. — Он молодой, будет поспевать!

Но Эйхе, даже будучи очень зол на своего валлета, не мог согласиться с этим.

— Как это может быть, чтобы оруженосец шел пешком, а мужик ехал на лошади? — возмутился он. — Это же какой урон для чести семьи и рода!

Ну вот, пожалуйста, потащимся теперь со скоростью черепахи. А может, и нет.... У нас ведь тут имеется почти дипломированный ветеринар! Я подозвал девушку, собиравшую невдалеке какой-то гербарий, к себе.

— Ази, ты сможешь ее вылечить?

Та с сомнением взглянула на животное, задумчиво почесала конопатый носик.

— Сначала мне надо осмотреть ее.

— Давай. Только не угрожь ей окончательно! А то, точно решим, что ты ведьма!

Эйхе, все еще чертыхаясь, вылез из седла. Женщина подошла к лошади, погладила ее по морде, дала кусочек хлеба. Тихо что-то прошептала ей на ухо. Затем подняла больную ногу. Лошадь себя вела на диво послушно.

— Нужно другую подкову. Кузнец Эгон плохо ее выковал, под нее попадают камешки.

— Ты можешь ее вылечить?

— Да, утром она будет здорова. Но подкову все равно надо сменить.

— Мы не сможем сделать этого. Где тут найти кузнеца?

Женщина нахмурилась.

— Это будет труднее.... Но все равно, возможно.

— Сколько времени это займет?

— Утром все будет готово!

— Уже утром? Замечательно! Обычно на это надо 2–3 дня!

— Но мне надо будет собрать травы.

— Ну, так займись этим на привале.

— Значит, привал! — объявил Эйхе, слушавший наш разговор.

— Прямо здесь? Тут лошадей нечем поить!

— Найдете водопой и пригоните их туда. Тут полно ручьев!

Мы начали готовить бивуак.

Вернулся Стусс, ни на кого не глядя, сгрузил сумки с хлебами, и безо всяких указаний начал разводиться костер. Аззи отправилась искать свои травки.

— Вернется ли она?

— Не вернется — ей же хуже. Куда она пойдет? В Торроп, где ее только что чуть не сожгли? Или в другое поселение, с таким же тупым мужичьем?

— Да пожалуйста, не я давал расписку за ведьму. Но, пусть сначала, вылечит мне лошадь, а уж там идет на все четыре стороны!

Нас прервал визг — Даррем приколол одного из поросят.

Пока готовилось мясо, я попробовал хлеб. Клеклый, не поднявшийся хлеб из смеси ячменной и гороховой муки был ожидаемо отвратителен, к тому же там, похоже, были намешаны еще и желуди. А вот жаркое из поросенка оказалось превосходным. Изголодавшись по хорошему мясу, я злобно впился в задний окорок, стараясь не думать о боли в сломанном зубе. Даже Эйхе подобрел.

— Воистину удивительно, — произнес рыцарь, обгладывая поджаристые, хрустящие ребра — что свежезабитый поросенок имеет мясо, столь нежное, будто его зарезали три дня назад!

— Это сударь, оттого, что мельник откармливал его в загоне, а не в общем стаде — откликнулся серв. — И, явно, не желудями! Видели, как все хихикали, когда у него забрали поросят?

— Так и что?

— Это неспроста. Мельники всегда обманывают при помоле, отдают меньше муки, чем положено. Поэтому-то их и не любят, так испокон веков повелось. Но этот до того обнаглел, что поставил на откорм поросят, когда все едят хлеб пополам с горохом и желудями!

Рыцарь отошел еще раз посмотреть лошадь. Даррем обернулся к оруженосцу.

— Слышь, Стусс, а сколько тебе денег дал Эйхе на покупку хлеба?

Тот не сразу ответил.

— Во-первых, обращай ко мне «герр Стусс», мужичье монастырское. Во-вторых, какое тебе дело?

— А такое, *герр* Стусс, что денежки-то вы себе забрали, а хлеба эти просто отняли у мужиков в Торропе. Потому и хлеб такой скверный. Прошли вы, значит, по селу, посмотрели, у кого хлеб печется, да и забрали его, а заплатить ничего не платили. А вилланы для себя пекли — кто с гороховой мукой, кто с бобовой, а кто и с тертыми желудями. Уж мне на тебя жаловались!

Стусс сделал «морду кирпичом».

— Дураки, потому и жаловались тебе. Были бы умнее, пошли бы к рыцарю. Но мужик умным быть не может, вот и отправились к такому же болвану, как они все!

Даррем только усмехнулся.

— Негоже, герр оруженосец, хаять того, кто может рассказать рыцарю, как было дело, и

отчего ему теперь до самого Андтага придется есть мужицкий хлеб! С таким человеком делиться надо, а не ругаться!

— Да уж, конечно, с монастырской крысой трофеем делиться. Прямо всенепременно. Пусть сначала Андерклинг поделится своими! Вот уж кто не остался внакладе — и доспех дорогий у него, и бабу какую-то достал, а нам — ничего.

Ну, это уж слишком.

— Если вы, Стусс, присвоили деньги рыцаря — то это не трофей, а воровство. А деньги рыцарю выдала церковь, так что вы воруете у нее. Напомнить, что полагаются за такое? А если хотите получать такие же прекрасные вещи, какие достаются в походах мне, то в следующий раз, пойдете со мною в Проклятые земли, милости прошу! Мне там лишняя пара рук ох как не помешает!

Стусс сразу заткнулся.

— А что касается женщины — право, хорошо, что вы об этом заговорили — то по приезду в Андтаг вы будете молчать, иначе и мы с Дарремом кое-что про вас расскажем. Нет никакой женщины, ясно?

— А ты, Даррем — обратился я к серву, — сегодня молодец! Купил прекрасный овес. Или не купил?

— О чем вы, сударь? — осторожно осведомился Даррем.

— Да этот мельник, вроде бы про овес мне говорил, когда я поросей забирал. Что — то он говорил такое, будто не было у него честной сделки, а совсем наоборот — сначала отняли овес, а потом и поросят...

— Ну, говорил и говорил, — угрюмо отозвался серв — мало ли, кто что говорит. Не всех же слушать!

— Да. Тут ты прав. И вообще, болтать поменьше надо. Про ведьм, про костры, и прочее. Ни к чему такие разговоры!

Тем временем Азалайса, вернувшись с пучком диких трав, подошла сразу к лошади рыцаря.

Я подошел к ним поближе.

Пучок трав оказался внушительным. Среди лекарственных растений затесался корень хрена, который знахарка протянула мне.

— Это разнообразит вашу трапезу. Я бы и других съедобных трав и кореньев вам принесла, но только боюсь, не решите ли вы, что я могу отравить вас!

— Ничего, не бойся, — ответил Азалайсе рыцарь. — Мы сначала все на тебе опробуем!

— Вы так добры, господа! — с чувством ответила та и отошла готовить свои снадобья.

Потом она долго делала мазь, растирая травы руками и самодельной деревянной давилкой, что-то шептала над нею и над копытом лошади, привязав ее за ногу к молодому деревцу. Мы уже заснули, а она все еще колдовала над нею.

Утром, однако, результат превзошел ожидания.

— Вот. Я все сделала!

Лошадь рыцаря действительно была в порядке. Что удивительно, подкова больше не болталась на копыте.

— Ты что, ее перековала?

Девушка рассмеялась, обнажив изумительно ровные белые зубы.

— Нет, конечно.

— А что ты сделала?

— Пусть это вас не беспокоит, сударь, — ответила та, лукаво накручивая на пальчик прядь волос цвета старой меди. — Ничего дурного я не делала, честно! К чему лишние вопросы? Лошадь здорова, да и дело с концом!

Другая новость оказалась не такой приятной. Из седельной сумки Стусса пропал второй поросенок. Как он смог выбраться — непонятно.

Даррем с подозрением посмотрел на поселянку.

— Это ты сделала?

Та возмущенно захлопала глазами.

— Что? Да что этот мужик себе позволяет? Разве вышел указ клеветать на честных людей? Ничего не знаю я про ваших поросят!

— И что мы будем есть всю дорогу? До Андтага еще дней пять, не меньше!

— Ну, раз так, надо овес варить. Фуража — то в достатке!

— Что? Овес? Варить? И в чем его варить, добрая женщина? Ты где-то видишь у нас котел?

— В ведре можно, раскаляя камни!

— Вот сама и мучайся с этим!

— Ну и ничего, и сварю, — неожиданно кротко ответила она.

Обратная дорога в Андтаг оказалась крайне печальной. Кхорнова ведьма действительно кормила нас овсянкой! Через два дня мы, не выдержав, купили немного сыра в первой попавшейся деревне, и жизнь стала чуть легче. А то я уж стал думать, что скоро перейду с рейкшпиля на лошадиное ржание!

Глава 9

Моросил мелкий, противный дождь, когда мы, совершенно измучившись на скверной дороге, наконец, вступили в славный город Андтаг. Хотя монастырь и диоцезия — цель нашего приезда — и находятся за городом, окруженные своею собственной стеною, проезжать к ним приходится сквозь сам город. Впрочем, никакой платы с нас не брали и оружие при въезде в город не отнимали — охрана нас давно знает.

Азалайса озиралась вокруг в совершенном ужасе. Она впервые была в городе, и, судя по всему, все увиденное ей не нравилось. Особенно поразили ее двухэтажные дома.

— Неужели столько людей не нашли себе другого места для житья? Так надо громоздиться друг у друга на головах? И какой скверный воздух! Дым, гарь, навоз! Нормальный человек тут и дня не проживет!

— Фройляйн — со значением сказал я — для дамы, недавно вынутой из костра, вы слишком привередливы. Там, кажется, и дыма и гари было подолее, чем в нашем Андтаге.

Та надулась и замолчала. Ну и славно.

Долгий поход нас совершенно вымотал. Больше всего на свете мне хотелось сейчас вытянуться на своем топчане, набитом соломой. Однако, прежде чем явиться пред светлые очи начальства, мне надо было позаботиться о двух вещах — о трофейном доспехе и о женщине.

— Ренн, вы не будете возражать, если я сначала загляну на улицу Оружейников?

Рыцарь махнул рукой.

— Давайте. Только быстро. Не очень хочется ждать вас под дождем.

На улице Оружейников была лавка мастера, с которым я сотрудничал уже больше года. Я навещался сюда каждый раз после удачного похода, показывая свои находки. Мастер охотно покупал изделия своего профиля практически в любом состоянии, назначая соответствующую цену.

Подъехав к лавке, я постучал тяжелым медным кольцом по дубовой окованной двери. К счастью, мастер был дома. Мне открыл его ученик — подмастерье Хёфель.

— Покажи это мастеру, дружок, — передал я ему куль с доспехом.

Подмастерье разложил доспех на столе. Мастер Кан, сутулый, седовласый ремесленник, очень вдумчивый и предусмотрительный, внимательно рассматривал каждую пластинку, далеко отставляя их от себя.

— Прекрасный доспех — наконец произнес он, задумчиво рассматривая наплечную застежку — работа мастеров из Торресидоса, каленые пластины, покрытие медью и серебром. Вы хотите продать? — он поднял глаза на меня.

— Мне надо поменять ремешки, застежки, почистить и восстановить серебрение. Главное — подогнать под мою фигуру.

Канн, похоже, был разочарован.

— Вот это будет непросто, — он бегло оглядел меня. — Предыдущий владелец был на четыре дюйма ниже вас, герр Андерклинг, и шире в плечах.

— Попробуйте расставить пластины так, чтобы мне он подошел. И стоит добавить кольчугу подмышками и на бедра. У меня есть кольчужная рукавица и хауберк. Можно ли

ЭТИМ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ?

Мастер скептически пожевал губами.

— Да, можно сделать небольшие вставки подмышками и у горла. Но, вам самому понадобятся и хауберк, и рукавица. А для защиты бедер лучше вам поддевать кольчугу под доспех. Но в пешем строю вам будет трудно носить такой тяжелый доспех, сударь. Это защита всадника!

— Надеюсь, что обзаведусь лошадыю. Кольчужные вставки все же сделайте. Я не буду поддевать кольчугу под доспех — это действительно будет тяжело. К тому же, казенные кольчуги такие бесформенные, что носить доспех на кольчугу будет крайне неудобно. А хауберк и рукавицы мне выдадут из оружейной монастыря.

— Хорошо, как скажете.

— Кстати, выполните застёжки так, чтобы я мог надеть доспех самостоятельно!

— Все так и не обзавелись оруженосцем?

— Я сам «оруженосец», мне не положено.

— Но слугу вы всегда можете нанять!

— Нынче никто не служит за еду. А с деньгами у меня не очень. Как быстро вы можете это сделать?

— Как только снимем с вас мерки, мы приступим немедленно. Вам надо будет зайти ко мне завтра до обеда на примерку.

— Ну и славно. Сколько это будет мне стоить?

— По оплате, — полагаю, что около восьми гротенов.

— Посмотрите-ка это, мастер — я показал ему свой старый кинжал. — Возьмете в обмен?

— Интересно, — Кан отставил лезвие от себя, рассматривая стальной узор. — Шесть гротенов я за него дам. Был бы он новый, стоил бы не меньше пятнадцати, но, сами видите, как уже сточено лезвие!

— Ну, хорошо. Еще вопрос — у меня есть девица, которую нужно куда-нибудь временно пристроить. Не найдется у вас дел на кухне?

— Ну, если речь о небольшом времени...

— Да. Потом я что-нибудь придумаю. Везти ее в монастырь — сами понимаете...

— Хорошо. Гюнтар, позови мою супругу, ей привезли помощницу!

Избавившись, наконец, от обоих компрометирующих предметов, я, наконец, вернулся к моим промокшим товарищам. По скользким улицам, залитым мутной водой, мы добрались до монастырских ворот. Рыцарь стукнул чубуком копья в калитку.

— Хвала Свету, вы прибыли! — Эйлох, пожилой конверс, служивший в монастыре привратником, торопливо закрыл за нами ворота и подхватил поводья моей лошади. — Все ли у вас благополучно? Брат Тереллин вас заждался!

— Брату канонику пора привыкнуть, что быстро только вино кончается — гулким басом отозвался Эйхе. — Мы были Кхорн-знает-где, еще и в такую погоду! Скажи на конюшне посмотреть Гернию, она хромала. Верно, надо перековать!

Благочестивый Эйлох поморщился, и повел наших лошадей в стойла. Те, поняв, что сейчас им зададут полную мерку овса, радостно ржали и фыркали. В походе мы их не баловали.

Рыцарь обернулся ко мне.

— Энно, сделай милость! Доложись канонику сам, без меня! Я чертовски устал, а е

монастыре слишком твердые кровати, сам знаешь. Пойду в кабак, отдохну. Хорошо?

Слишком твердые и слишком пустые. В кабак он пойдет, как же. Или к вдовушке с Мощеной улицы, уже упоминавшейся Агнес, или к кому-то другому. И перед Тереллином не придется отчитываться за неудачу!

— Я все равно ничего не знаю, что там ты делал в Гнилых землях. Расскажешь сам, да? Ну, бывай.

И, похлопав меня по плечу, рыцарь пошел к кастеляну сдавать доспехи, выданные ему на поход. Самому Ренну принадлежал только щит, меч и кинжал.

Мне идти было особенно некуда, к тому же начальство, судя по всему, скоро затребует к себе.

— Герр Андерклинг, наконец-то!

Я обернулся. На крыльце стоял ключарь Гиппель, лысый толстяк средних лет, и энергично рисовал руками Знак Света, благословляя возвращение нашей небольшой команды.

— Идите же сюда. Все благополучно? Хвала Свету!

Я поднялся по крутым ступеням.

— Как все прошло? — спросил Гиппель, понизив голос — Надеюсь, вам сопутствовал успех?

— Вашими молитвами. Трапезная закрыта?

— Конечно, ведь пробил уже шестой колокол. Но я схожу на кухню, принесу вам что-нибудь. Сегодня была чечевица.

— Спасибо, брат Гиппель. Я буду у себя. Можете еще прислать воду?

— Конечно, конечно.

По узенькой валкой лестнице я потащился наверх, в свою комнатенку, с каждым шагом все сильнее ощущая, как болят ноги от езды верхом. И когда я к этому привыкну...

Наконец я поднялся. Моя комната два на три шага с, крохотным окном и облупившимися стенами. Никаких стекол — только ставни. Или у тебя свежий воздух и свет, или — темно как в заднице, но зато почти не дует.

Я стащил обувь и повалится на свой топчан, уставившись в прокопченный потолок со страшными трещинами в штукатурке. Когда-то в своем мире я снимал прокуренную малосемейку на окраине города — и это был просто дворец падишаха в сравнении с *этим*. А ведь эта жалкая конура — завидная роскошь, несбыточная мечта для остальных монастырских обитателей! Бывает, в помещениях, не сильно больше этого, живет человек по 5–8, а большинство ночует в дормитории — гигантской казарме на сотню рыл. Встречавший нас конверс Эйлох спит на конюшне, его напарник Аксель — под лестницей, вот прямо под той самой лестницей, по которой я сейчас взбирался. Старику шестой десяток, а живет хуже, чем чертов Гарри Поттер.

Но с тех пор, как я начал выполнять странные поручения каноника, меня поселили здесь. И настрого запретили распространяться о том, чем я занимаюсь в своих поездках, «чтобы не было соблазна братьям».

Может быть, это и правильно. Бедолаги — монахи не имеют права покидать монастырь без разрешения начальства, а оно, из каких-то своих соображений, дает их крайне неохотно. Так что, на таких, как я, шатающихся то в монастырь, то в мир, смотрят косо. Да наплевать.

В дверь тихонько постучали.

— Войдите!

Дверь тихонько, почти без скрипа, приотворилась. Только один человек умел так открывать ее. Пожилой послушник Аксель заглянул ко мне, робко улыбнулся, не заходя за порог. Вот черт!

— Брат Аксель, простите. Но я совсем забыл про вашу просьбу.

Глаза старика округлились. Казалось, он сейчас заплачет. Кхорн рогатый, ну вот вообще было не до него!

— Был очень тяжелый поход, мы проделали сотню лиг за неделю. Я завтра схожу для вас специально. Зайдёте ко мне вечером, хорошо?

Тот скорбно кивнул, и безмолвно прикрыл дверь, так и не зайдя внутрь. Удивительно, как ему удастся открывать и закрывать ее бесшумно? У меня она дико скрипит.

Брат Аксель дал обет молчания. Я один из немногих, с кем он может «разговаривать», царапая углем на стене короткие фразы. Он просил привезти ему цукаты, а я забыл.

Снова открылась дверь, и брат Аксель, пыхтя, поставил в проем деревянную лохань с водой. Отлично.

Я пододвинул емкость к себе, часть отлил в кувшин для питьевой воды, а в остальную с наслаждением опустил ноги. Вода! Разумеется, холодная, даже можно сказать ледяная, прямо из колодца, но это то, что мне надо. Две минуты неприятных ощущений, зато ноги перестанут гудеть.

Приведя себя в порядок, я хотел было отправиться к ключарю, но, выйдя на лестницу, услышал, что он сам ко мне идет, с шумной одышкой ступая по крутым ступеням.

— Не стоило, брат Гиппель, я бы спустился к вам — крикнул я, но он, тяжело дыша, уже поднялся ко мне.

— Сегодня постный день, но для вас, Энно, я добыл сыру, — сообщил он, ставя у кровати пузатый кувшин.

— Присядьте. Что нового в монастыре?

— Да, в общем, все по-старому. Ключарь тяжело опустился на мой топчан, вытирая похожую на тонзуру лысину, и протянул мне половину хлеба и с полфунта твердого сыра. — Простите, не смог захватить кружку.

— У меня есть.

Я поднял тяжелую крынку, налил холодного эля и залпом выпил. Ни в одной таверне или трактире я еще не видел эль лучше монастырского. Хорош, как всегда, был и свежий хлеб, хоть и с отрубями, но зато настоящий, пшеничный. Да и сыр в нашем монастыре всегда делали отличный.

Ключарь не без интереса поглядывал на мой новый кинжал, которым я нарезал хлеб и сыр, но ничего не спросил. Вздохнув, он продолжил.

— Появилось три новых зилота. Их поселили наверху, прямо над канцелярией.

— На чердаке?

— Да. Говорят, будут надстраивать сольер над Северным корпусом, под общий дормиторий для неофитов. Планируют набрать еще 40 послушников.

— Ну, надо же! А говорите, ничего нового!

Ключарь снова тяжело вздохнул.

— Все это не новость. То, что зилотов будет больше, известно давно.

— Но ведь у монастыря нет таких средств! Что про это думают викарий и настоятель?

— Ничего не поделаешь.

Гиппель поднял кувшин, и без церемоний выпил из него добрую половину. Только тут

мне стало понятно, почему он извинился, что не взял кружку.

— Ведь это не выбор викария, и тем более — настоятеля. Распоряжения поступают оттуда, — он выразительно ткнул пальцем вверх. — Остается только исполнять их. А уж где возьмут средства наши иерархи, — одному Свету известно. Но, похоже, какие-то возможности у них есть!

— Думаете?

— Да. Я знаю, что здесь то и дело появляются очень состоятельные господа, желающие сохранить свое инкогнито. И, видимо, от них ожидаются серьезные поступления!

— Что за господа?

— Наверное, благочестивые люди, желающие спасти свои души служением Свету. Вы же знаете, как это бывает. На пороге старости все начинают задумываться, что их ждет за гробовой доской.

«Спонсоры», значит. Ну, хорошо. А то не сняли бы с довольствия бедного Энно Андерклинга, юнгера и послушника Света. Из меня-то зилота не получится ни при каких обстоятельствах!

— Викарий питает большие надежды на этих господ, это точно. По крайней мере, здесь уже два раза был мастер Игнатиус Краузе. Я показывал ему Северный корпус, канцелярию и здание Капитула. Он заглядывал во все помещения, искал трещины и скрытые дефекты, сказал что проверяет, можно ли дать стенам большую нагрузку, чем они несут теперь. Значит, начальство верит в осуществимость этих планов, как вы думаете, Энно?

Я только пожал плечами. Хотя я здесь уже три года, но здешние реалии все еще для меня загадка.

— Ладно, я вижу, вы подкрепились. Каноник Тереллин ждет вас.

Ключарь поднялся и ушел, унося пустой кувшин. Слегка приведя в порядок одежду, я вновь натянул мокрые сапоги и отправился в кабинет каноника на первом этаже.

Глава 10

Послушник, дежуривший у двери, впустил меня без доклада, с трудом отворив тяжелую дверь. Большая мрачная комната. Окна с толстенным свинцовым переплетом, дубовая мебель — сундуки вдоль стен, шкаф, большое бюро. Ничего не изменилось за три года, с тех пор, как я впервые сюда попал.

Тереллин Гильдебранд, мой непосредственный начальник, ждал меня в кресле у камина. Этот немолодой, только начавший сидеть клирик, с сильными залысинами и брюшком, играл в диоцезии Андтага роль, далеко превосходящую его скромный официальный титул. Подняв на меня взгляд серых, холодных как тундра глаз, он встал и, сотворив в ответ на мой поклон быстрый и очень формальный жест Знака Света, пересел за бюро.

— Вы нашли его, Энно?

В своей прошлой жизни я бы просто сказал «нет». Но здесь это означало бы, что мне плевать на то, что поход окончился неудачно. Отвечать начальству нужно было как-то более... куртуазно!

— Свет не благоволил нам в этот раз, каноник.

— Таак...

Териллин сморщился так сильно и так надолго, как будто засунул в рот целый лимон, да

так и не смог его проглотить. Он был здорово раздосадован. Побарабанив пальцами по столу, прелат откинулся в кресле, как будто принимая сложившуюся реальность.

У меня отлегло от сердца. Я по опыту знал, если каноник делает такое лицо, — все еще не так плохо. Вот когда его глаза превращаются в две ледяные щели, и лицо ничего не выражает, — все, пиши пропало, можно идти, готовить дрова для костра...

— Поисковик цел?

— Да, каноник.

Я выложил на стол амулет, помогавший мне в поисках. Он проверил его и сразу убрал в сундук у бюро.

— А где командер Эйхе?

— Передает вам самые глубокие извинения. Он почувствовал недомогание у самых ворот монастыря!

Тереллин скривился еще сильнее.

— Похоже, вы попали на роль его заместителя. Значит, докладывайте вы, как прошел поход.

Я рассказал все, не вдаваясь в подробности.

Услышав про мертвых конкурентов, Гильдебранд пришел в сильнейшее волнение. Он резко встал из-за стола и быстро заходил туда-сюда по кабинету. Так он делает всегда, когда надо подумать, или просто чем-то недоволен.

— Сколько их было, говорите?

— Я насчитал 5 мертвецов. Но, похоже, их было больше, скорее всего — не менее десяти. Не знаю, были ли у них лошади, мне не удалось обнаружить следов, но, трудно представить, чтобы они забрались так далеко пешком!

— Десять защитных амулетов высочайшей силы? Невероятно!

— Ну, может быть, их амулеты не были первоклассными? В итоге часть из них сошла с ума и произошла уособица.

— Нет, — Тереллин остановился, мрачно глядя на меня. — Случившееся не связано с чарами Хаоса. Если бы ими овладело безумие, победители не стали бы обыскивать трупы, и не уехали бы оттуда. Вы нашли бы их там всех, и артефакт с ними. Они просто не поделили найденное!

Ну что же, логично. Вероятно, каноник прав.

Тереллин перестал болтаться туда-сюда и тяжело присел на одну из своих лавок-сундуков. Кислое выражение не сходило с его лица.

— Значит, они добрались до него... — пробормотал он себе под нос, — но не вышли за пределы мертвых земель...

— Мы не можем знать, вышли ли они, — осторожно возразил я — может, им и удалось уйти.

— Навряд ли, — каноник на несколько секунд задумался, потом резко мотнул головой. — Нет! Я бы об этом знал. Они погибли на обратном пути, возможно на самом краю Мертвых мест. *Он* еще лежит где-то там! Надо вернуться и найти его!

Ничего себе!

— Но мы не знаем, куда они отправились. Я не нашел ничего, что могло бы это подсказать. Надо обшарить всю Солландскую Мертвую землю, чтобы...

— Чепуха, — Тереллин нахмурился — Такой мощный объект не может не указывать свое местоположение. Не может, — повторил он с нажимом. — Не может.

Подойдя к очагу, он помолчал, угрюмо мешая угли кочергой.

— Ладно, ступайте, — кинул он мне, не оборачиваясь. — Не отлучайтесь из города. Будьте готовы явиться немедленно. Передайте то же рыцарю Эйхе вместе с благословением Света. Я тем временем подготовлю новый поход. И никому не сообщайте подробностей вашей поездки! Как всегда. Теперь — ступайте.

В задумчивости я вернулся к себе.

Похоже, меня ждет еще одна поездка к гостеприимным топям. Эта штука действительно важна кому-то.

С одной стороны — плохо. Совершенно нет никакого желания тащиться в эти гиблые места снова, да еще и шараться там в поисках артефакта. Так и заблудиться можно! Амулету, похоже, особой веры нет — если он ошибочно указал местоположение один раз, где гарантии, что повторно он сработает как надо?

Но, похоже, это неизбежно. Тереллин имеет обыкновение вцепиться в дело, как бульдог, и не отступать, не добившись своего. В том году мы искали один хитрый амулет. И мне четыре раза подряд пришлось ходить в развалины города Нулн, проведя там, наверное, месяца три, пока я таки не нашел его!

Я вновь поднялся по своей кривой лестнице. Анхель уже лег спать, его босые заскорузлые пятки торчали из-под лестницы.

До чего же тут холодно! Толстенные каменные стены еще хранят зимний холод, и прогреются нескоро. Зимой, конечно, еще холоднее, но в зиму можно на ночь попросить жаровню. Уголь, оставшийся на кухне после приготовления пищи, раскладывают в такие железные корзины и разносят по dormitorioм и кельям. Не весть что, но, по крайней мере, засыпаешь в относительно тепле. А сейчас такой роскоши не положено — это монастырь, а не курорт.

Наутро все тело зудело и чесалось. Проклятье!

— Кто спал в моей кровати, пока меня не было? — спросил я Анхеля, принесшего поутру воду.

Тот сделал быстрый жест рукой, указывая пальцем в сторону dormitorioя.

— Брат Иоаким?

Он кивнул.

Вот старый сукин хрен! Узнал, что я в отъезде, и упросил настоятеля разрешить ему ночевать в моей комнате, пока меня нет. И притащил мне вшей из dormitorioя.

Как меня все здесь задолбало!

Избавиться от этой напасти невозможно. Стираешь, прожариваешь одежду, а потом раз — и снова полно вшей. Откуда они берутся — непонятно, как будто, Нургл их дерит, самозарождаются!

Ладно. Я стащил с топчана шерстяные одеяла и скатал их в куль. Скинул на пол солому. Остались голые доски, тщательно обструганные вручную. Заглянул под них — не стырил ли этот Иоаким мои вещи.

Нет, все на месте. Кольчужный койф,* ложе от арбалета, небольшой топор, одна кольчужная рукавица. Это я приволок из своих предыдущих вылазок.

По правилам монастыря, все это надо было сдать камерарию в общее хранилище. Но, я тут немного на особом положении, а каноник Тереллин отличается редким вольномыслием и на многое смотрит сквозь пальцы. Так что пока все это лежит у меня. И доспех я тоже не отдам. Себе нужнее.

Собрав все завшивленные вещи в один куль, и засунув за пазуху хауберк и рукавицу, я отправился в рефекторий завтракать.

Огромный зал на первом этаже был пуст — все еще молились. Оставив вещи на крайнем столе, я прошел на кухню.

Здесь суетились монахи и новиции, дежурящие сегодня по кухне — ей-богу, как в пионерлагере. В помещении стоял чад от двух огромных очагов, давно требовавших починки. Дальше стояли три хлебные печи — из одной из них уже выгружали горячие круглые хлеба. Келарь и лабазник суетились у котлов, отмеряя точные порции бобов и пшена для загрузки в кипящую воду.

Взяв у старшего диспенсатора половину горячего хлеба и кувшин молока, я присел в оконной нише рефектория** и позавтракал, чем Свет послал. Заходившие в трапезную монахи и послушники посматривали на меня косо. Теоретически, я такой же новиций, как и они, и должен либо молиться со всеми в зале капитула, либо дежурить по наряду от провикария. К тому же, завтракать тут вообще не принято. Сначала два часа молитвы, потом — сразу обед. Конечно, все уже привыкли, что я тут на особом положении, но неприязнь от этого никуда не исчезла.

Утолив голод, первым делом я нашел брата Гиппеля. Он как раз выдавал одежду новеньким зилотам. Те с любопытством посмотрели на меня, так непохожего ни на монаха, ни на послушника.

— Я понимаю, что надоел вам со своими просьбами, но, право же, не могу со смирением выносить то, что вынужден заочно делить ложе с другими братьями, пренебрегающими требованиями чистоты. Нельзя ли пропарить мою постель?

Гиппель понимающе кивнул, и забрал куль с одеялами. Увы, тут вши и иные насекомые — норма, и мои попытки избежать их не вызывают понимания. Камерарий Адабельт мне однажды даже выговаривал за это, считая тягу к чистоте недопустимой гордыней и любовью к роскоши.

Напоследок я взял на кухне крынку кипящей воды, и, снова поднявшись к себе, наконец-то, побрился. Для этого пришлось сначала точить бритву. Каждый шаг тут — целая проблема. То, к чему я привык в своем мире и почти не замечал, здесь без танцев с бубном не получить, а иногда и вообще, ни за какие деньги недоступно.

На воротах в этот раз дежурил Анхель. Еще раз он жестами попросил меня купить ему в городе обещанные цукаты. Эх, на юге это было бы дешевле!

Кивнув ему, я вышел наружу.

Первым делом надо было дойти до оружейника, отдать ему кольчужные предметы для добавлений в доспех.

Мастер и подмастерье сделали с меня множество замеров, попутно расспрашивая про то, каким оружием и как я предпочитаю пользоваться. Как и предупреждал меня рыцарь Эйхе, кавалерийский панцирь трудно было приспособить к пешему бою.

— Доспех очень тяжелый. И пластины у него собраны снизу вверх. В пешем строю вас могут ударить сверху вниз узким кинжалом, и он войдет в сочленение!

— Полагаю, сюрко скроет от противника швы доспеха, и он не догадается так ударить. Но, если можно что-то придумать...

— Без полной переделки — нет.

— Значит, положусь на благосклонность Неизбывного Света. Сколько времени вам понадобится?

— Полагаю, — мастер задумался — что смогу начать через четыре седмицы.

— Только начать? Я надеялся, это займет два-три дня!

Мастер был изумлен.

— Три дня? Это совершенно невозможно!

— Обстоятельства могут потребовать моего отъезда уже в ближайшее время. Все зависит от начальства, а оно, вы знаете, непредсказуемо. Давайте оставим пока серебрение, просто восстановим все крепления. Как быстро вы можете это сделать?

— Если ограничится самым необходимым, и отставить другие заказы, то в шесть дней можно уложиться.

— Прекрасно. Прошу вас, выполните пересборку доспеха в ближайшее время!

— Мы начнем сейчас же. Вам нужно будет прийти еще раз второго дня на дополнительную примерку.

— Хорошо. Мастер Канн, я вижу, что вам трудно рассмотреть предметы вблизи. Вы не думали приобрести очки?

Тот явно заинтересовался.

— Да, сударь, очки мне бы оченьгодились. Но в городе нет таких мастеров. А ехать в Аахенбург или Мариенстад я не могу — слишком много заказов...

— Я знаю мастера в Оденельштадте. Мне самому не доводилось воспользоваться его услугами, но знающие люди утверждают, что он — умелый оптик. Его святейшество викарий прелата Андтага пользовался его услугами и остался доволен!

— Но мне придется ехать в Оденельштадт?

— Не обязательно. Конечно, лучше был бы, если бы вы поехали, но мастер может выполнить очки заочно.

— Это было бы прекрасно, просто прекрасно!

— Тогда я в ближайшем походе заверну в Оденельштадт и закажу для вас пару очков. Обычно за них берут от пяти до десяти гротенов, окончательную сумму мастер скажет после изготовления заказа.

— Буду вам очень признателен.

— Да, и как там фройляйн Азалайса?

— Работает на кухне. С женой они вроде бы поладили.

— Отлично. Я найду, где ее разместить, и сразу же освобожу вас от этого бремени. Итак, через два дня я у вас. Пусть Свет не оставит Вас, мастер.

Выйдя из мастерской Кана, я по-свойски заглянул на кухню. Аззи была здесь, она шуровала палкой в большом медном чане с кипящей водой. Увидев меня, неподдельно обрадовалась.

— Оу, герр спаситель! Вы пришли освободить меня еще раз?

— Отчего? — спросил я тупо.

— От этой каторги, конечно же! — Аззи кивнула на кипящий чан. — Я уже два раза ошпарилась, и это только за сегодняшний день!

— Что, не любишь домашние хлопоты?

— Такая работа не для меня. Да еще и в этом ужасном месте! От одного нахождения здесь у меня голова болит.

— Гм. По тебе не скажешь. Ладно, давай так. Я думаю, тебя надо устроить в деревеньке возле города — у меня там есть пара знакомых поселян.

— Да, сударь. Где угодно, лишь бы не в городе!

— Будешь там лечить коровенок, только местных женщин не зли.

— Со всем удовольствием. И, сударь, может быть, вы будете так добры, и раздобудете мне тут какую — то одежду. Мне не терпится вернуть вам ваш плащ, чувствую, вы без него простудитесь.

— Ну, ты же меня вылечишь?

— Если вы статью схожи с быком — то запросто.

Вот язва.

— Ладно, я понял. Завтра тебя перевезу.

* койф — кольчужный капюшон

Глава 11

Рыцарь жил в доме вдовы, державшей прачечную. Улица, где находилось ее заведение, единственная в Андтаге была выложена брусчаткой, отчего и называлась Мощеной.

Дойдя, я постучал в дверь ручкой-кольцом. Окошко в двери открылось, подросток — сын вдовы — взглянул на меня.

— Привет, Миххель. Мастер Ренн здесь?

— Нет, герр Андерклинг, он с утра ушел куда-то. Но, думаю, вы найдете его у кордегардии.

— Понятно. Спасибо, Миххель, кланяйся от меня своей матушке!

Дверка захлопнулась. Похоже, рыцарь околачивается среди городских стражников, играя в кости, или сидит в каком-нибудь кабаке. Обычное дело.

Расспросив дорогой еще нескольких горожан, я нашел его у уличной таверны. Точнее, таверной это даже не назвать — просто три стола с лавками на улице. Еду и напитки подавали из окна дома, над которым опознавательным знаком висел обруч от бочки, переплетенный ячменной соломой.

За вынесенным на улицу столом рыцарь играл в кости в своей обычной компании.

— О, Энно! Присоединяйся к нам, приятель! — воскликнул он, увидев меня, и радушным жестом пригласил за стол. Сидевший рядом рыцарь Беренгард, старый знакомый Эйхе, тут же подвинулся.

— Ты же знаешь, что я не играю в это!

— Герр Андерклинг, может быть партию в «шашки»? — спросил меня Виллем, сын олдермена, полный добродушный юноша.

Меня тут страшно зауважали, когда я научил их этой игре. Я подумывал научить их и шахматам, но для этого надо было выточить шахматные фигуры. Сам я резьбу по дереву делать не умею, а заказать кому-то — вечно нет денег.

— К Кхорну шашки! — воскликнул Эйхе. Для него это была слишком замороченная забава. Даже находясь на службе, рыцарь не любил думать, а уж вне службы — тем более.

— Давай-ка отойдем, расскажешь мне, как все прошло. Берн, бросок за мною!

Мы отошли в подворотную арку соседнего дома.

— Ну что, денег за поход нам не видать? — хмуро осведомился Эйхе.

— Об этом и речи не было. Но, Ренн, нам, похоже, придется ехать снова!

— Как! Там же ничего нет?

— Тереллин считает иначе.

Я пересказал наш разговор с каноником. Рыцарь был озадачен.

— Боюсь, проедем мы снова зазря! Опять два месяца мотаться Свет знает где... Мне это начинает надоедать!

— Ну, считай, что это твой вассальный долг.

— Ха! Вассальный долг — 40 дней в году. И все, потом делай, что хочешь. Не надоело воевать — нанимаешься за деньги. Надоело — идешь на все четыре стороны, никто не вправе тебя задерживать. А мы мотаемся туда-сюда по четыре раза в год, а то и больше.

— Тогда считай это религиозным долгом!

— Знаешь, как по мне, — религиозный долг из тех, что не стоит спешить возвращать. Поклоны Свету можно отбивать, будучи уже дряхлым стариком!

— Хочешь дожить до старости? Да ты оптимист! Ладно, я тебя предупредил — из города нам сказали не отлучаться, быть готовыми предстать перед каноником по первому зову.

— Вот Кхорн! Слушай, Энно, я как раз хотел поговорить с тобой об этом.

— О чем?

— Да, насчет «отлучиться из города». Ты помнишь фон Хольштайна?

— Твой приятель? Раттбод фон Хольштайн, в поместье которого мы заезжали в прошлом году?

— Точно. Старина Ратт!

— Конечно, помню. Я в его замке чуть не околел от пойла, называемого там «элем»!

— Нормальный там эль. Просто нам тогда случайно налили из бочки для слуг. Так вот... Он собирается на охоту, которую устраивает барон фон Гельфрад. И может взять с собою меня!

— Гм. И как ты поедешь?

— Да, вот именно, как? У меня даже лошади нет!

— Ну, значит, придется вежливо отклонить приглашение, тем более что Тереллин...

— К Тзинчу Тереллина! Если я не поеду, меня в другой раз и не пригласят. А я сто лет не был на охоте, уже почти не помню, что там делать!

— А от меня ты что хочешь?

— Энно, — Эйхе вдруг перешел на несвойственный ему обычно просительный тон. — Добудь мне лошадь в монастырской конюшне! Ты же можешь!

Ничего себе!

— Это вот как ты себе представляешь?

— Да легко, — Эйхе, почувствовав, что я не отказываю ему с ходу и вопрос обсуждаем, перешел к делу, — ты же скоро отправишься на сбор десятин, как обычно?

— Не знаю. Конечно, срок для сбора как раз подошел, но отправят ли меня или кого-то другого...

— А ты вызовись сам. И тебе для этого дадут лошадь!

— Ну да...

— Вот ты эту лошадь отдай мне, а сам езжай на муле!

— А где мне его взять?

— Агнес тебе даст. У нее есть рослый, прекрасный мул.

— А она на чем будет развозить одежду?

— Ну, это я с нею договорюсь, — по лицу Эйхе было видно, что об этом он не подумал и сейчас озадачен — Тут ты не беспокойся.

— Как у тебя вообще дела с Агнес? Купчишка не досаждают?

— Как сказать... Эйхе снова потер свою, так и не сбритую с похода, медно-рыжую бороду. — Купчишка-то нет, отстал. Только у нее новая блажь. Она хочет, чтобы я на ней женился.

— Ну, вообще-то тебе давно пора остепениться!

— Да? — Эйхе посмотрел на меня, как будто я предложил ему сунуть голову в улей.

— И вступить в цех прачек?

— Какой еще цех?

— Прачечный. Если я буду ее мужем, то заодно стану главой и семьи, и дела. То есть мастером прачечной! Придется вступать в цех, сдавать цеховой экзамен на знание сортов мыла и щелока, и как нужно отмывать разные ткани. И все это в упленде в цветах цеха, и в переднике!

Я представил его перед корытом, выбивающим палкой чужие камизы, и не смог сдержать смеха. Ренн недовольно набычился.

— Ты мне зубы не заговаривай. Добудешь мне лошадь?

— Ладно, я попробую.

— Отлично!

Он хлопнул меня по плечу, и мы вернулись к столу.

— Выпьешь с нами? — спросил Беренгард, пропуская меня на лавку.

Я бы не только выпил, но и что-нибудь съел, но свободных денег не было совсем.

Эйхе крикнул на кухню, и мальчик — сын хозяйки, принес мне эль, ломоть хлеба и горшок с рагу из овечьего желудка. У рыцаря тут был кредит.

Виллем непременно хотел сыграть в шашки. Беренгард оказал нам всем любезность, взявшись вырезать клетки шахматной доски на грубо выструганном столе. Эйхе сначала протестовал, ведь из-за зарубок на столешнице теперь было нельзя играть в «полкрейцера» и трик-так, да и кубики костей будут падать по-другому.

— Ничего, дружище, мы вырежем «шашки» в сторонке, — сообщил ему Беренгард, и нарезал клетки с самого края столешницы. Берн всегда нравился мне — он покладист и не чванлив, даже несколько раз давал мне уроки боя на топорах. Служит он тоже по церковной части, только не в монастыре, как я, а повыше. Берн служит нашему сюзерену — он один из сержантов экзархата Виссланд, куда входит наш диоцез Андтаг. Молод, красив как Аполлон, умен и общителен, но, увы, небогат. Как и все мы здесь...

Я осторожно отпил мутную сладковатую жидкость, и принялся за рагу, черпая его, как все, хлебной коркой.

— Сегодня у Гельмиеры эль покрепче, чем всегда. Всегда сюда захожу, — сообщил Виллем, глядя на мои сомнения по поводу напитка.

— Лучший эль — только в монастыре! — сообщил рыцарь, любивший подчеркнуть богатство и влияние своего сюзерена, хотя гордиться тут, честно говоря, было нечем.

— Ну, как сказать, — Беренгард, немало поездивший по свету, любил рассказать о своих путешествиях. — Самый лучший эль, что мне довелось попробовать, был сварен в Мариенстаде. Они там скинулись всем городом и купили медный котел на пять бочек. Вот в нем эль получается просто великолепным.

— Ха! А как же они пользуются одним котлом всем городом сразу? Да еще и таким здоровым?

— Очень просто. Ставят сусло, потом заливают его в котел и варят. По очереди — чье время пришло, тот и варит. Потом сразу разливают по бочкам, там и охлаждают, и выдерживают.

— А где стоит у них этот котел?

— Возле ратуши, на площади.

— Это надо катить бочки с суслом на площадь, а потом обратно? Да вот еще!

— Зато все видят, из чего эль варится, и хорош ли он. Там народ всегда знает, в какой кабак стоит заглянуть, а какой обойти стороной.

— А я скажу, что в эле главное — грюйт*. Солод-то всегда примерно одинаковый, а вот

какие травы туда добавляют — это другой вопрос.

— Не скажи. Замочить солод — непростое дело. Бывает, он плесневеет, или еще чего похуже.

— Чтобы добрые люди не отравились — за этим должны следить эльманы. А я говорю про вкус и крепость. Вот оловянщики в Нордланде научились делать двойной эль — это когда сусло ставят не на воде, а на уже готовом эле. Крепкий получается- ухх! А в Лайтенце сейчас вошел в моду хмель. Варят эль с хмелем, получают «пиво».

— Вот это я бы попробовал — воскликнул Гиззер, немолодой горожанин с лицом, похожим на моченое яблоко, очень любивший как следует набраться. — Должно быть, хмель дурманит так, что с двух кружек окажешься под столом!

— А ты попробуй на Скорняжной улице эль с беленой — там упадешь от одной кружки. Только после этого можешь уже не встать. Правда, Гиззер?

— Давно пора это запретить, — авторитетно заявил Виллем. — От беленого эля люди, бывает, с ума сходят. Я слышал, мясник в соседнем Оденельштадте выпил такого, а потом зарезал соседа, приняв его за быка!

— Нет, это было подальше, в Мортенау, — не согласился Беренарт. — И принял он не за быка, а за зверочеловека. Так он сказал на суде, прежде чем его повесили. Нет, белена — это совсем скверно. Хуже только пиво с грибами, что любят наши зеленокожие друзья из Орквальда. А вот лайтенский хмельной эль — очень хорош, хотя и не настолько, как ты думаешь, Гиззер.

— И давно ты был в Лайтенце? — удивился Виллем.

Бернхарт усмехнулся.

— Ни разу в жизни там не бывал. Меня угощал кастелян замка Эбершрайк, когда я был там осенью. Ему привезли два бочонка аж из самого Лайтенца, и ничего не испортилось!

— Ты был в Эбершрайке? И что там? Готовятся к сейму?

— Думаете, сейм все-таки состоится? — спросил Брюнн, богатый торговец, наблюдавший за игрой Виллема с Беренгардом.

— Ходят слухи, — веско произнес стражник Аппель, глазами давая понять, что слухи эти исходят не откуда-нибудь, а от серьезных, кулуарно осведомленных особ, — что в этот раз император все-таки будет избран! И произойдет это как раз на сейме, что собирается в Эбершрайке!

Интересно, подумал я. Этот Эбершрайк — большой замок возле города Ахенбург, и принадлежит церкви. В самом Ахенбурге расположен конклав и дворец Пресветлого блюстителя. Если сейм собирают на территории церкви, значит, экзархи, в пику владыкам Кенигсланда и Штирланда, решили оказать покровительство князьям — выборщикам.

— Это будет достойным удивления событием, — заметил молодой Виллем, взяв сразу две шашки Беренгарда, и проведя свою «в дамки». — Мы сотни лет живем без императора и все уже привыкли к этому!

— Ну, вроде бы император есть — Карл Рейкландский!

— Да, но признают его только в Кенигсланде. А кто основные претенденты сейчас?

— Да, практически, все! В этом-то вся проблема!

— Я слышал, что Волленбурги набрали уже много сторонников — сказал Виллем, живо интересовавшийся движениями в высших сферах. — И он очень богат, не зря его называют «Синьором Лайтенца». Торговый город на берегу моря — это золотое дно!

— Да, Гетц фон Волленбург — известен далеко за пределами Виндесхейма. Но и

противников у них хватает. Только он не очень-то ладит с Церковью. Десятина, видите ли, ему в тягость!

— Это торгоши из Лайтенца его так настроили. Ведь это они платят талью, а не сам Волленбург!

— А я слышал наоборот. Историю со снижением тальи раздул сам граф. Его поэтому-то и призвали в город, что он обещал Совету Господ Лайтенца облегчение церковных налогов. Только он никакой не «синьор» им! Правит там по договору. Говорят, лайтенских альтманов просто трясет от возмущения, когда они слышат, как его называют «синьор Лайтенца». И не думай, что он может черпать с этого «золотого дна», сколько хочет. Тамошние торгоши — те еще скряги! Про таких говорят — «дашь корову — он просит и сена». Так что не торопись завидовать «синьору Лайтенца» — бьюсь об заклад, его подданные намного богаче его самого!

— Ну, без поддержки Церкви фон Волленбургу трудно будет стать императором — решил высказаться и я. — Ее авторитет...

— Да кого это интересует — возмущился Беренгард. — На сейме голосуют только князья. Да и то не все. А это люди широких взглядов, и церковники им не указ. Знаешь, как их сейчас зовут? «Светоши». Ха-ха-ха!

Все засмеялись, сочтя шутку крайне потешной.

— Вы абсолютно правы, рыцарь. Но, согласитесь, князья, прежде чем принять решение, тоже кого-то слушают? Они слишком заняты турнирами, охотами и любовницами, чтобы самим разбираться в делах. Кто нашептывает им решения?

— Да, у всех, — свои демоны.

Беренгард допил свой эль и поставил кружку вверх дном, чтобы ему налили еще.

— Кто-то слушает своих баронов. Кто-то — духовников. Кто-то живет душа в душу с экзархом церкви. А бывает, во всем слушают жену. Или любовницу. Раньше было проще!

Мальчик налил Беренгарду эля. Тот залпом выпил и продолжил.

— Раньше было проще. Все слушали придворного мага. А вот сейчас они не в чести, и право, зря!

— Тише, сударь! Такие речи непозволительны для служителя церкви!

— Я вроде бы среди друзей!

Эйхе решил прервать этот становящийся неприятным разговор.

— Оставим вопросы церковной политики, они недоступны нашему пониманию. Если жрецы говорят, что магия — это плохо, значит, нам следует принять это на веру. Я же могу сказать одно. Если бы меня кто-нибудь взял в Эбершрайк на сейм и дал слово, ей-Свет, я бы выбрал фон Кесселя. Это действительно храбрый воин и талантливый полководец. Я видел его под Марбахом. Скажу так — этот человек высечен сталью из камня. Рыцари за него горой стоят!

— Его рыцари, *Его* рыцари, Ренн — возразил Беренгард. — Но есть и те, кто его ненавидит.

Я встал.

— Главное, чтобы все не кончилось большой дракой. Ладно, господа, мне пора. Да, Виллем, чуть не забыл. У вашего батюшки в лавке, помнится, были славные сушеные груши и смоквы. Не осталось ли их? Мне немного надо!

— Да, извольте, я принесу.

— Не стоит трудов, пришлите мальчика в монастырь, я буду там.

— Как угодно, герр Андерклинг. Пару фунтов достаточно?

— Полагаю, да.

Наконец-то я не забыл про старика Анхеля.

Глава 12

Задача, подкинутая мне Эйхе, конечно, чертовски непроста! Тем не менее, поразмыслив, я решил, что стоит над ней потрудиться. Ренн все-таки славный малый, помог мне и с доспехом, и с длинноволосым недожаренным исчадием ада, и в бое на мечах тренирует меня помаленьку! В общем, решил я ему помочь. Ренн беден, как церковная крыса, и, если оружие для охоты он еще сможет где-то достать, то коня ему ни в жизнь не добыть!

В монастырь я вернулся незадолго до вечерней службы. Времени оставалось немного, так что пришлось поспешить к камерарию.

Брат Адабельт заведовал всем движимым имуществом монастыря и отвечал за сбор ренты с монастырских сервов. Поскольку я был «подвижной единицей», имеющей почти неограниченный доступ за ворота монастыря, он частенько поручал мне поездки по окрестным манорам, для проверки счетов и доставки собранных средств в монастырь.

Камерарий оказался в своей келье. Он копался в каких-то пергаментях, сверяя их с гроссбухом. Двое послушников помогали ему, поднося нужные документы и щелкая костяшками счѐт.

— Брат Адабельт, благослови вас Свет! Я прибыл узнать, не нужны вам мои скромные услуги!

— Всегда рад вам, брат. Вы знаете, что дел у меня всегда больше, чем сил на них. Я слышал, вы только вернулись из долгого похода. Может быть, вам не следует пока отправляться в путь, лучше передохнуть?

— Я полон сил, хвала Свету. Но, видите ли, брат Тереллин может в любой день отправить меня в новый поход, и тогда я долго не смогу быть вам полезен.

— Что же, я могу только возрадоваться такому рвению. Вы пример для всех наших новичиев, — камерарий покосился на послушников. — Подходите завтра до заутрени, и мы все устроим. Вы знаете, я встаю очень рано.

Тут все встают ужас, как рано, подумалось мне. Поклонившись, я отправился в свою крохотную келью.

Проснувшись в сиреневых сумерках, едва приведя себя в порядок, я заспешил к камерарию. Он уже ждал меня. При свете толстенной свечи он изучал разложенные по бюро пергаменты.

— Как замечательно, Энно, что вы пришли так рано. У меня сегодня до крайности много дел, так что давайте покончим со всем поскорее. Вот, посмотрите... Северо-западные и западные маноры, всего двенадцать деревень. Вам надо будет посетить четыре, забрать у ратманов деньги, — итого шесть рейксталеров и четырнадцать крейцеров. Также надо будет доставить двадцать фунтов воска, четыре куска полотна и два куска некрашеного сукна.

— Мне понадобится лошадь.

— Конечно. Возьми у конюшего, что тебе необходимо. Еще скажи келарю, пусть выдаст тебе в дорогу хлеб, сыр и эль.

— Благодарю, брат Адабельт. И вот что еще — сообщите отцу Тереллину, что я уехал по вашему распоряжению. Если я понадобится ему срочно, вы знаете, где меня найти.

Конюший оказался на своем месте. Он принимал от ризничего овес.

Новость о том, что я уезжаю, удивила его безмерно.

— Вы только приехали, брат Энно, — удивился он. — И опять вас куда-то посылают?

— Служение Свету превыше наших частных интересов, брат Гонорий.

— Гм. Не припомню, чтобы хоть раз видел вас молящимся Свету, брат.

— Поверьте, я бы очень хотел остаться в обители и вместе с братьями в одном порыве вознести хвалы Свету Всеблагому и Всесожигающему. Но мне придется вместо этого трястись по грязным лужам, называемым у нас дорогами, считать придорожных висельников, а потом собирать дань с нищих, грубых вилланов. И я очень надеюсь, что вы дадите мне не самую худшую лошадь! Кстати, кобыла рыцаря Эйхе не хромала с тех пор, как мы приехали?

— С лошадью все хорошо. Она болела в походе?

— Да, у нее слетела подкова, и ее скверно перековали.

— Эй, Сигамар, — брат Гонорий позвал конюха серва. — Посмотри-ка у Гернии — какое было копыто, Энно?

— Передняя левая... да, точно, левая нога.

— Передняя левая, Сигамар!

Рослый конюх прошел в загон к лошади и загнул ей ногу в колене, осматривая подкову.

— Подкова — дрянь, — сообщил он, — но сидит как влитая. Жалко снимать!

Я подошел посмотреть.

Действительно, роговая ткань копыта плотно прилегала к подкове и даже как будто обтекала ее. Казалось, копыто само подросло навстречу подкове и приняло ее в себя.

— Интересно...

— Вы хотите взять эту лошадь? Напрасно. Она у вас здорово исхудала в походе, ей нужно отдохнуть. Возьмите вот...

— Знаете, я бы не отказался от хорошего жеребца.

— Вы так хорошо научились ездить верхом в ваших странствиях, что готовы сесть на норовистого коня?

— Я готов рискнуть. И мне понадобится еще одна лошадь, для груза на обратный путь.

Конюший замялся.

— Позвольте предложить вам пригожего вьючного мула. Он не создаст проблем, а для вьюков подойдет лучше любой лошади!

Я мысленно вздохнул. Все мне нынче сватают мулов!

— Хорошо, брат Гонорий. Буду дорогой смирять гордыню!

— Прекрасно. Сигамар, оседлай Ифрита. И приведи брату Энно какого-нибудь мула помоложе.

— Накиньте на него попону и повесьте пару вьючных мешков.

— Хорошо.

Пока четвероногих готовили к походу, я дошел до келаря по поводу продуктов в дорогу. Он ожидаемо отправил меня к ключарю Гиппелю. Толстяк, хлопотавший на кухне, выделил мне весьма щедрый пай из хлебов, сыра и даже выделил круг кровяной колбасы.

Выйдя за ворота верхом на Ифрите, с мулом в поводу, я кое-как доковылял до Мощеной улицы. Эйхе вместе со своим «пасынком» Миххелем ждал меня у порога.

— Отлично! Кхорн побери, просто великолепно! Высоченный молодой жеребец! Как у вас получилось, Энно?

— Наверное, брат Гонорий просто хотел бы увидеть меня с переломанными ногами! И, Ренн, я очень надеюсь, что с конем ничего не случится!

— Не беспокойся. Вот твой мул! Жаль, что на конюшне нет охотничьих собак!

— Собак нет. Но ты можешь арендовать рогатину или охотничий меч у мастера Кана!

— Непременно, дружище! Непременно!

— Я, кстати, отправляюсь к нему. Миххель, перегрузи торбу с жеребца на мула.

— Я займусь сборами. За мной должок, Энно! До встречи!

И Эйхе взялся за сборы на свою охоту, а я поехал к оружейнику.

Подъехав к мастерской Кана, я позвал Азалайсу. Сначала выглянула кухарка, потом — жена Кана, а через пару минут и сама Аззи. Она была в камизе и робе, явно ей маловатой.

— Нам пришлось выдать ей рубашку и платье, чтобы она выглядела прилично, — с недовольным лицом сообщила мне супруга Кана.

— Благослови вас Свет. Я заплачу за эту одежду при расчете с мастером за доспех, — сообщил я.

— Не задерживайте с этим, сударь, — надменно попросила фрау Кан и величественно удалилась.

— Садись на мула, фройляйн, — обернулся я к Аззи. — Извини, он без седла.

— Я могу и так пойти, — сообщила мне Аззи. — Я не имею привычки отягощать своим телом других живых существ.

— Ну, хочешь — иди пешком.

Аззи действительно не села на мула — она взяла его под уздцы и легкой упругой походкой отправилась за мною. Она была в прекрасном расположении духа.

— Куда мы идем?

— В деревню в десяти лигах отсюда.

— Десять лиг — это сколько?

— Если будем идти также как и сейчас — до заката успеем.

— Отлично. Наконец-то прочь из этого ужасного места! Тут задохнуться можно, и постоянно кого-то убивают.

— Кого убивают?

— Сегодня в доме, где я жила, зарезали петуха. А вчера — ягненка. Это очень нехорошо — убивать таких маленьких ягнят только из-за того, что у них мясо мягче, чем у взрослых! А уж как воняет и на улице, и в доме.... А люди друг на друге живут, спят в одной кровати по трое, по четверо!

— Ну и прекрасно. Ты мне вот что расскажи. Тебя когда с костра стащили, у тебя половина одежды уже сгорела. А на тебе — ни ожога. Как ты так сделала?

Азалайса слегка нахмурилась.

— Я могу так делать с самого детства. Умела, с тех пор как себя помню.

— Так-так. И как ты это делаешь?

— Я не могу это объяснить непосвященному.

— Ну, уж как-нибудь постарайся объяснить непосвященному мне, иначе придется объяснять какому-нибудь вполне компетентному инквизитору!

— Вот зачем вы пугаете бедную девушку!

— Тебя, похоже, не так-то просто испугать.

— Да уж, насмотрелась я всякого, что есть, то есть.

— Ладно, не хочешь рассказывать, не надо. А вот как ты копыто лошади залечила?

— Травами, — лукаво улыбнулась Аззи, на ходу поглаживая морду своего мула.

— Да это же отлично! Ты нарастила ей с полдюйма копыта за одну ночь, и все это травами! А как называются такие травы?

— Ну, уж и не полдюйма, неправда это, намного меньше...

— Но за одну ночь?

— Так я всю ночь тогда не спала, разве вы не видели?

— Видел, видел. В общем, копыто ты нарастить можешь...

— Сколько-то могу, правда.

— А зубы? Зубы умеешь?

Она замялась.

— Ну, это немного другое... Да и надо ли? Если лошадь теряет зубы, значит она старая. Что ей растить зубы, все равно скоро помрет!

— Я, на самом деле, не про лошадь. Мне тут зуб недавно выбили. Может, посмотришь, а?

Она оторопело посмотрела на меня.

— Я, сударь, больше быков и коров лечу, людей я не очень-то умею!

— А ты попробуй. Мы не так уж сильно отличаемся. Если будешь лечить людей, да еще и так успешно, как ту лошадь, тебе будут платить ОЧЕНЬ хорошие деньги. Доктора всегда в цене.

— Доктора?

— Да. Такие люди. Лекари. Залечивают раны, болезни. Предотвращают эпидемии. Я думаю, ты смогла бы!

Она задумалась.

— Раны я умею лечить, и очень хорошо. Правда, в деревне мне приходилось многое скрывать, но всё же ко мне обращались, и людей я, бывало, тоже лечила, не только скотину.

— Вот и славно. Клиентов я поначалу смог бы тебе поискать, потом — сами потянутся. Тут главное — не попасть в инквизицию.

— Это те, кто сжигают людей?

— Ведьм. Вурдалаков, ведьм, оборотней, гхоллов, прочую нечисть. Иногда, конечно, ошибаются. Вот тебя, например, взяли и отпустили.

— Вот чего мне совсем не хочется, сударь, так это — на костер. Лучше без денег, но зато не изойти на дым и золу. А вот как «предотвращать эпидемии»?

— Ну, вот будет эпидемия, мы с этим и разберемся. Скажем, во время чумы палатки окуривают дымом. От холеры — вроде надо кипятить воду. От тифа — морят вшей... Кстати, Аззи. А не можешь ли вывести у меня вшей? Уже замучили, право слово.

— Могу, конечно, — Аззи усмехнулась, — как и любая женщина, не ослепшая от шитья.

— Нет, не просто выбрать их, а вот, чтобы их никогда уже не было, вообще. В наших местах, скажем, на собак надевают ошейники от блох, и пока такой ошейник надет на собаку, блохи ее не беспокоят.

Аззи хихикнула.

— Думаете, вам пойдет ошейник? А я слышала, господа предпочитают золотые цепи!

Болтая таким образом, мы достигли городских ворот. Тут я увидел знакомую фигуру. Рыцарь Беренгард и еще трое всадников выезжали в те же ворота.

— О, Энно! Куда вы собрались?

— Монастырь послал меня в свои поместья собрать и привезти полугодовые платежи.

— Похоже, мы с вами будем попутчиками. И даже, соучастниками, ха-ха. Мы едем собирать талью с северных земель.

— Прекрасно. С таким прекрасным собеседником как вы, рыцарь, время в пути пролетит как один миг. Ваши спутники...

— Да, разрешите вас взаимно отрекомендовать. Энно Андерклинг, юнкер, слуга церкви, человек, чье происхождение загадочно как таинства Света, принесший в этот мир дивную игру под забавным названием «шашки». Это, — он указал на немолодого господина, одетого в дорогой, тонкой ткани шаперон и теплый серый камс, с бляхой на толстой серебряной цепи, — герр Карл фон Эсперн, прево округа Хаммельбург, куда мы и направляемся для исполнения своего долга. Господа Курт Шварцмюллер, секретарь казначейства, и Нильс фон Родерик, советник, равно как и я, сопровождают господина прево в его поездке.

Господа благосклонно мне поклонились.

— Чрезвычайно рад познакомится с вами, герр Андерклинг! — сообщил молодой Нильс. Жаль только, что мы не сможем поиграть в дороге в ваши замечательные «шашки».

— Да, вот ели бы мы ехали в шарабане, как у герцога, можно было бы играть хоть всю дорогу!

— Ничего, в хорошей компании время летит незаметно. А ваша спутница, простите...

— Азалайса, Азалайса ...э... Андерклинг, моя двоюродная сестра.

— Приятно познакомиться, фройляйн. С вами дорога будет вдвойне приятней!

Мы дали шпоры своим коням (или пятки бок мулам) и, пригибаясь, проскочили в городские ворота.

* грюйт — смесь меда и трав, добавлялся в эль до того, как начали применять хмель

Глава 13

Пройдя через ворота, мы покинули славный город Андтаг и после длинного, как исповедь бриганда, предместья оказались среди полей. Дабы завязать разговор, я обратился к своим новым знакомым.

— Так вы, значит, служите у в экархате?

— Моя семья служит герцогам виссландским уже четыреста лет, — со значением ответил Эсперн. — Но я счел за лучшее поступить на службу Церкви!

— Вот как? Вы — старинного рода? Но, где же ваши земли? Я немало ездил по Виссланду, но не встречал вашего герба!

— Наш род испокон веков владеет землями на востоке Рейкланда, — недовольно сообщил Эсперн. — А вы откуда родом? Впервые слышу такой странный акцент!

К счастью, я знал, что ответить. Когда-то давно каноник научил меня отвечать на такой каверзный вопрос. Мое произношение напоминало ему выговор немногочисленных беженцев из Лужицкого княжества, разоренного нападениями горных троллей...

— Я родом из Лужице, это за пределами земель Империи.

— Никогда не слышал, — пробормотал Эсперн.

Очевидно, после этого я для господина прево утратил интерес как собеседник. Он придержал лошадь и отстал от меня. Его место занял Беренгард.

— Ваша родственница ведет мула в поводу. Так она отстанет от нас! Разве она боится сесть на него?

— Сейчас спрошу.

Придержав своего мула, я крикнул Азалайсе:

— Эй, сестрица! Тут господа интересуются, не боишься ли ты своего мула!

Той явно не понравилось такое предположение. Сердито взглянув на меня из-под капюшона моего же плаща, она ловко, одним махом вспрыгнула на мула, сев ему на спину боком.

— Так-то лучше. А то придется тебя ждать через каждую лигу, а нам недосуг. До Вайзе еще доехать надо...

— Вы останетесь в Вайзе? — спросил Беренгард.

— На какое-то время да.

— Так значит, там наши пути разойдутся. Жаль, я уж понадеялся на большее! Придется мне дальше слушать нудные рассказы Эсперна про чистоту крови и важность соблюдения приличий в обществе.

— Он так увлечен этим? Понятно теперь, почему он не захотел ехать рядом со всадником на муле!

А уж что он подумал о моих сапогах, и босых ступнях Азалайсы, мне и представить страшно.

— Ваш командер, Эсперн, не из этих мест?

Беренгард кивнул.

— Он родом из кенигсландских диссидентов.

— Откуда?

— Я же говорю, из Кенигсланда. Когда-то были вассалами рейкландских князей. Но, когда те объявили себя королями и наследственными императорами, перешли в Виссланд. Вы не слышали об этом?

— Признаться, нет.

— Тогда большая группа баронов и рыцарей, особенно тех, чьи земли граничат с нашим княжеством, объявила, что граф Рейкланда, объявив себя королем, нарушил вассальную присягу. Большинство перешли к князю Виссланда — вместе со своими владениями, разумеется. Было три войны из-за этого, пока не заключили договор. Часть территории королю пришлось уступить. Некоторые из диссидентов стали фрайхеррами, как и наш род, кстати сказать. Эспернам не повезло — потеряли большую часть владений, хотя до сих пор считают эти земли своими. И теперь служат нашему князю за жалование.

— Понятно. А вы, Беренгард, оказывается, фрайхерр?* Вольная птица?

— Нет. Лет семьдесят назад мы присягнули фон Виссландам. Получили небольшой фьеф, построили замок. Голодных ртов становится все больше, так что приходится служить. Уже много лет мы идем по церковной части, я и рыцарство получил, подвизаясь на церковных поручениях.

— И как вам служба?

— Да Кхорн бы ее побрал!

Морщась от утреннего солнца, Беренгард скинул с себя плащ, оставив его на крупе лошади.

— В деревнях везде примерно одно и то же. Я не раз уже ходил в походы по наполнению казны, можно сказать, только этим и занят последних три года. Нам говорят, что надо призвать к порядку вилланов, только вот причина всегда была не в них.

— А в чем же? Господа шалят?

— Вот именно! Уклоняются всячески, придумывают то мор, то саранчу, то гоблинов, то зверолодей. С мужиков при этом дерут всюю, а вот наверх отправить забывают. И эта постоянная грызня из-за пошлин!

— Пошлин?

— Все подряд ставят свои таможи и собирают «цолле» с проезжих по своему усмотрению. Раньше только бароны, а теперь — и фрайхерры, и даже рыцари собирают цолле** или маутин за проезд по своей земле!

И Бернхарт коротко, но выразительно выругался.

— А знаете, почему сейчас торговцы ездят с одной пустой телегой?

— Я далек от торговли, мой дорогой друг!

— Так вот, представьте себе, идем мы по такой вот дороге, и вдруг — ров прямо поперек. А у нас полный воз с товаром. Мы начинаем сгружать товар на землю, чтобы проехать пустой телегой, и тут же появляется коннетабль местного барона, или сенешаль, а то и сам владелец земли, и заявляет, — «а это все теперь мое, раз лежит на моей земле». Так и приходится теперь возить пустую повозку, чтобы перегружать тюки не на землю, а на нее.

— И часто так бывает?

— Видимо, нередко, раз торговцы пошли на такие меры! А главное — ни князю, ни экзарху от этого — ничего, все идет этим нургловым раубриттерам!

— Ну, талью — то они должны платить и с этих доходов!

— Должны. Но как ее счесть, не зная, сколько они награбили?

— Может быть, если будет избран император, порядка станет больше?

— Наверяд ли.

Солнце уже припекало, так что Бернхарт расстегнул ворот дублета, благо Аззи ехала где-то сзади, и большого нарушения приличий тут не было.

— Император не будет заниматься такими мелочами. Его хотят избрать не для этого.

— Хм. А зачем же?

— Ну, во-первых, в пику королевским домам. Король Кенигсланда считает себя императором как наследник легендарного Карла-Франца.

— Это тот, что правил в незапамятные времена, еще до Погибели Мира?

— Да, именно он. Мало того, что его наследники объявили себя королями, так еще и на императорское звание претендуют. Мол, раз новый император не избран — титул передается внутри Рейкландского дома, по наследству.

— Но ведь с тех пор прошло уже много веков?

— Добрых две тысячи лет минуло. И никто достоверно не знает, течет ли кровь этого Карла-Франца по жилам правителей Кенигсланда и Штирии!

Я тоже решил расстегнуть дублет. Благо плащ мне не мешался — он был у Аззи.

— Конечно, за две тысячи лет что угодно могло случиться.

— Раньше, — Беренгард привстал в седле, осматривая дорогу впереди, — когда конгрегация Магов Жизни еще не была под запретом, ходили упорные слухи, что благородная кровь прежних времен почти вся сгинула во время Великой войны с Хаосом. Не зря те времена называли Погибелью Мира! И нынешние аристократы не имеют к Старой Империи никакого отношения.

— Даже претенденты на императорскую корону?

— Вероятно, да. Возьмем, к примеру, Дом Волленбургов. Их предок, говорят, был баннеретом в одном из имперских отрядов. Потом, когда погибли все старшие офицеры, он стал командиром остатков того отряда. По окончании Великой войны он основал небольшой вооруженный лагерь, который потом и разросся до «бурга».

— А Кессели?

— Фон Кессели тоже никакого отношения к древней императорской фамилии не имеют. Они еще до Погибели Мира были правителями Остенмарка. Фон Гернсгебиты вообще пришли откуда-то из Приграничного княжества, и были они, говорят, наемниками — норсками. О, смотрите-ка, да это новенькие!

Беренгард указал на стоящую у дороги виселицу, на которой болталось в ряд три свежих трупов.

— Как думаете, господа? — крикнул Берн, обернувшись к едущим сзади спутникам. — Разбойники или браконьеры?

— Разбойники! — прокричал Эсперн.

— Браконьеры, — возразил Шварцмюллер.

— По гротену, полагаю?

— Да!

— А вы, Нильс? Нет? Ну, ставки сделаны!

Мы подъехали ближе.

Несколько здоровых ворон с противным карканьем снялись с висельников, но далеко не улетели, рассевшись на соседних дубах и грабах. Свежие трупы тихонько раскачивались ветром.

Два молодых парня и пожилой виллан. Возможно, отец и сыновья. Домотканная одежда

свисает ключьями. Никому не приглянулись их лохмотья, так и висят на трупах. А еще говорят, что плохо живем!

— Так, что там у них написано....

Беренгард привстал, рассматривая табличку на виселице.

— «Бунтовщики». Господа, вы все проиграли. Извольте отдать выигрыш мне!

— Игра называется «Угадай висельника», а не «отдай деньги Беренгарду», — возразил Эсперн. — Однако, странно, что их только трое. Бунтовщики обычно ходят отрядами побольше!

— Ха, да вы, сударь, как будто в первый раз едете по дорогам славного Виссланда! Они, может быть, что-то сперли у местного фьефера или сенешаля, а он со зла и объявил их бунтовщиками, чтобы к судье не возить, а повесить на месте. Неужели вы раньше о таком не слышали?

Мой мул приняхался, и, почуяв мертвечину, испуганно всхрапнул. Я поспешил отъехать от скверного места. Сразу же вороны с карканьем облепили свежих покойников, отчего они стали раскачиваться еще сильнее. Тут принято вешать разбойников вдоль дороги, наверное, чтобы путешественникам было нескучно. Особенно много висельников появляется весной, когда до урожая еще далеко. Удивительно, как быстро я к этому привык...

К вечеру этого жаркого дня мы достигли деревни Вайзе. Я с Аззи отправился к старосте на постой. Все мужчины были в поле, но жена ратмана, фрау Эвер, меня узнала и пропустила нас в дом.

Ратман жил неплохо. Конечно, он был всего лишь вилланом шеффенского звания, и дом его, далеко не новый, не имел ни дымохода, ни деревянного пола внутри. Но стены были вымазаны свежей глиной, остававшейся белой почти до человеческого роста — это значило, что даже когда очаг горит, можно ходить в полный рост, и глаза не будут слезиться от дыма. Над очагом висел свиной окорок и ребра. В доме не было следов содержания скотины. И коров, и овец они держали в отдельной пристройке за стенкой.

Внутри имелась бочка, использовавшаяся, видимо, в качестве сундука, и здоровенная деревянная кровать, где спали и хозяева и все их домочадцы. Конечно, никаких перегородок, делящих дом на комнаты, не было и в помине, придется спать в общем помещении вместе со всеми. В прошлый мой приезд староста раболепно пытался уступить мне свою кровать, отчего я насилу отказался.

— Не болеет ли у вас скотина? — спросил я у фрау Эвер.

— Да, сударь. По весне такое часто бывает! Две овцы кашляют. Они лежат в загоне.

— Эта фройляйн — я указал на Аззи — посмотрит их, как только мы отдохнем и перекусим с дороги.

Хозяйка дала нам горячий хлеб, весьма недурный на вкус, почти без отрубей. В этой местности пекли серый хлеб из смеси пшеницы и ржи, в неурожайные годы добавляя ячмень. Монастырский хлеб, который мне дали в дорогу, был, конечно, намного лучше — с коричневой коркой и желтоватым мякишем, он пекся целиком из пшеничной муки. Его я решил придержать — ездить по деревням еще придется немало, а такого хлеба там не найти. Мы доели остатки сыра. От деревенского эля я опасливо отказался, а вот молоко пришлось кстати.

Затем с полей пришли староста и два его сына, а женщины ушли смотреть больных овец. Староста Вайзе, Франц Кюн, крепкий, еще нестарый фермер, встретил меня настороженно.

— Сударь, мы еще не собрали положенные монастырю платежи, — сообщил он. — Все заняты севом, никто даже не ездил на рынок. У нас нет сейчас денег!

— Любезный, я сейчас еду на сбор ренты и начал с вашего селения. Возвращаться я буду тоже через вас. Полагаю, случится это дней через восемь. Извольте подготовить требуемую сумму к тому времени.

У ратмана Франца задрожали губы.

— Герр Андерклинг, эта отсрочка нам не поможет. Лишь через месяц мы поедem в город продавать телят, и тогда сможем расплатиться с диоцезом.

Я задумался. Прибегать к репрессиям не хотелось. Это хорошие люди, к тому же, возможно, именно у них я оставлю Азалайс, так что обижать их мне было ни к чему.

— Скажите, герр юнгер, — осторожно проговорил ратман — не отвернется ли Свет от селения за нашу неисправность? Мы, правда, не можем сейчас заплатить!

— Как я могу это знать? Я всего лишь юнгер, — в тоске пробормотал ему я.

«Светоши», как их назвал Беренгард, усиленно втирают своим вилланам и сервам, что своевременная выплата тальи — светоугодное дело, и если этого не сделать, небесная кара не заставит ждать. Мол, у всех будет солнце, а на вашу деревню еретиков опустится тьма. И ведь верят. В прошлом году я слышал про серва, который не смог выйти на монастырские работы, потому что болел. Потом его так запугали этими карами, что он в итоге повесился. И когда вилланы задают мне такие вопросы, отвечать на них очень не хочется. Потому что отвечать надо, как все, не отклоняясь от линии партии.

Вернулись женщины из овина.

— Сможешь ли ты вылечить этих овец? — спросил я Азалайсу.

— Они кашляют, потому что у них в легких завелись черви. Такое часто бывает. Я дам снадобье, которое вылечит их за несколько дней.

— Завтра посмотри и других животных в деревне, наверняка таких много!

Тут мне в голову пришла неплохая мысль.

— Давай-ка сделаем так, приятель, — обратился я к старосте. — Вот эта фройляйн, Азалайса Швайнфельд, искусна во врачевании коров и прочего скота. Она побудет тут несколько дней, и всех, кого она вылечит, я заберу с собой в город. Там мы продадим эту скотину, и рассчитаемся за вас по ренте для диоцеца.

Староста явно оказался в замешательстве от столь необычных условий.

— Вы ничего не потеряете. Эта скотина без лечения подохнет, и вы не получите ничего.

— Что же, боюсь, у нас нет выбора. Вы тут власть, герр Андерклинг, мы лишь можем согласиться с вашими условиями!

— Ну и славно. Обговорим это еще раз утром. Кстати, как у вас тут на дорогах? Гоблины, орки, бриганды не трогают путников?

— Уже пять лет никого не было, — ответил староста, пряча глаза. — Они если и бывают, обычно осенью, когда урожай поспеет.

Деревенский ратман не зря сконфузился от моего вопроса. Раньше ведь старосты сами привозили оброк в Андтаг. Но затем почему-то начались разбойные нападения, когда грабители отнимали у старост деньги, а самих их не трогали. После нескольких инцидентов за деньгами стали посылать людей из монастыря, и нападения чудесным образом прекратились.

Вернулась Аззи с охапками каких-то трав. Спросила у хозяйки котел. Та принесла неплохой медный котелок, сильно попользованный, но еще крепкий. Аззи, глядя на меня,

сделала умильно-просительную гримаску.

— Герр Энно, не могли бы вы помочь мне отнести котел к лесу?

Я отнесу, я не гордый. Взяв котел и хозяйский топорик, я пошел за ней к ближайшей рошце, жидкой цепью тянувшейся вдоль ручья.

С дровами все оказалось непросто. В своем мире я привык, что, придя в лес, можно сразу найти уйму коряг и упавших сухих веток на костер. Тут не так. Рошца принадлежит монастырю, и рубить ее нельзя. Вилланы ходят туда каждый день, собирают сучья и хворост, так что не найдешь ни ветки.

Я, как эмиссар монастыря, конечно, мог что-нибудь и срубить. Только тут тоже все непросто. Во-первых, сухостой еще надо найти, ведь такие деревья быстро падают и их сразу забирают вилланы. А живое дерево с влажной от весенних соков древесиной мы просто не сможем использовать.

Во-вторых, срубив дерево, получаем пень. По этому признаку егерь или какой-нибудь другой церковный министерал решит, что вилланы совершили потраву, и накажет деревню.

Колдунья, услышав мои затруднения, только рассмеялась. Подойдя к чахлому, пораженному какой-то болезнью грабу, она коснулась его рукой и что-то зашептала.

Сначала, вроде бы, ничего не происходило. Но затем я увидел, что листья дерева на глазах иссыхают и скручиваются. Кора его стала сухой и ломкой, ветки безжизненно повисли. Такое я видел только в научно — популярных передачах, когда природу показывают на ускоренной съемке. Вживую это выглядело страшно.

Оа точно, ведьма. Может, зря я ее тогда спас? Надеюсь, моя защита от магии надежно действует и против таких ее видов...

— Теперь руби — сказала мне Аззи, оторвавшись от дерева. — Только не очень низко, вот тут — она чиркнула ногтем по стволу дерева примерно на уровне пояса.

Не без труда я свалил его. Древесина оказалась настолько сухой, что топор со звоном отскакивал, отдавая болью в руках. Аззи тем временем, спустившись к ручью, почистила котел речным песком, оттирая копоть и остатки еды, потом набрала в него воды, черпая ее ладонями, и что-то тихонько шепча при этом.

Когда я, наконец, высек кресалом огонь, и тонкое оранжевое пламя охватило ветки, у все было готово. Осталось только приладить котел над огнем, вкопав в землю крепкие суковатые колья.

Потом Аззи кидала в котел травы и растертую кору, шепча свои заклинания. От варева поднимался легкий белый дымок. Оглянувшись на срубленный мною граб, я не поверил глазам — из его пня уже лезла молодая зеленая поросль, поднимаясь выше моего роста. Вот это да!

— Он вырастет через несколько дней. Будет дерево выше прежнего, — сообщила Аззи, заметив мой изумленный взгляд.

— Ты много чего умеешь, я смотрю. И копыто можешь вырастить, и дерево. И все это с невероятной быстротой. Никогда не поверю, что это можно сделать без магии!

— Ты умный парень, Энно. Конечно, это она!

Вот это да!

— Так-так-так. То, что ты применяешь — это магия жизни?

— Так ее называют жрецы Света. Мы зовем это «Священный дар богини Шаллии».

— Но это...запрещено!

Она остро глянула мне в глаза.

— И что? Сожжешь меня на костре?

— Я — нет. А вот первый попавшийся инквизитор...

— Поэтому я и жила себе тихонько в глухой деревне. И даже там меня достали. А ты меня таскаешь по городам с кафедральными соборами!

— Ну, надо же было предупредить!

— «Предупредить», — передразнила она. — Ты даже половины не поймешь того, что я тебе могла бы рассказать.

— Ну, уж как-нибудь попробуйся.

Мы проговорили полночи. Потом я улегся на охапку камыша, брошенную у костра. В мою «постель» Аззи добавила какие-то травы.

— Чтобы не было вшей и прочего, в свою кровать надо укладывать подмаренник и мяту! И мыться почаще.

Я уснул, глядя на темно-красные угли. Азалайса же, казалось, не нуждалась во сне. Когда я засыпал, она еще колдовала со своими травами, помешивая булькающее в котле варево.

Глава 14

Наутро, оставив Аззи лечить местный скот, я поехал по другим деревням.

Дорогой я вспоминал ее вчерашний рассказ. Учение Шаллии оказалось причудливой смесью вполне научных сведений и какого-то дикого шарлатанства. Шаллийки — в основном, как я понял, это были женщины — знали, что все организмы состоят из клеток. Они называли их «монады». И им было известно, что если изменить малую часть такой «монады», то можно получить организм с иными, улучшенными свойствами, а то и вообще, какое-то новое существо. И они это делали с помощью своей «магии жизни», причем могли вытворять такое, «что и не снилось нашим мудрецам».

При этом в дела людей они старались лишней раз не соваться. Но, в целом, шаллийки относятся к нам без особой симпатии, что к простому люду, что к господам.

— Слишком много убийств. Слишком много жестокости. Шаллия милосердна, мы не одобряем ни ваших войн, ни скотобоен — с легким презрением объяснила мне Аззи.

— Но, дерево ты только что засушила без особых сожалений. Ого, уже как выросло!

— Я же говорю, оно отрастет от корня за несколько дней. Мы не отрицаем смерть, это было бы глупо. Все, что родилось, когда-то умрет, так устроен круговорот жизни. Но не надо умножать сумму скорби в этом мире! Если что-то умерло, пусть что-то родится. Если причинил зло, принеси и благо. Мы верим в это, и в грядущее Великое Слияние, когда все живое воссоединится в лоне Матери-Жизни.

Конечно, я задал вопрос про ведьм. Аззи нахмурилась, отвернувшись к костру, склонилась над котлом. Даже со спины было видно, как неприятен ей этот вопрос.

— Те, кого ты называешь «ведьмами» — это еретички нашей веры, — наконец ответила она тихо. — Они получили наши знания, но не приняли наши нравы, нашей дестинации. Свои умения они используют только во благо себе. Эта жадность и приводит их к союзу со злом — Хаосом или Смертью.

И после этого замкнулась в себе, и ничего больше мне не рассказала.

Наконец я прибыл в деревеньку Граббе. Тут, как оказалось, тоже были проблемы с деньгами. Вилланы еще не закончили сев, а уже начинались сенокосы. У поселян просто не

было времени съездить в город, чтобы что-то продать, и заплатить налог церкви. В двух других селениях ситуация была точно такой же.

Пришлось везде договариваться на натуральную оплату таким же образом, как и в селении Вайзе. И вскоре мне пришлось сопровождать Аззи по всем четырем деревням. По дороге на Альтхаген я решил напомнить и о себе.

— Я вижу, ты творишь чудеса. Прекрасно лечишь скот любого рода. Насекомые меня тоже не беспокоят. Так как насчет моего зуба? Можешь вылечить?

— Сударь, вы же не теленок, как я вас буду лечить?

— Муу!

Она рассмеялась, задорно и весело.

— Хорошо, давай посмотрю. Открывай рот. Таак...

Она поковыряла веточкой в лунке зуба.

— Он не совсем выбит, скорее сломан. Осколки торчат в десне. Вы, я смотрю, не чистите зубы?

— Хм. А чем их тут чистить?

— Мелом или белой глиной. Еще люди чистят сажей.

— Сажей? Seriously?

— Да, и выходит очень здорово. Особенно если сжечь сухие лекарственные травы и собрать от них сажу. Только нужно тряпочку для этого.

— Хм, надо попробовать. А что все-таки с выбитым зубом? Соберешь какой-нибудь настой?

— Соберу, соберу. Как тут вам отказать...

— Вообще лечить людей намного выгоднее, чем скот. Мы можем денег на этом заработать — ух! А может ты и сапог мне залечишь?

Посмеявшись снова, Аззи пошла за травами для меня. Вскоре она уже накладывала мне компресс, хмурясь и что-то при этом шепча. Выглядела она озадаченно.

— Что-то не получается?

Она задумалась, внимательно осматривая зуб.

— Не знаю. Надо утром посмотреть, — мрачно сообщила она, задумчиво кусая прядь волос. — Тут скоро будет озеро, давай остановимся у него!

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую. Водой пахнет.

Действительно, через полчаса мы увидели широкое озеро с берегами, поросшими камышом. Напив мулов, мы наломали сухого камыша и сделали лежку на берегу озерка.

В первый раз я оказался с Аззи наедине. Конечно, в голову стали приходить разные интересные мысли... А ведь у меня уже с год ничего не было. В монастыре особо не разгуляешься по понятным причинам. Шлюхи на постоянных дворах — это просто кошмар, а с «приличными женщинами» в походах не познакомишься. Обычно в селениях, возле которых мы вставали лагерем, все женщины просто исчезали, на улице появлялись только мужчины и старухи. Понятная предосторожность. А она, в общем-то, симпатичная...

Короче, в конце концов, я все-таки заснул.

Удивительно, как быстро можно выспаться на свежем воздухе. Солнце только встало, как я уже открыл глаза. Рядом послышался плеск воды.

Оранжевый диск восходящего солнца едва поднялся над лесом по ту сторону озера. Его серебристая, окаймленная камышом зеркально-гладкая поверхность была бы абсолютно

ровной, не будь на нем кругов от обнаженной женщины, входящей в озеро. Азалайса — это, конечно, была она — стоя по пояс в озере, плескала на себя ладонями воду, готовясь нырнуть. Я видел лишь ее силуэт на фоне восходящего солнца, но сердце забилось, как колокол кафедрального собора в Андтаге.

Будто почувствовал мой взгляд, она обернулась.

— Иди, искупайся, Энно! — крикнула она и бросилась в воду, нырнув с головой. Волны от ее тела, не торопясь, дошли до берега и растаяли об него, как мечты о прекрасном и несбыточном чуде.

Действительно, почему бы не искупаться? Тем более если тебя зовут так учтиво и... многообещающе!

Песчаной отмелью обойдя камыши, я зябко погрузился в мутноватую воду равнинного озера. Вода еще не прогрелась, но казалась вполне приемлемой для человека, привыкшего плавать в Балтике.

Аззи энергично плескалась в довольно холодной воде. Удивительно, ведь местные поголовно не умеют плавать. Эта же молотила воду, как полногрудая ундина, не боясь заплывать на глубину.

В конце концов я все же замерз первым, и повернул к берегу.

Выйдя из воды, я начал искать что-нибудь подходящее в качестве полотенца, и не нашел. Была только попона, жесткая, пропахшая мулом, и мой плащ, который не хотелось мочить. Я попытался согнать воду с тела руками, в расчете, что остатки влаги высохнут сами. От этого занятия меня отвлек плеск воды.

Повернувшись, я увидел обнаженную Азалайсу, выходящую из озера. Нисколько не смущаясь, она промокнула капли воды на своей золотистой коже моим плащом, и подошла ко мне. Близко-близко.

И, ясное дело, когда ее прохладное тело прильнуло к моему, от воздержания у меня просто сорвало крышу. Гипотетически возможное вдруг стало неизбежным, а планка морально допустимого упала ниже самого низшего предела. Да что там, я просто, как будто обезумел. Но — было хорошо, да.

По окончании всего, отдышавшись, я взглянул на свою визави. Она лежала и была, как мне показалось, крайне потрясена. Да, я таков!

— Эй, ты в порядке?

Она не ответила, продолжая лежать и как бы вглядываться в себя. При этом выражение лица ее постепенно менялось, будто бы то, что она в себе видела, ей совсем не нравилось. Наконец, она пошевелилась.

— Ты... чужой. Совсем чужой. Будто не человек вовсе, — приподнявшись, и подперев голову рукой, она впилась в меня острым и злым взглядом. — Скорее гоблин или дроу...

Признаюсь, я был немного разочарован. Да нет — здорово разочарован! Только было подумал, что дама потрясена моим искусством, а она, оказывается... А кстати, что она вообще делает?

— Откуда ты, все-таки?

Ее прекрасные глаза, один — зеленый, другой, почему-то — серый, вглядывались в мои, как будто она увидела меня в первый раз.

— Я ни разу не встречала такое странное существо. Ты выглядишь, как человек, а на самом деле, и близко им не являешься! Будто бы не от мира сего...

— Мне говорили — неуклюже пытался соврать я — что я родом из Лужице, далеко на

востоке отсюда.

— Очень сомневаюсь, — протянула она — даже если бы лужичанки наперебой путались с троллями, все равно не получилось бы, такого как ты. На тебя никакая магия не действует.

Интересненько!

— А ты что, применяла на мне магию?

— Да, Кхорн возьми. И ты должен был это заметить намного раньше. Моих заклинаний хватило бы, чтобы кабаний клык вырастить, а у тебя — ничего. Это невозможно, просто невозможно! Откуда ты родом? Только не надо рассказывать небылицы!

— Ну, хорошо, слушай... Я действительно чужой в этом мире. Я очень издалека. И воздействовать магически тебе на меня не получится. По крайней мере, магия хаоса против меня бессильна. Я занимаюсь тем, что хожу в Мертвые земли и собираю там всякие штуки, интересные господам экзархам.

Слушая меня, Азалайса начала одеваться.

— Нехорошая у тебя служба! Там опасно и даже для такого, как ты. Если на тебя нападет обезумевший медведь или восставший мертвяк, они убьют тебя, даже если их направляет магия!

Хм. Определенно, она соображает!

— Да, это так. Для «первичной» магии я неуязвим. Но вот «вторичная»... Если магией поджечь дом, где я нахожусь — я могу сгореть, пусть не от магии напрямую, то от вызванного ею огня. Если на меня нападет оборотень, он может загрызть меня, потому что магия лишь преобразовала его тело, которое остается физическим как оно есть. Но, что поделаться, весь мир — опасное место! Меня может зарезать обычный гоблин или бригад. Как и любого другого.

— Завяжи вот здесь... И вот здесь тоже. Мне неловко говорить об этом, но, Энно, мне нужно новое платье. Это старье долго не протянет! Ты посмотри!

Она показала мне шов на боку, готовый разойтись.

— Мы поищем хорошую ткань, когда вернемся в город. Ты сможешь сама сшить его?

— Нет, конечно. Я деревенская девушка, Энно.

Скверно. Ткань уже стоит огромных денег, а уж пошив... В общем, про сапоги мне можно надолго забыть.

— Конечно, мне будет трудно помочь тебе, — Аззи коснулась моей непокрытой головы, запустила пальцы в шевелюру. — Видишь ли, хорошие отвары и снадобья всегда действуют через магию!

— Это будет поопасней гоблинов, на мой вкус!

Аззи успокаивающе погладила меня по плечу.

— Священный дар Шаллии — совсем не магия Хаоса. Ты можешь быть совершенно спокоен — я не причиню тебе вреда, никогда. Я подумаю сама, посоветуюсь с Мудрыми женщинами. Возможно, благая магия не до конца потеряна для тебя! Тогда тебе и зубы поправлю, и вшей изведу навсегда.

— Было бы славно, право!

— Ладно, давайте, поедем уже в этот твой Альтхаген или как его там, а дорогой все и решим.

В смешанных чувствах я оседлал своего мула, Аззи вскочила на спину своего, и мы отправились в путь.

* фрайхерр — дворянин, не ни с кем связанный вассальной клятвой

** цолле, маутин — сбор за проезд по чужой земле

Глава 15

Возвращение в город оказалось намного более долгим и трудным делом, чем я предполагал. Нас сопровождали коровы, телята, овцы и бараны, козы и козлы, и стайка гусей. Все это гнали два деревенских сорванца, нанятые за небольшие деньги и обещание показать Андтаг.

Посоветовавшись с Аззи, подумав, я решил пока не оставлять ее в деревне. Если попробовать себя в лекарском деле, то лучше конечно заниматься этим в городе — там клиентура сильно побогаче, чем в бедных окрестных поселениях. Да и моими нуждами тоже следует заняться.

На полпути нас встретил встревоженный посланник — послушник по имени Лотоульф. С подозрением покосившись на Азалайсу, он сообщил, что мне очень-очень срочно надо явиться в монастырь к канонику Тереллину Гильдебранду. Парень, казалось, был очень рад встретить меня. Еще бы, ведь теперь ему не придется шарахаться в поисках по окрестным селениям! Я, разумеется, обещал поспешить со всем старанием, заранее понимая при этом, что не смогу исполнить обещанного. Скотину сильно не подгонишь, и на дороге не бросишь...

В Андтаге я первым делом пристроил Азалайсу. Проехав на Мощеную улицу, я нашел там прачку Агнес.

— Вот ваш мул, — сообщил я ей — немного исхудал, но не более того, что можно ожидать от такого похода. Однако, дамуазель Агнес, у меня есть к вам просьба. Сможете ли вы пока приютить вот эту женщину?

Вдова внимательно осмотрела фройляйн Азалайсу.

— А стирать она может?

— Стирать она, конечно, может, но вряд ли будет. Она по другой части.

— Пока рыцаря нет, она может жить в его комнате. А потом придется вам забрать ее!

— Хорошо, пусть так. А рыцарь когда обещал вернуться?

— О, как спокойная жизнь. Неизвестно когда.

— Ладно, спасибо и на том.

Потом — на рынок, где арендовал загон для скота и указал барышнику цены.

Очень хотелось заехать к мастеру-оружейнику, узнать, как дела с моими доспехами, но надо было бежать в монастырь.

Добравшись до ворот, я сразу попросил сообщить канонику, что прибыл. Потом отправился на конюшню. Гонорий был там.

— Благослови вас Свет, брат Гонорий. Сожалею, что не могу пока вернуть вам жеребца. Он оказался норовист, и занес меня в валежник, при этом поранился сам. Ничего опасного, но пришлось оставить его на излечении.

Брат Гонорий, всегда розовощекий, стал серым.

— Это лучший наш жеребец! Он назначен на племя. В каком селении вы его оставили?

— Не беспокойтесь, я сам его заберу, — сообщил я, и, невзирая на протесты конюшего, поспешил к Тереллину.

Тот встретил меня неприветливо.

— Кажется, я ясно проинструктировал вас относительно отлучек из города! Я жду вас второй день. И где рыцарь Эйхе?

— Простите, но рыцарь отъехал по срочному делу, и вернется лишь через некоторое время.

— Когда?

— Полагаю, через пять-шесть дней.

— Полагаете? Вот как? И насколько надежны ваши *предположения*?

Я лишь развел руками.

— Вы же знаете, он не подчиняется мне. Это я подчиняюсь ему, как коннетаблю монастыря!

— Ладно, у меня решительно нет времени искать другого человека! Вам предстоит новый поход, видимо, через неделю — полторы. Мне тоже нужно время, чтобы все устроить. Но вам придется взять приготовления на себя. Отнеситесь к этому заданию со всем рвением, поскольку от успеха будет зависеть все ваше будущее. Вы поняли меня?

Да. Я понял. Костер, на котором безуспешно пытались сжечь Аззи, встал перед глазами. Такое может ожидать и меня... И сейчас Тереллин недвусмысленно об этом напомнил.

— Завтра, сразу после утренней молитвы, жду вас в зале капитулов. Там вас официально ознакомят с вашей миссией. И постарайтесь одеться получше!

В эту ночь спал я плохо. Весенняя прохлада сменилась жарой, несмотря на открытые ставни, в моей комнате было душно. К тому же вновь дали о себе знать кровососущие паразиты, заразившие мой тюфяк. Кхорн бы подрал этого Иоакима!

Так или иначе, а утром я, почистив одежду и тщательно побрившись, отправился в Зал Капитулов. Странное место для такой встречи. Мои вылазки всегда были секретом для остальных обитателей монастыря. Все, конечно, знали, что я выполняю особые поручения викария, но что именно — не знал никто. Эйхе, может быть, что-то и разболтал спяну, но и знал он немного, а я не рассказывал никому. Любые разговоры про мои походы проходили приватно, только в кабинете викария или келье каноника, наедине. А зал капитула — большое помещение с хорами, и там можно подслушать разговор гораздо проще, чем в кабинете. Впрочем, это не мое дело.

Войдя, я удивился еще сильнее. Кроме Тереллина, в помещении присутствовал седовласый пожилой иерарх в темно — коричневой рясе. На груди его покоилась тяжелая цепь со знаком солнца. Викарий.

Вот тебе и раз. Вопрос, оказывается, настолько важен, что привлек внимание высшего сановника диоцеза.

Каноник взглянул на меня, и, не удостоив ответом мой поклон, жестом предложил подойти ближе. Викарий сидел неподвижно, рассеянно рассматривая меня. Я до этого лишь дважды видел его вблизи. Лет шестидесяти, широкое, красное морщинистое лицо и руки покрыты веснушками. Короткие волосы, когда-то, видимо, рыжие, а теперь — седые. Манеры властные, как у человека, привыкшего, что ему подчиняются. Перед ним стоял чеканный кубок, и несколько пергаментных свитков.

Разговор начал Тереллин. Прокашлявшись, он торжественно произнес:

— Брат Андерклинг, вы преданный слуга Света, исполнивший уже многие наши деликатные поручения. Вы лучший из тех, кому мы можем поручить это дело. Задача непростая, но, с вашими талантами, вполне решаема.

Хорошо поставленный голос каноника звучал немного необычно и, как мне показалось,

театрально — наигранно. Видимо, волнуется в присутствии начальника.

— Вы отправляетесь найти известный вам предмет в Солландской Гиблой земле. Вам надлежит проследовать его кромкой, проводя поиск с безопасного расстояния. Когда вы обнаружите его местоположение — заметьте, я говорю *когда*, а не *если*, — вы углубитесь в Проклятые земли, найдете и заберете его. Обеспечив сохранность предмета, вы всамое кратчайшее время доставите его нам. В помощь вам будут выделены искусные и опытные люди, прошедшие не одну компанию. Отряд в сотню наемников под общим командованием унтерконнетабля Эйхе будет осуществлять сопровождение и охрану как по пути туда, так и при вашем возвращении.

Викарий значительно поглядел на меня, потом на Тереллина. Тот, слегка помедлив, продолжил:

— Для помощи в поисках вам будет выделен искусный в магии клирик. Он поможет вам с настройкой поисковых артефактов, а при необходимости сопроводит вас в Гиблые земли.

— Энигмас Андерклинг, — викарий поднял на меня тяжелый взгляд из-под приопущенных век. — Мы знаем о ваших талантах. Вы единственный, кто может исполнить столь непростую задачу. Церковь Света полагается на ваше рвение.

— Есть ли у вас сомнения или вопросы, Энно? — спросит Тереллин сердечно, почти отчески.

Вопросов было много, сомнений — еще больше, а уж опасений.... Но взгляд Тереллина показал мне, что распространяться на эту тему сейчас не следует. Сомнениями будем делиться не при высоком начальстве.

— Я уверен, что выполню все, как вы сказали, владыки, — произнес я церемонно и поклонился.

— Что же, ступайте. Завтра поутру явитесь ко мне для подробного инструктажа. И проведите сегодняшний день в молитве Свету о благополучном исходе дела.

Тереллин, жестом приказав мне удалиться, обернулся к викарию.

— Конечно.

Я еще раз поклонился и вышел. Иерархи остались в зале Капитулов, глядя мне вслед. Затворяя за собою дверь, я бросил взгляд на прикрытые занавесями хоры. Возможно, мне показалось, но ткань, прикрывавшая нишу, слегка дрогнула, будто кто-то отошел от нее...

В задумчивости я прошел и зала в помещение скриптория. Тут стояла тишина — монахи-переписчики были на молитве, и никто не мешал мне обдумать произошедшее.

А подумать было о чем. Мне дают охрану в сотню человек — подумать только! Причем, не монастырских, а наемников со стороны. Что это значит? Неужели миссия настолько опасна? И почему именно наемники?

Конечно, те, кто непрерывно воюет за деньги, хорошие воины. С силами диоцеза, охраняющими стены, никакого сравнения. Но, Кхорн возьми, это же дико дорого! Это просто куча денег, которых, я точно знаю, в диоцезе нет.

Понятно одно — они уверены, что артефакт так и не покинул границы Гиблых земель, и лежит сейчас где-то в высоких травах, сжимаемый мертвою рукою последнего владельца. И как его найти — неизвестно. Но, самое смешное, я до сих пор не знаю, как он толком выглядит! Я исполнил уже не одно задание Тереллина, но ни разу он не объяснялся настолько туманно...

Наконец иерархи покинули зал капитула. Каноник под мышкой нес несколько пергаментных свитков.

Увидев в полуоткрытую дверь скриптория, что Тереллин отправился к себе, я пошел следом.

— Каноник, — я догнал его у лестницы. — Простите, я признал неприличным рассказывать о своих сомнениях в зале, но прошу выслушать меня!

— Вы правильно поступили. Пройдемте, Энно, — кивком головы пригласив следовать за ним, Гильдебрант поднялся в свою келью.

Помещение, где он жил, размером не сильно отличалось от моего. В остальном отличия были разительны — у Тереллина стояло несколько сундуков, полка для свитков, конторка и кровать с балдахином. В одной из стен имелось большое окно, затянутое рыбьим пузырем.

— Итак, Энно, что вас тревожит?

— Мне непонятны некоторые вещи, каноник. Предыдущий поход закончился неудачей. Теперь задача кажется еще более трудной. Я бы не хотел вернуться ни с чем еще раз! Почему амулет указал не на сам артефакт, а на место его прежнего хранения?

Тереллин на мгновение задумался.

— Я много размышлял об этом. Тут может быть... разное. Вероятнее всего, аура предмета так сильно пометила его хранилище, что амулет сработал на него. А сам предмет находится далеко от этого места. И амулет его не заметил. Поэтому, вам придется двигаться вдоль границы Проклятых Земель и ментально прощупывать с кромки его просторы. Именно поэтому вы пойдете не один!

— Скажите, каноник... Я до сих пор не имею четкого представления, как выглядит искомый предмет. Это... молот?

— Молот? — Тереллин выглядел удивленным. — С чего вы взяли, что это молот?

— Ну, я могу только предполагать...

— Вас беспокоит, что амулет не укажет вам нужного предмета?

— Я уже один раз обманулся! Шел к артефакту, а нашел лишь пустой сундук, напитанный его магией.

— Вот, посмотрите.

Тереллин раскрыл передо мною один из принесенных им пергаментов.

— Вот так это должно выглядеть!

На картинке, нарисованной на пергаменте, была изображена продолговатая коробка с ремнем. По краю шла длинная надпись на неизвестном мне языке. Больше всего это было похоже на пенал для свитков, только очень большой.

— Именно таким вы его найдете. Открывать не следует. Когда вы принесете это к нам, мы сами все осторожно вскроем. Там очень сильная магия, ваши спутники могут пострадать от нее. Что же касается тебя, — Тереллин отстранил меня, разглядывая, как будто бы увидел меня впервые, — то ты сам, пожалуй, можешь случайно повредить артефакт своей невероятной ментальной стойкостью!

Тереллин положил мне руку на плечо, доверительно заглядывая в глаза.

— Тебе дан великий дар противостояния Хаосу. Я надеюсь на тебя, Андерклинг. Укрепись в вере, но будь осторожен и благоразумен!

— Я все выполню согласно ваших указаний.

— Прекрасно. Когда командер вернется, введи его в суть предстоящего задания. Теперь ты его заместитель, и должен знать все, что потребно командеру отряда Пресветлой Церкви. Через несколько дней сюда прибудет наш маг. Он поможет вам обнаружить артефакт, отличив истинный образ от мнимых.

— Он пойдет со мной в Гиблые земли?

— Да. Если понадобится.

— Но как он справится с...

— Справится. У него будет самая мощная защита, какую можно предоставить. Тем не менее, хотя он искусен в защите от ментальных воздействий Хаоса, глубоко в опасное место ему не следует проникать. Даже с самой лучшей защитой, поход очень опасен для него. Поэтому вам и сказано идти *вдоль* границы Гиблых земель. Когда вы найдете предмет с помощью амулета, вы, Энно, отправитесь туда в одиночку и заберете предмет. В самом крайнем случае, идите вместе, но не отправляйтесь с магом в мертвые земли чересчур надолго. И...не давайте ему добраться до спиритус эссенция!

— То есть нам придется кружить вокруг проклятых земель? Там есть опасности иного рода...

— Знаю. И одной из них является то, что не только мы ищем эту штуку. А еще, — орки, тролли, гномы, огры, прочая нечисть. Поэтому у вас будет отряд в сотню копий для защиты вашей драгоценной персоны. Самые лучшие люди, кого нам удалось найти!

Каноник задумчиво прошелся по кабинету.

— Имейте в виду, Энно, опасность может грозить не только в Гиблых землях. К этому артефакту, похоже, проявляют интерес могущественные лорды. Природа этого интереса мне непонятна, но к вашему возвращению я с помощью Света, всеблагого и всежизгающего, надеюсь разобраться. А пока будьте осторожны. Не рассказывайте лишних подробностей ни Эйхе, ни магу.

— А что мне следует рассказать им?

— Все, что нужно, я сообщу им сам. Также, Энно, вам придется взять на себя финансовое обеспечение похода.

Он обернулся, взяв с сундука один из принесенных им пергаментов.

— Вот тут, — он протянул мне серо-желтый свиток — вексель на 370 дублонов. Деньги на солдат можешь получить в меняльных конторах Ашенбахов или Вольфрамков. Ты помнишь, как пользоваться векселем?

— Да, ваша светлость!

— Только не вздумай делать это здесь! Где-нибудь подальше, в большом торговом городе.

— Хорошо. А можно сделать тут индоссамент?

— Конечно. Только иди не к самим менялам, а к нотариусу. Он надежный человек, не будет болтать. Теперь ступай. Да осенит тебя Свет, Энно.

Глава 16

От каноника я вышел в глубоком раздумье. Похоже, задача будет трудная! И отправление уже очень скоро!

Практически в дверях я столкнулся с братом Анхелем. Тот тащил в келью Тереллина несколько тяжелых томов. Судя по всему, это были трактаты по истории Старой империи. Видимо, Тереллин решил разобраться в природе артефакта, не откладывая дело в долгий ящик.

Я тоже решил не тянуть со своими вопросами, и зайти к мастеру Кану. Готов ли мой

доспех? Но, нет, — сначала, нужны были деньги!

Как я и думал, барышник не продал еще всей скотины, но часть денег я все же у него забрал. Конечно, их надо было передать камерарию. Но мои сапоги уже так плохи... а ведь вскоре предстоит новый, долгий и трудный поход. Поколебавшись, я направился к оружейнику Кану.

Он встретил меня приветливо.

— Эй, бездельник! — позвал он мастерового, — неси сюда доспех юнгера Андерклинга!

Вскоре подмастерье притащил тяжелый сверток. Мастер Кан начал разворачивать ткань, раскрывая доспех для взора. Подмастерье тем временем принес кольчужную перчатку и наруч. Мастер был явно доволен своей работой:

— Давайте еще раз примерим, чтобы убедиться в надлежащей посадке всех частей. Нам пришлось добавить ряд пластин, чтобы компенсировать ваш более высокий, в сравнении с предыдущим владельцем, рост. Уверяю, что их прочность ни в коей мере не уступает оригинальным. Еще один ряд пришлось убрать в груди, чтобы уменьшить ширину, — мастер показал мне на новые пластины в середине доспеха и новые крепления.

Выглядело все просто прекрасно. Новые ряды пластин, конечно, выделялись, но мастер и не стремился их спрятать. Они были омедненные, и создавали что-то вроде узора, на груди прерываемого зеркальной пластиной.

— Также мы сделали застежки сбоку, чтобы по необходимости вы могли застегнуть доспех без помощи оруженосца.

— Отлично!

Я надел доспех и, хоть и е без труда, самостоятельно его застегнул. Конечно, это не очень удобно, но, в целом, вполне приемлемо!

— Необычный доспех, — произнес мастер. — Идеррийские мастера, похоже, подражали ремесленникам Востока.

— Пожалуй, я не буду показывать его посторонним, надевать только с сюрко. Пусть думают, что у меня там простая кольчуга. Как думаете, мастер, выдержат ли эти латы выстрел из арбалета?

Кан задумался.

— Арбалет арбалету рознь, сударь. Выстрелы тех, что натягивают поясным крюком, этот доспех выдержит, даже в упор. Те, что снабжены «козьей ногой», вероятно, тоже. А вот новые арбалеты, натягиваемые воротом на нортслендский манер, как говорят, очень сильны!

— Никогда их не видел!

— Мне доводилось держать такой в руках буквально недавно. Мастер-арбалетчик в Оденельштадте за большие деньги приобрел такой у купцов из Техсельбурга и теперь хочет делать такие же.

— Отлично, я как раз буду проезжать через Оденельштадт. А где он живет?

— Широкая Улица, дом под вывеской с двумя скрещенными болтами.

— Надеюсь, при случае познакомлюсь с почтенным мастером арбалетов!

— Конечно. Передавайте Томасу от меня поклон.

Я рассчитался с мастером (всего два гротена, кроме кинжала, но для меня это значительные деньги). Еще пять гротенов и три фирлинга я отложил на одежду для Азалайсы.

У меня оставалось еще немного денег. Конечно, надо было отнести их камерарию. Но, мои сапоги уже настолько плохи! Я не могу идти в поход в такой обуви.

В городе было лишь пять мастеров, делавших сапоги, и я обошел их всех. И везде задавал один и тот же вопрос: «Можно ли быстро, в несколько дней, сделать крепкие сапоги, на левую и на правую ногу раздельно». Четверо мастеров вообще отказались делать сапоги иначе, как одинаковые, без различия ног, ссылаясь на цеховые правила, не предусматривавшие такого. Последний мастер, не отказываясь сделать сапоги на разные ноги, удивлялся сложности задачи и просил аж два месяца времени.

— Ведь надо еще сделать новые колодки, сударь.

Мысленно вздохнув, я попросил сделать обычные сапоги, но как можно крепче.

— И еще продайте две полосы кожи, в пядь шириной и 7–8 пядей длиной!

Все-таки кожаные обмотки не помешают.

А к камерарию я зайду в другой раз...

Утром в мою комнату постучался старик Анхель, жестом дав понять, что ко мне пришли. У монастырских ворот меня ждала Азалайса.

— Что ты тут делаешь? Тебе нельзя тут находиться!

— Рыцарь приехал с охоты, — сообщила она. — Сейчас отдыхает. Привез вот такую голову кабана!

Похоже, Эйхе отличился на охоте, поразив приятелей запредельной храбростью и мастерством, раз заслужил кабанью голову.

— А меня Агнесса сразу выгнала. Говорит, такой был уговор.

Пришлось устроить ее пока на постоянный двор. Еще два виттена и 2 пфеннинга пришлось отдать за отдельную комнатку.

— Я кое-что придумала, — сообщила Аззи, — сейчас попробуем.

Она достала какое-то снадобье и, заставив меня открыть рот, стала втирать в десну.

— Аззи, — сказал я, — скоро я отправляюсь в новый поход. Похоже, тебе придется идти с нами.

— И далеко?

— На юг. У нас будет отряд под сотню человек. И нам понадобится в отряд хороший лекарь. Думаю, что ты подошла бы!

— Лекарь?

— Да. Будет опасно, могут быть нападения орков. Надо будет лечить раненных. Ты сможешь?

Она задумалась.

— Раны я умею лечить, и очень хорошо. Доводилось лечить и людей. Правда, в деревне мне приходилось это скрывать. Но, если мы отправляемся так далеко, то мне бы, Энно, какую-нибудь одежду получше. И обувь надо!

— Все тебе будет, но позже.

— Разве вам не выдали денег на поход?

— Выдали. Только тратить их я пока не могу.

— Но одежду еще надо сшить! Или прикажете мне делать это на ходу?

— Да, Аззи, ты права. Пойдем, посмотрим что-нибудь прямо сейчас!

И мы отправились к торговцам.

Ткани, пряжа и галантерея продавались на той же Мощеной улице, где жил рыцарь. Оказалось, Аззи уже присмотрела себе отрез прекрасного изумрудного бархата. Но, услышав его цену, я понял, что придется переключить ее благосклонность на товары попроще.

— К тому же, что ты будешь с ним делать в дороге? Испачкается — не отчистишь!

Фройляйн сначала надулась, но затем все же согласилась рассмотреть сукно и льняную ткань.

В итоге мы сошлись на отрезе полотна приятного сине-зеленого цвета. Еще пришлось взять иголки и нитки, а также шнурки, чтобы завязывать платье, и галунную ленту для обработки края. Все это обошлось в целое состояние, которого у меня не было. Отдав пять сбереженных на платье гротенов, мне с трудом удалось уговорить лавочника открыть кредит, показав скотину в загоне.

— Вот как продается вся эта животины, сразу расплачусь с вами, милейший!

Как я при этом разберусь с камерарием — ума не приложу...

Выйдя из лавки, я отпустил Аззи.

— Ладно, ступай, займись шитьем. Найдешь дорогу на постоянный двор?

Она фыркнула и ушла, а мне нужно увидеть рыцаря Эйхе.

По пути к дому Агнес я размышлял о том, как все-таки неудачно получается, что нельзя обналичить вексель в Андтаге. Ведь перед большим походом всегда нужно что-то закупить, отремонтировать, поменять. Нужно переговорить с Тереллином, чтобы хоть часть средств мне выдали прямо сейчас!

Перед домом вдовы я увидел небольшую стайку зевак. Они таращились на копченую кабанью голову, выставленную прямо в окне ее дома. Судя по ее размерам и длине клыков, вепрь был, и правда, матерый.

— Рыцарь! Фрау Агнес! — прокричал я в окно.

Эйхе выглянул в дверь. В этот раз он выглядел прекрасно — загорел, чисто выбрит, свеж, как огурец. Только глаза его показались мне какими-то виноватыми.

— Привет, дружище. Как я рад!

Мы крепко пожали руки.

— Заходи, угощу тебя дичиной.

Слуга дал мне чью-то поджаренную ногу.

— Олень?

— Косуля. Какие новости в монастыре?

Я рассказал Эйхе про грядущий поход.

— Появись перед Тереллином, вероятно, он даст тебе какие-то инструкции.

Рыцарь был огорчен.

— Опять тащиться в эту чертову дыру!

— Да, мне жаль, Ренн. Но, похоже, нам неплохо заплатят.

— Ага. Заплатят, если сможем унести оттуда ноги. Ты же знаешь, что дальше Теофилбурга Гнилые земли окружены племенами орков!

— Гм. Ты думаешь, нам придется идти так далеко?

— А зачем, по-твоему, нам дают целый отряд? Именно для этого — пробиваться через земли зеленокожих ублюдков!

— Тем более, надо все продумать. Иди к Тереллину, а я тут сыграю пару партий с ребятами и приду тоже. И к камерарию тоже надо зайти, чтобы выдал оружие и доспехи. Кстати, о церковном имуществе. Я что-то не заметил конюязи молодого жеребца, на котором ты две недели назад отправился за вот этой вот головой!

Эйхе сделал еще более виноватый вид и надул щеки, как будто хотел сказать «упс».

— С конем нехорошо получилось. Когда я преследовал благородного хряка, голову

которого ты видишь у ворот, мой конь угодил копытом в чью-то нору. Перелом был так неудачен, что бедное животное пришлось заколоть.

Да чтоб тебя!

— И что я скажу брату Гонорию?

— Право не знаю, Энно. Но, думаю, поход все спишет.

— В поход еще надо выйти. Не думаю, что мне удастся сделать это, не пройдя ревизии!

Эйхе укоризненно покачал головой.

— Уверен, ты что-нибудь придумаешь. Ты же можешь что-то придумать, правда? Ты хитроумен как сам Тзинч!

Короче, разбирайся сам, Энно. Как всегда.

По возвращении в монастырь меня ждала новость. Прибыл отряд арбалетчиков, нанятых для нашего похода.

Наемники разместились у городской стены. Ни в город, ни в монастырь их, разумеется, не пустили. Три десятка арбалетов, во главе некий Отто Шумпер. Невысокий чернявый господин в потертой одежде, с очень плохими, даже по местным меркам, зубами. Но, вроде бы, не дурак. Его люди тоже произвели неплохое впечатление — у всех справные арбалеты, половина с натяжением поясным крюком, половина — «козьей ногой». Почти все в кожаных вамсах, у двоих сержантов даже кольчуги есть.

Оказалось, что Эйхе и Шумпер знакомы по осаде Феррбурга. Мы сразу пошли в кабак выпить за знакомство и встречу.

— В каких компаниях вы участвовали? — спросил я ротмистра, заказав всем доброго крепленого эля.

— Мы два года служили у герцога Хуго фон Гернсгебит-Шлоссер, воевали против кислевитов. Потом перешли в войска Арнима Штирийского, участвовали в прошлогоднем деле в Сильвании.

Рыцарь уважительно присвистнул.

— Отчего же кончился неудачей поход короля Арнима?

— Мор при осаде, Ренн. Мы брали замок Доппельшиц, и потеряли трех человек от стрел и триста — от болезней. А потом люди мятежного герцога Мейнарда сделали вылазку, и спалили нам все шатры. Надвигалась осень. И пришлось нам убираться восвояси. А король решил, что мы не исполнили контракта, и отказался платить.

— Вот как? А каковы были условия контракта?

— Мы воюем, нас содержат. Но если нам нечего жрать и негде спать, то получается, что король Арним первым нарушил контракт, не так ли?

— Не знаю, я не законник. Но в любом случае, он поступил недостойно. Следовало позаботиться о людях, которые ему служат!

— Увы. Сударь, времена таковы, что если не позаботишься о себе сам, то никто тебе не поможет. Пришлось нам взыскать долг короля с его вассалов — и кое-кого мы в пределах королевства Штирийского ограбили, а кого-то, стыдно сказать, и убили.

— Гм. И что, как его величество к этому отнесся?

Отто усмехнулся.

— Неблагодарно, прямо скажем. Но, силы короля были заняты в войне в Сильвании, так что мы ушли без особых проблем.

— А что вассалы короля? Позволили себя ограбить?

— Видите ли, молодой человек, если у тебя в руках арбалет, ты можешь спокойно

разговаривать даже с орденским паладином. Была, конечно, пара стычек, но что эти деревенские могут против настоящих солдат! Ваши иерархи поступили исключительно мудро, пригласив нас для этой работы. Мы ведь идем на Юг?

— Да, в том направлении.

— Будет дело с орками?

— Возможно. Вы с ними встречались?

— Нет, сударь, на севере их не так часто встретишь. Гоблинов били много раз.

— Ну, говорят, что орки, — это гоблины-переростки!

— Поверьте, болт одинаково легко пробивает и большого гоблина, и маленького.

Насквозь!

— За это надо выпить!

— Отличная мысль, Кхорн возьми!

Короче, следующее утро было очень, очень тяжелым...

Глава 17

Меня разбудил осторожный стук в дверь.

— Анхель, принеси эля! — крикнул я сиплым шепотом. С пронзительным скрипом дверь медленно отворилась.

На пороге стоял средних лет господин. Невысокого роста, худощавый, темноволосый, с черными блестящими глазами, ни бороды, ни усов. Одет скромно — короткий серый плащ и темно-коричневый вамс* под ним. Одежда заметно ношенная, со следами штопки, но опрятная.

— Простите за вторжение, — произнес господин, улыбаясь одним ртом. — Наверное, не стоило приходить так рано, хотя уже одиннадцатый час пополудни. Но меня информировали, что вы юнкер Энно Андерклинг, пойдете со мною в Гнилые земли, и я счел возможным зайти познакомиться с будущим спутником!

Гм. Несмотря на сложное состояние, я сразу понял, что это тот самый маг, долженствующий оказывать мне всякое содействие и поддержку. И что он сейчас откровенно хамит мне.

Сев на топчан, я уставился на мага, рассматривая его снизу вверх. Странный тип. Одет скорее как мирянин, бреется, что для магов нехарактерно. Они обычно не скрывают своего звания и регалий. Огромные широкополые шляпы, расшитые магическими знаками, хламиды из дорогих тканей, длиннющие бороды, и, гордость и украшение любого уважающего себя мага — посох с увесистым камнем на изогнутом наверху. В общем, простолюдины должны видеть издали, кто идет на встречу, и почтительно сторониться.

А этот скорее походил на приказчика из галантерейной лавки — такая же вымученная любезность, свойственная тем, кто вынужден постоянно угождать заказчикам, и, похоже, такое же непомерное, но тщательно скрываемое самомнение.

Да впрочем, Нургл с ним. Мне детей с ним не светить, сделаем дело, да и все.

— Вы знаете меня. А я вас нет, — наконец произнес я вопросительно.

Тот понял все правильно.

— Разрешите представиться — Литциниус Кнаппе. Магистр света.

— Прекрасно. Не хотите ли эля?

Маг слегка порозовел.

— Не откажусь.

— Тогда найдите в рефектории брата Гиппеля, это ключник, толстый такой, с бабьим лицом. Попросите его подняться ко мне, скажите, что дело срочное.

Вскоре мы уже тянули прекрасный монастырский эль с медом и грюйтом. Конечно, я предпочел бы пиво, а не это сладкое густое пойло, но в этих краях пива, увы, не сыскать.

Я никогда еще не видел ни одного мага вблизи и никогда ни с кем из них не разговаривал. Маги — очень закрытая корпорация. Нужно учесть еще довольно сложные отношения Конклава с Приоратом, не говоря уже о Великой Инквизиции. Так что, найти мага в монастыре сложнее, чем девственницу в борделе.

Маг поначалу держался отчужденно и высокомерно, но, выпив со мною, стал немного приветливее. Опыта шастания по Гиблым землям он, конечно же, не имел. Вообще, задание

Тереллина оказалось ему сильно не по вкусу.

— А что он рассказал вам об этом деле?

— Да почти ничего. Даже не раскрыл мне, какой артефакт мы ищем. Ясно лишь, что это поделие эльфов.

— Эльфов? Интересно...

— Да, такая седая древность. И все непонятно, как всегда с эльфами.

— Что же, если вам будет что-нибудь нужно — дайте знать!

— Благодарю, — холодно отозвался маг, — но я могу обратиться к канонику напрямую.

— А как вы оказались на службе церкви? Это такая редкость — маг в монастыре!

— Я не служу церкви. Я, как бы...рядом. Когда я нужен, меня зовут, когда нет — обо мне забывают. И привлекают меня к делам по личной инициативе каноника. Уверен, если бы наверху, — маг закатил глаза, — скажем, в канцелярии экзархата, узнали бы о таком нарушении благочиния, Тереллину бы не поздоровилось.

Засим он откланялся.

Через два дня пришел отряд пехотинцев, которым командовал некий Николас Рейсснер. Этот мне сразу не понравился. Крупный, бритоголовый здоровяк, с огромной жуткой вмятиной на черепе, в которую можно было поместить куринное яйцо, он был громогласен, шумлив и бестолков. Солдаты, правда, его любили — видимо за то, что он был таким же тупым и грубым ублюдком, как и они все. С этим мы пить не пошли, да и времени уже не было.

Отряд Рейсснера, несмотря на мою антипатию к командиру, в целом производил неплохое впечатление. Семьдесят восемь рыл, плохо выбритых, но довольно здоровых. Два офицера — ротмистр Николас Рейсснер, чернобородый здоровяк, и лейтенант Дитрих Майнфельд, высокий, крепкий тип, постоянно ходивший в кольчужном койфе. Два сержанта. Солдаты, судя по выговору — в основном с берегов Таала, где люди славятся выносливостью и склонностью к ереси. Почти у всех есть или кольчуга, или колет из толстой кожи, и решительно у всех — айзенхут или шпангенхельм. Мечей, конечно, мало, в основном — топоры или тесаки, но зато у каждого есть что-то на древке — или копье, или глефа, вулж, альшпис, или просто готентаг. Тут наша монастырская стража, намного хуже вооруженная и снаряженная, не выдерживала никакого сравнения с людьми Рейсснера.

Боевого опыта этим ребятам тоже было не занимать.

— С кем вам довелось сражаться последнее время? — спросил я Майнфельда.

— Два года мы служили под началом Бреттенхера фон Риттау, знаменитого наемника, в западном Миддланде. Воевали с врагами барона фон Эренхард-Липпе. Не вылезали из осад. Потом ребятам это надоело, и мы перешли на службу к герцогу фон Волленбургу. Участвовали в двух походах на оловянщиков, сопровождали обозы герцога в Лайтенц и Мариенстад. А две недели назад нас вдруг погрузили на баржи, и отправили вверх по Рейку через весь Кенигсланд, и вот мы здесь.

— Воевали ли вы с орками?

Майнфельд повел плечами.

— Среди солдат многие наверняка с ними встречались. Но всему отряду с орками воевать не доводилось. Нет у князей времени на орков. Слишком уж много забот доставляют люди!

Поскольку все были в сборе, пора было выступать. Рыцарь отправился за вещами к

своей вдовушке, а я, пока лавки не закрылись, побежал за подтверждением векселя.

Менялы в Андтаге сидели на Монастырской улице, недалеко от собора. Там же была контора нотариуса Тимме. Его прекрасный каменный дом стоял буквально в двух шагах от монастырской ограды.

Подойдя к крепким дубовым дверям, я взялся за толстенное железное кольцо и постучал. Вскоре открылось окошко, и мрачный слуга уставился на меня. Узнав, кивнул и принялся греметь засовом.

Нотариус, изучив документы, поставил на них свою печать. Тем самым он подтвердил, что вексель настоящий и назначенная в нем сумма, безусловно, подлежит к выплате. При этом вексель не на шутку заинтересовал его.

— Интересная вещь, — промолвил он, поднося пергамент к свече, — впервые вижу, чтобы светские власти поручались за церковь...

— Что-то не так, мэтр Тимме?

— Нет, отчего же. Все в полном порядке. Такая сумма, конечно, нуждается в поручителе. Просто ... ни разу не видел еще такой печати, — задумчиво говорил он, глядя на оборот векселя. Позвольте мне сверить оттиски.

Пройдя за конторку, он долго листал объемный том с изображениями графских и герцогских гербов. Под каждым стоял оттиск печати соответствующего знатного лица.

— Вот она. Дом Волленбургов. Никогда еще не видел ее на документе!

На странице нотариальной книги стоял графский герб. Под ним — печать, идентичная стоявшей на оборотной стороне векселя.

— Гетц фон Волленбург, граф Виндесхайма, поручился за исполнение по этому векселю. У вас очень серьезная бумага, герр Андерклинг. Не потеряйте ее!

— Будьте спокойны, — ответил я, раскланиваясь с мэтром. Дел было еще много.

Зашел к сапожнику — тот обещал закончить мой заказ к утру. Заглянул к Аззи, сообщить ей, чтобы собиралась в путь. Надеялся пообщаться с ней поближе, но, как оказалось, в комнату к ней подселили еще пару женщин — светомолок, совершавших паломничество по монастырям.

Эйхе, узнав, что все практически готово, назначил выступление на завтра. Но мне оставалось разрешить еще два вопроса — с конюшим и злосчастным жеребцом, и с камерарием и деньгами.

Барышник продал большую часть скотины, но денег все равно не хватало. Осталось две коровы, старые и негодные к дойке, и несколько овец. Тут мне пришла в голову мысль. Ведь нам в поход все равно понадобятся припасы! Я забежал к Тереллину, оторвав его от дел в скриптории.

— Каноник, мне действительно нельзя обналичить вексель в Андтаге?

— Определенно! — отрезал он, недовольный, что я оторвал его от дел.

— Но нам нужно приобрести припасы на первое время. Могу ли я взять деньги, которые должен сдать камерарию — ренту за землю, собранную мною в последний раз?

Каноник расспросил о требуемых суммах и на что я собираюсь их потратить.

— Нужно купить хлеба, эля, пшена и мяса в поход, шанцевый инструмент, конскую сбрую, палатки...

— Довольно. Приобретай что нужно, с братом Адабельтом я все решу. Но — ничего сверх необходимого! Эль и мука есть в монастыре. Можно взять сыр и солонину. Не стоит тратить деньги там, где можно взять свой продукт!

— В таком случае нам еще бы пару повозок и лошадей... И возниц к ним. Я бы взял Даррема. Он толковый серв, и еще кого-нибудь.

— Хорошо. Возьмите что надо, а брата Гонория я предупрежу. И, раз уж вы зашли-возьмите это!

Он достал из бюро два амулета — Поисковик, очевидно, полностью заряженный, и защитный амулет. Приняв этот серебристый диск в синем камне в центре, я внутренне присвистнул от удивления. Амулет оказался очень знакомым — именно за ним меня четыре раза посылали в развалины Нулна!

— Все готово к использованию. Маг знает как применять это. И еще — вот.

К амулетам добавился свиток с печатью диоцеза.

— Это подорожная грамота за подписью викария Сильвестра. Ступайте, и Свет вам в помощь!

После этого разговора мои затруднения рассеялись как дым. Коров и овец я забрал — они пойдут на прокорм отрядам наших наемников. Взял на конюшне две телеги с фургонами, и лошадей для них.

— А того жеребца я оставлю для командера Эйхе, чтобы он достойно возглавлял наше войско, как подобает рыцарю, — сообщил я Гонорию совершенно безапелляционным тоном.

Тот, совсем ошалев от происходящего, даже не протестовал.

В ночь перед выступлением я спал очень плохо. Эйхе, по сути все свалил на меня, не вылезая от своей Агнес. А я, понимая, как много еще не готово, не находил себе места от роя мыслей, одолевавших меня в ночи. Особенно беспокоила перспектива схлестнуться с орками.

Зеленомордая мразь давно досаждала жителям Империи. Там и сям раскиданы области, куда никто из людей не рискует соваться — кхорновы орки есть, наверное, в каждом герцогстве и ландмарке. И мы идем как раз туда, где с самой высокой вероятностью встретим зеленокожих. А мне достались люди, которые, при всем несомненном опыте и профессионализме, с орками не воевали! Это проблема. Могут быть разные, крайне неприятные неожиданности. И что с этим делать, я пока не знаю.

Глава 18

Итак, ранним весенним утром мы выступили в направлении города Оденельштадт. Пешим порядком до него было идти примерно неделю; потом еще две с лишним недели до города Теофилбург, и неизвестное время по диким территориям, граничившим с Солландской мертвой землей.

В утро выхода я метался как сумасшедший. Сначала я получил от сапожника свой заказ; потом на телеге заехал за Азалайсой, погрузившей в телегу целые снопы лекарственных трав и кучу горшков с эликсирами и отварами.

Потом отправился к войскам. Лагерь арбалетчиков оказался свернут, а сами они — в полной готовности выступить. А вот пехотинцы оказались раздолбаями; когда я к ним приехал, они только-только собирали палатки.

Наконец появился командер Эйхе — он задержался у камерария, собирая себе оружие и доспехи. Он отправил меня с арбалетчиками вперед, а сам остался с пехотинцами, в расчете догнать нас на привале.

Через пару часов пути мы остановились на обед. Однако пехотинцы нас так и не

нагнали. Лишь к вечеру, встав на ночной бивуак, мы увидели сначала облачко пыли, а затем и самих копейщиков со своим ротмистром во главе.

На следующий день мне пришлось проследить, чтобы все вышли одновременно. Это оказалось нелегко, но все же удалось. И тут я понял, почему пехотинцы двигаются так медленно.

Дорога на Оденельштадт, как всегда, была оживленной. То и дело нам попадались навстречу повозки с товаром, купцы, светомольцы, а то и просто путешественники.

Каждый раз, встречая повозку купцов, ротмистр Рейсснер начинал с ними перебранку по поводу того, кто должен уступать дорогу. Из-за этого терялась уйма времени. Однако убедить Рейсснера воздержаться от склок мне не удалось.

— Это вопрос чести. Что эти купцы себе позволяют? Пусть скажут спасибо, что отпускаем их подобру-поздорову. В другое время и в другом месте они бы так просто не отделались!

Мага Литциниуса я поначалу потерял из виду — слишком много было хлопот, связанных с отъездом. Я заметил его у вечерних костров — он терся в кругу пехотинцев, где что-то им горячо рассказывал, а те ржали и подливали ему из пузатого кувшина — то ли эля, то ли вина.

На третий день похода маг подошел ко мне сам.

— Юнгер Андерклинг, мне нужно срочно решить с вами один важный вопрос!

— Я слушаю вас очень внимательно, герр Кнаппе.

— Коммандер Эйхе сообщил, что финансами в баталии заведуете вы. Это так?

— Да, это возложили на меня.

— Мне необходимо получить часть гонорара вперед!

— Боюсь, что это невозможно.

— Это крайне важно. Мне необходимо пополнить запасы магических сил, купив нужные снадобья.

— Мэтр, неужели в бедных деревнях и городишках, которые мы проезжаем, вы сможете приобрести что-то стоящее, кроме брюквы и сена?

— О, вы конечно правы, сударь, но я привык преодолевать трудности, несмотря ни на что!

— Тогда вам придется взяться за трансмутацию элементов, потому что денег у меня нет. Я смогу получить их только в ближайшем крупном городе по векселю диоцеца.

Маг был крайне огорчен.

— То есть до Оденельштадта мне не получить ни крейцера?

— Возможно, что до Теофилбурга.

— Но это Кхорн знает еще сколько времени!

— Мы тут все в одном положении. Солдаты получают свои деньги не раньше вас!

— Плевать мне на них, — сообщил маг и отошел в досаде.

Аззи большую часть времени проводила в фургоне, колдуя с травами. Она не забыла своей задачи и постоянно подзывала меня, пробуя то один, то другой элексир. Наконец она сообщила:

— Похоже, у меня получилось. Кость на зубе начала зарастать!

Это обернулось новым испытанием, — пока зуб восстанавливался, мне нельзя было есть твердую пищу. Пришлось заглядывать во все попадающиеся нам навстречу селения в поисках молока и сметаны. Но дело того стоило — к тому времени, когда мы увидели стены

Оденельштадта, проблемный зуб восстановился!

— Как ты это сделала? Без магии такое невозможно, а магии я не подвержен!

— Как я уже говорила, все живое состоит из монад, как дом — из кирпичей. И можно заменить одни монады другими, усиливать или изменять их, заставить усиленно делиться, Можно очень многое сделать.

— И моя природа этому не мешает?

— Нет. Основы жизни одни и те же всегда. Мы можем усиливать живое, давая ему новые свойства. Мы берем нужную частицу монады и помещаем ее в тело, подлежащее изменению. Это очень сложно, я даже не смогу объяснить вам, как это происходит. Это магия жизни.

— А то, что я не подвержен магии...

— Да, это все сильно затрудняет. Поэтому мне пришлось идти обходным путем. Твой новый зуб — это не твоя кость.

— Как это?

— Это кость, выведенная из монады быка. Она просто срослась с остатками твоего зуба и приняла нужную форму — благодаря магии, конечно же. Если бы ты не был таким ... чужеродным, можно было бы сделать это с твоим собственным зубом, а так — пришлось изворачиваться, как серпню на жаровне!

— Знаешь, я ничего не понял, но результат мне нравится!

Довольная Аззи чмокнула меня и убежала замешивать новое варево.

Шли мы довольно бойко, но телеги с припасами все же задерживали нас. Лишь на восьмой день пути мы подошли к Оденельштадту. Этот богатый вольный город, известный мастерами-стеклодувами и ткачами, намного ближе к Диким землям, чем Андтаг, поэтому предместья его были заметно скромнее. Бюргеры старались поселиться за городской стеной, чтобы не проснуться однажды от чьего-то ножа, вспарывающего тебе брюхо.

Разумеется, наш табор не пустили внутрь города. Мы встали лагерем у городского луга, среди прошлогодних стогов сена. Пока солдаты разбивали лагерь, Эйхе с офицерами пошли в город, побродить по рынку и развлечься. Маг Кнаппе увязался за нами.

Стражник на галерее невысокой надвратной башни посмотрел на нас с сочувствием.

— Вы не успели, господа! Казнь уже состоялась.

— Мы издалека. Какая казнь?

— Воров из Мортенау. Проходите, вам в городе расскажут.

Пройдя через решетку ворот, висящую так низко, что пришлось пригнуться, мы вошли на улицы города. Центральный путь, ведущий от ворот прямо к площади, был широк, так что могли разехаться две повозки. Правда, то и дело по пути попадались лотки торговцев, загромаждавшие проезд. Отходящие от главной улицы боковые переулки, узкие, кривые и зловонные, всем своим видом говорили: «держишься подальше!»

— Почему эти торгошники здесь, а не на площади? — удивился Рейсснер, обматерив попавшегося ему на пути корзинщика.

— У них маленькая площадь, а теперь там еще и казнь прошла. Добрым людям просто негде торговать! — отозвался Эйхе.

Навстречу нам попадалось все больше людей — они расходились с площади. Там действительно стоял эшафот, с которого помощники палача убирали окровавленное колесо. Перед эшафотом стояли девять шестов с насаженными на них головами. Небольшая стайка

мальчишек швыряла в них камни и конские яблоки. Пара скучающих стражников наблюдала за этим с полным равнодушием.

Возле эшафота я заметил нескольких городских магистратов и с ними, — знакомого мне господина Лазарикуса, секретаря суда. Встретаться с этим типом мне совершенно не хотелось.

— Господа, как видно, торговли тут нет, все лавки закрыты из-за казни. Пойдемте найдем таверну и еще мне надо в лавку менял.

Таверна обнаружилась неподалеку — по местному обычаю, перед ней был воткнут шест с венком из можжевельника. Внутри нас встретили обшарпанные фахверковые стены из камня и дерева, пол, покрытый соломенной сечкой, и сильно побитые жизнью дощатые столы. Народу там оказалось преизрядно — все обсуждали подробности недавней казни. Кабатчик выбивался из сил, разрываясь между гостями.

— Эй, любезный! Дай-ка эля слугам церкви, идущим в дальний путь! — раздался звучный бас Эйхе, перекрывая гомон.

— Кого там у вас нынче казнили, господа, — без церемоний спросил Рейсснер, подсаживаясь за стол неплохо одетых горожан, по виду — торговцев.

— Разбойников с Теофилбургской дороги. Возле Мортенау постоянно пропадали люди с хорошими грузами, — ответил один из них, в дорожном хуке и крепком, синего сукна, уценде. — Мы всей семьей торгуем по всему Виссланду и в Аверхайме, возим туда бутылки и сосуды, а привозим вино. У Мортенау я потерял брата и дядю, — и оба раза нашли только их тела. Ни денег, ни товара, ни лошадей, ни возов. А вы куда едете?

— На Теофилбург, а далее — как укажет нам светлая церковь.

— Тогда вам повезло, что вы не встретите дорогой молодцев, чьи головы сейчас торчат на кольях! Наш секретарь суда, мессир Лазарикус, очень быстро разоблачил это отродье. У одного из них нашли пустую бутылку от вина, что было в возу моего брата. Само собой, вздернули бриганда на дыбу, и он запел соловьем!

— Гм. Все бутылки похожи друг на друга. Как он узнал, что это именно бутылка с вашего воза?

— Да и так все понятно. Откуда у такой деревенщины бутылка от вина?

— Действительно. Ладно, господа, мне надо тут заглянуть кое-куда. Кстати, не подскажите, где тут найти меняльную контору Вольфрамов?

Выйдя из таверны, я отправился в указанном направлении. Эшафот уже разобрали, и площадь почти опустела. Только у одного из колов со срубленными головами стояла деревенская лошадь, а на ее крупе стояла женщина. Она обмывала одну из голов от запекшейся крови. Лошадь держал в поводу мрачный деревенский подросток.

Найдя контору менял, я попробовал зайти, но она была заперта. Постучав, подождал, когда откроется небольшое окошко в двери. Плохо выбритый господин взглянул на меня с насупленным видом.

— Чего нужно?

— Я хочу обналичить вексель.

Клерк шмыгнул носом.

— Не вовремя вы зашли с таким делом. Две недели назад молодцы, которым сегодня покروшили кости на колесе, ограбили наших людей. Погиб управитель нашей лавки и два приказчика. Пропало очень много денег. *Очень* много!

Клерк снова шмыгнул.

— Какая у вас там сумма?

Я развернул свиток и показал ему. Прищурившись, он медленно прочитал текст, и яростно замотал головой.

— Нет-нет-нет-нет. Никак невозможно! В лавке одно серебро, и то скоро закончится. Идите в Андтаг или Теофилбург, только там можно получить такую сумму!

— Мне не надо в Андтаг, я сам оттуда!

— Ничем не могу вам содействовать, Свет свидетель, — сообщил небритый тип и захлопнул оконце.

Вот Кхорн! Значит, я не попадаю к мастеру, изготавливающему замечательные, на нордландский манер, арбалеты. Да и очки для Кана не смогу заказать. На все нужны деньги!

Я обернулся и пошел в лагерь. Чертов городишко! Мне никогда тут не нравилось. Проходя мимо, еще раз поглядел на женщину, украшавшую голову покойника. Теперь она расчесывала ему волосы гребнем. Лошади под ней надоело тут стоять, и она беспокойно перебирала ногами. Мрачный подросток с трудом ее удерживал.

— Это кто? — спросил я у стражников, игравших рядом в кости.

— Вдова одного из *этих*, — отозвался один из них, с крупным красным носом и маслянистыми серыми глазками, видимо, капрал или декурион. — И не лень ей заниматься такой ерундой!

— Говорят, эти ребята награбили знатно. Только, что-то не похожи они на богачей.

— Да, тыщи дублонов! Видно, закопали все. Крестьяне любят клады устраивать, а потом и сами не найдут, где чего. *Эти* так и не рассказали, где зарыли деньги несчастных путников, а уж их пытали — мое почтение!

Я поглядел на нетрезвого капрала внимательнее. Эх, дружок! Не надо быть Цезаре Ломброзо, чтобы понять, что ты и сам деревня-деревней. Чуть пообтерся в городе, и все — одет как господин, на вилланов свысока смотришь. Как будто сам не крутил хвосты свиньям еще лет десять назад.

Женщина, тем временем, закончила расчесывать покойника, поцеловала мертвую голову в губы и спрыгнула на землю.

— Можете прийти к нам, и искать наши клады, где заблагорассудится, — с ненавистью сказала она капралу. — Может быть, и огород заодно вскопаете. Теперь это некому делать!

Она чуть отошла, рассматривая голову мужа на шесте. Видимо, удовлетворенная результатом, она кивнула пареньку:

— Пойдем, Террел. Пусть господа тут без нас веселятся!

Повинуясь какому-то порыву, я подошел и, достав остатки денег, вручил почти все их вдове.

— Возьми, добрая женщина. Может быть, это поддержит вас!

Женщина бросилась мне в ноги, простодушно рассыпаясь в благодарностях, сын же ее остался стоять как столб, исподлобья ненавидяще глядя на все вокруг.

От всего этого настроение испортилось окончательно. Не заходя в таверну к соратникам, я отправился в лагерь, купив дорогой лишь несколько недорогих пузырьков для зелий, давно выпрашиваемых Азалайсой.

* Вамс — короткая куртка

Глава 19

Не задержавшись в Оденельштадте, мы двинулись дальше, к небольшому городку Мортенау. Не обошлось без заминок — маг налился, и устроил в таверне дебош. Не зря Тереллин меня предупреждал! Тут не только спиритус эссенцию, тут и эль-то надо прятать! Напившись, он начал оскорблять стражников, городских шеффов, а затем и ландмана, так что Эйхе пришлось ходить разбираться. Вернулся он злой как Кхорн. Стусс и Даррем волокли за ним полубесчувственного мага.

— Энно, Нургл возьми, держите свою собачку на поводке! Если он лакает тут изо всех мисок, какие можно найти, то пусть, хотя бы, не лает после этого на важных господ!

— Простите, командер, это моя вина. И урок на будущее. Я приму меры.

— Да уж, извольте, — Ренн красивым жестом указал солдатам, куда им сгрузить тело, и хотел было удалиться.

— Сударь, — маг вдруг поднял голову. — Ваш... этот вот... он энергично кивнул на Стусса — наглец! Он поднял руку на мага! Я требую.... Правосудия!

Выпалив это, пьяница снова поник головой.

Эйхе нахмурился. Вообще-то, по старым законам за оскорбление мага полагалась какая-то страшная кара, чуть ли не сожжение на костре.

Стусс, однако, не выглядел испуганным. Перехватив руку, которой он держал мага, он взял и прилюдно врезал ему по затылку затрещину.

— Да Тзинч тебя дери, засранец. Маг! Какой ты маг? Да ты курса не закончил! А кобенишься, как герцогиня, проданная в бордель, ха-ха!

— Простите, Стусс, — я перехватил его руку, когда он снова замахнулся на мага. — Вы откуда взяли, что мэтр Кнаппе — недоучка?

— Да, монахи шептались. Все рассказали мне. А им сказал сам Тереллин!

Вот же, Кхорн его дери! А я-то все думал — как мага пустили жить в монастыре? Это строжайше запрещено последних лет двадцать как. А он, оказывается, формально магом и не является.

Я поглядел на понурую, рано начавшую лысеть, голову мэтра. Как будто забот мне мало! И маг, оказывается, — не маг, ипьет он, просто как ломовая лошадь. Что с ним вообще делать? Посоветуюсь-ка я с Аззи...

Я нашел ее осматривающей одну из наших лошадей.

— Слушай, мне надо поговорить насчет мага. Он очень злоупотребляет горячительными. И у меня из-за этого уже неприятности, а ведь мы только выступили!

— Это было сразу понятно, как только он появился. Похоже, он очень сильно пристрастился к этому зелью.

— Можно с этим что-нибудь сделать?

Аззи наморщила лоб.

— Отвратить его от хмельного?

— Да. Хотя бы на время похода!

— В общем-то, можно. Только, — Аззи коснулась пальцами моей груди, — ты же сам понимаешь, он — маг. Трудно сделать с ним что-то такое, чего он сам не захочет.

— Говорят, он не доучился на факультете, так что...

— Я тоже не окончила курса. Я даже не начинала курса в университете. Попробуй опохмелить меня чем-нибудь!

— Подготовь, что нужно. Я его заставлю.

— Это потребует времени!

— Сколько?

— Трудно сказать, все зависит от того, смогу ли я найти нужные ингредиенты. Возможно, неделя-полторы.

— Хорошо. Пока я буду держать его под своим присмотром!

Аззи кивнула и вернулась к лошади.

Проспавшись, герр Кнаппе какое-то время старательно меня избегал. Но в нашем небольшом отряде это было затруднительно. Вскоре я нашел его, трущегося среди солдат.

— Сударь, нам надо поговорить.

— Да, герр Андерклинг, я и сам хотел вас найти. Вы получили деньги в Оденельштадте? Я сильно поиздержался последнее время, и аванс был бы спасением!

— Нет. Я не получил там ничего. Но, если бы и получил, не дал бы вам ни гроша!

— Простите?

— Я получил нагоняй от командера за ваше поведение в городе. Как вы это объясните?

Маг оскорблено молчал.

— Мне нужно, чтобы вы были в порядке, иначе мы, чего доброго, сгинем в Мертвых землях. Держите себя в руках, Кнаппе! Вы способны воздержаться от выпивки?

— Я совершенно трезв, и способен контролировать свое тело и дух так, как вам и не снилось, юнкер, — побелев от гнева, прошипел маг.

— Надеюсь, это был последний разговор такого рода. И ваши слова более надежны, чем ваш диплом, — холодно сообщил я ему, и оставил несчастного пьянчугу наедине со своей совестью.

Разумеется, я ни секунды не поверил, что он даже попробует удержаться от выпивки. Определенно, надо будет заставить его принять средство, которое приготовит Аззи! Хотя, поможет ли оно...

Да, судя по всему, мага у нас, можно сказать, нет. Может, Тереллин и послал этого алкаша именно потому, что его и потерять не жалко?

Прошло несколько дней в пути. И когда мы шли тесной лесной дорогой, маг сам подошел ко мне.

— Юнкер Андерклинг, а защитный амулет для посещения Мертвых земель — у вас?

— Да, сударь.

— Прошу вас передать его мне.

— Сударь, зачем он вам?

— Мне нужно настроить его, согласно правил магической гармонии сфер!

— Но мне выдал его сам каноник, и сообщил, что амулет полностью готов к использованию!

— Каноник не маг. При всем уважении к его чину, ему трудно судить о таких вещах. Где вы носите его?

— Он всегда со мною, — я показал конец веревки, к которой был привязан амулет у меня на груди.

— Вот. Я заметил, что вы, герр Андерклинг, имеете очень специфическое отношение с

магией. Не так ли?

— Да. Поэтому я и хожу в Мертвые земли по приказам церкви. А что?

— Амулет слишком долго находится на вашем теле. Он мог повредиться!

Я задумался. В конечном счете, амулет мне этот не нужен — это защитные чары для самого мага. Возможно, маг прав. Пусть сам его таскает, он хотя бы разбирается в таких штуках.

Я снял амулет и отдал его мэтру Литциниусу.

— Признаться, я даже не думал, что возможно такое органическое неприятие магии, — сообщил мэтр Кнаппе, бережно принимая амулет. — Откуда вы родом?

— Наш городок назывался Лужице. К востоку от Остенмарка. Его нет больше — разрушили горные тролли.

Маг с сомнением посмотрел на меня.

— Хм. Это Тереллин научил говорить так? Понятно. Мне он предлагал выдавать себя на уроженца Бастонии! Только эта ваша легенда, герр Андерклинг, не выдерживает никакой критики. Акцент действительно похож — кислевиты тоже говорят, как будто каши в рот набрали. Только вот, был бы ты из них, от тебя за милую душу бы северной магией. А я вижу совершенно чуждую ауру, нечто такое, чего вообще не может быть!

Я поглядел на мага еще раз. Возможно, стоит понаблюдать за этим типом. Если он окажется заслуживающим доверия, можно будет поговорить с ним по душам... А пока надо быть очень, очень осторожным.

— Подходим к Мортенау, — сообщил сержант арбалетов Кунц, бывавший в этих местах. Вскоре, действительно, вдали показались невысокие, сильно заросшие плющом кирпичные стены и башни, давным-давно требующие ремонта.

Мортенау — очень небольшой городок, и задерживаться тут мы не планировали. Конечно, Эйхе объявил «большой привал», то есть мы целый день будем отдыхать, чистить лошадей, чинить обувь и телеги, зашивать дыры в дублетах и стирать камизы. Но все понимали, что нам надо быстрее добраться до Теофилбурга — большого города, где есть меняльная лавка и я, наконец, смогу выдать половину жалования солдатам.

Мы разбили лагерь почти рядом с невысокой городской стеной. Предместья у городка отсутствовали — видимо, слишком опасно тут было селиться вне городских стен. Как водится, первым делом мы пошли в местный кабак. Он был один, и прескверный. Особенно не радовал дымящий сырыми дровами очаг. Вина у кабатчика не оказалось вовсе, с едой тоже оказалось небогато. Взяв эля с медовым грюйтом, мы решили здесь не задерживаться. Напоследок я подозвал кабатчика.

— Любезный, у меня в лагере есть субъект, которого нельзя поить ни при каких обстоятельствах. Он маг и фокусник, и расплачивается всегда фальшивой монетой, или отводит глаза и не расплачивается вовсе. На вид он средних лет, худощавый, с бритым лицом. Одет в коричневое, у него аверхаймский выговор. Уже много добрых бюргеров пострадали от него. Понятно, сударь?

Кабатчик рассыпался в благодарностях за предупреждение, мы же с Эйхе разошлись. Я решил отоспаться после трудной дороги, тем более что Аззи с утра делала мне намеки на какой-то приятный сюрприз. Рыцарь же, похоже, пошел искать в городе приключений.

Азалайса действительно приготовила мне подарок в виде... нескольких пузырьков с неоднозначно пахнущимиснадобьями. Одни надо было втереть в волосы, другие — выпить, и про всяческих насекомых можно забыть навсегда. Чтобы все сработало, пришлось лечь спать

с перевязанной головой в гордом одиночестве. Ворочаясь на своей кошме, долго думал над тем, что все-таки лучше — близость с живой теплой женщиной, или отсутствие таковой с членистоногими паразитами. В конце концов, засыпая, решил, что вопрос это философский, а значит, праздный, и вообще, утро вечера мудренее...

Глава 20

Хмурое раннее утро не обещало от наступающего дня ничего хорошего. Утренняя сырость пробирала до костей. Солдаты выползали из своих палаток и «лежек» под телегами, чтобы погреться у костра, перед тем как собрать барахло, и маршировать дальше, на ходу запивая хлеб элем из манерок.

Наблюдая за сборами, я не сразу понял, что мага-недоучки Литциниуса нет в лагере. Все уже были на ногах, солдаты громко ругались, собирая лагерный скарб, а он все не появлялся.

— Где там этот малахольный? Не видели его? — спросил я у солдат из роты Рейсснера.

Те не знали, но, сразу воспользовавшись поводом отлынить от работы, побежали его искать.

Куда он делся... Еще не хватало его потерять — проблема на ровном месте!

Опрос солдат показал, что последний раз его видели вечером, выходящим из лагеря в сторону города.

— Да, герр командер, вон туда, в западные ворота, он пошел. Очень хотел выпить, аж трясся!

Неужели нализался опять? Я строго-настрого запретил его поить, и городской кабатчик, как мне показалось, был разумным бюргером и не стал бы ссориться с начальником сотни вооруженных людей. Но маг мог, например, уговорить кого-нибудь купить ему выпивку. Или вообще не дошел до таверны — пристукнули его в темном углу, и все!

Едва одевшись сам, я побежал к городским воротам. Они были и еще закрыты. Одинокий стражник меланхолично смотрел вниз с дозорной галереи.

— Эй, любезный, — окликнул я его, — не проходил ли вечером в город господин в коричневой одежде из нашего лагеря?

Стражник продолжал глядеть вдаль, делая вид, что не слышит меня.

Я достал из кошель пару фирлингов и побренчал ими. Стражник сразу откликнулся.

— Проходил, сударь, но сразу же вышел назад. Злой был, как Кхорн!

— О, благодарю, любезнейший. Да не оставит вас Свет!

Я побежал обратно, на ходу засовывая фирлинги обратно в кошель. У лагеря меня встретил сержант арбалетчиков.

— Юнгер Андерклинг, мы нашли его. Вам стоит это видеть!

Полный мрачных предчувствий, я пошел за сержантом.

— Его нашли в стоге сена в двухстах шагах от лагеря, — старый вояка возбужденно жестикулировал, новость так и рвалась из него. — Валяется там, храпит, аж лошади пугаются!

Мы подошли к разворошенному стогу. Рядом стоял на часах пехотинец — охранял нашего горе-мага от несчастных случайностей. Литциниус спал, беспокойно дергая во сне головой и что-то бормоча. Рядом в сене торчало горлышко дорогого «дважды крепленого» вина. Пошарив в сене, сержант вытащил еще одну такую бутылку.

Так-так, а откуда мы взяли деньги? У него не было ни гроша!

Я медленно похолодел внутри. Тоскливая, скверная догадка проникла в душу, как ледяная вода сковозь течь в трюме нефа... И точно — пошарив по груди пьяного мага, я не обнаружил защитного амулета!

Ну, замечательно. Ну, чудесно. Просто, мать его, о**енно!

То есть мы проехали, считай, половину пути, и вот — этот дебил от метафизики пропил защитный амулет. Может быть, потерял, — но скорее всего, тупо пропил, — а иначе, откуда у него деньги на идеррийский кларет? Ну а без амулета он и двух часов не продержится в Мертвой земле! А второго такого у нас нет!!!

И что теперь, нахрен, делать?

Возвращаться назад? Не вариант! Во-первых, дорога туда-сюда займет месяц. Во-вторых, я даже не представляю, что скажет каноник, когда я поведаю ему эту историю. Скорее всего, нашему сотрудничеству придет конец. И — здравствуй, инквизиция! В-третьих, амулет такого вида — очень редкая и дорогая вещь. В прошлом году я его три месяца самолично искал в развалинах Нульна! Три месяца шарился по катакомбам! Определенно, у Тереллина больше таких амулетов нет...

В-четвертых... В четвертых, достаточно и одной из перечисленных трех причин. Да это, мать твою, полный провал! *Мой* провал!

Ну ладно. Сохраняю спокойствие... Сейчас разберемся, что к чему!

— Берите его, и в лагерь, — скомандовал я. Солдат и сержант подхватили алкаша Литциниуса под руки и потащили к кругу повозок. Я потащился следом, взяв бутылки с собой.

«Какого черта. Вот какого черта мне приходится работать с таким материалом?» — раздумывал я дорогой, разглядывая качающуюся на ходу голову мага. «Почему мне не дают монастырскую охрану? Зачем брать наемников, которым надо платить, когда стража монастыря — бесплатная стража — бездельничает целыми днями? Да, они хуже. Но их ведь и больше! И какого хрена мне дают в сопровождение этого клоуна? Маг-недоучка — не лучшая компания для такого рискованного дела, и уж конечно — не самый острый нож в столе у Матери-Церкви. Неужели у Храма Света кончились сподвижники?»

Придя к лагерю и поставив бутылки возле своей повозки, я обернулся к солдатам, держащим пьянчугу под руки.

— Принесите воду. Много воды. Две... нет, три дюжины ведер!

Вебра собирали долго, обобрав всех лошадей и волов, и собрали добрых две дюжины. Еще дольше таскали воду из ближайшего пруда. Все это время старался успокоиться, но чувствовал, что только сильнее распляюсь. Любопытствующие солдаты собрались вокруг.

— Плесни-ка в него, — приказал я близстоящему арбалетчику. — Надо прочистить ему мозги!

Тот зачерпнул немного воды каской и осторожно полил на лицо Литциниуса. Тот вздрогнул, фыркнул, но продолжал спать.

— Еще!

— Апч... Аарх! — Маг закашлялся и поднял налитые кровью черные глаза на окружающих, нашел взглядом меня.

— Где амулет, дурачина?

Тот, не отвечая, тупо озирался на меня и окруживших нас солдат. На мокрой небритой физиономии читалась усиленная работа мысли, напряженная и безуспешная.

— Еще лей!

Полный шлем воды полетел в лицо мага. Сначала захлебнувшись, он принялся фыркать, как тюлень.

— Еще!

Маг начал дергаться. Его дрожащие руки с синюшными пальцами начали выделять какие-то знаки. Их можно было бы принять за случайный тремор, только меж пальцев у него вдруг стали проскакивать яркие искры.

— Лейте еще! Не давайте ему колдовать! Сбивайте заклинания!

Еще пара солдат присоединилась к экзекуции. Они плескали на мага холоднющей водой почти непрерывно. От ударов воды в лицо он не мог сосредоточиться и скастовать заклинание. Тем не менее, что-то у него получалось — по его бледным тонким пальцам пробегали всполохи пламени, пару раз из руки вырвались плевки огня, бессильно упавшие на землю.

— Тащите еще воды. Бегом!

Несколько солдат подхватили опустевшие ведра и неторопливо зарысили к водоему. Остальные продолжали издеваться над быстро трезвеющим магом, поливая по очереди его совершенно мокрую, облепленную озерной ряской голову.

— Куда ты дел амулет, сволочь! — прорычал я как можно более грозно. — Отвечай, или мы утопим тебя прямо здесь!

Наконец он сдался, умоляюще подняв руки. Я жестом прекратил экзекуцию.

— Где?

— Таверна, — прохрипел Литциниус, глядя на меня снизу вверх. Вода стекала ему на лицо с плешивой, рано начавшей седеть головы тонкими, зябкими струйками.

— Какая, нннахрен, таверна?

— Таверна там, — он неопределенно махнул рукой. Его начал бить озноб.

— Я запретил им продавать тебе что-либо!

— Нет. — Он яростно замотал головой, как будто хотел защитить этих хороших, добрых кабатчиков от моей гнусной солдатни. — Нет-нет-нет. Не в городе. Таверна на перекрестке дорог! Там, — он указал рукой в сторону от города. — До нее три лиги.

Вот так ничего себе. Тут две таверны? В большинстве таких городков нет и одной! Впрочем, место тут довольно бойкое — повозки с товаром то и дело попадались нам на пути. Удивительнее другое — эта таверна, очевидно, стоит вне городских стен!

— Переоденьте его.

— Во что?

Хороший вопрос. Платяного шкафа тут никто с собой не носит.

— Спросите у Стусса, оруженосца Эйхе, я знаю, у него есть запасная камиза. В моем возу у фройляйн Азалайсы спросите мой дублет, скажете — я приказал. Штаны поищите в лагере — может, есть у кого-нибудь запасные. Его барахло просушить у костра.

— Андерклинг! — очнулся маг. — Скажи им, чтобы не сожгли мои вещи! А то я их самих спалю, Тзинчем клянусь!

— Тзинч твой давно издох, — миролюбиво ответил ему немолодой арбалетчик, выкручивая одежду мага. — И не поминай тут древних демонов, шантрапа!

Наконец, принесли одежду, и синий во всех смыслах маг мог одеться.

— Давай переодевай, и побыстрей, — мы выезжаем, как только оседлают лошадей!

— Куда выезжаем? — тупо спросил Литц.

— За твоим патентом придворного архимага, конечно же. За амулетом, идиот!

На давно не бритом, бледнящем лице мага отразились сомнения. Похоже, с амулетом будет трудно...

Ладно, решим все по порядку. Сначала нужны лошади.

В лагере есть две ездовые лошадки — на них садятся, по необходимости, то разведчики, то ротмистры, и я тоже пользуюсь то одной, то другой. Еще есть 8 упряжных мерин — по два тянут фургон, и два — сменные.

— Быстро седлайте двух лошадей! — крикнул я монастырским сервам, подходя к повозкам.

— Куда-то едете, герр Энно? — осведомился Даррем, чинивший упряжь возле фургона.

— Да, и срочно! Надо посмотреть на таверну, стоящую не в городе!

Сервы удивленно переглянулись.

Еще ни разу ни я, ни они не видели тут постоянного двора, таверны или рынка за пределами города. Такое чудо неминуемо будет разграблено, и, вероятно, сожжено, в самое короткое время. Даже деревни, в которых, как правило, нечего брать, защищают частоколом, и ночную стражу ставят. Иначе — смерть.

Вести дела, постоянно находясь на грани нападения, можно лишь при двух условиях. У тебя есть серьезная защита — причем, ни какой-то там авторитетный покровитель, а именно военная сила. Потому что оркам или гхоллам плевать на все авторитеты. И второе — ты занимаешься очень, *очень* выгодным делом. Примерно как в моем мире — толкать героин.

Ну и понятно, что ребята, фигурально говоря, торгующие тут наркотой, должны быть немножко опасны.

— Коммандер явился в лагерь?

— Да, юнгер!

Отлично. Ренн не пропускает ни одного населенного пункта, чтобы не погулять там вволю, и часто задерживается.

Надо доложить ему о происшедшем.

Вскоре я увидел рыцаря — он сидел возле своего шатра и с недовольным видом выслушивал солдат, пока отрядный цирюльник работал над его физиономией. Значит, он уже знает про эпичный провал, случившийся с моим подопечным.

Я подошел к нему. Эйхе сумел выбить у камерария собственный походный шатер, и, единственный из нас, мог ночевать более-менее по человечески. Услышав мое учтивое покашливание, он отстранил цирюльника, плеснул в лицо пару пригорошень воды и обернулся ко мне.

— Что, это пес снова выкинул фортель?

— Да, Кхорн возьми... Как учит нас церковь, вино и бабы до добра не доводят. Нам теперь надо доехать до таверны в трех лигах по дороге и вытрясти из них амулет Капитула.

— Это по пути? Может, просто подойдем к этой таверне с отрядом?

— Нужно все сделать побыстрее. Как бы амулет оттуда не уплыл. Не представляю, сколько он может стоить, но точно, — очень дорого. Не одну таверну можно купить. И я очень надеюсь, что кабатчик все-таки не знает, что он выменял на кларет. И не стоит давать им время на то, чтобы разобраться!

— Там есть кларет? Интересно. Знаешь, Энно, я, пожалуй, проеду с вами. Нам ведь все равно в ту сторону! Пропущу заодно стаканчик хорошего вина. Так что приказывай солдатам снимать лагерь и выдвигаться следом за нами. А мы поскачем вперед и дождемся их на

месте. Только тесак возьми со щитом — мало ли что там...

Вскоре мы поскакали к таверне, сбиваясь с размашистой рыси на трот. Маг оказался даже худшим наездником, чем я. На рысях я держусь вполне уверенно, лишь на галопе боюсь упасть, а он при любом аллюре выглядит, как куль с дерьмом.

Через час с небольшим, за очередным поворотом, у дороги возник длинный дом за невысоким частоколом. Удивительно, но таверна оказалась двухэтажной. На вывеске над широкими дубовыми воротами красовалась медная голова кабана внутри обруча от винной бочки. Подъехав ближе, Эйхе постучал в ворота рукоядью меча.

Сначала казалось, что никто нас не услышал. Но затем раздался пронзительный скрип, и в воротине приоткрылась небольшая дверка.

— Кто тут? — раздался голос, тонкий и какой-то чирикающий.

— Рыцарь Рэйвен Теодор Эйхе, из Бейсенсгау, и его спутники, желают тут выпить!

— Время неурочное, — прочирикали за воротами, — но, ежели, только выпить, то...

Ворота отворились. Мы бросили поводья крупному, светловолосому парню в полотняной рубахе, с обручем на голове.

Белобрысый серв принял наших лошадей, продолжая трещать без умолку:

— А выпить у нас — самое первое дело. Вина лучшие, в городе таких нет. Эль варим два раза на седмицу, на пшеничном солоде, с травами всякими.... Вот сюда, господа хорошие, проходите!

И мы вошли в широкую дверь, украшенную ветками можжевельника.

Глава 21

Внутри оказалось просторно и почти безлюдно. Высокий потолок, поддерживаемый грубо отесанными балками, весь черный от копоти. У огромного очага висел здоровый медный котел, в котором, судя по запаху, варили эль. Рядом с котлом висела ободранная туша оленя, которую коптили в дыму очага.

От очага обернулся плотный здоровяк со шрамом, глубоко разрезавшим все лицо. Шрам проходил через нос, разрезая его на две неодинаковые части.

— Приветствую вас, путники, в таверне «Кабаний клык»! Приятно видеть благородных посетителей в наших глухих местах в такой ранний час!

Радущия в его голосе было не больше, чем серебряных ложечек в замке вампира.

— Ладно, заткнись и принеси нам выпить, — пробурчал рыцарь. — Идеррийский кларет, три шоппена*. Впрочем, этому уже достаточно.... Два шоппена!

— Сию минуту, сударь!

— Нет, все-таки три шоппена! Да погоди! Вот этого субчика помнишь? — Эйхе вытолкнул вперед Литца, державшегося до той поры как можно незаметнее.

Мужик нахмурился.

— Эээ... не припоминаю...

— Он тут у вас оставил вещь, которая ему не принадлежит. Это имущество Пресветлой церкви, надо бы ее вернуть, сам понимаешь...

Двуносый тип заметно напрягся.

— Если этот господин был тут вечером, так меня тут не было. Я позову того, кто обслуживал вчера.... И стал пятиться к лестнице наверх, не поворачиваясь, впрочем, к нам спиной.

— Хозяина позови! — крикнул ему Эйхе вслед.

— Всенепременно, — буркнул одноглазый, быстро поклонился и побежал наверх.

— Что-то, по моему, тебя тут не рады видеть, — пробурчал Эйхе магу. — Ты тут буянил, что ли? Не наплевали бы нам в кларет...

Вскоре наверху раздались тяжелые шаги, и в лестничном проеме мы увидели грузную фигуру, неторопливо спускающуюся к нам. В полутемном зале хозяин таверны сначала показался нам каким-то чудовищем, со скрипом и грохотом ступающим по толстым плахам, служащим лестничными ступенями. Но, когда он вышел под тусклый свет масляного светильника, мы увидели, что первое впечатление, — самое верное.

На широченном, получеловеческом торсе сидела голова матерого бурого кабана. Из пасти торчали желтые клыки в шесть дюймов длиной. Маленькие свиные глазки внимательно, не по-звериному разумно всматривались в каждого из нас.

— Пафф... Какие ранние гости... И некоторое лицо... мне знакомо. Приятно... когда клиенты... возвращаются вновь....

Тварь говорила, не шевеля челюстями. Слова как будто рождались и вылетали прямо из его необъятной груди. И столько в нем было спокойной уверенности и силы, что сразу стало понятно — он ничего нам не вернет. И сами мы, пожалуй, отсюда уже не выйдем!

До этого зверолодей я видел только на ярмарках. Их возят, как диковинку, в клетках и

на цепях. Добрые горожане швыряют в них камни и конские яблоки — такие тут милые нравы. Но даже там, за решеткой, в цепях, видна их неукротимая лесная мощь и нечеловечески лютый нрав.

Здесь же мы видели чудовище, одаренное человеческим разумом и звериной силой, на свободе, в собственном логове, в роли владельца таверны и хозяина положения!

— Нам нужен амулет, — не своим голосом произнес я. — Отдай его, и мы уйдем.

Вепрь смотрел на меня спокойно и с достоинством, только легкая смешинка проскользнула в кабаньих глазах. Неужели мой голос так сильно дрожит?

— Не дерзи... пафф...ведьмин дружок! Он его... продал.... Три бутылки кларета.... Сделка совершена... безвозвратно!

— Знаешь, добрый господин, — сбоку из полумрака вынырнул уродливый приспешник твари, — а мы тебя тут не держим. Можешь забрать своего скомороха, и ступайте себе... — он зыркнул ясным, насмешливо-глумливым взглядом, — подобру, поздорову... Я бы, конечно, с клоуном твоим потолковал бы, отдельно, чтоб не клеветал на добрых людей, ну да ладно!

И посмотрел на меня укоризненно, как будто его хозяин действительно был добрым и был человеком.

— Это имущество церкви, — Эйхе начал терять терпение. — Он не мог им распоряжаться по закону!

И тут вепрь, стоящий рядом, совсем по-человечески улыбнулся.

Нет, они нас не выпустят. Это точно.

Выдающийся тип, подумалось мне невольно. Со своими зверолоудскими голосовыми связками болтает, прям как человек. И мимика — почти человеческая, и это на кабаньем-то рыле!

Странная вещь психика. Нас сейчас тут будут забивать насмерть, а я восхищаюсь ужимками кабаньеголового отморозка, который готовится размозжить мне череп.

Двуносый ублюдок обернулся и крикнул что-то наверх на непонятном гхыкающем языке. Немедленно раздался грохот. Это кабаньи копыта стучали по плахам лестницы.

И моментально за спиной вепря выросло еще двое. С оружием.

— Люблю валить кабанов. Во имя Света!!! — дико заорал Эйхе, отскакивая назад и одновременно выхватывая меч. Тут же он резким движением сорвал с себя плащ и закрутил его вокруг левой руки, как импровизированный щит.

Мой баклер был при мне, на поясе, успеть бы только надеть! И скорее достать тесак!

Раздался дикий рев — Эйхе всадил меч в глотку передней твари. Но даже он не заглушил стука моего сердца. Время как будто уплотнилось. На быстрые и мощные удары следует не менее быстрый ответ. Уклониться! Подставить щит! Черт!

Страшный удар, кажется, сломал мне руку.

Коммандер Эйхе рядом, кажется, весь содрогнулся от удара. Плащ ему не помог — страшный удар дубиной сокрушил бы и Геркулеса.

— Во имя Све...

Боевой клич рыцаря прервался бульканьем и хрипом. Ну, вот и все. Ему пробили горло вертелом. Я остался один.

Град ударов, которые не в силах сдержать мой баклер. Кто-то пихнул меня в грудь, так что я отлетел к стене, упав на колени. Во рту привкус крови, в голове звон.

Ну, вот и все.

Баммм!!!

.....

Слепящая вспышка. Дикий рев пламени, как из гигантского горна, отбросил меня к стене. Когда я смог снова соображать, то нашел себя скрючившимся в углу, закрывая лицо руками. Не знаю, с чем это сравнить, разве что с доменной печью, у которой внезапно рухнула стена. Только тут было холодно и сыро, и вот — пламя садит в потолок, и дубовые балки бездымно полыхают как спички, а на полу... на полу медленно скрючиваются от дикого жара туши тех, кто секунду назад хотел нас убить.

Один из Вепрей, еще живой, с диким ревом носился среди пламени, натываясь на стены.

Маг стоит и зачарованно смотрит на вызванный им огонь. В черных маслянистых глазах пляшут отсветы адского пламени. Совершенно спокоен, и кажется, доволен собой.

Пироман хренов. Вот чего он ждал, раз такой из себя крутой? Пока Эйхе убьют? Или меня? Сразу-то нельзя было так!?

Наконец кабаноголовый упал, скребя копытами, распространяя вокруг вонь паленой щетины

Боже, какой жар. Я сожгу себе легкие! Надо отсюда как-то выбираться. Сейчас тут все сгорит. Но через это пламя нам не пробиться. Выход один — выломать стену. К счастью, они здесь не особенно крепкие — глина с прутьями, обмазанная сверху известкой. Можно попытаться!

Мой тесак остался где-то там, в пламени. Достая кинжал и начинаю ковырять стену в углу... Идет тяжело, но идет. Воздух становится слишком горячим, чтобы им дышать. Чувствую, как на спине начинает тлеть плащ. Черт, не успеем!

— Может, ты мне поможешь? — кричу магу, перекрывая гул пламени.

Он смотрит на огонь, хладнокровно, как мясник на бойне. Кажется, он меня не слышит.

— Эй!

Я толкнул его в бок рукояткой кинжала. Маг медленно повернулся ко мне.

В его глазах плясало пламя. Смотрит на меня в упор, и отрешенный взгляд его пугает сильнее, чем адское пламя в полушаге от нас...

Также медленно маг отворачивается от меня и смотрит на пламя, как мне кажется, с сожалением. Потом делает резкий взмах руками, как будто стряхивает с них воду.

Бах!!!

Пламя резко гаснет. В наступившей темноте пламенеют угли на потолочных балках. Все помещение сразу затягивает едким дымом — я не вижу его, но чувствую, как режет глаза и сухой кашель рвется наружу.

— Пойдем от...отсюда... — с трудом выдавливаю из себя, и на ощупь, спотыкаясь о лежащие на глинобитном полу тела, бреду туда, где должен быть выход. Тыкаюсь в стены. Выхода нет. Кхе, кхх... Дышать просто невозможно. И еще начинает кружиться голова. Угарный газ.

— Посвети!

Легкая вспышка света прорезает дымную тьму. Вижу дверь. Она совсем рядом... Наконец-то!

Вываливаемся во двор. Боже, свежий воздух! И пара слуг человеческого вида. Смотрят с дубинками, настороженно ощерившись, но нападать не спешат. Это они правильно... Кхорн, как болит запястье!

С трудом пытаюсь отдышаться, смахнуть дымные слезы с глаз. Вот ведь занесло!

Маг, в отличие от меня, выглядит вполне бодро, даже весело. Лицо покрыто сажей, черные глазки блестят сумасшедшими искрами. Разрази меня Кхорн, да этот сукин сын просто наслаждается!

— Амулет наверху!

Литц со значением кивает на второй этаж таверны. Тот быстро разгорался — из окон уже валит такой густой, плотный дым, что было понятно — за пламенем дело не станет.

— Э-кхе-кхе. Изумительно. Очень ценная информация! Может, э-кхе, сходишь за ним — а то я что-то запыхался? Кхе-кхе!

Не успел я выдавить из себя этот вымученный сарказм, как маг бодро, хотя и заметно покачиваясь, проскочил в дверь, из которой мы только что вышли, и исчез в густом сером дыму.

Сумасшедший!

Я обернулся к ребятам с дубинами. Те подобрались под моим взглядом, раскачивая оружием в руках.

— Стой, где стоишь, — сказал я ближайшему — тому самому серву, что впустил нас. — Сейчас тут будет мой отряд. Не будете дергаться, — не тронем.

Тот переглянулся со вторым — черноволосым усатым типом, кажется — конюшенным.

— Вы вообще... — я снова закашлялся. — Вы вообще как попали на службу к зверолодям?

Мне, конечно, пофигу, как они тут оказались, но один из способов снизить агрессию — заболтать оппонента. Не хочешь махать топором — болтай языком. У меня иногда получается.

— Вы, колдуны, чтоле? — подал голос черноволосый.

— Типа того. Тот, что ушел, — я кивнул на таверну, — маг огня. Я — по другой части.

— Отчаянный! — уважительно прочирикал светловолосый. Прямо видно, что может с огнем что угодно делать, и не боится его совсем! А мы тут за лошадьми смотрим. Приезжие, которые на лошадях, им уход нужен — овес там, сено, попоить, распрячь, то да се — а Вепри с лошадьми не умеют.

— Да и лошади их боятся, — подал голос более молчаливый усатый конюх, — даже запаха. Наши-то, еще привычные, а вот у приезжих...

— Ну вот, они людей и набирали — за лошадьми ходить, да еду подавать — не всем нравится, если им Вепрь прислуживает, господам особенно, — вновь перехватил разговор чирикающий.

— А много их тут?

— Сейчас немного, да вы всех положили. Другие к вечеру приходят, как посетитель пойдет. Только, знаешь, неизвестно какой отряд-то сюда первым подойдет.

— А что не так? — спросил я с деланным спокойствием в голосе.

— Так у них-то, у хозяев-то, тут родственников три деревни живет. Такие же Вепри, как и те. Здоровые — ууу... — протянул чирикающий серв, — они тут весь округ держат! Наверно уже всполошились, зарево-то разгорается!

Верх и крыша «Кабаньего клыка» уже здорово горели. Жар заставил меня отойти от здания.

— А этот твой маг-то огненный, не угорел там? Что-то долго его нет!

Так, а действительно, где Литц? Он там не заснул спяну? Разморило в тепле...

— Литциний! — крикнул я в дым, снова валивший из двери. — Магистр!

Треск горящего дерева был мне ответом. Так, что-то мне совсем это не нравится!

— Литциний...

Я попробовал зайти внутрь — куда там! Жар и дым не позволяли зайти больше чем на пару шагов. Я их прошел... и наткнулся на спину мага.

Тот пятился к входу, пыхтя, и тащил по полу что-то тяжелое. Слава Свету, жив!

Я поспешил наружу. Литц выполз следом, пятясь задом наперед. Тяжелый предмет, который он волок за собой, оказался ... бочонком. Нетрудно было догадаться, что там красноречиво булькало!

— Послушайте, мэтр Кнаппе. Ваша тяга к горячительным напиткам перешла все границы. Как только мы окажемся в отряде, вы при мне выпьете зелье, отбивающее тягу к... приключениям. Вы поняли меня?

Маг кивнул, тяжело дыша.

— Ладно. Что с амулетом? Ты нашел его?

Литц поглядел на меня, как на идиота, насмешливо и чуть презрительно.

— Конечно.

Тут я заметил, что амулет болтался у него на шее.

— Да он сильный маг! — рядом опять нарисовался белобрысый серв Вепрей. — Вышел невредимым из такой жаровни! И даже одежда лишь чуть подпалилась!

Вот черт! Мой любимый дублет, который я хранил для визитов к Тереллину и разным знатым персонам, действительно был прожжен и дымился.

— Пожалуй, нам надо убираться. Совершенно нет желания разбираться еще с одной толпой зверолодей.

— Конечно, — ответил маг и вопросительно посмотрел на меня.

— Что?

Тот кивнул на свою ношу.

— Что, тащить за тебя этот бочонок?

Тот смущенно кивнул.

— Вы, герр юнгер, намного привычнее к физическим усилиям, вы же воин, не то, что я!

— Господин хороший, — вмешался в разговор чирикающий серв, — а может, ты нас на службу возьмешь, а? Тут мы место, считай, потеряли, из-за вашего колдуна!

Я с сомнением посмотрел на него. Брать человека вот так, с улицы, конечно, неправильно. Но парень крепкий, и судя по всему, неглупый. Лишняя пара рук, в общем — то, не помешает...

— Я немного не при деньгах, любезный, а то бы взял тебя в услужение.

— Ничего, я пока за еду послужить могу, — прочирикал светловолосый.

— Как звать?

— Меня Птахой кличут!

— Ну, Птах, бери бочонок, да пошли отсюда. А там разберемся.

— Да погодите вы! — очнулся усатый тип. — Там же деньги еще! Деньги Вепрей! В подвале они хранят!

— Точно! В винном погребе! — Птах замахал руками от возбуждения — Там тайник у них, но я знаю где! Как раз... да, как раз за этим бочонком и был!

— Литц, — я обернулся к магу с невысказанным, но совершенно ясным вопросом.

Тот смутился еще сильнее.

— Ну-ка, что там у тебя в карманах топорщится?

Маг покраснел.

— Да нашел я их, нашел. Пойдемте уже!

— А давайте лошадок-то заберем, — снова подал голос усатый конюх — а то, глядишь, и на конюшню огонь перекинется, а вам, добрый господин, лошадки-то не помешают! Они, хоть и не боевые, но добрые. Да и повозки надо выгнать — две отличные повозки сейчас на дворе! Да и вещички нам надо свои собрать!

— Давайте быстрее!

Мы с магом вывалились за ворота. Птах с усатым побежали за лошадьми и своими вещами. Слышалось испуганное ржание лошадей — крыша конюшни уже занималась.

Вскоре Птах и черноусый конюх выехали за ворота на двух прекрасных подводах, крытых доброй рогожей. Мы закинули вещи внутрь фургонов и залезли сами.

Лишь сейчас я заметил, что меня бьет крупная дрожь. Многого я тут видел, но такого ужаса еще не встречал!

Зверолюди очень сильные, опасные противники. Практически, сегодня я заново родился — так мал был шанс уцелеть, и все же он выпал!

Но не рыцарю Эйхе.

Глава 22

Коммандер Эйхе погиб. Его тело сейчас горит рядом с тремя кабаньими тушами. *Sic transit...*

Я бросил последний взгляд на пылающую таверну. Славный вышел у Ренна погребальный костер. Не каждый удостоится такого!

Литц рядом любовно поглаживал свой свеженамародеренный бочонок.

— Маг, так сколько там денег-то ты спер, показывай!

Тот неохотно вытащил из-за пазухи несколько мешочков. В одном были золотые монеты — 7 дублонов, 3 соверена, 5 тилейских флоринов, и еще 5 разных, незнакомых мне монет из Идеррии и Бастони. Очень большие деньги!

В другом оказалась пригоршня разного серебра вперемешку с медными и латунными монетками.

— В тайнике у них лежало золото. А еще в ящике с амулетом, в покоях — разменная монета для посетителей.

— Ты и тайник нашел?

— В подвале, где вино. Там еще столько всего было...

Похоже, этот пьянчуга действительно умеет находить чужие заначки. Не зря Тереллин его выделил мне в напарники!

Две крепкие телеги наконец — то выкатились за ворота. Здоровые рабочие мерины — три каурых, один серый в яблоках, по два на повозку — действительно были хороши. К фургонам привязали и трех наших кобыл.

Сервы с узелками под рукой, где, видимо, и были все их вещи, правили повозками умело и ловко. Мы залезли в переднюю, к Птаху.

— Давай правь к городу. Хочу побыстрее встретить наш отряд. А то кто знает...

Левая рука сильно болела. Перелома, конечно, не было, но пользоваться ей я еще долго

не смогу. Несмотря на это, после благополучного возвращения амулета я испытывал такое облегчение, что даже задремал в повозке. Разбудил меня зычный голос:

— Эй, мужик, сворачивай! Мы армия Светлейшей церкви!

Вот идиот!

— Придержите язык, герр Николас! Не надо сообщать всем встречным, кто мы и куда идем. Вообще-то наш поход секретен.

— Не узнал вас, герр Андерклинг. А что это за быдло с вами?

— Напрасно вы так называете ученого мага! Птах, вставайте с повозками в хвост нашей колонны, а я останусь тут впереди с господами ротмистрами.

Пока мы ехали, я рассказал о происшедшем.

— Невероятно! — воскликнул Отто. — Тут уже лет сто не слышно про зверолодей! На севере, в густых лесах, их еще полно, а здесь вроде бы их всех извели!

— Так давайте исправим это, — пробасил Рейсснер. — Устроим охоту, и доброе дело сделаем, и мяса запасем в дорогу!

— Вы это серьезно, Николас? Предлагаете есть *такое* мясо?

— А что такого, Энно? — удивился Шумпер. — Вы же сами ели того хряка, которого добыл Эйхе? Или вы думаете, что это был кабан?

Тут мне стало нехорошо.

— То есть та кабанья голова была....

— Конечно. Достойные охотники никогда не станут бить животных весной или ранним летом. Ведь они о ту пору выводят потомство, а если добыть родителей, то приплод пропадет, и охотиться будет не на кого. А этих уродов, заслуживающих лишь истребления, должно побивать в любое время. Весенние охоты — они всегда либо на волков, либо на зверолодей!

— Конечно, — вмешался Рейсснер — бывает, что они дают отпор. Они же здоровые! Только ума объединиться в отряд у них не хватает. А то, это была бы не охота, а война.

Я в тоске откинулся на борт телеги. Кхорн возьми, как я тут все ненавижу!

Рука начала отдавать пульсирующей болью. Надо идти к Аззи. И не думать. Не думать о том, что я сейчас узнал.

— Пойду в арьберггард, — сообщил я ротмистрам. — И, еще вот что — Эйхе погиб, теперь я командер отряда. Прошу обращаться ко мне соответственно, особенно при солдатах.

— Пойдите, — вмешался фельдфебель Шумпера, Курт Линдхорст. — А родственники у командера были?

— Конечно. Он, то ли пятый, то ли шестой в семье!

— Эйхе — это те, что из Брейсенгау? — спросил Шумпер.

— Да, кажется.

— Брейсенгау — это Хаос знает как далеко отсюда, — продолжил Линдхорст. — Так что, по доброму старому обычаю, мы должны разделить имущество покойного среди его товарищей. То есть нас, господа.

— Наверное, вы правы, Курт. Только имущества у рыцаря было немного.

— Насколько я понял, его оружие и доспехи остались невредимыми? Он же поехал с вами с одним мечом?

— Да. Но вся его амуниция — из оружейной монастыря Андтага. И лошадь тоже. Так что, разделить мы можем только его долги!

— Ничего, дело же не в этом! Нам просто следует соблюсти древний обычай воинского братства. Сколько бы имущества не было у твоего однополчанина, будет очень печально увидеть его у какого-нибудь, да простит меня Свет, *штатского*!

На меня уставились четыре пары выжидающих глаз. Да пожалуйста!

— Несомненно, вы правы. Надо допросить его оруженосца насчет вещей.

— Да, и побыстрее, Энно, пока названный оруженосец — как его там, Гелло? — не присвоил самое ценное. Скажет, мол, рыцарь подарил, прямо перед смертью, да еще и Светом Неизбывным поклянется, выродок тощий! Там по рылу видно — ничего святого...

— *Коммандер* Андерклинг. Пожалуйста, не забывайте. Особенно при солдатах.
Коммандер.

Первым делом я, конечно, отправился к Аззи.

Она хмуро выслушала подробности нашей эскапады.

— Давайте, осмотрю.

Рука была багрово-синей. Мне стало страшно — не разовьется ли какой-нибудь гангрена?

— Все хорошо будет. Сейчас займусь.

Она наложила компрессы, что-то шепча.

— Зачем ты бормочешь свои заклинания. Они же на меня не действуют?

— На тебя — нет, а на травы — да. Я заставляю их отдавать свою живительную силу.

— Ну, делай, как знаешь, мне главное не остаться без руки!

Тем временем из-за поворота показалось пожарище. Все уже почти потухло, лишь отдельные очаги огня тут и там больше дымили, чем горели. Сбежалась кучка зевак — проезжие торговцы, поселяне из окрестных сел. Все они были людьми — ни одной звериной рожи не было видно. Но, казалось, что чьи-то глаза следят за нами из глубины леса — чьи-то зоркие, внимательные, злые глаза...

Некоторые из зевак, осмелев, начал лазить по пожарищу с целью поживится.

— О, какой котел!

— Горшки целые!

— Бочки с вином!

— Гляди-ка, жареное мясо!

Ко мне подошел Майнфельд, фельдфебель Рейсснера.

— Сударь, там...

— *Коммандер.*

— Простите. Коммандер Андерклинг, там, у очага стоит целый медный котел. Ребята хотят его достать!

— Давайте, только быстро. Нам не стоит тут задерживаться.

Вскоре пехотинцы полезли к котлу, откидывая с пути тлеющие головни.

— И как котел остался цел? Он должен был расплавиться от такого жара! — воскликнул Шумпер.

— Эль, — мрачно буркнул Литц.

— Что?

— Эль. Там был эль. Пока горел огонь, эль выкипал. Пар охлаждал стенки котла и не дал им расплавиться.

— Ну, вы у нас маг огня, вам лучше знать.

Между тем солдаты, приняв нашу попытку забрать котел за индульгенцию на

мародерство, массою хлынули на пожарище, роясь в кучах горелых досок и бревен.

— Рейсснер, отзовите своих людей. Наведите порядок! — воскликнул я.

— Они уже увидели вино! Не стоит запрещать им брать то, что плохо лежит, — отозвался тот.

— Как так! Что у вас за порядки?

— Обычные. Это часть контракта. Им разрешено брать добычу везде, где они ее найдут.

— А если они найдут что-то среди боя?

— Они возьмут это. Имеют право.

— Делайте что угодно, но нам надо идти. Забираем котел — и все.

Майнфельд полез в пожарище, громко матерясь. Потихоньку ему удалось собрать своих людей — но не раньше, чем они набрали себе по полному шлему вина из расколотых бочек. Так они дальше и шли, на ходу хлебая вино и закусывая полугорелым мясом.

Арбалетчики поставили котел в одну из повозок. На дне оказался прожаренный солод — солдаты съели и его, по очереди забираясь в повозку и шваркая по днищу котла ножами и тесаками. Кхорновы ублюдки!

Когда мы отъехали от сгоревшей таверны, я испытал облегчение. Только вот все время казалось, что глаза из леса продолжают следить за нами... а лошади разведчиков, как на зло, плетутся в хвосте — отдыхают после утренних эскапад.

— Ребята, смотрите вперед внимательнее! — скомандовал я идущим впереди пехотинцам. — Герр Райсснер, прошу вас уделять меньше внимания несчастным купцам и больше — придорожным кустам. Зверолюди могут устроить засаду.

Предчувствия меня не обманули. Часа не прошло, как ко мне подошел маг.

— Впереди засада, — буднично сказал Литц, весело указывая на дорогу по ходу нашего движения.

— Серьезно? Далеко?

— Пол-лиги.

— Как узнал?

Он повернулся ко мне. Черные глазки поблескивали, чувствовался запах дорогого вина из сожженной таверны.

— Сердцем чую!

— И сколько их там? — спросил я скалящегося мага.

— Сотни две!

— Стоять! — крикнул я солдатам. Они начали оборачиваться, капралы и фельдфебели бросились вдоль дороги, останавливать идущих.

— Где они? — обратился я к скалящемуся магу.

— В кустах, с правой стороны от дороги.

— Кто там? Бриганды? Зверолюди?

Тот кивнул.

Ну что же, ожидаемо. То-то у меня было предчувствие....

Я созвал ротмистров на совет и рассказал, что произошло.

— И что делать будем? — спросил Шумпер. — Они сидят там в буреломе. Мы их не видим, а сами — как на ладони. Мы, конечно, до них доберемся, но перестреляют наших немало.

— Господа, — маг Литциний вдруг протиснулся из-за моей спины. — А не позволите ли продемонстрировать мое огненное искусство?

— Ты о чем? — не понял его я. — Соблаговолишь поджечь им задницы?

— Соблаговолю! — лучезарно улыбаясь, ответил маг.

Размяв пальцы, магистр вдруг впился глазами в небо, где низкие хмурые тучи медленно затягивали горизонт.

Вдруг среди этих туч возник огненно-красный шар. Издалека было видно, что шар вращался, закручивая вокруг себя огненные протуберанцы. Он становился все больше и больше. Маг что-то шептал себе под нос и делал руками движения, как будто катал этот шар своими ладонями.

Вдруг вспышка на полнеба разорвала серую мглу, клубившуюся вокруг шара. Сорвавшись с неба, шар огненной каплей рухнул вниз, на придорожные заросли. Тррахх!! До нас донесся мощный гром. Подлесок у дороги взметнулся от взрывной волны и запылал.

Очень впечатляюще, надо признать.

— Ну что, можно дальше идти? — спросил я мага.

Тот, донельзя довольный, кивнул.

— Приготовьтесь к бою! — крикнул я солдатам. — Взвести арбалеты!

Приказав солдатам на всякий случай надеть шлемы и щиты, рыцарь дал команду «вперед».

— Что это? «Огненный метеор»? — спросил я Литца.

— Ну, что-то вроде того!

Пока мы подходили к месту удара, пожар сменился густым дымом, низко стлавшимся по кустам.

Но, когда мы подошли ближе и вошли в этот дым, то не увидели никаких следов ни пожара, ни взрыва! И даже воздух не изменился — он не пах ни дымом, ни сажей!

Слыша недоуменные возгласы солдат, маг громко смеялся.

— Я так не умею! Метеор может применять два — три человека во всей Вселенной, и я — не один из них! — сообщил он жизнерадостно. — Это был имитатор!

Вот это да.

— Так тут никого не было?

— Просто маленькое представление, чтобы развлечь ребят!

До наемников стало доходить, что случилось. Послышались шутки и смех, мага стали одобрительно хлопать по спине.

Вот же сукин сын! Устроил тут клоунаду!

Ну, по крайней мере, этот не заражен совершенно феерическим снобизмом, что присуще всем магам. Скорее наоборот, вполне охотно болтает и с солдатами, и с капитанами. Видимо, тяжело чувствовать себя белой вороной — в обществе магов его, недоучку, не принимают.

— И часто ты так развлекаешься? — спросил я, недовольный этим глупым розыгрышем.

— Герр командер, конечно, знает, как тяжело приходится в незнакомом месте, когда никто не помогает и все против тебя. Мне доводилось за деньги развлекать публику, делать фейерверки, взрывы, огненные столбы, звезды, колесницы, драконов, фениксов, да чего я только не делал....А еще, — он понизил голос заговорщицки, — иногда приходится создавать лучи света прямо на алтарях некоторых уважаемых в народе святилищ!

Ах ты, сукин сын! Я изумленно повернулся к магу. Не хочешь ли ты сказать, что создаешь священное пламя в Храмах Света? Но маг, возможно, поняв, что брякнул лишнего, быстро сменил тему разговора.

На ближайшем привале мы разделили имущество рыцаря. Все его вещи разложили по земле. Даррем сел к ним спиной, а сержант Кунц ходил и указывал то на одно, то на другое, спрашивая:

— Кому?

Даррем, не видя, на что показывает Кунц, называл наши имена в порядке, какой приходил ему в голову:

— Это командеру. Это — валлету. Это — ротмистру арбалетов.

Мне достался щит рыцаря. Меч достался Шумперу. Кинжал — Линдхорсту. Кольчуга с хауберком отошла громиле Рейсснеру.

— Доспехи принадлежат монастырю, — сообщил я ему.

— Сударь, ну что вам стоит сказать, что рыцарь сгорел с кольчугой? Тем более что у вас прекрасный доспех!

— Ладно, будем считать, что до конца похода это ваше. А там посмотрим.

Было очень жалко отдавать меч рыцаря наемнику без рода-племени. Эйхе его берег и брал только в самых исключительных случаях, когда отправлялся поглазеть на турнир или большой праздник. В наши походы он еще ни разу его не брал, обходился казенным.

Впрочем, щит мне был очень кстати. Мой небольшой баклер сгорел в таверне. Конечно, на этом треугольном, кавалеристского типа, щите изображен герб покойного Эйхе — дубовый венок на серебряном поле. Носить чужой герб, по местным понятиям — знатный зашквар. За такое благородного вызовут на поединок, а простолюдина могут убить на месте, и это запросто сойдет с рук. Но, надеюсь, обитатели Орквальда не будут в претензии, что я немного поношу чужой герб, а по возвращении, его можно и закрасить. И след Рэйвена Теодора на этой земле станет еще призрачней...

* шоппен — 0,6 литра

Глава 23

Прошло еще 4 дня, пока мы не увидели впереди, в расстилающейся перед нами долине, внушительные серые башни большого города.

— Перед нами — славный Теофилбург! — сообщил Литц. — Самый богатый город Виссланда!

Как обычно, в город нашу ватагу не пустили. Только по одному, и без оружия! Приказав разбить лагерь в полумиле от городских ворот, я отправился в город, пока не закрылись меняльные лавки. Нужно было получить деньги на жалование солдатам, уже месяц как задержанное.

Литц увязался за мною. Он так торопился получить свое походное содержание, что не стал ждать меня в лагере.

У ворот пришлось сдать все оружие, кроме того, что полагалось по статусу. Обычно купцам и бюргерам разрешали пронести в город только кинжал. Мне, будь я рыцарем, можно было рассчитывать на меч. Но, я всего лишь юнгер, да еще и по «церковной линии», и капралы городской стражи часто приравнивали меня к купцам. То есть — только кинжал. Обидно, и, главное — опасно. С кинжалом, если что, много не навоюешь.

Предместье у города почти отсутствовало. Подойдя ближе к воротам, где уже толпились торговцы, кто с возом, кто с тюком, кто — с вьючным мулом, я заметил, что стены города сильно повреждены ударами железных ломов и кирок, и покрыты вьевшейся копотью.

— Это, господин, орки, — сказал мне один из торговцев, отсчитывавший поворотный сбор городскому сборщику. — Два года назад был сильный набег. Сожгли все предместья, но стен не взяли!

Стража находилась в небольшой кордегардии, пристроенной прямо к городской стене возле ворот. К нам подошел здоровый рыжебородый капрал с альтшписом, в кожаной броне и койфе.

— Добро пожаловать, господа. Откуда вы, и куда направляетесь? — осведомился он, вежливо, но сдержанно поклонившись.

В сущности, секретов никаких у нас нет, почему бы не сообщить?

— Коммандер Андерклинг, герр Шумпер, герр Рейсснер, магистр Кнаппе. Идем из Андтага по делам церкви. Нам надо в ратушу и контору Вольфрамов, — доложил я капралу.

— Господа, вы можете взять с собой по одному кинжалу не более 9 дюймов длиной, — сообщил нам начальник стражи ворот.

— Да это зубочистка! — воскликнул Шумпер. — От кого защитишься таким кинжалом!

— У нас безопасный город, — отрезал капрал, — и Совет господ желает, чтобы он таким и оставался. Один дюйм я вам, так и быть, прощу, но не более!

Я мысленно вздохнул. Синдром швейцара, в полный рост... А ведь мне предстоит получить в лавке менял довольно крупную сумму. Да что там — огромные деньги!

В общем, пришлось подобрать ножики покороче. Мне пришлось занять кинжал у одного из сержантов — мой оказался слишком длинным.

Город был хорош. Улицы довольно широкие, среди них — много мощеных, дома в центре — в два этажа, причем верхний — шире, чем нижний, так что нависает над улицей

на добрую пару футов. Кругом — множество приезжих, и торговцы разных мастей, и пилигримы.

Удивительно, от чего может зависеть слава в этом мире. Теофилбург знаменит своей центральной площадью. По местным меркам, она огромна. К тому же — неслыханная роскошь — полностью замощена камнем! Неудивительно, что место это полюбилось торговцам. В городе проходит аж три ярмарки — летом, осенью и в начале зимы. Должно быть, торговля приносит знатные барыши — город выглядел весьма зажиточным.

— Говорят, — сообщил Шумпер, — тут бывают даже заморские изделия, из Идеррии и Бастони. А иногда — конечно, в это трудно поверить, но так говорят — в город навевываются темнокожие дроу и торгуют уж совсем диковинными товарами. Правда, денег за них просят совершенно невозможных. Что с нелюдей взять...

Лавка менял Дома Вольфрамов располагалась по соседству с ратушей. Прямо как у нас, в 21 веке — у банкиров самые козырные места!

Постучав тяжелым кованым кольцом подубовой двери, я дождался, пока клерк ее откроет. Пройдя за ним и спустившись по узкой лестнице на несколько ступенек вниз, я оказался в помещении с низким сводчатым потолком, покрытым копотью свечей. Стены были покрыты известкой примерно по человеческий рост, а земляные полы — засыпаны рубленой соломой. Воняло какой-то тухлятиной. Крохотные окошки под потолком с трудом пропускали солнце сквозь слюдяные пластинки, посаженные в грязно-серый свинцовый переплет. Да, даже банки здесь страшно убогие.

В глубине залы стояло несколько конторок, за которыми работали люди в форменных черно-желтых уплендах и таких же шаперонах. Один считал деньги, раскладывая их на специальной разлинованной доске — видимо, пересчитывал одни монеты в другие. Он диктовал цифры писцу за конторкой, а после того, как тот записывал за ним — сметал деньги с доски в мешок. Другие проверяли какие-то описи. В общем, занимались своими обычными меняльными делами.

— Господа, к кому я могу обратиться с векселем?

Я подошел к ближайшему клерку за конторкой. Тот с охотой оторвался от чернильницы.

— Герр Кросснер! Пожалуйте сюда, к вам посетитель!

Подошедший полный господин в пелерине из меха выдры, с массивной цепью на плотной шее, обратился ко мне почтительно и с некоторой опаской.

— Чей у вас вексель, сударь? — вежливо обратился он ко мне.

— Вексель из диоцеца Андтаг, соблаговолите.

Я протянул ему пергамент с церковными печатями.

Лицо Кросснера прояснилось. Конечно, Церковь — надежный контрагент, куда там разным баронишкам да торгашам!

Взяв у меня пергамент и нацепив на нос круглые очки в серебряной оправе, он поднес вексель к свету и начал очень медленно читать. Впрочем, очки ему были нужны, судя по всему, только для солидности — мучаясь с витиевато исписанным пергаментом, герр Кросснер все равно отставлял его на расстояние вытянутой руки.

— Триста семьдесят дублонов! — воскликнул он, дойдя, наконец, до суммы. — Триста семьдесят, — с изумлением повторил он, оборачиваясь к коллегам за спиной.

В помещении воцарилось молчание. Сумма действительно весомая. Семьсот сорок рейксталеров — да за такие денежки можно купить целый манор с сервами, пастбищами, стадами, рыбными прудами и охотничьими угодьями!

— Простите, герр... — прервал молчание Кросснер, глядя на меня поверх очков.

— Андерклинг, Энно Андерклинг, к вашим услугам.

— Итак, герр Андерклинг, вы предоставили вексель на очень значительную сумму. Нам потребуется известное время, чтобы собрать ее.

— Сколько?

— Полагаю, до конца недели мы справимся. Надеюсь, вы не будете возражать против выплаты в ландрских гротенах? Это составит... так... 9 670 полновесных монет славного города Ландра, известного своим полотном!

Ну, нет, дружок. Так не пойдет!

— Ландрские гротены давайте оставим ландрским свинопасам. Мне нужен номинал, отображенный в документе. Дублоны. Триста семьдесят.

Герр Кросснер заметно напрягся. Клерки за конторками угрюмо переглянулись.

— Простите, герр Андерклинг, но мы не располагаем такой суммой именно в дублонах! Вообще это очень крупная сумма, но если собрать ландрские гротены, рейксмарки, грауфенбургские хелеры, левенталлеры, мариенгроши, и совсем немного мелкой монеты, то мы соберем нужную сумму, видимо... да, видимо, к концу недели!

Вот мошенники! Ахенбургские дублоны — первоклассная золотая монета, двойной рейксталер, выпускаемый церковью. А они мне предлагают серебро наполовину с медью чеканки вороватых бюргеров из вольных городов. Да я на этом процентов 15 потеряю!

— Простите, тут какая-то ошибка. По церковным векселям не предусмотрен дисконт, это против обычаев доброй торговли.

— Но, сударь, у вас не церковный вексель! На печати я вижу герб Волленбургов.... Векселя частных лиц мы принимаем с дисконтом!

— Церковь поручилась по векселю. Вы видите индоссамент нотариуса из Андтага. Значит, его следует приравнять к тем, что выписывает казначейство экзархата Виссланда. Никаких дисконтов.

— Сударь. «Приравненный к церковному» и «церковный» — это разные вещи. У меня на сей счет есть четкие инструкции господ Вольфрамов...

— Что же, — я свернул вексель обратно в свиток, — я вижу, что не найду здесь понимания. Пожалуй, придется сообщить в ратуше, что ваша контора не исполняет обязательств. А когда я вернусь в Андтаг, придется довести до сведения Совета...

— Позвольте, позвольте!

Раскрасневшийся Кросснер выбежал из-за стойки и преградил мне путь.

— Не стоит так торопиться, герр Андерклинг! Уверяю, мы сделаем все возможное, чтобы предоставить вам полное удовлетворение по этому документу, и даже более того! Сотрудничество Дома Вольфрамов с диоцезом Андтага длится уже многие годы, и качество наших услуг всегда было на высочайшем уровне!

После долгого торга, пришлось согласиться принять половину золотом, остальное — серебром. Теряю на этом 7 %, что конечно, печально, но не критично.

Вскоре я вышел, таща с собой два чертовски увесистых мешочка. Передав ротмистрам причитающееся их отрядам жалование — и избавившись при этом от тяжеловесного серебра, а при себе оставив золотые монеты и лишь немного мелочи на текущие нужды, я начал искать глазами мага.

К моему изумлению, мэтр Литциниус не сбежал в ближайший кабак, как следовало ожидать, исходя их предшествующего с ним общения. То ли последние приключения в

таверне прочистили ему мозги, то ли помогло средство Азалайсы, которое я таки заставил его проглотить, но сейчас он коротал время, изучая здоровенный бронзовый столб, стоящий перед ратушей.

Подойдя поближе, я не поверил своим глазам.

— Однако! Это что — «шланг»?

На площади возле ратуши стояла древняя и невероятно редкая диковина — бронзовая пушка. Ствол огромного диаметра, богато украшенный барельефами и резьбой, стоял вертикально, без лафета. Но это, несомненно, было именно огнестрельное оружие! Невероятно!

Маг посмотрел на орудие, весело прищурился.

— Да, точно. Я бы даже сказал, бомбарда. Сделано в старой Империи.

— Ни разу не видел тут ничего подобного! Откуда тут пушки? Неужели где-то умеют делать порох?

— Умеют, конечно. Уже несколько тысяч лет как, — Мэтр Литциниус смотрел на меня весело и со значением. — Гномы знают порох с незапамятных времен. Применяли в горном деле. От них и люди научились.

— Потрясающе! Неужели были времена, когда гномы делились знаниями с людьми?

— Всякое бывало в древности. Большая часть сведений по алхимии, трансмутации, артефакторики, спагирики, доступных ныне людям, некогда получены от гномов!

Ну, надо же! Гном, дающий знания людям — это такой же оксюморон, как живой мертвец, нянчащий младенцев. Я, слава Свету, дел с ними не имел, но слышал, что эти сволочи за свои секреты удавятся сами, а заодно и всю свою семью! Да, собственно, и люди-то не очень отличаются в этом от dwarфов — какой-нибудь бочар может под страхом смерти скрывать секрет загиба дубовых клепок! Чудные дела творились тут вдавние времена!

Я посмотрел на изящный барельеф, опоясывающий ствол. Там изображались какие-то воины, то ли люди, то ли эльфы, сражающиеся с демонами и орками. И символ молота в качестве клейма. Имперская пушка, отлитая мастером — сигмаритом. Ей, получается, больше 2000 лет.

— Древняя штука!

— Когда-то, — отозвался мэтр Литц, — очень-очень давно, такие бомбарды применялись и в военных походах, и для защиты стен, и для осады городов. Они стреляли ядрами и даже разрывными бомбами, наводя ужас на врага. Только уже давно ими не пользуются...

— А что теперь? Почему их не применяют?

— А вот почему!

Литц указал на нижний край столба. Только тут я заметил, что из ствола вырван большой кусок.

Он пнул ствол носком сапога возле места, где взрыв расколол его край.

— Странно, что это не пустили в переплавку! Столько бронзы пропадает!

— Да, странно.

— Эй, вы там! Господа!

Мы оглянулись. От дверей ратуши через площадь к нам шел охранник городской стражи с увесистым полэксом на плече.

— Не трогайте ее! Не следует приезжим нарушать законы города! Вы, сударь, оскорбляете нашу святыню, а с нею — всех горожан!

Мэтр Литц воинственно выставил подбородок, его черненькие живые глазки стали колючими.

— С каких это пор поделие язычников-сигмаритов стало называться святыней? В славном Теофильбурге древние железки почитаются наравне с Неизбывным Светом?

Стражник, высокий старикан с роскошными седыми усами, аж передернулся от такой наглости.

— Примерно с тех самых, когда эти «язычники» раздавили орду демонов, рвавшихся в наш мир!

Маг обернулся ко мне, как будто приглашая разделить с ним его веселье.

— Вы только послушайте! Ну, надо же — остановили демонов! И так успешно, что земля стала пустыней на 2000 лет!

— Простите. — Я вмешался в разговор, не дожидаясь, когда стражник сдернет свое оружие с плеча. — Эта... штука — действительно, ваша «святыня»?

Страж оскорблено воззрился на меня, оценивая, смеюсь я над ним или это просто невинный вопрос. По результату осмотра грозный носитель седых усов и полэкса решил не торопить события.

— Наша? Вы сказали — «наша»? Да будет вам известно, сударь, что это — часть величайшей огнестрельной боевой машины древности — «Гнев Сигмара». Она пролила крови демонов больше, чем есть воды в Рейке! Она позволяла великой империи Сигмара сокрушать орды врагов человечества, а вы говорите — «*ваша* святыня». Нет, сударь, это и *наша* святыня, вы живете на свете благодаря тому, что отважные канониры управляли этим грозным оружием две с половиной тысячи лет назад!

Ничего себе — «Гнев Сигмара». Я видел изображение этого орудия на гравюрах трактатов, посвященных Погибели Мира — великому нашествию Тьмы. Легендарное оружие, далеко превосходящее силою все, что имеется сейчас, разившее ужасающих демонов и не раз менявшее исход сражений той поры!

— Но позвольте, сударь, — я обратился к длинноусому стражнику, — ведь «Гнев Сигмара», если верить трактатам про ужасное нашествие, был о девяти стволах?

— Да, вы правы. Приятно встретить образованного человека!

Стражник заметно приободрился.

— Действительно, это лишь один из стволов. «Гнев Сигмара» был разрушен при Погибели Мира, лишь часть стволов уцелела. Один из них — перед вами. Он получил новый лафет и использовался как отдельное орудие, охраняя наш город. И теперь, вот, стоит перед вами как память о достославных временах императора Франца.

Мэтр Литц скептически слушал наш разговор, но благоразумно не вмешивался. В конце — концов, когда у твоего собеседника есть полэкс и нет избытка терпения, а у тебя — только кинжал «с клинком не более 9 дюймов», лучше с ним лишний раз не спорить.

— Вы, сударь, как я вижу, обладаете впечатляющими знаниями про это орудие и его историю. Но, отчего же я не вижу таких замечательных устройств на стенах славного Теофилбурга?

Страж нахмурился.

— Люди разучились делать хорошие пушки. Теперь нельзя сделать и десятка выстрелов, чтобы ствол орудия не разорвало. Этот, — он указал на ствол, — единственный, который не разорвался на куски, только оторвалась часть у дульного среза. Теперь стоит тут как напоминание о мастерстве и познаниях наших предков!

Болтать про старые времена можно было бесконечно, но нам с Литцем надо было уже идти.

— Приятно встретить образованного человека! Я — Энно Андерклинг, командир отряда наемных войск. Это — магистр магии Литциниус Кнаппе. Мы проездом в вашем городе, как вы уже поняли.

— Рихтер Хозицер, хауптфельдфебель городской стражи, — представился стражник, с удивлением глядя на Литца. Не каждый день встретишь магистра магии, да еще и в таком скромном облачении!

Я решил, раз уж мы завели знакомство, сразу узнать побольше и про этот город и про его обитателей.

— Не подскажите ли, где здесь можно снять комнату на несколько дней? Нам, видимо, придется задержаться.

Лицо Хозицера прояснилось.

— Полагаю, вы не встретите затруднений. Весенняя ярмарка давно закончилась, а летняя еще не началась, так что в городе немало свободных помещений. Советую вам пройти сейчас по улице Башмачников — вон она, видите, где над лавками вывески с башмаком? Пройдя сотню лотов, увидите дом с зелеными столбами и белыми наличниками, а на крыше — флюгер в виде медного гуся. У него надо свернуть направо, а потом сразу же — еще раз направо. Там по левую руку увидите дом под деревянной черепицей и тремя окнами в ряд, над дверью — подкова. Постучите туда и изложите просьбу. Хозяйка — вдова, и часто сдает комнаты приезжим.

— А таверна в городе есть?

— Конечно, даже две. Правда одна работает только во время ярмарки. Ставят столы прямо на площади.

— Нам нужно будет чем-то перекусить сейчас...

— Тогда «У Старого Вилле» — вот она.

Страж указал через площадь, где у одного из островерхих домов действительно болталась вывеска с пивной кружкой.

— Но вы можете осведомиться у вдовы Фугге, она тоже предоставляет жильцам стол.

— Премного благодарны. Позвольте откланяться, герр Хозицер.

Оставив стража в совершенно благодушном настроении, мы пошли в сторону улицы Башмачников, пересекая главную площадь города.

Глава 24

— Интересный тип, этот герр Хозицер, — сказал я Литцу, когда мы отошли подальше. — Не простой стражник. Какие обширные познания про древние времена!

— Да ничего он особенно-то не знает, — отмахнулся от меня Литц. — Мне вот известно в десятки раз больше этого солдафона.

— А мне он понравился. Хоть это всего лишь мелкий командир городской стражи, но сразу видно, что не тупой, а наоборот — башковитый. Давайте-ка обойдем эту кучу мусора. ... О, что за дикая вонь! Похоже, вся ярмарка бежит сюда облеγχиться!

Переулок за площадью страшно провонял мочой.

— Так, как он там говорил? Дом с зелеными столбами? Пойдемте вот туда.

Прыгая через лужи, мы двинулись на поиски нашего ночлега.

Найти дом вдовы Фугге оказалось не так просто. Дом с зелеными столбами мы нашли, а вот дальше мы заблудились. Пришлось постучать в случайный дом.

Пожилой бюргер в колпаке с мягким верхом, услышав вопрос, принялся нас отговаривать.

— У этой Фугге вам придется переплатить вдвое против честной цены. У нее там две дочери трудятся...не покладая рук, вот к ней купчишки-то и шастают. Ну а она, понятно, цену держит. Зачем вам этот вертеп? Ступайте к Гюнтеру, вон напротив. У него отличная комната на втором этаже, сейчас свободная.

Мы постучались в дом напротив. В окно выглянул заспанный толстяк.

— Эй, любезный, это ты Гюнтер? У тебя, говорят, есть комната!

— Да, господа. Изволите посмотреть?

— Изволим.

Толстяк исчез и через полминуты просунул в окно деревянную лестницу.

— Это что, у тебя нет входной двери?

— Добрые господа, — заискивающе произнес хозяин, — дом старый, раньше у нас все строили так! Времена были лихие!

— Как будто сейчас другие. Ладно, не ной, мы залезем!

Поднявшись по приставной лестнице в окно, мы попали на закопченную хозяйскую кухню. Потом по такой же крутой лестнице, но уже внутри дома, поднялись на сольер и вскоре осматривали комнату под крышей. Действительно просторная — в базарные дни тут могло проживать с полдюжины приезжих — но, как водится, холодная.

— Клопы есть? — деловито осведомился Литц, пихая тюфяк.

— Бывает, какой-нибудь купчишка притащит на себе. Но не беспокойтесь, мы их вымораживаем, а тюфяки меняем.

— Не вижу здесь очага...

— О, не беспокойтесь об этом! Сейчас ночи теплые. Зимой, да, иной раз приходится приносить гостям под вечер жаровню. А сейчас — хорошо и без нее. Вам будет очень тепло, еще никто не жаловался!

— Ночью, — хорошо, а днем?

— Сударь, но днем вы навряд ли будете сидеть тут на тюфяках, вы же не для этого

прибыли в город?

— Сколько?

Хозяин закатил глаза кверху.

— С купцов я беру двенадцать крейцеров за седмицу, но для вас, добрые господа, я готов пойти навстречу, и ограничиться десятью.

Я поразился.

— Десять крейцеров за седмицу? Да ты с ума сошел, мошенник!

— Сударь! — хозяин сложил руки на груди, приняв постный и жалостный вид. — В городе цены всегда высокие, а уж сейчас — особенно. Народ все прибывает, скоро хороших мест совсем не останется!

— Куда они приезжают? Ведь ярмарка сейчас закрыта?

— На праздник, конечно же. Через пять дней у нас будет праздник обретения Неизбывного Света, и народ съезжается заранее из деревень со всей Земли вольного Теофилбурга и даже из соседних городов.

— Мы не задержимся дольше, чем на три дня. Ты еще успеешь сдать свою халупу паломникам.

— Но, добрые господа, если вы решите остаться на праздник — я же не выгоню вас!

— Что за вздор! Говорю, что до праздника мы уедем — значит, уедем! Ты, любезный, плохо нас слышишь?

— Поверьте, господа, когда вы узнаете подробнее про наш праздник, вы нипочем не захотите уехать, не побывав там! Ни разу еще такого не было, чтобы приезжие не остались на праздник!

— Ладно, давай так. Мы заплатим за седмицу по крейцеру в день. А если останемся на праздник — заплатим за седмицу твою цену. Пойдет?

— Но, господа? Я беру деньги вперед!

— Ну, так вот они, и не задерживай нас более, любезный!

— Простите, я хотел сказать, что беру деньги наперед, и, конечно же, я не посмею напомнить таким важным господам про долг по окончании проживания. Внесите десять крейцеров, а я вам с удовольствием верну ваши деньги, если вы съедете до праздника!

— Да Тзинч с тобой, забирай.

Я выдал ему серебро, и докучливый тип, наконец-то, удалился. Мы с Литцем развалились на тюфяках, чтобы немного отдохнуть.

Мысли мои вернулись к разговору, произошедшему на площади. Я повернулся к магу.

— Литц! Как ты думаешь, стоило бы завести в отряде пушку?

— Пушку? — Литц насмешливо посмотрел на меня своими черненькими глазками. — А почему не дракона?

— Пушку можно было бы сделать. Отлить из меди или бронзы...

— А порох?

— А что порох? Его ведь делали раньше. Почему нельзя сделать его теперь? Алхимики разучились делать порох?

— Алхимики здесь не при чем!

Литц уже откровенно веселился.

— Порох раньше делали сами пушкари. Ничего хитрого.

— Ну, раз пушкари теперь не могут сделать нормального пороха, может быть, переговорить с алхимиками?

Маг уже давился от смеха.

— Никто сейчас не сможет сделать доброго пороха, даже сам Верховный Архимаг не смог бы! Это невозможно!

— Но отчего? Почему раньше можно было, а теперь — нет? Во времена Карла-Франца пушки не были редкостью. Видел, даже ствол сохранился!

— Потому, достопочтенный герр, — торжественно заявил мне Литц, — что любое орудие просто разорвется, не сделав и дюжины выстрелов.

— Гм. Отчего вдруг? Разучились отливать стволы?

— Ну, отливать и раньше особо не умели. Эти древние пушки, бомбарды, кулеврины всегда были ненадежны. То и дело разрывались на куски. В прежние времена люди, тем не менее, все равно ими пользовались — ведь из них можно было упокоить даже демона! Но со временем такие случаи стали происходить все чаще. Порох, видишь ли, склонен к самовоспламенению, а со временем и вовсе становится нестабилен. Один заряд может просто не загореться — и орудие придется переснаряжать, а другой будет гореть долго и давать затяжной выстрел. А потом третий прогорит слишком быстро и разорвет ствол. Из-за этого от практического применения пороха уже давным-давно отказались. Гномы, говорят, все равно его используют — но только под землей. Там ветры магии почти не действенны.

— А причем тут ветры магии?

Литц глянул на меня на этот раз не с наигранным, а с настоящим удивлением, как будто не ожидал такой глупости.

— Так я о чем тут столько времени рассказываю, Энно? Отчего, ты думаешь, с порохом происходит такая печальная метаморфоза? Именно от нее — от всепроникающей магии! Эфирные ветры, содержащие в себе основу любой метафизической практики, вносят спонтанные изменения в тонкую основу пиротехнических субстанций, что и влечет их деградацию! Именно так!

Вот же, Тзинч возьми, незадача. Ну, никак невозможно сделать тут ничего хорошего. А я-то уж размечтался! Пушки, бомбарды... Хрен вам!

— Литц, неужели ничего нельзя сделать?

Тот соскочил с тюфяка, подошел к маленькому темному слюдяному окошку в крыше.

— Многие пытались, но никто так и не придумал. Нам на алхимии преподавали и изготовление пороха, и литье пушек, но лишь как пример неудачной, тупиковой технологии. Все опыты новейшего времени кончались внезапным подрывом стволов, пороховых складов, в общем — ничего хорошего! Тот ствол, что мы видели, кстати, тоже разорван, если ты не понял!

— Может, есть способ ограничить доступ магического ветра к пороху?

Литц покачал головой, глядя в окно, как будто мог что-то там разглядеть.

— Магия, — она везде. Под землей ее вроде бы мало, в виде ветра. Зато есть магия в виде излучения от варп-камней. Та еще гадость. Пойдем лучше в кабак, пока дождь не начался.

— Будет дождь?

— Через полчаса.

— Откуда ты знаешь?

— Я маг огня. Вода — мой враг. Я ее за сто лиг чую!

Мы пустились по крутой скрипучей лестнице, полной ароматов с хозяйской кухни. Действительно, стоит прогуляться до таверны.

Поглядывая на небо, где действительно собирались тучи, мы торопливо пошагали на площадь.

Кабак «У старого Вилле» уже был переполнен. Зайдя в зал, полный сизого дыма с кухни, мы встали у порога оглядеться.

Довольно приличное место по меркам этого мира. Просторный зал с высокими потолками, украшенный ветками тиса и можжевельника. Глинобитные стены с деревянными столбами и балками — это называется «фахверк» — побелены на высоту человеческого роста. Пол, как обычно, застелен соломой. Несколько больших столов, за одним из которых я увидел компанию наших ротмистров.

— О, командер с колдуном явились! Подходите сюда, геноссен! Эй, бездельник, неси пива и тарелки!

Для нас офицеры потеснились. Мы втиснулись на широкие скамьи, отполированные тысячами чужих задниц.

— Что тут хорошего? — спросил я, уже понимая, что хорошего ничего нет.

Шумпер ел капусту с грибами и уксусом, Майнфельд — кашу с постным маслом, и только у Рейсснера был запеченный в сметане заяц. Несчастный Стусс медленно и печально пережевывал пареную репу с бобами и ревенем.

— Что за гадость вы тут едите? — удивился Литц.

— Этот Вилле — настоящий грабитель, — отозвался Майнфельд. — Таких цен я не видел и в Мариенстаде! Если мы закажем мясо, нам не хватит на эль!

— Да, эль — это святое. А как тут с вином?

Шумпер только рукой махнул.

Посмотрев на несчастного Стусса, ковырявшего свой ремень, я решил спонсировать собравшихся.

— Угощаю всех, — я выложил на стол несколько монет из серебра, доставшегося от Вепрей.

— Великолепно! Слава нашему командеру! — воскликнул экспрессивный Стусс.

— Эй, кельнер, живо сюда!

Подбежал паренек в относительно чистой рубахе.

— Давай-ка нам, дружок, косулю целую, дюжину голубей, рульку с капустой и какую-нибудь хорошую колбасу. И притащи добрым людям доброго вина, а эту оркскую мочу оставь себе на именины!

— У нас много посетителей, — пробурчал парень. — Дичь мы держим для господ рыцарей, да и колбас сейчас не найти...

— Как! Даже косулю? — Рейсснер был вне себя от возмущения. Его мощный рык перекрыл шум зала. — Вы, Кхорн дери, не подадите нам несчастную косулю?

— О, да тут знакомые лица! — вдруг раздалось над нами.

Глава 25

— Господа, я смотрю, у вас тут весело! Решили освежевать кельнера? Давно пора! Как поживаете, герр Андерклинг?

От входа к нам двигалась долговязая фигура хауптфельдфебеля Хозицера. Он только вошел, стряхивая с колета капли дождя. Герр Рихтер был с друзьями — еще одним господином, видимо, из городской стражи и человеком в темной одежде, с серебряной

цепочкой на груди — похоже, из судейских.

— Рад снова видеть вас, герр Хозицер. Это мои люди, — ротмистр Шумпер, ротмистр Рейсснер, фельдфебель Майнфельд, фельдфебель Линдхорст, валлет Стусс. С мэтром Кнаппе вы уже знакомы.

— Позвольте и вам представить — герр Зайдель, баннерет стражи Теофилбурга, и мэтр Руппенкох, секретарь городского Совета.

— Присоединяйтесь к нам, господа!

— С превеликим удовольствием! Однако, я тут по делу. Вас ищет молодой человек, который утверждает, что он посланник от викария диоцеза Андтага.

— Раз так, зовите его сюда.

Не люблю неожиданности. Что там снова придумали светоши? Может, отменяют поход? Вот бы хорошо!

Хозицер отослал одного из стражников за посланцем. Вскоре к нашему столу протиснулся молодой человек в походной одежде, почти черной от дождя.

— Лотоульф, вы ли это?

— Герр Андерклинг, я спешил за вами, как мог. У меня письмо для вас. Каноник Тереллин, вручая его, просил передать, что прочитать его следует в одиночестве.

Молодой послушник протянул мне небольшой пергамент с печатью. Странно, но — ладно.

— Присядете к нам, юноша?

Тот с болью посмотрел на наш стол.

— На этой неделе предпраздничный пост...

А, ну конечно. До конца седмицы нельзя есть ни мясо, ни рыбы. Похоже, мы все попадем во тьму, где вечный ужас и скрежет зубовный.

— У нас тут есть репа с бобами. Стусс, вы же не съели всю репу?

— Благодарю, но — воздержусь.

И Лотоульф торопливо покинул нашу компанию безнадежных грешников.

Рихтер тем временем поставил свой полэкс к стене, и присел за стол, пригладив длинные седые усы.

— Ну, как вы устроились? Нашли себе комнату?

— Да, в том самом переулке, куда вы нас послали, — отозвался Литц. — Правда, я бы его назвал не Переулком Башмачников, а улицей Мочеиспускателей. Там воняет, как в сортире! Неужели в славном Теофилбурге нет отхожих мест?

— Отхожие места у нас есть, — взял слово герр Руппенкох — Возле южной стены есть общественная уборная, прекрасно устроенная, даже разделенная на мужскую и женскую. В переулке Башмачников живут также кожевенники, так что...

— А, ну это все объясняет, — вклинился я в разговор, приобретающий неприятный оттенок. — Давайте перейдем от урины к более вкусно пахнущим материям. Что бы тут заказать?

— И что тут насчет выпить, и при этом не отравиться? — напомнил о себе Литц.

— О, я все устрою.

Хозицер позвал кельнера и о чем-то с ним зашептался.

— Итак, вы здесь на праздник? — глядя на меня, спросил Руппенкох. — Или по другим делам?

— Мы действительно останемся до праздника, но цель наша лежит далеко отсюда. По

воле матери-Церкви мы пойдем через Область Орков к предгорьям Черных гор.

Собеседник явно был сильно удивлен.

— Как вы сказали?

Хауптфельдфебель прервал разговор с мальчишкой-кельнером и воззрился на меня.

— Вы пойдете землями орков? Сколько же у вас людей?

— Шесть юнгеров, двадцать восемь арбалетчиков, семь десятков пехоты!

Рихтер с сомнением посмотрел на меня. Баннерет беспокойно заерзал на скамье.

— Таких сил, скорее всего, будет маловато. Последний успешный поход к предгорьям включал три сотни сопровождения! И это было шесть лет назад. С тех пор никто не решался туда зайти.... Навряд ли с тех пор там стало меньше орков!

— Случаются с ними стычки на границе?

— Конечно. Если они соберут силы на вторжение — нам будет нелегко. Два года назад они дошли до самого города и сожгли предместья.

— И вы нападали на них?

— Много раз. И караваны в предгорья сопровождал, пока еще они ходили туда.

— Теперь это невозможно?

Руппенкох хмыкнул.

— Скорее, бессмысленно. Торговлю с цвергами запретили, так что в предгорьях теперь нечего делать.

— Выгодная была торговля?

— Исключительно. Вознаграждение окупало любые потери.

— А что такого интересного можно купить у этих дубоголовых? — удивился Стусс.

— Ну что вы, юноша! Ведь они добывают в своих бездонных норах уйму золота, серебра и других металлов. А какие камни! — Руппенкох переглянулся с Хозицером. — Какие камни у них можно было купить — вы даже не представляете!

Нам принесли вино в кувшине, и несколько медных кубков. Тут в обычае давать один бокал на 3–4 человека, а из своих личных кубков пьют только герцоги и прелаты. Ужасно с точки зрения гигиены, зато сближает людей даже в незнакомой компании.

Вино оказалось недурно, и мы немедленно отдали дань Бахусу. Затем появились оленье жаркое, поросенок, перепела на вертеле и прекрасный по местным меркам, почти без отрубей, хлеб.

Утолив первый голод, я вернулся к беседе с горожанами.

— Значит, говорите, вы сами не раз бывали в землях орков?

— По молодости — да. С отрядом городской стражи я сопровождал видных купцов нашего славного Теофилбурга. Нас нанимали не только до границ Орквальда, но и в его пределах — места там очень беспокойные, доложу я вам, очень! Идти теми землями — весьма опасная затея!

— У нас нет выбора, сударь. Я выполняю указания капитула Андтага.

— Вы не похожи на инквизиторов, — заметил мастер Руппенкох, обгрызая ногу косули.

— Нет. Нам нужно провезти груз во славу церкви. И, я вам сообщу, что тут тоже земли не безопасны. Четыре дня назад мы потеряли нашего командера. Он принял славную смерть в бою — как вы думаете, с кем?

Теофильбургцы, услышав про смерть, настороженно вытянули шеи.

— Со зверолоудьми! С кабаномордыми ублюдками!

Слушатели были поражены.

— И они не просто прятались в чащах и теснинах, нет. Они держали трактир! Трактир прямо на перекрестке! Зверолоуди! Трактир!

— Но это невозможно! — воскликнул Рихтер.

— Клянусь Неизбывным Светом! Мы схватились с ними прямо в таверне — двое против четверых. И если бы не магистр...

Тут я получил чувствительный пинок по ногам и осекся. Сидевший рядом маг лягнул меня под столом.

Руппенкох задумчиво потер руками бритое лицо.

— Вы говорите, что у них были кабаньи лица?

— Кабаньи головы, я бы сказал. И копыта вместо пальцев на руках. Но это не помешало им проткнуть горло рыцарю Эйхе.

— Эйхе — это из Брейсенгау? Известный род!

— Да, только ему не повезло родиться то ли пятым, то ли шестым в семье его отца. Средства на жизнь он добывал клинком, — сообщил я.

— Зверолоуди могли прийти из предгорий Черных гор, — задумчиво проговорил Руппенкох — Но то, что у них был трактир — воистину изумительно.

И он со значением посмотрел на Хозицера.

Я догадался, о чем они думают. В Мортенау не могли не знать про такое соседство. Кто-то покрывал этих Вепрей!

— Про трактир на перекрестке я слышал. Говорили, его держит какой-то торговец из Штирии. И как он допустил туда этих уродов?

— Наверное, работали на кухне. У кого-то вакансия повара и поварят, — рассмеялся Рихтер.

— Нет никакой вакансии. Все сгорело.

— Как?

На этот раз Руппенкох поразился настолько, что его глаза-щелочки вдруг стали круглыми.

— Сгорело, и все. Такое несчастье, — не стал я вдаваться в подробности, помня пинок от мага. — Мы взяли у их две телеги с лошадьми, а логово сожгли.

— Это... меняет дело, — задумчиво протянул Хозицер, покусывая седой ус. — Как бы вас не привлекли за нападение и поджог!

— Ну, раз купец из Штирии, а мы в Теофильбурге, что в славном герцогстве Виссланд, нам ничего не грозит?

— Он может явиться сюда, и потребовать правосудия!

Проклятье. И дернул же Кхорн меня за язык.... Тут могут быть реальные проблемы! Наши с Литцем показания не будут иметь большой силы из-за того, что мы — не свидетели, а заинтересованные лица, а два беглых серва как свидетели тоже мало что стоят.

— А разве допустимо иметь дела с зверовидными чудовищами? — удивился Литц. — Не представляю себе суда, который признает возможным заключить сделку с этими животными!

— Да, вы, пожалуй, правы, — задумчиво отозвался Руппенкох. — Да и свидетелей, как я понимаю, нет...

Тут я приободрился. Ну а что, действительно? Вообще-то, мы защищались! Погиб рыцарь, между прочим — слуга церкви. Правосудие тут будет на правильной стороне!

— Ладно, давайте оставим эту загадочную тему, — подвел итог Хозицер, переворачивая

кружку, — и вернемся к нашим милым оркам. Вы действительно думаете, что с сотней солдат пройдете их земли?

— Я должен исполнить свой долг перед Церковью. Свет мне в помощь!

— Ну, а все-таки? — Руппенкох хитро сощурил свои барсучьи глазки. — И все же, командер, как вы пройдете сквозь Орквальд? У вас есть какой-то план?

Есть ли у меня план.... Да нет, конечно же! Я командер без году неделя, что вы от меня хотите?

— У нас тридцать прекрасных арбалетчиков и опытная пехота. Герр Хозицер, есть ли там дорога? — обратился я к стражнику.

Тот подтянул к себе поближе блюдо с жаренным на вертеле поросенком.

— Будет непросто! Дорога там есть, то есть была.... Наверное, она уже здорово заросла за прошедшее время, но проехать все еще можно.

— А есть кто-то, кто бывал в тех местах за последние 2–3 года?

Хозицер откинулся от стола и обернулся, ища кого-то глазами.

— Есть. И он прямо здесь, как мне кажется... Да! Клаус! Эй, Клаус!

Пожилой кельнер, обслуживавший столики на противоположной части зала, где сидели в основном небогатые посетители, обернулся на зов.

— Клаус! — Хозицер громко стукнул кружкой по столу. — Клаус! Иди-ка сюда, приятель!

Пожилой кельнер вытер руки о передник и прихрамывающей походкой подошел к нашей компании. Лицо его было все иссечено шрамами. Левая глазница его была пуста, лишь прикрыта веком.

— Клаус, эти господа хотят поговорить с тобой!

Тот не торопясь, оглянулся, ища единственным глазом молодого коллегу.

— Вендель! Свинину вон тем господам! Да, с капустой. А я занят!

— Чем могу? — обернулся он ко мне.

— Присядьте. Не хотите ли выпить?

Клаус осторожно приземлился на край скамьи.

— Мне нужен человек, знающий места к югу отсюда. Мы идем туда.

— Хм. К оркам?

Клаус скривился.

— Да, нам придется пройти их землями.

— Опасное дело.

— Да. Поэтому нам нужен знающий человек!

— Вы хотите, чтобы я сопровождал вас?

— Да.

— Ваше предложение очень заманчиво.... Только вот, знаете ли, есть у меня некоторые предубеждения против орков!

— Сколько вам тут платят?

— Герр Вилле? Полфирлинга в день.

— Два пфеннинга? Негусто, как по мне!

— Меня еще кормят и дают одежду. И посетители иногда наливают стаканчик эля. А главное, — здесь нет этой зеленомордой мрази!

— У нас платят рейксталер за месяц. Тебе дадим вдвое. Поедешь на повозке, маршировать не придется. Согласен?

Клаус отрицательно покачал головой.

— Клаус, — хауптфельдфебель сменил тему, — ты знаешь орков, как никто. Что они будут делать, узнав, что отряд в сотню мечей вошел в их земли и встал лагерем у границы Проклятых мест?

Клаус поджал губы и вытер руки об стол. Когда он начал говорить об орках, по лицу пошли пурпурные пятна, а шея его стала багровой.

— Ближайший клан нападет на вас сразу, как обнаружит. Они будут атаковать на марше, стараться застать врасплох. Если не справятся, вызовут на помощь союзные кланы.

— Сколько воинов обычно в одном клане?

— От полусотни до двухсот.

— Бывает больше?

— Нет, слишком большой клан рано или поздно раскалывается.

— Сколько времени они будут собирать союзное войско?

— Небыстро. Союзные кланы — обычно это не соседи. Те, с кем клан живет по соседству, союзным не бывает. Скорее наоборот. Я бы сказал — не менее двух седмиц. Скорее — три.

— В последнем столкновении на Старой дороге участвовало три сотни пеших и не менее шестидесяти кабаньих орков, — подтвердил Хозицер. А два года назад, под стенами Теофилбурга, их было не менее тысячи!

Такие цифры встревожили ротмистров.

— И сколько нам предстоит противостоять им? Мы не сможем долго сдерживать их атаки, если сила орков будет постоянно увеличиваться! — спросил Николас Рейсснер, требовательно глядя на Клауса.

— Господа, — Клаус обернулся в зал, потом снова ко мне, — сейчас я занят службой в трактире. Мы не могли бы поговорить в другое время?

— Конечно. Мы в городе до праздника.

— Тогда я могу подойти завтра с утра. За пару эля я расскажу вам об орках все, что знаю. Где я могу вас найти?

— Я... черт, я не знаю, как описать место, где мы остановились. Давайте мы сами зайдем завтра сюда, заодно и позавтракаем.

На лице Клауса отразилась мысль, которую я прочитал как «у богатых свои причуды».

— Я всегда здесь. Прошу извинить меня, господа.

Поднявшись, он заковылял обратно к посетителям.

— Бедняга три года провел в плену орков. Как он там выжил — уму непостижимо, — заметил советник Руппенкох, меланхолично болтая остатки эля в кружке. — Он ведь как раз в последнем походе и попался, да, Рихард?

— Точно.

Хозицер печально вздохнул, видимо, воспоминания были не из легких.

— Мы тогда потеряли больше тридцати человек... Но, признаться, результат того стоил! Такого богатого улова у нас с тех пор не было, да и, наверное, не будет.

— Он был тогда молодой совсем, — добавил баннерет Зайдель. — А вернулся старик-стариком!

— Ладно, господа, — Хозицер поднялся. — Похоже, дождь наконец кончился, и нам пора уделить время службе. Герр Зайдель, вы проверите стражу Северных ворот?

Теофилбуржцы ушли.

— Господа, давайте тоже расходиться, уже стемнело. Эй, мошенник, сколько с нас?

Рассчитавшись, мы с Литцем побрели на квартиру, причем маг прихватил початую бутылку кларета. Густая тьма опустилась на землю. На площади уже горели фонари, а вот улицы были темны. Лишь одна из местных лун немного освещала нам путь, проступая сквозь тучи мутным зеленоватым пятном.

Обходя дождевые лужи, мы, в конце концов, нашли дом, где сняли комнату. Пришлось долго стучать, пока заспанный хозяин не открыл нам окно.

— Господа хорошо провели время? Прекрасно! Ой! Что это? — испугался он, когда Литц, подняв с пола несколько соломинок, поджег их щелчком пальцев.

— Это светильник, тупица. Раз у тебя тут темно, как в пещере троллей, приходится обходиться вот так!

— Добрые господа, милосердным Светом заклинаю, будьте осторожны с огнем наверху! Наш дом крыт тростником, и если хоть искра попадет на него — я буду разорен!

— Разве? — удивился я. Мне казалось, что крыша черепичная?

— Сверху положена дранка, но под нею — тростник. Тут у всех так. Умоляю вас!

— Понятно, — пробурчал Литц, и полез наверх. — Кругом одна видимость, сверху все прилично, а копнешь глубже — там или тростник, или дерьмо, или дерьмо с кровью!

Наконец мы залезли на свой чердак.

Глава 26

— Кто спит на кровати? — спросил я. — Может, кинем жребий?

— Ложись сам, Энно, ты же у нас *коммандер*, — ответил маг, ехидно протянув последнее слово.

— Да я привык, в походах чего только не приходится терпеть! Однажды даже пришлось спать в катакомбах, где было полно духов Хаоса! И ничего, жив, здоров.

— Неудивительно, — мрачно сообщил Литц. — Ты абсолютно антимагическое существо. Ни разу не встречал ничего подобного, и не думал, что встречу. Откуда ты такой взялся, Энно? Только не надо снова рассказывать про Лужице!

— Откуда я? Это так просто не расскажешь....

Я задумался, пытаюсь понять, как мне рассказать ему историю человека, родившегося и 23 года проведшего в совсем другом мире.

— Я жил далеко отсюда. В другом мире. Это очень странное место, не знаю, поверишь ли ты мне, если я начну рассказывать о нем подробно. Там нет никакой магии, совсем. Но зато много техники. Там такие механизмы, что невозможно описать словами. И я там был, ээ, подмастерьем у механика. Мы чинили самодвижущиеся кареты.

Литц хмыкнул.

— Само по себе ничего не движется. И как же ты попал к нам, интересно знать?

— По глупости. Увидел в лесу место, окутанное голубоватым маревом. Пошел туда посмотреть. И видимо, подошел слишком близко.

— Как-как?

Литц, до того слушавший меня с заметной иронией, вдруг насторожился.

— Как говоришь, это выглядело?

— Ну, как голубоватое кольцо тумана. Я вошел в него, и все завертелось перед глазами, как будто окружающий мир был нарисован на холсте, и кто-то сдернул этот холст и закрутил его жгутом!

Литц, похоже, был озадачен.

— А потом?

— Меня окружили какие-то сатанисты в капюшонах. Похоже, при появлении я испугал их. Я и сам был на взводе, даже подрался с ними.

— А кого ты называешь «сатанистами»?

— Ну, эти вот, вызывающие всякую нечисть — у нас их так называли. Хаоситы, по-вашему. Один тряс передо мною каким-то камнем, размахивал посохом, а я схватил его и начал трясти как яблоню!

— Ты испортил ему колдовство, — заметил Литц. — Не дал сосредоточиться на формуле. Это ты тогда уже научился?

— Это вышло случайно. Мне потом уже объяснили, что тип с камушком был сильный маг, и амулет у него содержал столько энергии, что можно было развалить полгорода.

— Жаль, что у тебя не было под рукой ведра холодной воды...

— Ну, зато я был пьяный и смелый. Так вот, без особых сантиментов мне скрутили руки и отправили в тесную и сырую камеру. Там я провел больше двух недель. Каждый день меня

таскали на допросы, а ведь я даже не знал вашего языка!

— Тебе повезло. Помешав варлоку, ты показал, что не принадлежишь ни к секте, ни к Хаосу.

— Меня долго проверяли. На допросах каждый раз присутствовали все новые и новые люди — и выглядели они раз от раза все старше, мрачнее и могущественнее. Они тоже пытались надо мною колдовать — двигали руками, бормотали молитвы — и я сразу понял, что это все делается всерьез. Раньше я и не знал, что в этом мире есть магия!

— Наверняка именно это их заинтересовало больше всего!

— Да. Они сказали, что я отталкиваю магию во всех ее проявлениях, и это очень редкое явление. Точнее, такого вообще не бывает.

— И как тебя не сожгли?

— Чудом. Надо отдать должное Тереллину — именно он сумел разобраться в случившемся. Меня ведь просто могли объявить демоном, да и сжечь за компанию с хаоситами. А меня вот изучили, и признали что я — человек. Но человек особенный, чуждый этому миру настолько, что такая тонкая вещь, как магия, не может на меня воздействовать.

— Странно.

Литц задумчиво почесал голову.

— Насколько я знаю повадки нашей матери-Церкви, тебя должны были изучать как неведомое миру явление. Держать в заточении, изводить алхимией и наговорами. И кто тебе дал меч и немалую должность, герр *коммандер*?

— Тереллин, конечно же, кто еще. Он быстро сложил два и два. Я был разумен, обучаем, неподвластен магии. А у вас тут прорва гиблых мест, где такой парень как я, может откопать что-то интересное.

Литц заворочался.

— Сначала меня использовали как пристава при инквизиторах, особенно при процессах над ведьмами и варлоками. Они часто отводят глаза страже и сбегают. Со мною такой фокус не проходил! Насмотрелся я, конечно, всякого...

— Ха! И сколько аутодафе ты видел?

— Сбился со счета на второй дюжине. Но, думаю, каноник уже тогда планировал большее. За мною наблюдали. Учили меня вашему языку, религии и праву. Служба в страже была больше проверкой на лояльность, чем моим действительным предназначением. Вскоре мне стали давать более ответственные поручения...

— Отправили в Гиблые земли искать всякие интересные штуки?

— Именно. Я уже сбился со счета, сколько раз был там! Только вот с самим поиском не очень — то получается. Я даже амулет-поисковик толком не могу применять. Обычно Эйхе давал мне направление от края Мертвой земли, а я уже шел и пытался что-то найти. Ладно, что мы все обо мне, да обо мне. А ты как оказался у Тереллина?

Литц склонился с кровати, пошарился в своей суме, доставая початую бутылку вина. Открыл пробку зубами, выплюнул ее на пол, приложился к горлышку. Раздались долгие булькающие звуки.

— Хорошее вино. Жаль, что так мало.

— В возу целый бочонок.

— Нет, это не то. В бутылках лучше. Ну ладно, слушай.

Литц сел повыше, подоткнув одеяло.

— Я учился на факультете светлой и богоугодной магии в университете Реденштадта.

На факультете был одним из лучших. Маги-наставники говорили, что я подаю надежды, что такие способности встречаются им раз в пять лет, а то и реже. Декан факультета приглашал меня на обед, и расспрашивал о том, куда я планирую подать после обучения — он хотел оставить меня в университете.

— Это как, профессором? Ты бы хотел там остаться?

— Возможно.

Литц сделал большой глоток из бутылки

— Мне очень нравилось учиться. Я просто было опьянен познанием метафизических основ бытия. Нет, конечно, мы с друзьями всюду развлекались, устраивали попойки, разные веселые дурачества, отчего весь город, бывало, стоял на ушах. Однажды мы запалили сигнальные огни на башнях, так, что едва не начался сбор всех войск княжества. В другой раз — зажгли воду на Рейке, ночью — это было непередаваемо красиво. А уж народ-то перепугался!

Литц тихонько засмеялся. Даже сейчас он был страшно доволен той студенческой выходкой.

— Но по-настоящему меня интересовала именно учеба. Именно тогда я понял, что высшее наслаждение — познание чего-то нового. Вряд ли я смогу объяснить словами, что испытывает маг, впервые сотворивший успешное заклинание.... Когда ты вдруг видишь парящий над своей рукой огненный шар, только что созданный тобой. Когда тайны, которые никто из окружающих не просто никогда не постигнет, а даже не задумается об их существовании, вдруг открываются перед тобою, как невеста жениху. Только вот на факультете был форменный магический целибат, если ты понимаешь, о чем я.

— Признаться, не очень!

Литц вздохнул и снова приложился к бутылке.

— Год от года обучение становилось все более формальным. Я вскоре стал замечать, что наставники скрывали от нас многое из того, что знали сами. Из книг, которые нам давали, были вырезаны десятки страниц! Тут и там мы видели обрывки знаний, от которых нас старательно уберегали — формулы заклятий, про которые нам не рассказывали, субстанции и сущности, о которых молчала профессура... Помнишь, я показывал вам иллюзию огненного метеора? Древние маги умели колдовать такое, начиная с магистратуры. Все умели делать метеор — нет, не иллюзию, настоящий метеор! Это было частью выпускного экзамена! А сейчас этому не просто не учат — об этом молчат, а все упоминания о мощных заклятиях изъяты из учебников. И я стал искать древние книги, и читать их сам, без наставников.

— Вместе с несколькими друзьями я начал искать и собирать запретные трактаты. Это было что-то вроде ордена, тайного братства студентов, одержимых силой огненной магии. Это было непросто, опасно, дорого, и абсолютно незаконно. Но мы были молоды и дерзки. Нам казалось, что перед нами открыт весь мир. Что нет тайны, которая не покорилась бы нам.

В темноте послышались сдавленные «бульки» — маг вновь приложился к бутылке.

— Ты рисковал познакомиться с инквизицией, Литц.

— Этим все и кончилось. Трактаты, в которых рассказывается про действительно сильные заклинания, не выдавались в библиотеке колледжа, запрещены к переписыванию и продаже. Приходилось иметь дело с темными личностями, за деньги готовыми на что угодно. А когда у тебя такие знакомства — в любой момент стоит ожидать удара в спину.

Литц выпил еще, высоко задирая бутылку. Похоже, она кончится раньше, чем его рассказ.

— На нас донесли. В колледж явились инквизиторы. Они начали допрашивать студентов, запугивать их исключением из колледжа и даже следствием о колдовстве. И многие... испугались. Ведь можно было потерять все. А исключение из университета для любого из нас было катастрофой — богатых наследников среди нас, сам понимаешь, не было. И вскоре я узнал, что меня оговаривают на допросах, представляя главным смутьяном и вольнодумцем... Мои друзья меня предали.

Литц помолчал, потом кивнул своим мыслям и продолжил:

— На третий день, наконец, вызвали меня. В самых скверных предчувствиях я вошел в скрипториум, где заседала комиссия инквизиторов. Одним из них был Терреллин Гильдебранд. С первых слов я понял — они уже все решили. Невозможно было что-то изменить, — слишком многие уже показали на меня, как на зачинщика. Я все отрицал и никого не выдал, ни одного имени. Я не мог действовать иначе, ведь могли пострадать другие студенты. А для дознавателей это означало одно, — я закоренелый преступник, покрывающий смутьянов и еретиков. Из скриптория я под конвоем отправился прямо в камеру.

Голос у Литца, глухой и монотонный, был полон горечи. Похоже, когда-то он с трудом пережил произошедшее, но теперь все перегорело и покрылось пеплом.

— Я просидел несколько месяцев. И каждый день ко мне приходили инквизиторы. То один, то другой. Каждый день!

Литц помолчал. Потом снова полез в свою суму.

— Меня не пытали, нет. *Они* были вежливы. Спокойно и терпеливо они расспрашивали меня о всех книгах, которые я читал, о моих мыслях, которые приходили мне при прочтении этих книг, о всех разговорах с друзьями. И все это — очень подробно, обстоятельно, размеренно, спокойно, эпизод за эпизодом. Они не торопились. Они не сидели в камере в три фута на пять, где невозможно было лечь, чтобы нормально заснуть. И они постоянно очень подробно объясняли мне, почему я поступал неправильно в том или ином случае.

Литц вновь замолчал. Мне показалось, что он очень не хочет продолжать.

— Так что было дальше? Литц?

— Что дальше... Он посмотрел на потолок, перевел взгляд на горлышко бутылки, на покатые стены мансарды. — Дальше были долгие беседы, в которых *они* были очень убедительны. Они умеют быть убедительны, Энно. Их аргументы были многократно испытаны, рассуждения резонны, сравнения красочны; модусы и силлогизмы отточены в многолетней работе с такими, как я. На их стороне была вся безупречная стройность логики, вся мощь риторики, все богатство философии, веками изучаемой адептами Света. И я... Я начал с ними соглашаться.

Литц помолчал. Воспоминания были не из приятных. Но, видимо, ему нужно было рассказать кому-то, что произошло с ним тогда.

— Так вот, Энно. Сначала *они* сделали так, что я стал соглашаться с ними в мелочах. Что я был неосторожен, показывая эти книги молодым студентам. Студенты же часто вытворяют всякое! Что кто-то мог использовать эти знания во зло. Если бы кто-то по-настоящему сотворил «Метеор» на улицах Реденшпалта, жертвы исчислялись бы десятками. Что могли быть случайные пострадавшие, ведь никто же не гарантирован от случайностей! Вспомнили, как мы подожгли воду в Рейке. Это была иллюзия, конечно, но одна женщина

упала в обморок и сильно разбилась о каменную ограду, а у другой от испуга случился выкидыш. А главное, что мне вменялось — запретные знания могли быть применены мятежниками или заговорщиками. Вдруг кто-нибудь устроил бы пожар во дворце или соборе, полном прихожан! Мог ли я гарантировать, что этого не произойдет? Конечно, нет...

Литц снова влил в себя с полбутылки.

— Не подумай, что я сразу сдался. Я был молод и упрям. Тогда я еще верил в себя, в свою правоту, в свое предназначение. Но меня привезли в Хугельхайм, город, где клирики наторели в беседах с еретиками. В местной тюрьме они беседовали со мною по несколько дней кряду, сменяя друг друга, и подводили меня к нужным выводам, с искусством, почти сверхестественным.

Снова послышался звук вытекающего из бутылки вина.

Я вспомнил допросы, на которых присутствовал. Да, у них это очень ловко поставлено. Пока один инквизитор беседует с грешником, второй подслушивает их, так что, когда первый клирик уходит отдохнуть, второй продолжает беседу, полностью зная тематику и подготовив нужные аргументы. Так они сменяют друг друга, выматывая допрашиваемого, и рано или поздно помещают его сознание в канву своей логики.

Литц шумно выдохнул, оторвавшись от горлышка.

— Потом.... Потом я начал каяться. Бессонница и постоянные допросы сломили меня. Я начал соглашаться со всем, что они говорили. — Литц провел рукой поперек горла, как будто подчеркивая глубину своего самоотречения. — Со всем!

Он выпил еще. Похоже, большая, трехшоппенная бутылка почти пуста. Фройляйн Азалайса, определенно, — шарлатанка.

— Литц, по-моему, тебе хватит!

— Меня приговорили к публичному покаянию и епитимии, — продолжал тот, не обратив на мои слова никакого внимания. — В присутствии всех студентов факультета я опустился на колени посреди собора Реденштадта и произнес все те слова, что от меня потребовали. Покаянную речь я должен был составить сам, и она должна была быть убедительна. И она *была* убедительна, Энно.

Маг продолжил, и голос его дрожал от горькой иронии.

— Ну и в конце концов, я оказался на свободе. В колледж меня, конечно, уже не пустили. Мои книги были уничтожены. Все отвернулись от меня — кого-то убедили инквизиторы, кто-то сам решил, что дружить со мною опасно. Никто не помог мне. Никто! Даже семья отвернулась от меня. Отец очень уж переживал за карьеру старших сыновей...

Мне пришлось зарабатывать на жизнь, как умею. Я болтался по кабакам, показывал фокусы. Там меня и нашли служители каноника Тереллина. И он приставил меня к делу. Прямо как тебя, Энно.

— И что ты делаешь?

— Ну, — он усмехнулся, — вот сейчас сопровождаю вас на тот свет. А в обычное время — развлекаю *добрых людей*, как ярмарочный шут. Шут!

Литц допил вино и скинул бутылку на пол. С глухим глиняным звоном она покатила по доскам. Маг злобно ударил кулаком в покатую стену мансарды и отвернулся, резко запахнув одеяло.

Разбудил меня осторожный, но настойчивый стук в дверь.

— Пошел к Кхорну! — злобно выкрикнул я, ища рукою кувшин с водой.

— Добрые господа, — раздался маслянисто-заискивающий голос хозяина, — к вам пришли очень важные посетители!

— Принеси воды, архаонов сын, и скажи, что господа спят.

— Никак невозможно, сударь. Воды сейчас принесут.

Я натянул шоссy и перепоясался. Откинул засов. Дверь приоткрылась, женская рука поставила у порога пузатую крынку, и тут же дверь снова захлопнулась.

Что там произошло, что ко мне приперлись в такую рань, да еще и нашли на квартире, куда мы заселились лишь вчера? Солдаты набезобразничали в пригороде? Наверняка! К Кхорну, пусть ротные за них отвечают. Я всего лишь наниматель.

Выпив воды и смочив лицо, я наконец-то почувствовал себя в силах вести светские беседы.

— Пусть войдут, — крикнул я в дверь, на всякий случай засунув кинжальчик под одеяло. Мало ли чего...

Лестница за дверью гулко загремела под чьими-то тяжелыми сапогами, и в комнату ввалился сначала Рихтер Хозицер, а за ним, неожиданно, советник Руппенкох. В комнате, итак маленькой, стало совсем тесно.

Хауптфельдфебель выглядел плохо. Под глазами легли коричневые тени, усы жалко обвисли. Похоже, вчерашний вечер герр Хозицер закончил отнюдь не на службе. Руппенкох, который вчера пил мало, выглядел заметно бодрее, разве что выражение лица стало еще брезгливее.

— Доброе утро, герр командер, — проговорил он, косясь на спавшего Литца, и вежливо поклонился, сняв свой черный шаперон. Хозицер поклонился тоже.

— Мы с хауптфельдфебелем просим извинения за столь ранний визит. Но дело у нас важное и не терпит отлагательств.

— Присаживайтесь, — я указал на край кровати. Посетители, однако, остались на ногах. Я несколько расслабился — по тону и поведению вошедших стало понятно, что пришли они не с претензиями, а с просьбой.

Говорил Руппенкох. Командир городской стражи лишь согласно кивал головой.

— Герр командер, я задам вам немного неожиданный вопрос. Нет ли у вас каких-либо предубеждений против богатства?

— Предубеждений никаких нет. Есть претензия — что-то эта дамуазель совсем ко мне не заходит!

В барсучьих глазах олдермена блеснула смешинка. Похоже, в рейтинге Руппенкоха я заработал балл.

— Все оттого, осмелюсь заметить, — произнес он, мягко понизив голос, — что ее надо правильно звать...

— Вам, похоже, виднее!

— Видите ли, — тон собеседника стал совсем доверительным, — когда-то мы с Рихтером довольно успешно проворачивали разные сделки в южных предгорьях... То, что он рассказывал про схватки с орками во время проведения торговых караванов — сущая правда. Но правда и то, что все это окупалось сторицей!

Хозицер кивнул. Мне стало его жалко.

— Литц. Эй, Литц!

— Чего тебе? — сонно пробормотал маг, не отрываясь от своего ложа.

— Где твоя фляга?

— На полу!

Я пошарил у него под кроватью и действительно нашел его жестяную любимицу. Увы, судя по весу, почти пустую.

Вылив остатки вина в кувшин с водой, я протянул его Хозицеру.

— Держите, мастер Рихтер, это отличное средство от скверного настроения ранним утром. Так на чем мы остановились, мессир?

— Разрешите тоже глотнуть, Рихтер... Мы обсуждали сравнительные преимущества богатства перед бедностью, командер.

Лицо Руппенкоха приобрело циничное выражение.

— Так вот. Они велики. И настолько весомы, что далеко превосходят выгоды от банального следования установленным правилам, если вы понимаете, о чем я.

Этот птичий язык, да еще и на большую голову, начал меня утомлять.

— О чем мы говорим, советник?

Тот сразу перешел на деловой тон.

— Вы идете на юг, в направлении предгорий. У вас есть четыре воза. Зачем вам идти порожним? Можно прихватить кое-какой товар и округлить свои сбережения!

Гм. Неожиданно.

— Вообще я собирался продать телеги...

— Вот и продадите. На обратном пути. Вы ведь заедете в Теофилбург?

— Ну, если Свету будет угодно благословить нас благополучным возвращением!

— Об этом мы тоже хотели поговорить. Ваши шансы на успешный проход через земли орков сильно вырастут, если с вами будет герр Хозицер и две дюжины парней из городской стражи. Мы можем отправиться с вами, конечно, со своими возами и своим товаром. Большому отряду всегда легче отбиться!

Однако. Пока мы с Литцем изливали друг другу душу и пили, у этих двоих созрели грандиозные замыслы. Но суть их пока непонятна.

— Простите, советник. Но, с кем там торговать, в ваших предгорьях? Перевал закрыт Гиблым местом, значит, в южные королевства не попасть. А с кем торговать в предгорьях — с орками?

Руппенкох выразительно поглядел на Хозицера.

— С гномами, Энно. С гномами! — веско произнес тот, впервые вступив в разговор. — Черные горы заняты кланами цвергов, самых выгодных партнеров во всем мире!

Я молча переводил взгляд с одного собеседника на другого. Руппенкох заметно трусил. Хозицер упрямо и отчаянно смотрел на меня, будто мысленно твердил «соглашайся!»

— Никогда не думал о такой возможности, — наконец произнес я осторожно. — Это очень далеко от нашей миссии. И, мне казалось, что это ... запрещено?

Советник потер руки и криво улыбнулся. Хозицер бросил на него быстрый взгляд, как будто говоря — «ну вот видишь?»

— Конечно, запрещено. Вы не замечали, что самые лучшие вещи в мире находятся под запретом? Однако во всех землях то и дело появляются то слитки серебра с печатью горного клана, то часовые механизмы, то натяжители арбалетов нелюдской работы. А бывает, и мифрил, и адаманитум!

— Я слышал, конечно, что у дроу можно купить очень редкие и качественные вещи...

— Гм, вы думаете, это все делают дроу? Они ничего не умеют, кроме луков и ядов, уверяю вас. Нет, наши темнолицые друзья с кисточками на ушах всего лишь перекупщики. И товары гномов все равно попадают к людям, просто — через третьи руки и втридорога.

— Мне, признаться, все равно, где эти дроу берут разные штуки — у меня все равно никогда не было столько денег, чтобы их покупать. Гораздо важнее, что на это скажет инквизиция!

— Ну, инквизиция- это вы, не так ли?

— Не совсем. Точнее, совсем нет. Мы не сможем сохранить в тайне такое дело. У нас обозники — сервы из монастыря. Если кто-то из них начнет болтать — а это неизбежно — нас всех возьмут в колодки. Так что, вся торговля завершится после первого кабака. Что там полагается за торговлю с гномами — полная конфискация имущества, кажется?

— Ага. А еще покаяние и удаление правой руки посредством топора, — сообщил проснувшийся Литц. Он сел на кровати, взял кувшин с водой и яростно начал пить.

— Все можно уладить. Кхорн не настолько страшен, как его рисуют. Позвольте мне взять это на себя, — сообщил Руппенкох, недовольно косясь на Литца.

— Хотелось бы знать пути решения этой проблемы, как вы их видите. Вопрос слишком серьезен. Я не могу рассчитывать только на ваши заверения.

«А я и так тут хожу под угрозой костра» — добавил я мысленно.

— Вас это, может быть, удивит, но — никто ничего не узнает.

— Как это?

— Мы дойдем до предгорий. Встанем лагерем. Ночью мы, вы и несколько доверенных стражников, которых я возьму из числа своих людей, отправимся на встречу с гномами. Совершим сделку. Ночью же вернемся в лагерь. Все.

— То есть гномов никто не увидит?

— Цвергов. У нас их зовут «цверги». Никто, кроме моих людей. Не беспокойтесь, их услуги, в том числе — молчание, мы оплатим сами. Единственная проблема, которая у нас будет — это орки.

— Кстати, об орках. Как мы попрем товары через их земли?

— На возах, разумеется. Ваши четыре, и мои шесть, с прекрасными тягловыми лошадьми. Пойдут, как по маслу!

— Но там нет дорог...

— Старая дорога, полагаю, еще не заросла.

— Но орки там и будут нас ждать. Без возов мы можем пройти быстро и незаметно!

— Незаметно? — Хозицер, немного повеселевший, подкрутил седые усы. — Не попасться на глаза оркам — это, я вам скажу, тот еще трюк! Нет, герр командер Андерклинг, воши в их земли — готовьтесь к бою! И в бою вам повозки ох как пригодятся!

— Гм. Это зачем!

— Мы делали так, — Рихтер ладонями изобразил что-то вроде коробки, — при нападении ставили возы в круг, и заполняли промежутки щитами. Получается передвижная крепость — и это очень хорошо работает против орков. Мы отбивались против вдвое больших сил!

Литц скептически фыркнул.

— Ну, тут я могу полагаться на ваш опыт, герр Хозицер. Но что покупают эти самые «цверги»? Там один клан?

Посетители оживились — разговор пошел в желательном им русле.

— Два клана жили в предгорьях, один западнее перевала, другой — восточнее. Лучше иметь дело с западными. Как их называли — «Молотобойцы», кажется...

— Да, а других — «Черные камни». Очень тяжелые в общении существа, даже для цвергов. Иметь с ними дело решительно невозможно! С «Молотобойцами», конечно, тоже непросто, но у нас получалось....

— А живы ли они? Может, орки всех вырезали. Или эти цверги просто ушли куда-нибудь!

Рихтер покачал головой. Руппенкох надменно усмехнулся.

— Простите, Энно, — мне ведь позволено вас так называть, на правах собутыльника?

— Конечно, только не при подчиненных.

— Разумеется. Так вот, Энно, по вашему вопросу сразу видно, что вы не имеете никакого представления о том, что такое — «цверги»!

— Конечно, не имею. Я законопослушный сын нашей церкви!

— Вы посмотрите на него, Рихтер, — Руппенкох картинно обернулся к спутнику — и ведь ни один мускул не дрогнул! Говорить такое с серьезным лицом — это надобно уметь!

— Давай ближе к делу, Ханс, — ответил ему Хозицер, нервно покусывая седой ус.

— Так вот, цверги. Это такие твари, которых так просто не выведешь. Каждый клан считает «свои горы» священным владением, отданным им богами для добывания всяких руд и минералов, на процветание гномьего племени. И они ни за что не уйдут оттуда! А орки, несмотря на всю их мощь, в горах не соперники гномам. Их подземные лабиринты полны ловушек, в которых погибнет целая армия. А главное — шахты! У них там нарыты проходы на десятки миль, разведаны жилы, налажена и добыча, и выплавка! Как это бросить? Это не вилланы, которые могут уйти на сто миль и там также копать в земле, как и на родине! Шахту с собой не заберешь.

Так что нет, нет и нет — кланы никуда не ушли. И они помнят про наши торговые дела — живут они долго, и ничего не забывают!

— Ладно. Допустим. Но как продать то, что мы от них привезем?

— Как продать золото? Да нет ничего проще!

— А они что покупают?

— Да, самые разные товары. Охотно берут плотные, теплые ткани, меха, хорошо выделанные и окрашенные кожи. Любят доброе, крепкое вино. Щедро платят за специи, особенно — имбирь и перец. Больше всего они ценят качество.

— И что из этого вы возили этим «цвергам»?

— Всего понемногу. Не стоит грузить все яйца в одну корзину!

— И какова прибыльность этого дела?

Советник сморщился и поднял глаза к потолку, пытаясь прикинуть суммы.

— Бывает, что два к одному. Может быть несколько меньше или больше. Но, ни разу не было такого, чтобы мы не удваивали наши вложения!

Ого.

— А обернуться можно за...

— За два с половиной-три месяца!

— Толково. Что же, господа. Предложение, не скрою, интересное. Мне нужно все обдумать, и, может быть, ответ вас устроит.

Посетители раскланялись. В дверях Руппенкох оглянулся.

— Да, и чтоб вам лучше думалось, командер, — стоит вам ответить «да», и одноглазый Клаус непременно присоединится к нам. Такого события он не пропустит!

— До встречи, господа.

Когда посетители ушли, я торопливо допил остатки воды и откинулся на кровать, чуть не пропоров спину ранее спрятанным там кинжалом. Деловые переговоры с утра пораньше здорово утомляют, особенно когда во рту сухо, а в глазах все плывет.

— Что думаешь, Литц? — пихнул я локтем прикорнувшего мага.

— Афера, — буркнул он, не приходя в полноценно бодрствующее состояние, и снова заснул.

Да, это так. Но, Кхорн возьми! В этом проклятом всеми богами мире ты всегда ходишь по грани. Каждый день — как последний. За прошедшую неделю я дважды видел смерть — и оба раза она была очень убедительна. А раз риск — это повседневность, то чего бы и не рискнуть еще раз? Тем более, если разобраться — дело стоящее!

Вот, допустим мы пойдем туда, и нас всех убьют орки. Чего я потеряю — да ничего. Меня не сожгут на костре, и даже руку не отрубят, — все, из ведения и светских властей, и инквизиции я выбыл однозначно.

А не идти к оркам нельзя. У нас приказ викария. И это такой риск, который перекрывает остальные. Так чего бы и не попытаться при этом подзаработать! Деньги мне не помешают в любом случае. Надоело выкраивать крейцеры и орты на сапоги!

И, насчет этих самых повозок. А ведь это прекрасная мысль — применить их как передвижной лагерь. И, думаю, Рихтер, опытный и в битвах, и в делах, подскажет еще не одну дельную мысль... А если с нами будет и одноглазый Клаус — несомненный знаток зеленокожих — наши шансы на успех многократно возрастут!

Ну и, last but not least, в наш отряд добавится толковый командир — хауптфельдфебель Хозицер, и какое-то количество его людей. Дополнительные копья и арбалеты нам отнюдь не помешают.

В общем, по всему выходит, что предложение господ Хозицера и Руппенкоха надо принимать. И самому поучаствовать в торговле — а почему бы и нет? У меня еще лежит две сотни дублонов — вторая половина жалования наемников, и пригодятся они только по окончании дела. Это примерно через три месяца. Отчего же не пустить их пока в оборот? Да и телеги свободные есть...

Остается вопрос, что бы такое взять, чтобы без палева получить хороший навар. И тут самым надежным кажется выпивка — уж на это спрос есть всегда и везде! А если что, всегда можно сказать, что я взял ее для моральной поддержки солдат.

Приняв решение, я оделся, и, оставив спящего мага, отправился на рыночную площадь.

— Любезный, подскажите, у кого тут можно разжиться лучшим сортом самой крепкой винной эссенции? — обратился я к молодому пивовару, наблюдавшему за разгрузкой возка с соломой возле лавки.

Тот откровенно смерил меня взглядом и, признав благородного, неохотно, но вежливо поклонился.

— Извольте пройти в другой конец, вон туда — он указал рукой — там торгуют всем таким.

Пройдя в указанную сторону, я действительно вскоре увидел вывеску с тремя бочонками, и небольшой склад дубовых бочек самого разного вида.

Ко мне подошел человек в темном хуке.

— Герр военный интересуется крупными партиями вина? — вежливо осведомился он, дав одновременно понять, что господину военному не стоит рассчитывать, что ему тут нальют одну кружку.

— Да, вы не ошиблись. Мы уходим в поход, и мне надо взять с собой хорошего вина для моих людей.

— Прекрасно. Разрешите рассказать вам о нашем товаре. Все первоклассного качества, могу заверить! Вот, — он указал на гигантскую сорокаведерную бочку, — брениван из окрестностей Вуппертале. По восемь гротенов за шоппен, оптом — по шесть. Вот — киринсшвассен из Рейхардшадта, по одиннадцать. Вот это — мы подошли к просмоленным бочонкам, стоявшим по три друг на друге — шнапсе из долины Таль. Продам по пять. У нас много товара. Вы что предпочитаете?

— Что то покрепче, и подешевле.

— Хм. Ну вот — «Кордегардианвайн». Пойло для солдат. Крепкое, сладкое, дешевое — все как они любят. Попробуйте, — он подхватил темную густую жидкость небольшим деревянным черпаком.

Вино показалось неожиданно приятным, терпким на вкус, и, по местным меркам, достаточно крепким.

— Сколько?

— Если возьмете бочку, то по двадцать два с половиной!

— А если три бочки? Отдадите по двадцать?

— Три? Хмм... мне нужно посоветоваться с отцом.

Торговец ушел в лавку, через минуту вернулся.

— Он согласен. Только у нас пока две бочки, третью привезут на днях.

— Хорошо, значит, я пока заплачу за две. Сколько выходит?

Торговец быстро защелкал костяшками счетов.

— Выходит шестьдесят рейксталеров.

— Получите, милейший, и отвезите в лагерь за городом, стоящий под штандартом диоцеза Андтаг. Голубое знамя с солнцем и кометой. Скажите, что это имущество командера Андерклинга.

Тот глубоко поклонился.

Уверен, что он все сделает в наилучшем виде. Иначе, я ведь знаю, где его найти!

Затем я купил несколько дюжин хорошо выделанных бычьих кож. Разумно предположить, что у гномов в горах немного возможностей разводить быков, а вот толстая кожа всегда пригодится.

И только возвращаясь на квартиру, я вспомнил про письмо из Андтага, которое передал мне послушник Лотоульф.

Поначалу я не мог найти его, и сильно испугался. Но, оказалось, что пергамент был заткнут за голенище сапога, а я даже не заметил этого, одеваясь утром. Торопливо раскрыв записку, я был немало удивлен.

«Глубокоуважаемый унтерконнетабль,

В соответствии с поступившими мне свыше указаниями прошу предоставить мага Литциниуса Кнаппе в распоряжение монастыря Светлого Избавления в Теофилбурге на время: за три дня от праздника Нисхождения Света и до окончания названного праздника.

Викарий диоцеза Андтаг, пресветлый *Сильвестр*

Дано в Андтаге седьмого дня Травного месяца в год 2137 от Нисхождения Света».

Как хорошо, что я вспомнил про записку! Надо немедленно сообщить магу о новом распоряжении. И, да, мы остаемся в Теофилбурге до праздников. Жирный хозяин как в воду смотрел, сукин он сын!

Глава 28

В заботах прошло несколько дней. Наконец, настал день Нисхождения Света — самый важный из праздников Пресветлой церкви. Литц еще поздно вечером ушел в местный монастырь. Мы же с ротмистрами и иными офицерами пошли посмотреть на праздник.

Огромная площадь была запружена народом. Как всегда бывает в таких случаях, вокруг оратора собралась плотная толпа человек 200–300, слушавшая внимательно, а остальные, до кого слова проповеди не долетали, или не очень интересующиеся религией, слонялись вокруг — болтали, веселились, торговали чем-то с рук, играли с детьми. Мы подошли поближе к кафедре.

Проповедник в светло-серой хламиде выступал уже давно. Он стоял у собора за кафедрой, поставленной на повозке, возвышаясь над толпой. Немолодой, крупный монах раскраснелся, пот катился по его рыхлому, изрытому оспинами лицу. «...и истинно говорю вам, возлюбленные братья мои, — донеслось до нас, — бойтесь ереси, гоните ересь! Ересь есть начало всех несчастий, гибель для человеков!» — кричал он неожиданно тонким голосом.

— Вот дурак! Выпивка — вот начало всех несчастий! — пробормотал негромко Шумпер.

— Это тебе мама в детстве рассказывала, ротмистр? — ухмыльнулся Рейсснер, в своей обычной хамской манере. Терпеть не могу этого болвана!

Мы подошли ближе.

— Особенно, — проповедник, замешкавшись, вытер платком лицо и шею, — особенно, братья, берегитесь язычества сигмаритов. Давно уже она разъедает умы и сердца, теша слабых людей глупыми легендами про добрые старые времена. А времена те были таковы, что пахали, перепоясавшись мечом, ложились спать, подложив под голову топор, косили с луком за спиной! Не было покоя ни селянами, ни горожанам, кругом рыскали гоблины и орки, мертвецы вставали из могил, а чудовищные зверолоуды в чащобах рыскали во тьме, и кто посылал детей в лес за хворостом, получал потом только их кости. Жизнь в империи сигмаритской не стоила и гроша, а души людей, безвременно почивших, не находили успокоения, ибо не было у них путеводной звезды к Свету. И не зря по грехам людей нашествие Хаоса сокрушило и самих сигмаритов, и учение их!

Проповедник утер лицо полотенцем, поданным кем-то сзади, и продолжил.

— Хаос креп. Хаос копил силы. И настал день, и демоны с севера, злобные до боли людской, обрушились как ураган. Небо потемнело и было черно, как их души. И был крик, и плач, и скрежет зубовой, и треск костей, и грохот копыт демонских. И сколько бы армий не собирали люди, никто не вернулся из боя с ними. Сколько не колдовали искусные маги сигмарские, не дано было им одолеть силы тьмы. И настала гибель.

Голос проповедника сорвался до рыданий.

— Гибель Мира! Демоны рыскали по всей земле, и не осталось твердынь человеческих. И князя Хаоса вышли на землю, и воссели на тронах, сокрушая людей, как серп срезает колос. И многие пали, а многие — покорились Ему, и впустили его в сердце свое. Настал конец времен.

И лишь один человек остался праведен. Звался он Сидабельт! И воззвал он к Свету, и Свет явился к нему.

Проповедник закрыл глаза. Вокруг него раздавались вздохи и женские рыдания.

— И был Свет! — вдруг воскликнул оратор, воздев руки. — Свет залил все вокруг и проник везде! И не стало Тьмы. И огонь поглотил демонов зла, и пали князья их. Огонь, всежигающий, всеочищающий, пронесся из конца в конец, и не было края, где осталась бы мерзость демонская! И спасены были люди. И отпали они от демонов, и пришли они к Свету, ибо в нем одном спасение и благодать!

Проповедник, обернувшись, торопливо выпил из кубка, который держал наготове один из послушников, и продолжил.

— Устремимся же к Свету, братья, направим к нему, к нему одному, свои помыслы и упования. Ибо в нем одном — спасение несчастных душ человеческих! Свет — путеводная звезда к горним высям, где усталые упокоятся, голодные — насытятся, несчастные — утешатся! Слава Свету! Во веки вечные — слава!

Раздались возгласы одобрения. Передние ряды встали на колени, воздев руки к небу в молитвенном жесте.

— Уведомлю вас, братья, и о новой злобной ереси, про некоего Живого Бога. Глупой и мерзкой сказке, сочиненной врагами человечества! Буде придут к вам проповедовать эту мерзость, заклинаю, бегите, куда глаза глядят, ибо это слуги Тьмы явились по вашу душу! Спасайте себя, ибо это ядовитое сигмаритское семя, пришедшее в новом обличье! Берегитесь! Не позволяйте язычникам и еретикам запутать вас, и не верьте им! Не верьте, когда говорят вам, что они — от Света, ибо они от тьмы! Будете мудры и осмотрительны, и луч истины не погаснет для вас! Да сгинет тьма, да возгорится пламя из искр веры, да вознесет его до небес упование человеческое!

Проповедник вновь прервался, вытирая пот. Тем временем послушник, подошедший к нему сзади, что-то тихо сказал ему на ухо. Тот кивнул и вновь обратится к пастве.

— Итак, берегитесь лукавых проповедей посланников тьмы, но внимайте устам, несущим истинный Свет! Отец Велисарий, посланник конклава, почтеннейший и известнейший ревностным служением нашей церкви, произнесет сейчас проповедь, что откроет вам глаза и изменит вас навсегда!

Толстяк тяжело сошел с кафедры, утирая шею, а на его место энергично вскарабкался белый как лунь, сухопарый монах — гноцианец. Встав за кафедру, он осмотрел собравшихся, энергично поворачиваясь всем телом, и столько энергии и харизмы было в этом жесте, что разболтавшаяся было толпа сразу притихла.

— Известный проповедник из Эрлинггена. Везде вербует народ в новиции! — прошептал кто-то за моей спиной.

— Возрадуйтесь! — воскликнул Велисарий зычным и сильным голосом, да так, что предыдущий оратор показался нам скворцом перед разъяренным быком. — Возрадуйтесь! Сегодня вы можете изменить свою судьбу! Сегодня, сейчас, вы — любой из вас — он направил в толпу указующую руку, и каждому показалось, что он говорит это именно ему, — обретет Свет, а Свет обретет вас! Сегодня, сейчас! Перед вами откроются двери, что не в силах открыть самые сильные руки в мире! Сегодня. Сейчас! Вы обретете смысл бытия! Вся ваша жизнь, с момента рождения, в муках, была лишь долгим путем сюда, к этим дверям! Матери кормили вас грудью, отцы учили ходить, старики открывали вам мудрость мира — все это лишь для одного! Для одного! Вся ваша жизнь была нужна лишь затем, чтобы вы

пришли сегодня сюда и познали Истину!

Проповедник был несомненный знаток своего дела. Его слушали внимательно и жадно, воздевая руки к Свету и впадая в экстаз. Но я, не подверженный такого рода вещам, постепенно начал скучать. Озираясь по сторонам, я увидел, что в толпе шныряют несколько групп монахов, внимательно приглядывающихся к слушателям. Перед некоторыми они останавливались, затевали разговор, и уводили их в собор. Все происходило тихо и деловито. И вот среди этих деятелей я увидел знакомую фигуру Литца. Перепутать его походку и манеру держаться невозможно — это был действительно он.

— Ладно, господа, — я дернул Шумпера за рукав, — нам пора к нашим баранам, то есть нашим воякам.

— А как же праздник? За проповедями будет нисхождение Небесного Пламени, шествие, а потом пир и фейерверк? — восторженно спросил Стусс. — Вон, уже расставляют столы прямо на площади!

— Ладно, валлет, вы оставайтесь. Расскажите, как все прошло.

Мы потихоньку выбрались из толпы под рокот преподобного Велизария, и пошли в сторону лагеря.

— И с чего вдруг они так разошлись? Никогда еще нападки на древнюю веру не были столь сильны! — удивленно спросил Майнфельд, ни к кому особо не обращаясь.

— Потихонько, ослина, мы тут не у себя в лагере! Расскажи еще всем, как тебе это не нравится!

— А что такого я сказал? Разве не так? Сигмариты, понятное дело, язычники, но ведь они наши предки! И если кто-то хочет почтить древнюю веру, почему бы и нет! Под знаменем Сигмара одержано немало славных побед!

— Ну, значит, теперь этого недостаточно, чтобы тебя не клеймили в проповедях, — резонно заметил Линдхорст. Наша церковь, как прекрасная женщина, щедра на ласку, но ревнива.

— Не мели чепухи, — отрезал Шумпер. — Головой прекрасной женщины управляют демоны хаоса, а нашей церковью, — престарелые, серьезные и очень упорядоченно мыслящие господа. Поверь на слово, это все неспроста!

— Но что это значит? Ты понимаешь, Энно?

Ничего я не понимаю. С именем Сигмара так или иначе ассоциируют себя почти все правящие династии, и у нас, и за хребтом. Конечно, древняя религия не нравится *светошам* — как все-таки метко Беренгард их назвал! Но вытравить ее совсем невозможно, да и зачем? Разве сигмариты отбивают паству у жрецов Света? Да у них и храмов то нет, так, бродячие проповедники. Между тем, многие светские владыки — да почти все — считают свою родословную от сподвижников Сигмара. И такие нападки на легендарного полубога не могут им понравиться.

— Не знаю. Может, со временем что-то прояснится. Похоже, церковники решили приструнить высших князей, чтобы не очень заносились.

— Может быть, так. Но все это очень странно!

Весь день я занимался предстоящим отъездом. Перед отбытием, как всегда, было много забот. На возы укладывали закупленное продовольствие, фураж и товар для цвергов. Все надо было пересчитать и учесть, проверить, нет ли испорченного груза. Проверить лошадей и их упряжь. Надежно ли увязаны бочки с вином, прикрыта ли от влаги закупленная мною

кожа. И выяснить у ротмистров, все ли благополучно в их отрядах!

— У вас точно все в порядке с припасами? Есть достаточно болтов, запасных тетив, другого оружия?

Шумпер и Рейсснер заверили меня, что у них в отрядах есть все что нужно и даже более того.

Прибыли люди Хозицера. Шестнадцать человек, немолодых, бывалого вида, с лицами, исчерченными шрамами. Не очень-то походили они на городскую стражу — там обретаются в основном упитанные сыновья мастеров, не умеющие толком держать алебарду. А эти — совсем другое дело. Во всех повадках и разговоре виделся немалый военный опыт. Все имели шлемы или хауберки, у троих при себе неплохие арбалеты — не охотничьи, а именно боевые, с мощным натяжением.

Десять тяжело груженных возов Хозицера и Руппенкоха прибыли в последний момент. К моему удивлению, советник тоже собрался идти с нами.

— Решил растрясти жир, — пояснил он, хитро улыбаясь, — вспомнить молодость, а то совсем засиделся в городе!

— Без проблем, советник, — сообщил я. В конце — концов, какое мне дело, кто едет на облучке чужих повозок?

— Коммандер, — раздался рядом смутно знакомый голос — могу ли я обратиться к вам?

Обернувшись, я увидел одноглазого Клауса. Он стоял в сильно поношенном походном плаще, а на плече была палка с узелком.

— Я хотел уточнить, в силе ли ваше предложение о найме?

— Да, конечно.

— Тогда где я могу расположиться?

Я указал ему воз, нагруженный менее других.

— С вашего позволения, коммандер, я заночую здесь. Хочу привыкнуть к бивуаку.

— Да, пожалуйста, можешь залезать под любую телегу.

— Господа, господа, идите скорее в город, — к нам подбежал взъерошенный сержант.

— Там на площади поставили столы и кормят всех в честь праздника, откупорили бочки с элем и вином, а потом будет фейерверк!

— Бочки с элем? Такое нельзя пропустить! — прогудел Рейсснер, и мы вернулись в город.

Веселье действительно было в разгаре. На площади и даже на прилегающих улицах поставили импровизированные столы и лавки — на пустые бочки укрепили настил из досок, а тем, кто сидел возле ратуши, даже застелили скатерти из красных и синих кусков полотна. Народ за столами ел с тарелок, выпеченных из грубого ржаного хлеба, пользуясь ломтями такого же хлеба как ложками.

Но, несмотря на видимую демократичность праздника, все оказалось не так просто. Все были рассажены в строгом порядке — ремесленники сидели по цехам, под своими цеховыми шпандартами, торговцы — по гильдиям и землячествам. Попытка подсесть за чей-то стол вызывала насмешки: в лучшем случае нам предлагали доесть хлебную тарелку, пропитанную соком и жиром мясных блюд, которых на нее накладывали. Я понял, почему Клаус не остался на праздник — похоже, его бы никто тут не накормил.

Вдруг раздалось протяжное, заунывное пение. Все отставили свою трапезу и вышли из-за столов, выстроившись вдоль главной улицы. Некоторые в передних рядах стали на колени,

молитвенно воздев руки долу.

— Что происходит? — спросил я одного из горожан в модном красно-белом шапероне, «по-господски» закрученном на голове.

— Шествие неофитов, — отмахнулся он от меня. — Помолись за этих будущих мучеников!

Впереди показалась колонна людей, облаченных в белые одежды. Каждый нес в руке факел, и каждый, как зачарованный, смотрел на него. Возглавлял колонну проповедник Велисарий, несший на высоко поднятых руках блюдо с ярко пылающим в нем огнем.

— Да осветится ваш путь! Да сгинет тьма! Да воссияет Свет во всей земле! — выкрикивал он, пока шедшие за ним неофиты печально пели псалмы.

Все понятно. Неофиты — будущие зилоты. Все свое имущество отдали Церкви. Теперь до конца жизни отправятся в монастыри, молиться Неизбывному Свету. И все — сугубо добровольно, конечно же.

Знакомое лицо вдруг мелькнуло в череде несчастных, проходящих мимо с факелами. Белобрысые волосы, долговязый, неуклюжий.... И совершенно стеклянные глаза, уткнувшиеся в свой факел!

Стусс?

— Гелло! Эй, Гелло! Ты как там оказался?

Меня толкнули в бок.

— Запрещено! Ты что, орочьих грибов объелся?

Точно. За отговор от подвига послушничества тут могут наказать очень сурово, вплоть до пожизненного раскаяния в катакомбах...

Я еще раз кинул взгляд на фигуру юного оруженосца, как в саван, закутанную в белый плащ. Вот уж от кого не ожидал бы религиозного рвения! Что-то здесь не так. Что-то очень, очень неправильное происходит в этом городе. Да и только ли в нем?

Глава 29

Мы выступили ранним утром, пока солнце еще не встало. Хозицер и Руппенкох прибыли на лошадях. К моему удивлению они решили выезжать отдельно от нас.

— Не следует, чтобы в городе знали про то, что мы идем в одну сторону, — пояснил хауптфельдфебель.

Глядя на них, я тоже решил пойти верхом, как истинный военачальник, а не в фургоне, как всегда.

Маг явился последним, почти к самому отъезду. Все были на месте, кроме валлета Стусса.

Значит, не показалось.

Солдаты бросали костры, наскоро расставались с заведенными тут за несколько дней подружками и спешили за телегами следом.

Так, а что там за крики?

— Шумпер, что за баба там орет на все поле?

— Коммандер, там какая — то женщина ищет своего сына.

— А мы не принимали тут никого в свой отряд?

— Насколько я знаю, нет. Но в любом случае мы тут не причем — она говорит, ее сын — еще отрок. Вряд ли бы кто-то взял его в строй!

— Ясно. Ну, пора отправляться.

Я тронул поводья, и отряд двинулся, постепенно растягиваясь по Южной дороге. Безутешные женские крики потонули сзади в скрипе тележных осей.

— Эй, Литц, — я подъехал к магу, сидевшему на облучке с Птахом. — Это ты там вчера притворялся светошей?

— Вы очень непочтительно отзываясь о ваших братьях по Свету, сударь, — ответил он ехидно.

— А Стусс? Это ты его определил в неофиты?

— Это судьба, — откликнулся маг. — Свет выбрал его!

— Это Стусса-то? Да этот идиот не разу в жизни не молился добровольно. Кстати, а ведь поскольку юнец потерял для этого мира, мы можем разделить и его барахло!

Предложение вызвало известный энтузиазм. Имущества у валета было немного, но все же нам было, что разделить. Мне достался его меч — не самый лучший и не самый острый, но зато довольно легкий клинок, намного лучше подходящий для тренировок, чем мой неуклюжий тесак.

Задержавшись из-за этого с отъездом, мы решили сразу же провести утреннюю молитву. Здесь положено молиться на восход и на закат. Как только первые лучи солнца осветили кроны деревьев, все бросили свои дела и начали возносить хвалу Свету. Затем отряд Шумпера запел хвалебный гимн, и мы тронулись дальше.

Мы отбыли из города почти одновременно с началом ярмарки, которая следовала сразу за праздником. Два дня навстречу нам постоянно попадались возы, а то и целые караваны торговцев из окрестных земель. Каждый раз начинался спор, кто должен уступить дорогу, иногда он длился и час, и более того. Меня такие пустые разговоры утомляют, потому на дразги с купцами я выделил Рейсснера. Тот охотно скандалил с кем угодно и по любому поводу, орал, артистично хватался за топор или кинжал, горячил коня и ругался как пьяный грузчик. «Дорогу отряду Пресветлой Церкви! Съезжай с пути, обормот!» — то и дело раздавался впереди его сиплый, пропитой голос.

— Похоже, ему это даже нравится, — заметил Шумпер, когда наш авангарднер — командант от души врезал какому-то купцу так, что тот свалился с лошади.

— Чертов солдафон, — прошипел тихонько Литц. Рейсснер ему не нравился.

— Может, стоит указать ему действовать поспокойнее, а, командер? — спросил Линдхорст, рассеявшийся на задке впереди идущей повозки.

— Не стоит, Курт. Когда человек с таким пылом исполняет свои обязанности, не следует его расхолаживать.

— Он так кого-нибудь пришибет, и будем отвечать, как с этими кабанами под Мортенау.

— Вам отвечать не придется, вы же в этом не замешаны!

— Если впереди нас ждет засада зверолодей, придется, как и всем нам. А повозка, на которой я еду, как раз с их постоянного двора!

— Думаете, возможна засада? Рихтер, что скажете?

Хозицер задумчиво ехал рядом на собственной лошади, покусывая длинный седой ус.

— Зверолоды непредсказуемы. И у них было много времени, пока вы, господа, прохлаждались в славном Теофилбурге. Они могли пройти лесами десятки лиг и встать в засады по всем дорогам, ведущим из города.

Литц, конечно не смог промолчать.

— У нас тут восемь благородных господ и под сотню кнехтов, две с лишним дюжины арбалетов. Сколько должно быть зверолодей, чтобы выставить крепкие заслоны на всех шести дорогах? Шесть сотен?

— А вы их считали, милейший? Кто знает, сколько их прячется в лесах? Бывает, тут люди пропадают, а кто виноват — зверолоды, орки, гоблины или кто еще — поди, знай! Я как командер стражи скажу вам, что местные поселяне не рискуют зайти в чашу глубже, чем на лигу. А рубят дрова под охраной, и стражи порой больше чем лесорубов!

Так-так. Похоже, Хозицер из тех, кто любит нагнать жути!

— Все это замечательно, но вместо предполагаемой засады зверолодей лучше бы поговорить про совершенно точно ждущих нас впереди орках. Может, мы расспросим этого вашего осведомленного камрада Клауса? Отчего бы и не послушать знающего человека?

— Эй, Птах, зови Клауса, он где-то в замыкающей повозке!

Вскоре Клаус прихромал, сильно припадая на изувеченную ногу. Мне стало немного неловко, что заставил калеку бегать за нами, и даже не притормозил отряд, но тут такие нежности не приняты.

— Присаживайся вот сюда, Клаус, и расскажи нам все, что знаешь про орков.

Тот грустно и саркастично усмехнулся.

— Рассказать все, что знаю, я не смогу. Это займет месяц или более того!

— Мы никуда не торопимся, впереди еще полсотни лиг. Так что насчет орков. Никто из нас, кроме, конечно, господина Рихтера, еще не имел с ними дела. Как они рубятся?

Клаус скорчил презрительно-сардоническую гримасу.

— Я бы не назвал это рубкой. Они вламываются со всей дури, наносят сильные, но простые удары, обычно — сверху вниз. Часто врываются в строй, распхвыривая воинов, сбивая с ног, вырывают щиты, опрокидывают. В общем, действуют больше напором, чем оружием. Сбить с ног и добить лежащего — вот вся их тактика.

— Может быть, выдать солдатам длинные пики, сдерживать орков на расстоянии?

Клаус в сомнении покачал головой.

— Они будут вырывать эти пики из рук, ломать древки, подныривать под них. Их первый натиск может быть очень силен.

— Так как же их побеждать?

— Да никак. Клаус печально покачал головой. — В действительности, любой орк намного сильнее ваших бойцов. Хотя они и ниже ростом, чем человек, но при этом крупные, тяжелые и очень сильные. Разъяренный орк может раскидать целый отряд, а отряд разъяренных орков — целую армию.

— Но ведь люди всегда побеждают орков, не так ли?

— Не всегда. Но часто.

— И как нам это сделать?

— Просто они очень тупые. Их надо обмануть!

— Иначе — никак?

— Да, — Клаус печально покачал головой. — Когда зеленокожие поймут, в чем их сила, и научатся нормально воевать, человечество на этой земле погибнет. Ничто не устоит перед их мощью. Только до понимания своих преимуществ и недостатков им далеко — с их силой может соперничать только их тупость.

— То есть обмануть их нетрудно?

— Не у всех это получается.

— Ладно, давай по порядку. Они воюют пешими?

— Простые воины — да. А знатные — верхом на кабанах.

Шумпер фыркнул.

— На кабанах? — изумленно протянул Рейсснер.

— Именно. По крайней мере, в этой части света. Возможно, где-то у них есть другие ездовые животные — я что-то слышал о волках. Но здесь используются кабаны, и, я вам скажу, это страшные зверюги. Матерый кабан одним ударом может опрокинуть лошадь вместе с всадником.

— И чем они бьются? Копьями?

— К счастью, нет. Топоры, дубины, тесаки — в общем, то же, что и пехота.

— Странно. Почему такое мощное оружие как копье, не применяется ими?

— Скорее всего, кабаном трудно управлять. Они едут, держась за узду обеими лапами.

— Ладно. Что у них с защитным вооружением? Щиты? Доспехи?

— Щиты есть. Крепкие, тяжелые щиты, под три фута в диаметре.

— Не очень большие. Примерно, как у нас!

— Доспехи — редкость. Бывают перелицованные кольчуги, доставшиеся от людей. Бывают нагрудные зерцала, удерживаемые ремнями. Но большинство сражается без брони, часто — полуголыми.

— Ну, таких нетрудно одолеть!

— Нет. Некоторые орки умеют уплотнять свою кожу так, что она отбивает удары. Такие — очень опасны.

— Лучники, арбалетчики — есть среди них? Или это просто пехота?

— Луки — не их сильная сторона. Часто они вообще их не применяют. Зато многие орки умеют метать топоры. А главная их слабость — в организации. Люди могут объединиться в большие отряды, разделенные по родам войск, могут организовать снабжение большой армии, координировать марши и маневры, а орки — нет. Где собирается несколько кланов — начинаются ссоры и вскоре все дерутся со всеми.

— Но раньше они умели объединяться в большие орды — есть же, легенда о Горбаде Кровавом! Как же нам с ними биться?

— Лучше всего держаться подальше от их тесаков. Расстреливать из луков. Лучники из орков никудышные. Недаром они так боялись эльфов, ведь те были прекрасными стрелками!

— Эльфов давно нет, остались лишь дроу...

— Но орки их до сих пор вспоминают!

— Ну, хорошо. Лучников у нас, в общем-то, тоже нет. Есть арбалетчики.

— Это намного хуже. Арбалеты стреляют слишком медленно. Конечно, болт причиняет сильные раны, но попадания в щит останавливают болт также, как и стрелу из лука. А стреляет арбалет в несколько раз медленнее.

— Есть арбалеты, которые могут пробивать щиты!

— Да, арбалет, натягиваемый воротом, с бронебойным болтом, может пробить щит. Человеческий щит. У орков он тяжелее и толще. Пытаться пробивать им щиты — дело безнадежное, так что никакого преимущества у арбалетчика перед лучником нет.

— Да все просто, — прервал его Рихтер. — Мы встаем в круг повозок. На возы ставим арбалетчиков. Пехота защищает промежутки между возами. Орки будут тыкаться в укрепления, пехота их отгонять копьями, а арбалетчики расстреливать с возов.

Гм. Неплохой вариант!

— Ваш план безусловно хорош, Рихтер, — сообщил я старому воину. — Надежен, как... как гномьи механизмы. Но хочу обратить внимание всех присутствующих на то печальное обстоятельство, что наши повозки прикрыты сверху тентами. Это немного помешает арбалетчикам стрелять. А вот оркам, скорее всего, ничто не помешает разрезать фургонную ткань и залезать на телегу, да и прирезать всех, кто на ней.

— Хм. У вас есть идеи лучше, командер Андерклинг?

— Скажем так, ваш план нуждается в небольшом уточнении. Нужно устроить боковые стенки из деревянных щитов.

— Хм. Возможно, вы и правы, сударь. Но есть пара затруднений.

— Каких же, уважаемый герр Хозицер?

— Видите ли, если бы мы были в Теофилбурге, такие щиты плотники сделали бы за пару дней. А вот сейчас, в походе, без инструментов, без гвоздей, сделать что-либо будет затруднительно.

— Настолько затруднительно, что просто невозможно, — поддержал его Руппенкох.

Вот Кхорн! Они правы. Кто будет тут колотить эти щиты?

— А второе затруднение состоит в том, что щиты эти добавили бы приличную нагрузку на повозки, и без того тяжело нагруженные.

— Не могу не согласиться. Но как вы-то обходились в своих походах без этого?

— Напомню, что у нас было больше людей.

— Ладно. А нам что делать?

— Положиться на провидение, я полагаю.

— Простите?

— Это была неудачная шутка, простите великодушно. Просто нам надо будет сделать частоколы на месте предстоящего боя.

— А если нападение будет внезапным, как рассказывает Клаус?

— Такое тоже возможно. Право, не знаю, что вам и подсказать. На этот случай нужна надлежащая разведка и люди должны быть в готовности.

Такой ответ меня не устроил. Предстоял мой первый серьезный бой, и полагаться на импровизацию не хотелось.

Почему я не подумал об этом раньше? Этот вопрос не давал мне покоя весь остаток дня и всю ночь. Вместо того чтобы пьянствовать в Теофилбурге, нужно было думать над нашей тактикой в предстоящих боях с орками! Командер из меня, конечно, никакой...

Азалайса, услышав о моих затруднениях, задумалась.

— Можно сделать плетеные щиты из жердей и лозы. А если обтянуть их кожей, получится прочный щит.

Идея мне понравилась. На следующем привале я приказал Рейсснеру выделить людей с тесаками нарубить лозы и жердей. Он наотрез отказался.

— Мои люди не лесорубы. Мы не собираемся ронять так низко наше воинское достоинство!

И убедить их так и не удалось.

Я приказал тоже самое вагенкнехтам. И тоже ничего не получилось, хотя и по другим причинам.

— Мы готовы выполнить любые ваши указания, мастер Энно, — ответил за всех Даррем. — Только времени у нас на это совсем нет! Мы днем правим лошадьми, а на привале чистим их, распрягаем, стреноживаем, кормим, проверяем копыта, рубим дрова,

носим воду, — да чего мы только не делаем?

— Сколько? — обреченно спросил я.

— Ну, хотя бы по пять гротенов за щит...

Обговорив детали — размеры щита, его крепление на борт телеги и т. д. — и сбив цену до четырех монет, я, в конце концов, таки добился своего. Время у сервов чудесным образом сразу нашлось. В помощь им я выделил Птаха — все равно я не привык к наличию слуги, и по большей части парень или бездельничал, или помогал вагенкнехтам. Клаусу я поручил командовать всеми возницами и обозом, заручившись согласием Хозицера на то, что сержант будет распоряжаться и его людьми.

Выяснилось, однако, новое затруднение — нигде не было прутьев, подходящих для плетения щитов. Ива тут не росла, других тонких и гибких деревьев тоже не оказалось.

Я попросил Аззи поискать подходящие материалы. Она задумалась.

— В лесах ничего подобного нет. Но, если ты дашь мне пару дней и горсть изюма, я решу все проблемы!

— Ловлю на слове! На большом привале я тебе об этом напомню!

Дорога, между тем, с каждым днем становилась все пустыннее. Редкие придорожные деревни все были огорожены частоколами. Сначала пропали торговцы, потом — крестьяне с возами сена, и, наконец, пастухи со свиньями и овцами. Рейсснеру больше не с кем было ругаться о том, кому сворачивать на обочину. Наконец, исчезли даже виселицы с трупами разбойников.

— Скоро граница, — сказал Клаус утром пятого дня. — Там стоит небольшой замок возле переправы. Последнее место, где можно отдохнуть в безопасности и добыть провиант.

Действительно, пройдя пару лиг, мы увидели долину реки, служившей границей Виссланда и Орквальда. У старого каменного моста стоял приземистый, но крепкий донжон из двух башен, окруженный дополнительно деревянным частоколом. Над башней висело аж два баннера — герцога Виссланда и какой-то графский.

Увидев нас с башни, из-за частокола вышел рыцарь и три пехотинца.

— Куда вы собрались? В гости к оркам? — спросил он нас, с изумлением рассматривая щиты на повозках.

— Мы отряд диоцеза Андтаг, направлены по делу церкви.

Я показал грамоту от викария.

Рыцарь с умным видом посмотрел в нее, и, очевидно, не поняв ни слова, вернул мне.

— Извольте показать ваш груз!

— Простите, сударь, — тут ко мне подошел гауптфельдфебель Хозицер, — но это груз церкви. Он не подлежит ни досмотру, ни обложению пошлиной!

— Вероятно, вы правы, — молодой рыцарь несколько смутился. — Где я мог вас видеть, герр...

— Хозицер. Вероятно, в Теофилбурге.

— Да. Вероятно. Счастливого пути, если, конечно, будет уместно так сказать людям, идущим в Орквальд!

— Не торопитесь прощаться, мы тут пока остановимся. Кстати, а почему у вас два флага?

— Замок принадлежит графу фон Леверкузе. Но в одиночку он не может сдерживать орков, поэтому тут находится еще и отряд герцога!

— Понятно. Часто видите орков?

— Каждый год! Они переходят реку и атакуют и земли графа, и его соседей.

Я приказал разбить лагерь и устроить «большой привал». Так называют день, когда армия никуда не движется, люди занимаются своими делами — стирают, штопают, лечат коней, чинят повозки, наконец, просто отдыхают. Я выдал Аззи запрошенный ей изюм и сообщил, что пару дней мы пока остаемся на месте.

— Хорошо. Только еще надо расчистить участок от леса. Пойдем, покажу.

Она выбрала пол-акра земли, заросшей молодыми деревьями. Часть их она сказала срубить совсем, часть оставить, обрубив ветки.

Солдаты Рейсснера управились за пару часов. В это время Аззи ходила между деревьями, задумчиво раскидывая изюм.

На следующий день тут уже рос большой, раскидистый виноградник со старой, одеревеневшей лозой в руку толщиной. Срубив ее, мы получили достаточно длинных плетей для щитов. Сервы сделали их буквально за полдня.

Теперь мы были готовы. Ну, более-менее.

Наверно.

Глава 30

На следующий день мы покинули Виссланд, перейдя пограничную речку.

— Отчего они не разрушат этот мост? — с удивлением произнес Шумпер, когда мы проехали по нему мимо сторожевой башни. — Там, за рекой, только орки, и ничего больше!

— Вероятно, герцог Виссланда надеется на лучшее. Собрав пару тысяч солдат, орков можно было бы истребить, и вернуть себе южные земли!

— Не думаю, герр Рейсснер, — возразил ротмистр арбалетчиков — я слышал, их очень трудно извести. Пару тысяч солдат придется тут оставить гарнизоном лет на десять!

— Поэтому-то их и терпят до сих пор, — мрачно сообщил Хозицер.

— Скорее, потому, что у герцога других дел хватает, — возразил Руппенкох. — Бароны то и дело устраивают заговоры. На моей памяти было уже три войны с Аверландом и Штирийской династией. А как ему не дает покоя наш Теофилбург! Поговаривают, его высочество спит и видит, как лишит наш город его вольностей.... До орков ли тут!

Дорога становилась все хуже. Первые ее лиги заросли травой, а последующие — кустами и молодыми деревьями. Мосты через ручьи и неширокие реки больше не попадались. Мне пришлось выделить несколько человек с тесаками, которые расчищали дорогу, и пару разведчиков на лошадях, чтобы не сбиться с дороги, искать броды и, конечно же, заранее предупредить нас о нападении зеленокожих.

На следующий день мы увидели «пограничный столб» орков. У дороги стояло дерево с обрубленными ветками, все увешанное черепами и частями тел. Тут были и люди, и животные — и дикие, и домашние. Большая часть была убита давно, но была и пара таких, с которых плоть еще не совсем слезла.

— Они так отмечают свои границы, — сообщил Клаус. — Вероятно, нас скоро заметят.

Делать было нечего — надо идти, значит — надо. Я только приказал держаться настороже и повесить плетеные щиты на телеги.

Из-за этого часть вещей пришлось снять с повозок и нести солдатам, что вызвало понятное недовольство.

— Коммандер, лучше приказать людям надеть свои доспехи и идти в них — сообщил мне Клаус.

Это распоряжение понравилось еще меньше предыдущего.

— Мы с ума сойдем в бригантинах на такой жаре! — заявил мне Рейсснер.

— Ничего не поделаешь — на нас могут напасть внезапно!

— У нас же есть разведка!

— Разведка может и подвести...

— Коммандер прав, — вмешался хауптфельдфебель, — мои люди вот уже третий день идут во всеоружии. *Unverhofft kommt oft!*

Хозицер мне все больше и больше нравился. Он действительно знал свое дело и давал мне хорошие советы и по поводу лошадей, и повозок, и отношений с солдатами. Мои ротмистры к нему прислушивались. Если бы не он, солдаты давно бы взбунтовались, отказавшись помогать лошадям тащить тяжелые повозки вверх по склонам бесчисленных холмов.

Но первая стычка все равно произошла не так, как я представлял.

Сначала к нам прискакали разведчики на взмыленных лошадях.

— Орки! Орки!

Они торопливо рассказали, что видели зеленомордых в полулиге от нас.

— Сгорбленные, но здоровые! Ужас, какие уроды! — эмоционально рассказывали эти молодые парни, никогда еще не выдавшие зеленокожих.

— Распрягайте лошадей! Повозки — в круг! — воскликнул я.

— Позвольте мне сказать, — Рихард подъехал ко мне вплотную на своем, каурой масти, жеребце. — Вон, видите там, в стороне, открытое место? Нам надо свернуть и проехать туда!

— Зачем?

— Мы дадим хороший обзор нашим арбалетчикам. Они смогут издали поражать врага. А здесь, среди леса, они смогут подойти к нам вплотную до того, как мы хоть раз выстрелим!

Надо признать, тут Хозицер был чертовски прав.

— Проезжаем к полю, там развернем лагерь! — скомандовал я, и вагенкнехты бросились настегивать лошадей.

С высоты своего коня я видел, как толпы зеленокожих пытаются развернуться по отрядам. Получалось у них не очень. За пол-лиги было видно, как они переругиваются между собой. Тут и там в «рядах» орков (никаких рядов там конечно не было, были толпы) вспыхивали драки.

— Клаус, разворачивайте повозки и крепите их. Люди Шумпера встанут у повозок, арбалетчики — на повозках.

Пехотинцы в тревоге побежали к назначенным им повозкам. Одни выставили копья в разрывами между повозками, другие приготовились встречать орков за щитами. Стрелки Шумпера подготавливали болты, взводили арбалеты.

Наконец зеленомордые двинулись вперед. Три отряда — два с левого фланга и один с правого, — что-то нестройно, но громко заорали и толпой побежали к нашему вагенбургу. Еще два отряда остались на месте — у них шла драка между собою.

— Клаус, тут что, пять кланов?

Подошедший Клаус, только закончивший расстановку вагенбурга, привстал на одну из телег и посмотрел в поле поверх голов арбалетчиков.

— Я точно вижу два. Навряд ли их больше трех!

— А почему у них разные отряды?

— Разные вожаки. У них такое бывает. Если кланом командуют двое братьев — он идет в бой двумя разными отрядами. Если один из братьев погибнет, клан воссоединится под началом выжившего. Если оба будут командовать долгое время — клан в итоге может разделиться на 2 новых клана.

Передовые отряды орков приблизились на 300 ярдов — можно было стрелять. Арбалетчики подняли свое оружие.

— Коммандер, выбивайте вожаков. — Клаус был бледен, от его обычной немногословности не осталось и следа. — Если завалить вожака, что ведет их в атаку, они остановятся, а пристрелите главу клана — вообще, разбегутся. Дайте указание арбалетчикам! Бить по вожакам! Не допускайте их до рукопашной, они тут все разметут!!!

— Отто! Стрелять по вождям орков! Скажи своим людям, пусть бьют по вожакам!

— А кто там вожаки? Мрак их разберет, этих орков!

Твою мать!

— Кто впереди на самом жирном кабане, тот и главный, — подсказал Клаус.

— Ребята, лупи по главарям зеленомордных! Кто пристрелит главного, получит золотой! Все слышали?

Отряд орков приближался, поднимая в воздух шлейфы пыли. Первым пер рослый самец на здоровом, клыкастом кабане, покрытом яркой попоной. Это, похоже, и есть вожак, вон и шлем какой, явно недешевый.

— По первому! Бей! — раздался мощный голос Шумпера. Раздался треск трех десятков арбалетов, выстреливших залпом. Арбалетчики сразу же бросились перезаряжать свое оружие, энергично работая «козьими ногами».

Передний орк медленно завалился набок. Кабан, освободившийся от ноши, неторопливо сделал полукруг и подбежал рысцей к своему наезднику, принюхиваясь тупым мерзким рылом. Тот поднял лапу, вцепился в загривок кабана, который тут же прихватил его за плечо клыкастой пастью и потащил к своим.

Орки, получив партию болтов с доставкой прямо в морды, заметно растерялись. Один их отряд встал на месте, передовые швайнрейтары озирались друг на друга, рыча и вздымая кверху дубинки и тесаки, подбадривали друг друга и самих себя. Два других отряда, возглавляемые крупными самцами верхом на боевых кабанах, бросились вперед еще быстрее. Возбужденно рыча, пехотинцы орков вовсю бежали к нашему вагенбургу, едва поспевая за своими окабаненными жожаками.

Наконец стрелки перезарядили самострелы. Уже были видны разъяренные морды, клыки и белки глаз — верный признак того, что дистанция сократилась до прямого выстрела.

Второй залп арбалетчики выполнили почти в упор. Болты хлестнули по толпе противников, выбив добрую дюжину. Раздался дикий вопль одного из раненных орков — он визжал, крутясь на месте и дергая торчащий из груди болт. Это подействовало на их решимость самым фатальным образом — крича и бросая щиты, орки побежали кто куда. Вожак на кабане и еще пара орков, бежавших с ним рядом, оглянулись на свой испуганный отряд и побежали за ними.

Два других отряда орков приближались, сметая бегущих. Эти не отвернут, мы не успели их обстрелять!

— Заряжай!!! — возглас ротмистра перекрыл вопли орков, прорвавшихся к нашим телегам. Третий отряд, примерно из сорока голов, возглавляемый тремя орками на кабанах, вломился в наше построение. Вожак на здоровенном вепре первым подскочил к повозкам и с размаху врезал по борту телеги огромным топором. Удар был таков, что телега содрогнулась вместе со стоящими на ней людьми, от борта полетели щепки.

По примеру своего главаря, остальные орки отряда полезли к телегам. Они пихали их, раскачивали, пытаясь опрокинуть, откатить или хотя бы сдвинуть: кто-то полез под колесами, кто-то начал подсаживать друг друга, пытаясь перелезть поверху. Тесачники остальных отрядов, не дошедшие до нашего вагенбурга, тоже приободрились — одни внимательно наблюдали за ходом событий издали, другие рванули на помощь собратям, забыв про потери от арбалетов.

Раздался грохот, как будто от сотни барабанов — это орки молотили тесаками и дубинами в борта повозок, лезли через телеги. Один из клюгеркерлов пролез под телегой, но

сразу же был убит копьём в шею.

— Стреляй!

Арбалетчики били в упор с верха повозок, недостижимые для ударов орков. Каждый выстрел находил цель, выбивая зеленокожих уродов одного за другим. В какой-то момент я даже подумал, что все идет замечательно, и мы отобьемся. Но тут в одного из арбалетчиков прилетел топор, и сразу все пошло наперекосяк — стрелки орали на конейщиков, требуя прикрывать их щитами, а пехотинцам было не до того. Пытаясь сдержать орков, лезущих через повозки, воины молотили их дубинами, цепами и моргенштернами, тоже неся потери.

— Слева! — проорал мне в ухо Клаус. — Они растаскивают телеги!

Я бросился туда. Две повозки с левого фланга раскачивались так, что, казалось, вот-вот упадут.

— Держи их! Кидай веревку!

Один пехотинец повис на краю раскачивающийся телеги, мотаясь туда-сюда вместе с ней. Через три таких мотка, подыгнувшись, ему удалось заскочить внутрь. Тут он подхватил брошенный ему конец, и накинул петлю на борт. Фургон притянули вниз, закрепляя его кольями. Снаружи раздался рык орков и грохот — не сумев опрокинуть фургоны, они снова начали молотить в борта, пытаясь их разломать. От плетеных щитов летели куски лозы и щепки, они трещали, продавливались, когда орки пытались опрокинуть их внутрь вагенбурга.

— Ребята, руби им руки! Клаус! Где твои обозные! Пусть удерживают повозки! Не дайте их растащить!

Бледный Клаус кивнул и побежал наводить порядок. Подскочил не менее бледный Линдхорст.

— Ротмистр Шумпер говорит, что у нас кончаются выстрелы!

— Да как так? Он уверял, что имеет достаточно болтов! Где он?

Курт махнул рукой.

Я подбежал к Шумперу, о чем-то горячо спорившему с Майнфельдом.

— Еще раз вам говорю, что не могу распоряжаться общим имуществом без Совета солдат!

— Да какой к Кхорну Совет? Ты видишь, что происходит? Ждем, когда всем кишки выпустят?

— Что тут у вас? — я сходу ввязался в их свару.

— Коммандер Андерклинг, нам нужно холодное оружие, — обратился ко мне Шумпер. — Болты кончаются, нам придется драться врукопашную! Прикажите передать нам запасное оружие пехоты — у них есть запасы и трофеи!

— Да, разрази меня Тьма, есть, — вмешался Майнфельд. — Почему у вас их нет? Если бы вы не пропивали свои трофеи в каждом попавшемся кабаке, у вас тоже было бы, чем вооружить людей!

— Ротмистр Шумпер. У вас же есть оружие для рукопашного боя? Я сам проверял, когда мы вышли из Теофильбурга!

— Щиты. Нет щитов. Нет копий, алебард, глеф. Против орков с одними кинжалами не выстоять!

— Разрази вас все демоны Хаоса! И я узнаю об этом *сейчас*?

За спиной вдруг раздался крики ужаса и вой. Я обернулся.

Крупный орк с рычанием крутился среди телег, отбиваясь сразу от четырех

арбалетчиков. Они окружили его со всех сторон и втыкали в него свои мечи раз за разом, как он поворачивался спиной к одному, чтобы отбить удары других. Но, ни уколы мечей, ни удары тесаков не достигали цели — многократно раненный орк продолжал отбиваться, клинки как будто отскакивали от его шкуры.

— Бей его из арбалета! — закричал кто-то. Пара стрелков на телеге вскинула свое оружие. Я схватил ближайшего воина за пояс и оттащил его от орка, чтобы арбалетчики могли спокойно стрелять. Раздался сухой треск, затем еще, а одновременно — глухие шлепки попаданий.

Орк, пробитый двумя болтами, прижался к телегам, продолжая рычать. Один из болтов попал ему в жилистую шею, из раны выбивался фонтанчик темной крови. Арбалетчики помедлили немного, перезаряжая оружие, затем снова начали стрелять. Болт попал орку в глаз, и он, наконец-то, упал.

Они что, все такие живучие? Если да, то нам труба!

— Похоже, орки отступают, командер, — ко мне подхромал Клаус, выглядевший гораздо бодрее. — Они, наконец-то, перетрусили!

— Отлично.

Только сейчас я заметил, что меня колотит крупная дрожь. Хороший пример я подаю подчиненным!

— Клаус, посмотрите-ка на это.

Мы подошли поближе к удохленной твари. Поверженный орк валялся на боку у повозки.

— Переверните-ка его!

Двое пехотинцев перевалили тело навзничь.

Я никогда еще не видел орка вблизи. Зрелище, доложу вам, так себе.

Здоровый, широкоплечий бугай, мускулистый и плотный. Голый по пояс, штаны из грубо выделанной толстой кожи, широкий пояс с массивной застежкой, и какими-то руническими письменами. Кожа бледно-болотного цвета, не зеленая, а скорее оливково-серая, как армейский брезент. Многочисленные шрамы, особенно на груди и голове. Морда — ну просто обезьяна, как есть. Из клыкастой оскаленной пасти вытекала струйка темной, почти черной крови.

— Как этот хрен вообще сумел перескочить через ограду! Что это такое?

— Я видел, командер, — отозвался один из арбалетчиков. — Один орк встал на колено под телегами, и выставил над головой щит. А этот — вскочил сначала на его щит, а потом уцепился за край ограды и перемахнул через нее.

Я снова посмотрел на орка. Поразительно, как он мог сделать такой кульбит со щитом и тесаком... А, хотя понятно. Щита-то у него и нет! Зато на поясе — двое ножен.

— У него было два тесака, щита не было. Когда он перепрыгивал, то один тесак выронил. А как заскочил внутрь, достал из ножен другой!

Невероятно. Воевать в рукопашную без щита — вообще, по-сути, самоубийство для орков — доспехи-то у них встретишь нечасто. А этот еще и заскочил внутрь лагеря, полного врагов.

Я посмотрел на Клауса.

— Этот громила раскидал с десятков наших. Его рубили со всех сторон, а ему хоть бы хны. Как заговоренный. Ты видел подобное? Что ты об этом скажешь?

Клаус секунду посмотрел на орка, поджав губы. Похоже, увиденное ему очень не понравилось.

Ко мне подошел сержант.

— Командер, там нужно ваше присутствие.

— Хорошо. Эта дохлятина подождет. Не трогайте, его ребята, понятно! Пусть лежит, как есть.

— Да кому он нужен, — отозвались пехотинцы, и все разошлись по своим делам.

Глава 31

Бой был окончен. Несколько орков оставались на поле, рассматривая наш лагерь с безопасного расстояния. Шумпер и Линдхорст, сев верхом, подъехали к ним поближе и подняли арбалеты. Орки сразу сбежали.

Арбалетчики ходили по полю, вырезая болты из мертвых и полуживых тел орков. Пехотинцы мародерили трупы, добивали раненных, свеживали туши убитых верховых кабанов. Повозки, стоявшие квадратом, снаружи выглядели, как после стихийного бедствия. Борта изрублены, у многих — повреждены колеса, даже обтянутые металлическими шинами. Трупы орков валялись по всему полю, но у повозок — больше всего. Тех, кто еще шевелился, добивали безо всяких сантиментов. Арбалетчики вырезали стрелы из трупов, пехотинцы обыскивали орков, часто — небезуспешно.

Найденное бросали на плащ, расстеленный на земле — все это потом по жребию поделят между собой.

Мы победили. В этот раз. А вот что будет потом?

Тут я увидел Шумпера, гонявшего солдат по полю на поиск арбалетных стрел.

— Отто! Что у вас с болтами?

Ротмистр скривился.

— Не найдем и половины. Что-то потеряли, что-то унесли в себе раненные орки. Твари очень живучие, Тьма их побери!

Плохо.

Мы с Клаусом внимательнее осмотрели наши повозки.

— Еще один такой бой, и от нашего обоза ничего не останется! — мрачно подытожил он увиденное.

Да, с ним можно было согласиться. Орки здорово порубили щиты и борта телег.

— Пару щитов, видимо, придется заменять, остальные можно починить. Но меня беспокоят телеги, точнее колеса повозок со спицами. Если их разрубят — нам плохо придется!

Клаус был прав. У шести наших повозок были облегченные колеса с деревянными спицами. Орки могут изрубить их в момент. Конечно, спицы эти можно и поменять, но это потребует времени, и все это время мы будем стоять на месте. А это уже может стоить нам жизнью.

— Щиты тоже очень уязвимы. Бой шел четверть часа, а их изрубили так, что всем им требуется ремонт. Нужны щиты из досок, и, желательно, окованные железом.

Он опять прав. Но у нас нет досок, и не будет. И железа — нет. И оковывать щиты железом тоже некому.

— Арбалетчики поработали на славу. Вы здорово придумали, командер! Орки не могли пробиться, пехотинцы сдерживали их, а стрелки били в упор. Только надо подумать

над защитой их от метателей орков. Они сильно и точно умеют кидать топоры, короткие копья и камни. Арбалетчики, стоя на повозках, будут их первой мишенью, а щитов у них нет.

— Именно поэтому мы делали эти щиты на повозки. Только, похоже, надо их делать выше, и добавить в них бойницы.

— И прочнее, командер Андерклинг! Если у них появятся еще берсеркеры, нам не сдобровать!

— Что за берсеркеры?

Клаус махнул в сторону той повозки, через которую перебрался здоровый орк.

— Тот, кого мы убили в лагере — берсеркер.

— Что это?

— Я сам толком не знаю. Известно, что они бесстрашны и неуязвимы. Их опаивают какими-то зельями, отчего шкура у них становится твердой, как кора дуба. Пробить ее трудно даже ударом топора, и, даже если это получится, их рана затягивается на глазах. Боли они, похоже, не чувствуют, и силой далеко превосходят всех.

Я вспомнил, какой сильной и живучей была эта тварь, и почувствовал, как кровь прилила к лицу.

— А если они соберут пару десятков таких — что нас ждет?

— Это вряд ли. То ли от снадобий, то ли от своей невероятной неуязвимости, берсеркеры совершенно неуправляемы. Орки и так-то с головой не дружат, а уж под снадобьями, — вообще! Берсеркер может напасть когда угодно, на кого угодно! Зарубить прямо в строю вождя клана, его сына или любого воина, — это ему раз плюнуть! Сразу накидываются, если им что-то не нравится, а не понравиться может что угодно! А уж если сойдутся двое берсерков — все, беда, после боя останется только один и мелкие кусочки другого. Так что, нет, отрядами они не ходят.

— То есть эти «снадобья» влияют на их мозг?

— Я толком не знаю. Видимо, от ощущения своей силы они становятся совсем сумасшедшими, даже для орка!

— Так-так. А откуда они берутся?

— Лучшие воины, желающие стать берсеркерами, уходят в далекое путешествие к Темным камням. Там есть шаманы, способные делать их берсерками. Это дорого, поэтому немногим удается такое. Многие всю жизнь мечтают стать неуязвимыми, копят богатства, да так и подыхают в какой-нибудь стычке, не достигнув цели.

— А что для них «богатства»?

— Также как и у нас, и у гномов, и у дроу — в ходу и золото, и серебро, и медь, скот, рабы, шкуры, хорошее оружие, боевые кабаны. И грибы!

— Что за грибы?

— Они собирают поганки, варят из них пиво, а когда напиваются, становятся в сорок раз хуже, чем они есть.

— Так они и трезвые невыносимы!

— Ну да, я об этом и говорю. А после грибного пива — все, то же самое, приумножается стократ!

— И часто они вот так вот, закидываются мухомором?

— Всегда, когда у них есть грибы. При первой же возможности!

— И что, они не дохнут от этой дряни?

— Бывает и такое. Но намного чаще — от драк, случающихся при попойке!

— То-то они сидят в лесах! Любят места, где растут грибы!

— Ну да. Они еще и ищут особые виды поганок, выбирают сорта, разные виды. Сушат их по особым рецептам, и знатоки по запаху определяют, правильно ли гриб срезан и просушен. Пиво варят тоже по-разному, есть особенно опытные мастера, совмещающие варку с шаманскими обрядами, и от их пошла вождей посещают особенно яркие и сложные видения.

— А почему вождей?

— Потому что только вожди могут себе такое позволить. Это дорогое пойло!

— Как ты вообще выжил среди них?

— Просто мне не повезло.

Лицо Клауса стало каменным.

— Если бы я не верил в Шаллию, то давно бы покончил с собой.

— О, да ты у нас еретик?

— Я верю в то, чему научили меня мои родители!

— Да мне наплевать, расслабься. Как говорил один мудрый человек в моих краях — «Неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей».

— А что такое «кошка»?

— Ээ... Ну, это такой ручной хорек, обученный ловить в амбарах крыс и мышей.

— Разве хорьки бывают разного цвета?

— Те, которые «кошки» — да. И они довольно милые, на самом деле. Жалко, что их тут нет.

— Нам тут нужны «кошки» размером с медведя, чтобы давили скайвенов!

— Разве скайвены — не легенда?

— Нет! Я видел череп скайвена у шамана орков. Он не выглядел легендарным!

— Почему ты думаешь, что это был скайвен? Может быть, это росомаха или...

— Потому что шаман вделал этот череп в свой посох как навершие. Потому, что от него так веяло дурным камнем, что шаман этот через полгода сдох. А еще через полгода издох и его преемник, взявший этот посох.

— Ладно, тьма с ними, со скайвенами. У нас проблема поближе. Если на нас в следующий раз навалится хотя бы с десяток таких берсеркеров — нам кранты!

— Это навряд ли. Я же говорю, они толпами не ходят. Возможно, тут есть еще один, два, но не более.

— Ты уверен?

— Да. Там, где сойдутся два берсеркера, вскоре остается только один. Очень они любят силами меряться.

Ну, хоть одна хорошая новость за сегодня.

А результаты этой стычки, пожалуй, стоит обсудить ротмистрами на военном совете!

— Эй, Птах, — позвал я пробежавшего мимо слугу. — Найдите Хозицера, Шумпера, Рейсснера и пригласите их с заместителями на Совет. К моему фургону. Через полчаса. Меня пока не беспокоить. Клаус, приходи тоже.

Мне надо было перед Советом собраться с мыслями. Вагенбург, в общем, сработал. Чем дольше я над этим думал, тем больше укреплялся в том мнении, что такого врага надо встречать за линией повозок вагенбурга, усиленной щитами и кольями. Только полевая фортификация способна остановить натиск орков, Без полевой защиты мы в лучшем случае понесем огромные потери, в худшем нас перебьют. Конечно, вагенбург лучше всего работает

против кавалерии, но и с пехотой орков мы справляемся.

Но если у нас нет стрел, то все гораздо хуже.

Наконец все собрались. Рейсснер и Шумпер успели поцапаться, оба были раздражены, только Шумер при этом был печален и бледен, а ротмистр пехоты — зол и багров. Хозицер держался спокойно, крутил усы и потягивал что-то из фляжки. Клаус явно чувствовал себя не в своей тарелке. Мы все, хоть и не в больших чинах, но все же — господа. А он простой сержант, еще недавно бывший в отставке и таскавший тарелки и кружки.

— Что тут делает кельнер? — грубо спросил Рейсснер.

Вот придурок!

— Этот кельнер знает про орков больше, чем вы все вместе взятые. И еще — он начальник обоза.

— Чертовы дрова! — проревел Рейсснер.

— Что вас не устраивает, герр ротмистр?

— То, что нам приходится нести это дерьмо на руках через каждый ручей. А ручьев тут больше, чем блох в оркском борове.

— Обоз позволил нам сегодня выжить и отбиться. А Клаус — тот, кто отвечает за него. В общем, он участвует в Совете наравне со всеми вами. Все, кому это не нравится, могут отойти и поплакать в одиночестве. А теперь, господа, доложите о потерях.

— У нас четверо раненных, — доложил Шумпер.

— Рейсснер?

— У нас одиннадцать выбыло, — ответил за него Майнфельд.

— Выбыло — это как? Убиты?

— Кто-то убит, кто-то умрет этой ночью, кто-то просто искалечен. Какая разница? Они уже не бойцы!

— Это мы еще посмотрим. Как дела у вас, Рихтер?

— Мои ребята опытные. Есть раны, но небольшие. Можно сказать, без потерь.

— А у тебя, Клаус?

— Один возница ранен в руку, остальные в порядке, — ответил тот, глядя себе под ноги.

— Обозные должны больше участвовать в бою. Пусть держат щиты, прикрывая арбалетчиков. Еще, они должны следить, чтобы орки не опрокинули и не растащили повозки. Ты решишь с этим?

Клаус с сомнением покачал головой.

— Эти люди — не воины. Было бы иначе, они не вагенкнехтами бы служили, а носили оружие, и получали жалование и долю в добыче. Для таких дел они трусоваты!

— Нужно их убедить. Пообещай им жалование пехотинца за то время. Пока мы идем землями орков. Нам каждая пара рук будет нужна!

Клаус молча кивнул, но по его лицу я понял, что он на самом деле совсем не уверен в этом. Ладно, с этим разберемся потом.

— Шумпер, что там у вас за проблема с оружием была прямо в разгар боя?

— У нас кончились болты, — мрачно сообщил Шумпер, — нам нужно было оружие для рукопашной. Особенно щиты.

— Отто. При отъезде из Теофилбурга мы с вами имели разговор по поводу припасов. Вы уверяли меня, что на каждый арбалет у вас по пять дюжин болтов. Припоминаете?

Шумпер мрачно кивнул.

— Не знаю, как в ваших краях, а у нас в Андтаге пять дюжин — это шестьдесят штук. В бою ваши люди сделали не больше десяти выстрелов каждый. Но болтов уже нет. Как это получилось?

Шумпер молчал.

— Мы не рассчитывали на такое количество выстрелов, — взял слово Линдхорст. — Ни в одном бою мы еще не стреляли так много!

— Я же предупреждал об этом, как и о том, что запас болтов пополнить не будет возможности. Мы сегодня выжили только благодаря повозкам и арбалетам. Если в следующей битве повозки разобьют, а ваши люди не будут стрелять, нас перебьют. Что будем делать?

Снова молчание.

— У вас есть люди, умеющие делать болты?

Шумпер молча пожал плечами.

— Вроде бы, есть, — сообщил Линдхорст.

— Хорошо. Курт, поговорите с ними, пусть сделают хотя бы деревянные. При стрельбе в упор даже такое оружие будет вполне исправно работать. Насчет этого мы с вами еще поговорим. А оружие вы должны иметь свое. Почему у вас нет ни щитов, ни рогатин? Вы не знали, куда мы идем?

Шумпер молчал.

— Вас, Рейсснер, я все же попрошу поделиться своим оружием с арбалетчиками.

— Кхорна с два! — взорвался тот. — У нас нет ничего лишнего! Оружие ломается, теряется, а кузнеца нет на сто лиг вокруг. Мы не должны думать еще и о тех, кто распродал все свое снаряжение!

— Вы правы, конечно. Но сейчас ситуация крайне острая. Давайте все финансовые вопросы обсудим потом, когда отсюда выберемся. Устраивать счета сейчас было бы ошибкой! Арбалетчики поразили сегодня большую часть врагов. Сколько там, кстати, их валяется?

— Пожалуй, под три дюжины! — похвастался Майнфельд. — И пять кабанов!

— А сколько из них были с ранами от болтов?

— Почти все, — мрачно сообщил Шумпер.

— Вот и мне тоже так показалось. Арбалетчики внесли наибольший вклад в наш сегодняшний успех, и при этом почти не пострадали.

— Очень даже пострадали, — пробормотал Линдхорст.

— Так вот. Арбалетчиков надо беречь. Придумать, как защищать их на повозках, чтобы они не были мишенью для орков-метателей. Это важно. Клаус!

— Да, командер!

— Что орки предпримут теперь?

— Позовут на помощь союзные кланы. Но явятся они нескоро.

— Почему?

— Командер, как я уже говорил вам, «союзники» орков и «соседи» орков — это совершенно разные орки. Всегда. Так что, пока они уведомят союзников, пока те соберутся, пока приедут — пройдет немало времени.

— «Немало» — это сколько?

— Дней десять у нас точно есть. Возможно, даже пятнадцать-двадцать. Но точно не знаю!

— Ладно. А они могут напасть еще раз, еще до подхода союзных кланов?

— Не думаю — покачал головой Клаус. — Мы много их положили сегодня. Арбалеты работали прекрасно. Ваша задумка — поставить арбалетчиков на телеги — сегодня спасла нас.

— Спасибо, но это идея Рихарда. Ладно, нам надо двигаться дальше. Несколько дней на нас не будут нападать, как я понимаю?

— Скорее всего, нет. Мы им здорово надавали. Эти кланы пока не сунутся, а других тут нет.

— Хорошо. Готовьтесь к продолжению движения. Первым делом снесите всех раненных к моей повозке, попытаемся их вылечить. Клаус, пойдём за мной.

Глава 32

Выйдя с совета, первым делом я нашел Аззи. Она уже занималась ранеными.

— Скольких ты сможешь поднять? — спросил я ее.

— Задай вопрос полегче!

— Примерно?

— Трое не смогут стать в строй еще пару месяцев — у них переломы костей. Один потерял руку. Остальные — от трех до десяти дней.

— Хорошо. Но с костями ты, может быть, тоже чего-нибудь помудришь? Как с моим зубом, примерно. Клаус!

Сержант был рядом.

— Раненых погрузить в телеги. Пусть выздоравливают. А мы пойдем-ка посмотрим на нашего зеленомордого героя. Аззи, ты тоже! Это «берсеркер».

— Что это?

— Они имеют неуязвимую кожу, которую трудно прорубить, а раны сразу затягиваются. И очень сильны и смелы. Я бы хотел, чтобы ты разобралась, как они это делают. Сможешь?

— Это магия орков. Я незнакома с ней, хотя природа ее, как говорят, одинакова с нашей.

— Значит, скорее — да?

— Я не знаю.

Мы подошли к телу орка. Пехотинцы и арбалетчики обступили его, разглядывали, пинали, громко хвастались друг другу. Арбалетчики вырезали застрявшие болты из его тела и громко возмущались.

— Лучше бы ты в дерево попал, Улле. Хрен достанешь! Нож не режет совсем!

— Нифига себе, у него шрамов! Ты посмотри!

— Шкура железная. Я три раза его рубанул, и только один раз сумел ее пробить. И то... вот нанесенная мною рана. Дюйм глубиной! А я ведь барана пополам разрубаю!

— Разойтись, — негромко сказал Клаус, и народ неохотно стал растекаться по своим делам, продолжая трещать о подробностях недавней схватки. Удачный бой всегда повышает настроение.

— Вот он. Отойдите, ребята, потом болты достанете. Тем более, вам топор понадобится, не эти ножички.

Арбалетчики тоже ушли — доставать свои болты из других трупов.

Крупный орк лежал на спине. Один болт торчал из глазницы чуть выше глаза, один из шеи, два вошли в спину.

Я потыкал в него концом меча. Да, реально, прочная кожа, хотя и непробиваемой ее не назвать.

— Надо изучить все это. Очень тщательно. Врага надо знать.

Аззи присела, осмотрела орка, особенно внимательно — разрез раны и старые шрамы, во множестве покрывавшие безволосую грудь.

Я сильнее ткнул в тело острием меча и пробил кожу.

— Не такая уж она и прочная!

— Это потому что он мертв. Живого ты бы так не проткнул. А вот мервого можно разрубить на куски, тоже труднее, чем обычное тело, но вполне по силам любому.

— Он еще жив, — откликнулась Аззи.

— Как жив?

— Не он сам, а его мясо. Оно еще зарастает.

— Так бывает?

— Конечно. Когда ты умрешь, у тебя борода будет расти еще два дня.

— Я не умру, буду вечно жить в твоём сердце! Мне, Аззи, интересны две вещи. Первая — чем он так накачался, что стал такой сильный и неуязвимый. Вторая — можешь ли ты сделать что-то подобное для людей?

Азалайса присела возле трупа, потыкала в бледно-зеленую кожу, подняла тяжеленную лапу орка. К моему удивлению, тело стало заметно мягче — действие шаманских снадобий, видимо, проходило.

Аззи пошарилась на поясе берсерка и достала несколько глиняных пузырьков. Открыла пробки, понюхала, скривилась.

— Так что? Ты сможешь получить такой же эликсир, каким отожрали этого бугая?

— Вы опять шутите над бедной крестьянской девушкой? — Аззи изумленно вскинула брови, продолжая копаться в ране, — тут лучшие шаманы зеленокожих старались поколениями, а вы хотите, чтобы я сделала все на коленке?

— Ну, тебе же не надо чего-то там выдумывать — просто раскрыть состав эликсира да и намешать его побольше! Пары бочек, я думаю, нам хватит!

— Отдай им лучше пару бочек вина, и получишь таких же зеленых и бесчувственных вояк! Ладно, я займусь этим, попозже. Отрубите ему голову и лапу и положите мне в повозку.

— Эй, малый, — я позвал солдата, охранявшего труп орка, — исполняй!

Тем временем, я увидел Хозицера и Руппенкоха, и поспешил к ним.

— Где вы были во время боя, Ханс? — спросил я последнего.

— Занимался своим делом, — хитро прищурился тот. — Сидел в своей повозке и дрожал от страха!

— Прекрасный выбор, Кхорн возьми! Хотел бы я сделать также! Только, Ханс, во время боя нам каждая пара рук на счету. Мы тут как в осажденной крепости, хоть и не стоим на месте, а передвигаемся. Надеюсь на ваше содействие в дальнейшем!

— Непременно. Но вот по поводу «передвижения» мы и хотели бы поговорить.

— Я слушаю!

— Куда вы планируете отправиться сейчас?

— Мы будем идти кромкой Проклятой земли, в поисках того, зачем нас направила Церковь. Маг будет осуществлять поиск, а мы все — ждать, когда у него получится.

— И долго ждать?

— Одному Свету ведомо!

— Мы бы предложили другой вариант. Мы следуем к предгорьям, там совершаем наши торговые дела, а потом уже вы занимаетесь этими вашими поисками!

— Простите, нет. Наш приоритет, — это выполнения задания диоцеза, а торговля, — по мере сил и возможностей.

Руппенкох нахмурился.

— Командер Андерклинг, оцените по достоинству нашу мысль, — взял слово

Хозицер. — Уйдя сейчас к предгорьям, мы обманем орков, запутав свои следы. Избавившись от груза, мы облегчим свои повозки и сможем идти быстрее и легче. Мы сможем держать щиты на телегах сколько угодно, а людям не придется нести груз на себе. Ведь вам придется идти по бездорожью, не так ли? Не лучше ли будет довести отягощающий нас груз по, хоть и скверной, но все-таки, дороге, а уже потом налегке бродить по лесам, исполняя ваше таинственное задание?

Хм. В общем-то, мысль здравая!

— Вероятно, вы правы, Рихтер. Давайте так и сделаем.

— Прекрасно! — они довольно переглянулись. — Я сразу понял, что вы очень разумный человек, Энно, сразу, как вас увидел. Давайте мы и мои люди встанем в авангарде, и проведем нас до цели.

— Как далеко нам еще идти? — спросил я его.

— Черные горы в ясный день уже видны на горизонте. Мы подойдем к месту нашего обычного лагеря примерно... как думаешь, Ханс? Дней через семь — восемь?

— Наверное, если только не будет незапланированных остановок.

— Хорошо. Мы двинемся в путь, как только все будут готовы.

Довольные компаньоны пошли к своим повозкам, а я в задумчивости смотрел на свои.

Щиты не выдерживают натиска орков. Зеленокожие могут подготовиться к следующей битве. Они уже будут знать, как мы воюем, и будут целенаправленно крушить наши заграждения. По крайней мере, я бы на их месте поступил бы именно так.

Деревянные щиты всегда обтягивают кожей. Даже сделанные из досок, они не могут выдержать больше, чем несколько сильных ударов. Кожа стягивает их, создавая что-то вроде примитивного композита. И она у меня есть.

Я подошел к повозке с кожами. Плотные бычьи шкуры, толстые и тяжелые, десять дюжин. На один щит уйдет, наверное, четыре такие. Останется пять дюжин на все про все. Это приличный убыток.

С другой стороны, мы можем просто не довести свои прибыли до места назначения. Прекрасный доход от продажи кож может достаться безмозглым орками. Вместе с моею головою.

Боже всемогущий. Ну что я тут делаю? Просчитываю, как остаться в живых, находясь среди земель зеленых человекообразных уродов. Неужели это то, что я заслуживаю?

Вот если бы был какой-то способ вернуться отсюда в свой, нормальный мир! Особенно если получится сделать это, захватив с собой пару сотен дублонов! Интересно, сколько бы стоили три килограмма золота в нашем мире? Наверное, я смог бы купить себе квартиру, и еще бы на нормальную тачку осталось бы. А может, еще и на оборудование для шиномонтажа или автомойки? Вот было бы классно!

Ладно, хватит мечтать, пора заняться делом. У нас в отряде есть маг. Он умеет создавать очень даже смертоносные шпuky. Стоит потолковать с ним, и, как знать, может быть, и он пригодится в бою!

Короткие поиски обнаружили господина Кнаппе возле затухающего походного костра. Маг в одиночестве сидел на какой-то коряге, которую, видно, притащили в качестве дров, да так и не сожгли. Он был уже навеселе, впрочем, как всегда.

— Литц, — я тронул его за плечо. — Ты в порядке?

От медленно обернулся.

— Не желаешь глотнуть, Энно? Он протянул мне фляжку.

— Пожалуй, да.

Прекрасный кларет немного приглушил воспоминания о том, как далеко мы зашли в Орквальд.

— Литц. Нам потребуется твоя помощь.

— Да? — безразлично откликнулся он.

— Эти орки... Они могут быть опасны. Люди Шумпера и Рейсснера могут не сдержать их. Ты же сможешь повторить такой фокус, как в таверне «Кабаний клык»?

— Не знаю!

— Как?

— Ну, видишь ли, все зависит от обстоятельств. Знаешь, откуда мы берем магию? Из ветров. Ветров магии. А это очень капризная штука, Энно. В день, когда мы устроили славный костерок из нескольких боровов и трупа смелого, но глупого рыцаря, я потратил трехмесячный запас своих сил. Сейчас я их почти восстановил, однако, командер, магия нужна мне не для того, чтобы поджаривать орков. Хоть я сделал бы это с удовольствием!

— Ты копишь силы для Проклятых земель?

— Именно! Ты, Кхорн возьми, угодил в самую точку! Так что пусть уж твои дуболомы постараются сделать свое дело как надо, а я сделаю свое.

— Мы сделаем.

— Ну да. Мы. Пойдем, повозки тронулись.

Мы пошли вслед тяжело груженым, надсадно скрипящим телегам.

Глава 33

Семь дней мы продирались сквозь лес, возглавляемые хауптфельдфебелем.

Но все однажды кончается, и на восьмой день мы достигли старого торгового лагеря, о котором говорил Рихтер.

Путь сюда оказался трудным. Дорога совсем заросла деревьями и невероятно колючей ежевикой. Много раз нам встречались узкие, но быстрые и холодные горные речки. Хотя они все были очень мелкие, преодолевались они все равно с большим трудом из-за каменистого дна.

Горная река делает тут петлеобразный изгиб, образуя высокий каменистый мыс. Каменистая площадка на нем с трех сторон защищена бурным ледяным потоком. Единственный проход сюда узок и перегорожен невысоким валом из камней разной формы и веса, на котором стоит заросший диким виноградом ветхий частокол.

— Как все заросло! — удивился герр Хозицер. — А ведь как будто вчера ушли отсюда! — Командер Энно, нам следует расчистить окрестности по меньшей мере на пятьдесят рютт, чтобы у арбалетчиков был обзор.

Я немедленно распорядился.

— Пехоте, как только разобьют лагерь, заняться вырубкой кустарников на двести шагов вокруг. Разбивайте лагерь, ставьте повозки, крепите щиты.

Фургоны с большим трудом протиснулись в лагерь по скверному, узкому проезду.

— Рихтер, — я отозвал Хозицера в сторону, — а как мы потащим в горы свой груз?

— Далеко нести не придется, — шепотом ответил тот. — Мы покажем им образцы товара и сообщим его количество. Они дадут золото, а мы просто оставим товар здесь и

уедем.

— И когда мы пойдём?

— Мы? — удивился он. — «Мы» никуда не пойдём. На встрече будем я и Ханс. Мы возьмём образцы товаров, и ваши тоже. Они все посмотрят, сообщат, готовы ли брать ваш товар, и, если да, вы оставите его в этом лагере, а золото они передадут через нас.

— Гм. Я думал, что сам проведу переговоры по поводу цен и остального.... А что, они ещё и могут не взять то, что мы привезли?

— Ну, такое редко бывает... Обычно, они все берут, и довольно щедры при этом.

— Я надеюсь на вас, Рихтер.

— О, не сомневайтесь, я давно имею с ними дело, и знаю, как с ними разговаривать.

К вечеру, когда южное солнце стремительно катилось за гору, Хозицер, Руппенкох и ещё несколько их людей стали собираться. Я дал им небольшой бочонок вина и кусок бычьей кожи как образец. Вскоре люди Хозицера, нагруженные какими-то бочонками, отправились вперед по узкой тропке, ведущей, как кажется, в никуда.

— Интересно, что у них в бочонках, — сказал я Клаусу, тоже наблюдавшему эту сцену.

— Рафинированный жир, — равнодушно сообщил он.

— Что? Жир?

— Да, свиное сало после алхимической перегонки. Его называют «глюттцерин».

— Гм. И что, они и раньше его возили?

— Да, последний раз, когда я с ними ходил, груз был именно таков.

— Почему-то они не рассказали мне об этом...

— Вы бы все равно не смогли это купить. Такое делается на заказ. Ходили слухи о каком-то алхимике.... Но я, в самом деле, ничего не знаю.

— А сколько раз ты ходил с ними в такие походы?

— Лишь однажды, — Клаус тяжело посмотрел вслед ушедшим людям Хозицера. — Мне обещали щедрую оплату. Более, чем щедрую. Но когда мы возвращались, нам встретились настоящие толпы орков. Они всегда атакуют на обратном пути.

— То есть, у нас тоже все ещё впереди?

— Не знаю. Скажу вам одно, командер, — по доброй воле я бы ни за что сюда не отправился.

— Вот как? Я думал, Хозицер вас убедил пойти с нами...

— Ну да, — Клаус жестко, саркастично усмехнулся одними губами. — Именно так все и было. Он меня... убедил.

Больше мне не удалось вытащить из него ни слова.

Всю ночь я был как на иголках. Ночной лес жил своей жизнью — то выли горные волки, то совсем рядом ухал филин, то раздавался совсем уж жуткий лающий смех.

Под утро на лагерь пришел густой горный туман. Часовые не сразу разглядели в нем наших спутников, возвращавшихся из леса.

— Как все прошло? — торопливо обратился я к советнику. Он выглядел очень уставшим — тяжело дыша, он опустил на оглоблю повозки и начал жадно пить воду из походного бурдюка. Под глазами его легли коричневые тени, как у человека, не спавшего всю ночь.

Хауптфельдфебель плеснул себе воды на ладони, обтер лицо и шею, и лишь потом неохотно ответил.

— Все как нельзя лучше. Ваши кожи мы продали очень успешно. Двенадцать унций золота — хорошая цена! Я торговался за них, как никогда в жизни, ей-свет!

— А вино?

— Увы. С вином, сударь, случилась неприятность. Оно, похоже, испортилось дорогой, и теперь его можно предложить разве что пещерным троллям!

Я почувствовал себя, как будто на нас снова нападали орки. Твою мать!

Бросившись к своим бочкам, выдавил затычку в одной, сразу ощутив кислый уксусный запах. Попробовал темную жидкость на вкус. Что за дрянь! А в другой бочке.... А в третьей.... Ааах, твою мать!

Полный провал. Катастрофа. Это можно только выкинуть. В лучшем случае — раздать бесплатно нищим. Интересно, тут есть нищие гномы?

— Не отчаивайтесь, мой друг, — седой гауптфельдфебель положил руку мне на плечо — вам, конечно, не повезло, но, что поделаешь — в торговых делах такое случается! Если бы я мог рассказать все случаи, когда оставался ни с чем, — пришлось бы рассказывать до следующей ночи!

— Как вы думаете, Рихтер, что теперь с этим делать? Мне приходит только одна мысль, но жалко портить чистейшие воды этой реки!

— Ну, порченное вино, — это все еще вино! Пока мы возвращаемся, как раз в город приедет уксус! Ха-ха-ха!

— Что-то мне не хочется тащить это назад. Ладно, надо подумать.

В расстройстве я побежал советоваться со всеми, кто попадался мне на пути. Первым оказался Клаус, чинивший обозную упряжь, сидя на большом камне.

— Все зависит от состояния напитка. В Теофилбурге кабатчики особенно не церемонятся. Мешают плохое вино с хорошим, добавляют грюйт или верджюс...

Что такое грюйт я знал. Это добавка из трав и меда, которым тут улучшают ячменный эль.

— А что такое верджюс?

— У нас на юге так называют сок незрелых фруктов, разбавленный водой.

Представив, какая получается кислятина, я сразу же отверг эту идею.

— А что еще?

— Кто-то умеет исправлять порченное вино смолой, кто-то воском. У нас в таверне мутное вино осветляли яичным белком. Но чаще всего — разбавляли верджюсом, а чтобы угодить при этом пьяницам, добавляли болиголов и белладонну.

— Белладонна? Но, это же, отравы?

— Да. И в нашем городе это, в общем-то, запрещено. Конечно, умирать — то никто вроде бы не умер, но головы она дурила знатно. Некоторые даже жаловались в ратушу. Но Толстый Вилле имеет свои дела с господином Руппенкохом, так что все кончалось ничем.

— Ха, а этот Руппенкох очень влиятелен в городе?

— Очень. Особенно последние годы. Говорят, он сильно разбогател с последнего похода в предгорья.

Сказав это, Клаус помрачнел и, поджав сухие губы, продолжил чинить упряжь.

Я же окликнул Азалайсу. Она как раз возвратилась от реки, вытирая на ходу лицо куском льняного полотна.

Услышав суть моего горя, она задумчиво нахмурила брови.

— Я девушка простая, деревенская. У нас в Торропе вина никто отродясь не пил. Одно могу сказать — если вам какая-то травка нужна, в вино бросить, вы мне только заранее скажите.

— Знаешь, собери-ка мне вересконики, розмарина, шафрана... что там еще кладут обычно в грюйт? И, знаешь... если случайно найдешь белладонну, или болиголов — тоже принеси. Может быть, куда-то пригодится.

Она лукаво улыбнулась одними краешками губ.

— Конечно, найду. Да вы сами ее найдете сколько угодно! Прямо здесь и вырастет! К завтрашнему утру все и будет готово.

Отлично.

Придя к Шумперу, я застал его вместе с сержантами. Еще с полдюжины его людей с арбалетами наготове переминались возле палатки.

— Мы хотим пойти на охоту. На скалах тут полно горных козлов. И подпускают они к себе на двадцать шагов! Набьем мяса на обратный путь!

— Это прекрасно. Только вот, сколько болтов вы потеряете при этом?

— О, не беспокойтесь. С такой дистанции не промахнулся бы даже Клаус! А я возьму самых метких людей.

Тем временем к нам подошли Хозицер и Руппенкох.

— Охота? Это доброе дело. Давайте и наши люди пойдут с вами. У нас есть пара арбалетчиков.

— Рихард, можно вас на пару слов?

Я отвел его в сторону.

— Я попробую исправить вино грюйтом. Сегодня соберем травы. Как вы думаете, можно ли будет продать его цвергам хотя бы за полцены?

— Пустое занятие, сударь. Их так не проведешь. Я даже пытаться не буду — если мы попробуем их надуть, они не будут иметь с нами дела в дальнейшем. А могут и разозлиться, да и убить на месте. Нет.

— Что же мне делать? Если я не продам вино, то не смогу рассчитаться с наемниками!

И не накоплю денег на то, чтобы исчезнуть из этого мира — подумал я про себя.

— Ну, вы можете рассчитаться с наемниками вином. Если они согласятся на такое пойло, конечно же. А, кроме того, — Хозицер хитро прищурился, и лицо его вдруг стало жестким, — вряд ли ваши люди вернутся отсюда *все*. Сумма к выдаче может сильно уменьшится в конце похода, командер Энно. Так что, — он похлопал меня по плечу, — не теряйте бодрости духа, она еще пригодится.

Да уж, — подумалось мне. Финансы просто трещат по швам. Торговец из меня, прямо скажем, так себе.

Так или иначе, Аззи сделала свое дело, притащив к обеду пучки разных трав. Вскоре она сварила из них отвар, который мы через пробки залили в каждую бочку.

— Теперь надо подождать, когда все перемешается, и можно пробовать.

— Молодец, Аззи!

— Не обольщайтесь, сударь, это мало поможет!

— Ну, попробуем. Аззи, а ты не разобралась со снадобьями того орка-берсеркера?

Она нахмурилась.

— Почти. Почти все понятно. Но некоторые ингредиенты я не смогла определить. А главное — непонятен рецепт их варки. Когда класть очиток, когда — мандрагору, в одном котле варить или в разных... Может быть тьма сочетаний. Ну и магия, которая там использовалась, тоже неведома. Там идут какие-то оркские заклинания, я их не знаю.

— А эта штука вообще годится для людей?

— Скорее, да.

Аззи сняла с пояса одну из орочьих склянок, посмотрела сквозь нее на свет.

— Но могут быть и последствия, которые мне непонятны. Орки не очень похожи на людей. Пока не попробуешь, не поймешь, действует это или нет.

— Так надо на ком-то попробовать?

— Ну да. На ком-то тебе ненужном.

К вечеру на углях бодро шипело свежее мясо. Солдаты слонялись по лагерю, от костра к костру, оживленные перед обратной дорогой. От моего вина, даже сдобренного грюйтом, отказались почти все, кроме нескольких закоренелых пьяниц. В итоге две бочки я просто бросил в лагере, а третью пришлось погрузить обратно на телегу, рассчитывая, что уксус в походе тоже может пригодиться. С этим грузом, а заодно — с тяжелыми мыслями о текущем финансовом положении, я скомандовал отправляться в обратный путь.

Глава 34

Итак, на следующий день мы снялись из старого лагеря торговцев и пошли к границам Проклятых земель. Литц сказал, что первые двадцать лиг можно будет пройти обратным путем, а потом придется отклониться на восток. Проклятая бочка булькала в фургоне позади меня.

Пройдя три дня по нашей прежней колее, на четвертый день с утра мы свернули в чащу. Скорость продвижения сразу упала. Идти с телегами по холмистой, заросшей кустарником местности оказалось очень тяжело. Все были крайне недовольны Литцем, указывавшим всем направление. Но маг, как будто на свое волне, не слушая недовольных, прокладывал путь через всякие неудобницы, глядя исключительно лишь на показания амулета-поисковика. Я же, не пытаясь повлиять на выбор дороги, заставлял солдат и возниц идти за ним.

В этих мучениях прошло два дня. На третий Хозицер сообщил мне, что собирается встать лагерем и ждать нас на месте.

— В конце концов, Энно, зачем мы вам там? Идите по своим делам, мы вас подождем!

— Но, Рихард, нам опасно разделяться! Орки могут напасть в любой момент, вы и сами знаете....

— Поверьте, вблизи Проклятых земель вы их не встретите. А у меня люди скоро взбунтуются — у вас четыре телеги на сотню солдат, а у нас их десять, и мои двадцать пять человек должны тащить их по этим буеракам!

И дальше мы пошли без Хозицера и его людей.

Еще два дня мы продвигались по дикой местности. Заросли сменились полями с перелесками. Ручьи и реки стали более спокойными и удобными для перехода.

— Мы уже близко, — сообщил мне Литц с утра третьего дня, когда мы преодолели очередной, заваленный корягами ручеек.

— Ты видишь артефакт?

Тот фыркнул.

— Как я его увижу, невежда? Амулет показывает, что мы приближаемся к нему. Я бы сказал, что сейчас до него примерно шестнадцать — двадцать лиг. Может быть, двадцать две лиги, не более.

— А граница проклятых мест? Ты ее видишь?

— Да. Около восьми лиг.

— Мы подойдем вплотную. Я всегда так делал. А то нас могут перехватить и прирезать какие-нибудь случайные...

— Орки!!! — вдруг заорал у меня под ухом сержант Рейсснера.

— Что? Откуда?

— Да вон, выходят из леса!

Я вскочил на повозку и оглянулся в нужную сторону.

Вдалеке я увидел нашего разведчика, скакавшего к нам во весь опор. За ним бежали несколько широкоплечих, сгорбленных фигур. Несомненно, это были они.

Разведчик подкакал к нам, бледный как известковые камни. На лице его была свежая кровь.

— Они!!! Там!!! Олафа сбили топором!!!

— Что?

— Олафа сбили! С лошади! Мы ехали, и тут они из кустов! Топоры кидают! Мне камнем из пращи попали! В Олафа топором!

Проклятье!

— Литц! Слушай! Ты ведь можешь посмотреть своими магическими штуками, много ли там этих орков?

— Могу, — маг недобро вглядывался в приближающихся зеленокожих. — Только это потребует сил, которые очень мне понадобятся в Проклятых землях!

— И много сил для этого?

— Не так уж, — маг поднял руку, перебирая пальцами. На ладони его вдруг вспыхнул сгусток оранжевого пламени. — Но может оказаться так, что именно этих сил и не хватит, там, впереди....

Раздались щелчки спускаемых арбалетов. Впереди бегущий орк упал, пробитый двумя или тремя болтами. Остальные, остановившись, сначала тупо смотрели на упавшего, затем — побежали обратно.

Литц, облегченно выдохнув, сложил ладонь в кулак, и пламя исчезло в нем.

— Так что, командер, посмотреть, конечно, можно, только магия — не то средство, которое стоит растрачивать по пустякам. Вот если бы мне выдали хорошие накопительные амулеты.... Но их нет. Поэтому, пошли туда своих разведчиков, пусть просто посмотрят и, если смогут, сосчитают по головам!

— Отличный совет, Кхорн побери! Всегда буду к тебе обращаться в затруднительных случаях.

— О, не стоит, — ответил Литц тоном, из которого ясно следовало, что ответил он «не стоит благодарности», а не «не стоит обращаться».

Я подозвал Шумпера и Майнфельда.

— Отправьте по два своих человека на конях разведать местность слева и справа от нашего пути. Надо выяснить, что здесь происходит.

Вскоре несколько лошадей выпрягли из повозок, и солдаты верхом отправились на разведку. Новости оказались неутешительными.

— Там целая деревня орков, голов триста, наверное! И, судя по всему, они про нас знают, и они собираются нападать!

Я смотрел на ротмистров и не знал, что сказать. Это конец. Даже с вагенбургом из повозок и людьми из Теофилбурга нам бы пришлось тяжело, учитывая крайне ограниченный запас арбалетных болтов. А так — это конец. Нас сомнут и разорвут на части!

— Готовьтесь к бою! Арбалетчики — встаньте на повозки, пехотинцы — прикрывайте их!

— Черта с два, — отозвался угрюмый Рейсснер. — Мы не собираемся умирать здесь. Давайте отступим к людям Хозицера. Вместе, и в уповании к Свету всеблагому мы, может быть, выстоим!

— А если нас атакуют на марше?

— Хуже уже не будет. Майнфельд, командуй марш! Мы идем назад.

Вот сукин сын!

— Герр Рейсснер, вы забываетесь. Командую тут я.

— Так командуй отход, Кхорн тебя побери, пока эти отродья Горбада не выпустили нам

кишки!

— Коммандер! Коммандер! — раздался вдруг испуганный чирикающий голос. Я обернулся.

Запыхавшийся Птах махал руками, как ветряная мельница, указывая на наш тыл.

— Там идет кто-то, Коммандер!

— Орки?

— Непонятно. Повозки вроде.

Я залез на щит одной из повозок и вгляделся вдаль.

К нам шли люди Хозицера.

— Николас, — я постарался спокойно обратиться к Рейсснеру — ваша мечта сбылась. Теофилбадцы сами к нам идут.

— Чтооо!!!

Рейсснер немедленно взлетел туда же, где секунды назад был я.

— Кхорнова задница!!! Яйца Архаона!!!.....!!!.....!!!!!!!.....!!!!!!

Похоже Рейсснер, хоть и туп как бревно, подумал о том же, о чем и я. Хозицер и Руппенкох идут к нам, не потому, что соскучились. Это означает, что у них там все плохо. И это, мать твою, *плохо!*

Повозки, запряженные взмысленными лошадьми, издавая дикий скрип, наконец, доехали до нас. На облучке передней телеги, рядом с возницей, сидел Руппенкох с перекошенной физиономией. Теперь он напоминал мне барсука, загнанного борзыми. Рихтер Хозицер подъехал к нам на своем прекрасном сером коне. Хауптфельдфебель старался держаться спокойно, но то, как яростно грыз он свой седой длинный ус, выдавало сильнейшее волнение.

— Не ожидал вас тут встретить, господа! Решили присоединиться к веселью? — приветствовал их я, приподнимая над головой шляпу, доставшуюся от Стусса.

— Не хочется вас огорчать, Энно, да только причина нашего появления немного иная, — ответил Рихтер, принимая мой ироничный тон. — Пока мы отдыхали и откармливали коней, появились крайне неприятные зеленокожие господа в совершенно неприемлемом количестве. Мы, как вежливые люди, сочли за благо удалиться, а они почему-то увязались за нами....

— Рихтер, у нас тут тоже орки, целый клан! Но я все равно рад вас видеть. Будем отбиваться вместе!

Хозицер на несколько секунд застыл, осознавая произошедшее, затем устало снял свой прекрасный, прочный шлем, достал из него платок и устало вытер мокрое от пота лицо и шею.

— Вот как.... Ну что же, придется положиться на милость Света. Пока еще он нас не оставлял, правда, Ханс?

— Есть ли у вас вода?

— Совсем нет.

— Нам нужно проехать туда, где рядом есть вода. Возможно, бой продлится не один день!

— Да вы оптимист, Кхорн возьми! — пробурчал Руппенкох и скрылся внутри своей повозки.

— Пока есть время, давайте отойдем к ручью! Ротмистры, марш!

Через четверть часа мы стояли на крутом берегу недавно пройденного ручья.

— Готовьте оборону! Ставьте повозки в круг! — крикнул я усталым возницам. — Выпрягайте лошадей! Пехота — крепите щиты на борта! Рубите колья!

Н этот раз мы вкопали колеса телег в землю, и прикрыли их щитами, чтобы орки не могли опрокинуть повозки или разрубить колеса. Тяжелый страх давил на всех нас — ведь было понятно, что враг далеко превосходит нас числом, и непонятно, что с этим делать.

Орки появились внезапно. Еще секунду назад их не было, и вот весь берег ручья с другой стороны усыпан ими. Я успел лишь взять щит и свой старый тесак, когда отряды швейнрайтеров бросились в воду и с шумом и брызгами поскакали на нас.

— Стреляй! — заорал Линдхорст своим арбалетчикам. Передние орки стали падать со своих кабанов прямо в воду. Но их было много. Очень много!

Тррах! В щит на фургоне ударил первый топор. Тррах! Тррах!!! Удары слились в непрерывный оглушительный треск.

— Аах!! Рядом со мною с повозки упал арбалетчик, держась за горло. Его ткнули копьем. Кровь толчками хлестала из-под его пальцев.

— Аззи! Помоги ему... — прохрипел я, чувствуя подступающую к горлу тошноту. Нет, бесполезно!

— Коли! Коли! Свет!!! Свет!!! — орал Рейсснер, перекрывая грохот оркских тесаков. От щитов и бортов летели щепки. В щитах, обтянутых толстой и дорогущей бычьей кожей, появились первые дыры, и в них мелькали то оскаленные морды, то тесаки, то когтистые лапы злобно ревуших тварей.

— Свет! Свет! Свет! — кричали солдаты, вонзая копья в грязно-зеленую плоть.

— Ааа! Лезет! Лезет! Режь его!

Один из орков смог протиснуться под днищем телеги, и выскочил внутри нашего вагенбурга, выхватывая тесак из зубастой пасти.

А пехота вся занята на возах! Ну почему я не успел надеть свой доспех...

Выхватываю меч Стуса. Сердце бешено бьется, отдавая в висках, глаза застилает какая-то коричневая марь. Я один на один с этой зверюгой. Мне конец, точно!

Хррясь! Тесак орка со звоном отлетает от окованного железом края моего щита. Он с силой пихает меня лапами в щит, так что я отлетел на несколько шагов назад, а затем снова бросается ко мне.

Время как будто уплотнилось, сквозь коричневую мглу я вижу все очень подробно и, будто бы, замедленно. Вот сейчас он рубанет меня сверху вниз и разрубит ко всем чертям!

Баммс! Эх, хороший щит был у Эйхе! Выдержал! Удар пришелся на железный умбон, который вдавило внутрь, ну, да и черт с ним, мне бы не сдохнуть прямо сейчас, а я близок к этому, как никогда. Вспоминай! Вспоминай, как там тебя учил Эйхе...

Хррясь! Отразив очередной удар, провожу контратаку. Мой клинок скользит вдоль тесака орка и врубается в его когтистую лапу. Я чувствую, что попал, через сталь оружия ощущаю треск кости. Его грубое оружие падает наземь.

Орк рычит, показывая желтые, все в кровавой слюне, клыки. Он бросается на меня, пытаюсь схватить за горло. Изю всех сил бью его щитом, но это, как лупить кулаком в стену. Он повалил меня, вцепившись мертвой хваткой. Немыслимая, мертвящая тяжесть сковала мне грудь. Коричневая марь становится все гуще, застилая все вокруг...

Тррах!!! Внезапно враг отпускает. Мне в лицо летят теплые брызги. Пытаюсь подняться, утыкаюсь взглядом в сапоги Хозицера.

Командир теофилбуржцев стоит надо мною, покачивая своим тяжеленным полэксом. С его оружия крупными каплями стекает густая темно-зеленая кровь.

— Вы увлеклись единоборством, сударь, нам вас не хватает! — прокричал он, перекрывая крики и грохот боя. — Вам сейчас надобно командовать людьми, а не размахивать тут железяками!

— Спасибо, Рихтер, я у вас в долгу! — прокричал я в ответ. И, уже тише, — как считаете, все безнадежно?

— Они сломаются. Мы уже многих убили. Сейчас они сломаются! Я не раз видел такое поверьте!

Действительно, снаружи раздался вой и испуганные крики. Не выдержав потерь и ран, орки побежали.

Я поднялся. Только сейчас я ощутил, как тяжело дышу, как бешено бьется сердце. Какой это дикий ужас — бой накоротке! Все бы отдал, чтобы больше никогда не сталкиваться с подобным! Любые деньги. Я заплатил бы любые деньги, лишь бы вернуться в свой мир. Или, на худой конец, в любой другой, лишь бы не оставаться здесь, с этими зелеными гориллами.

Ко мне подошел Клаус. На его лице было что-то такое, отчего у меня упало сердце.

— Коммандер! Там второй отряд орков. Они готовятся нападать!

Глава 35

Вдоль берега я увидел снующие туда-сюда отряды орочьей пехоты. Они собирались для атаки, сбиваясь под раздвоенные бунчуки черного цвета.

— Что это? — спросил я у Клауса. — Разве они должны быть здесь?

— Похоже, мы попали между молотом и наковальней. Узнав о нашем присутствии, местные орки пригласили на помощь дружественные кланы. И вот они сошлись. Нас только что атаковало одно племя, а сейчас нападет другое.

Да твою мать! Видимо, это те, кого притащил к нам на хвосте наш разлюбезный герр Хозицер!

— Шумпер!

Поискав взглядом ротмистра арбалетчиков и не найдя его, я спросил у Линдхорста.

— Сколько осталось болтов?

Тот бросил взгляд на колчаны своих солдат.

— Три-четыре выстрела!

Это прозвучало как приговор.

Мы не сможем отбиться. Слишком мало выстрелов для арбалетов. И даже нет времени, чтобы собрать болты, застрявшие в телах убитых. А пехота одна не справится.

Я устало опустил на оглоблю повозки. Солдаты смотрели на меня, и понимали, что шансов нет. Мы еле выдерживаем их натиск, арбалетчики работают вовсю, расстреливая тварей. Без их поддержки пехота не выдержит.

Коммандер не должен вести себя так, мелькнуло у меня в голове. Нужно до последнего источать оптимизм, чтобы подчиненные не впали в уныние и раньше времени не сдались. Но, черт возьми. Это уже слишком.

Подошел Хозицер. Руппенкох выглянул из повозки. Аззи перевязала раненного Майнфельда, и они оба смотрели теперь на меня. А мне надо было за пять минут на коленке

придумать как нам выкрутиться на этот раз, и ничего не шло в голову. Ничегошеньки.

— Как понимаю, выстрелов у нас нет? — спросил хауптфельдфебель, ни к кому особенно не обращаясь. Все понимали, что это риторический вопрос, а ответ на него будет всем нам стоить жизнью.

— И где ротмистр?

Шумпера нигде не было.

— А где ваш уважаемый магистр света и пламени? — спросил вдруг Хозицер.

— Да, где? — подхватил Рейсснер. — Может быть, он наконец-то оторвется от бутылки и что-нибудь сделает?

— Маг в повозке. Он слишком много сил потратил на... в общем, сейчас от него мало толку. Он слишком слаб сейчас.

— Ха. А по его виду и не скажешь, что он что-то там тратил, кроме кларета! — преувеличенно ехидно сообщил Рихтер, и зачем-то полез в повозку Руппенкоха.

— Линдхорст, — я обратился к лейтенанту Шумпера. — Ротмистра нигде нет, и получатся, что вы за главного. Организуйте людей. Нет стрел — возьмите камни. Соберите все холодное оружие, что есть. У нас еще есть шансы. А даже если и нет — давай подороже продадим свои жизни!

Тот мрачно кивнул.

— Рейсснер!

Грузный ротмистр пехоты смотрел на меня с мрачным вызовом.

— Ваши люди действуют прекрасно. Сейчас вся надежда на вас. Арбалетчики не смогут стрелять также много, как прежде. Отдайте им излишки оружия, если они у вас есть. В остальном придется положиться на милость Света. Может быть, у нас и получится.

Рейсснер сжал губы. Обычно многословный, в этот раз он ничего не ответил мне и отвернулся. Вскоре он уже погонял своих людей.

— Крепи щиты, ребята! Заткни, нахрен, эту дыру, чтоб тебя *****!!! Вон под ту телегу побольше земли! Где наши топоры?

Орки тем временем собрались под черными бунчуками и развернулись для атаки. Как же их много...

— Линдхорст! Стреляйте только в упор!

Кивнув с видом «сам знаю», фельдфебель обернулся на врага, напряженно вглядываясь в бегущих на нас клюгеркерлов. Когда он поднял руку в воздух, чтобы жестом отдать приказ арбалетчикам, было видно, что рука его дрожит.

Вдруг кто-то тронул меня за плечо.

Литц стоял рядом со мною. Его глаза показались мне совсем черными, как будто в них не было белков.

— Прикажи людям слезть с повозок и лечь на землю, — спокойно сказал он мне совершенно чужим голосом.

— Нас атакуют, Литц! Как я....

В небе вдруг потемнело. Я поднял глаза вверх и остолбенел.

Гигантский огненный метеор крутился прямо над нашими головами. Небо заволкло ключьями угольно-черного дыма, среди который вращался бордово — оранжевый шар,

— Всем ложись!!! — заорал я со всех сил. — Под телеги, ребята! Ложись! Прямо сейчас!

Шар стал оранжевым, а затем белым. Вращаясь все быстрее, он сорвался с неба и

устремился вниз, разбрасывая искры. Раздался дикий гул, как будто сотня бомбардировщиков пикировала на цель.

— Ааа!!!

Солдаты бросились кто куда.

БББоомм!!!!

Шар рухнул на землю в сотне метров от нас, среди наступающих орков. Я не поверил глазам — земля пошла волной, как будто это была вода. Меня подбросило на метр вверх. Раздался треск ломающегося дерева. Над головой полетел какой-то мусор, оружие, части тел. Затем все заволочло пылью. На время все пропало из виду, лишь слышалось дикое ржание лошадей, кашель солдат и чей-то надсадный, протяжный крик.

Лишь сейчас я понял, что меня отбросило на несколько шагов, и я сижу на земле, упираясь спиной в повозку. Поднявшись, заметил, что у меня откуда-то течет кровь. Солдаты вокруг представляли собой жалкое зрелище — кто убежал в поле, кто залез в воды ручья, кто-то на коленях истово молился Свету. Лошади дико бились в путах, одна из них лежала на боку и не могла встать.

Оказалось, кровь идет из уха. То же я заметил у многих солдат и даже у лошадей.

Пошатываясь, я пошел по лагерю чтобы осмотреть повреждения. Их было много.

Одна из телег перевернулась, несмотря на вкопанные колеса — оси просто вырвало из креплений. Кузов придавил одного из арбалетчиков — он-то и орал во все горло. Щиты с телег как ветром сдуло — выломав борта повозок, они улетели в ручей. Тело одного из орков зашвырнуло прямо на повозку Руппенкоха, и они вместе с Хозицером, чертыхаясь, стаскивали его вниз. Тент с их повозки сорвало, и внутри я увидел тот самый сундучок, что они принесли от цвергов. Крышка его была открыта, но что внутри, я рассмотреть не успел — с надсадным усилием Руппенкох захлопнул ее, тревожно озираясь по сторонам.

Маг света стоял среди этого хаоса невредимый. Он оглядывался вокруг медленно, как будто удивленно.

— Кхорн тебя раздери, нурглово отродье! — заорал на него Хозицер. — Ты не мог ударить подальше?

Резонный вопрос, Рихтер. Особенно учитывая, что маг был «пустой» после поисков артефакта.

Я оглянулся на поле. Там горела сухая трава, застилая все сизым дымом. Трупы орков лежали тут и там, кое-где взрывом их смело в настоящие копны. Одежда на них дымилась или горела. Оставшиеся в живых, побросав бунчуки, бежали без оглядки.

Постепенно порядок восстанавливался. Солдаты ловили лошадей, поправляли поваленные телеги, добивали в поле оглушенных орков. Арбалетчики обступили Литца, в восторге расспрашивая его; маг, кажется, сам еще не пришел в себя и держался без обычной бравады.

Я подозвал Майнфельда.

— Отправьте разведчиков, посмотреть, что делают орки. Если будет новая атака, нам не сдобровать!

— Литц! Мэтр Литциниус! Давайте отойдем. Нам надо переговорить!

Мы с магом отошли к ручью, спотыкаясь о трупы орков, набитых при первой атаке.

— Что это было, Литц?

— Это «Метеор». Огненное заклинание. Я ведь говорил!

— Ты еще говорил, что его невозможно выполнить!

— Да. Невозможно.

— Если это была иллюзия, то, Кхорн возьми, очень реалистичная! У людей аж кровь из ушей сочится!

— Это правда.

Литц выглядел так, будто только что сбылась его самая заветная мечта. У него тряслись руки, казалось, он сейчас заплачет.

— Метеор выполнить невозможно, Энно. Нужно или искусство высочайшего класса, или такие объемы магии, что их за всю жизнь не накопишь. Но я... Я вдруг почувствовал, что могу.

— Вдруг? Вот так вот, ни с того ни с сего?

— Да. Ничего не предвещало. Я думал, что нам конец. Все что я смог бы — это один-два фэйерболо. Я же студент-недоучка, Энно. Но тут я почувствовал невероятный прилив сил. Никогда со мною не было ничего подобного! Как будто небеса разверзлись, и на меня обрушился столб лучезарного света.... Как добрая весть после многолетнего ожидания! Как благословение матери! Энно...

И маг обнял меня и зарыдал, сотрясаясь всем телом.

Я тупо стоял, косясь на наш лагерь. Но люди были заняты своими делами, и, кажется, не обращали на нас внимания.

Маг, вроде бы, начал успокаиваться.

— Литц! Слушай, Литц, а ты сможешь сделать также? Или это один раз?

Тот покачал головой, пряча глаза.

— Все кончилось. Я уже не чувствую этой благодати.

— Так. А силы на вход в Гнилые земли у тебя остались?

Он молча кивнул.

— Хорошо. Нам надо будет выяснить, что там с войсками орков, а потом дойти до границ Проклятой земли. Там мы встанем лагерем, и у нас будет время найти артефакт.

В лагере нас встретил Хозицер.

— О, господин маг. Простите великодушно, я тут на вас накричал при всех. Не думал, что вы способны на такие эскапады, ей-свет. Я был немного расстроен — в этой суматохе куда-то пропал мой конь. Отличный жеребец, пятилетка в расцвете сил, доброй талабекской породы. Кстати, вы его не видели, Энно?

Я покачал головой.

Печальный Хозицер снова обратился к Литцу.

— Сударь, сегодня вы спасли нас. Несомненно, вы выдающийся маг, магистр света и пламени. Я забираю обратно все слова по вашему адресу, противоречащие этому факту. Еще раз прошу меня простить.

Хозицер поклонился магу, который, чуть замешкавшись, ответил таким же поклоном, вежливым и неискренним.

Разведчики Линдхорста вернулись через пару часов.

— Орки бежали из всех окрестных земель, — сообщили они. — Даже бросили свою деревню в лиге отсюда.

— Это точно?

— Ну, в само стойбище мы не заходили, посмотрели издали. Но снаружи их лачуг никого нет.

— Надо проверить. Они могут прятаться внутри своих хибар!

— Но, если мы зайдем туда, а они выскочат из жилищ и нападут, то получится, что их засада удалась! — с обычным косноязычием сообщил Рейсснер.

— Так давайте подожжем их хаты, а потом уже и зайдем!

Рейсснер замялся. Было понятно, о чем он думает. Стойбище можно разграбить — даже орки знают цену золота, а если они бежали в панике, то не успели его зарыть в тайники. Просто приходи и бери!

Но если мы подожжем их хижины, то многое просто сгорит. Золото понятно, нет, разве что расплавится, но могут быть еще и ткани, кожи, да мало ли что!

— Давайте по обстановке. Собирайте людей, сделайте факелы, а там посмотрим. Я хочу сделать это до заката. Вдруг орки опомнятся и вернуться?

Через полчаса все было готово для ответного визита, и мы выступили к стойбищу орков.

Глава 36

Победа над грозным врагом, далеко превосходящим нас силами, очень порадовала людей. Все оживленно переговаривались, предвкушая добычу, и спрашивали Клауса, что и где можно найти в жилищах зеленокожих.

Я взял с собой Азалайсу.

— Посмотришь все там, может быть, найдешь что-то, относящееся к их магии и зельеварению!

Аззи отнеслась к идее скептически.

— Ну, найдем мы там котел с травой, и что с того?

— Аззи, ну ты же у меня умница. Ты все поймешь с одного взгляда! Да и лишний котел тебе не помешает, правда же?

Пройдя лигу, как положено, за час, мы увидели вдали стойбище орков. Поселение окружали несколько полей, на которых буйно зеленели бобы, турнепс и репа.

— Сами они это не едят. Свиньям скармливают, — сообщил Клаус.

Разведчики проскакали на лошадях к стойбищу. Подожгли несколько круглых тростниковых хижин. Никто из них не появился, и мы, убедившись в отсутствии засады, двинулись внутрь деревни.

С интересом рассматривал я немудреные подробности их быта. Круглые хибары из тростника и свиных шкур, внутри — кошмы и топчаны, какие-то рундуки и корзины с барахлом. Очаги для приготовления пищи стоят на улице. Множество свинарников и овчарен, характерный запах свиного навоза висит в воздухе густой пеленой.

На некоем подобии площади нас ждал сюрприз.

Посреди деревни стоял высокий, в два человеческих роста, идол Морка — это их, оркский, бог, а напротив него, на огромном деревянном колу торчало человеческое тело, обнаженное и ободранное. Рядом, на таком же точно колу была насажена голова серого коня.

Солдаты столпились вокруг, рассматривая труп. В жеребце все сразу признали прекрасного коня Хозицера. А вот человек был так изуродован, что его скорее угадали, чем узнали, да и то, далеко не сразу.

— Неужели это Шумпер?

— Да нет, не похож!

— Да как тут поймешь, на кого он был похож. Говорю, Шумпер!

— Фельдфебель Линдхорст, посмотрите-ка сюда! Узнаете?

Курт взглянул, куда показывали ему солдаты, и разразился ругательствами. Я не сразу понял, в чем дело.

— Это наш сундук. Наш, ротный, — мрачно сообщил мне один из арбалетчиков.

Так-так.

Все вокруг, и особенно, арбалетчики, матерились так, что дым стоял коромыслом. И постепенно я понял, что произошло.

Незадолго до начала боя Шумпер, понимая, что шансов у нас нет, решил сбежать. Наверное, он рассчитывал проскочить между орками на быстром жеребце Хозицера. Украв

ротную казну, он приторочил сундук на спину жеребца, и потихоньку рванул из лагеря, но все-таки попался оркам. Почему и как его схватили, для нас, конечно, останется неизвестным. Возможно, жеребец хауптфельфебеля был утомлен предыдущим переходом, а может, из-за тяжелого неудобного сундука он не мог быстро скакать, или сам Отто направил его прямо в засаду орков — этого уже не узнать. Сам Хозицер заявил что его жеребец, как благородное животное, несомненно, сам сбросил подлого дезертира с седла.

Так или иначе, и ротмистр, и конь оказались в лапах орков, с самыми плачевными для себя последствиями.

Но солдаты ругались не из-за этого.

Орки выпотрошили не только Шумпера, но и ротный сундук арбалетчиков. А это значит, что серебро роты теперь разошлось по поясам и кубышкам орков и смешалось с их собственным. Теперь это общий трофей, который придется делить с пехотинцами!

Все новые и новые горсти монет падали на расстеленный на земле плащ. Тут были самые разные монеты, но понять, какие тут из сундука арбалетчиков, было решительно невозможно.

— Какие монеты вы давали Шумперу при выплате жалования? — спросил меня красный от гнева Линдхорст.

— Право, я не помню, Курт. Я сам получил разную монету, и ландрские гротены, и крейцеры, и мариенгроши... Что было тогда у меня, то они мне и дали!

Обстановка накалялась. Солдаты уже стали хвататься за оружие. Арбалетчики хотели, чтобы из добычи была выделена сумма, которая находилась в их сундуке, на что пехотинцы резонно им отвечали, что никому неизвестно, сколько у арбалетчиков было там денег, и что арбалетчики, мол, сами виноваты — нужно правильно выбирать себе ротмистра, чтобы не попадать в такие переплеты. Я же не знал что предпринять. И те и другие, по-своему, правы!

— Стойте, стойте! Решим это в лагере. Пока все серебро и золото — на плащ!

Но они не унимались.

Если сейчас они передерутся из-за добычи, нам конец. И этот исход становился все более реальным с каждой секундой. Кто-то из пехотинцев уже схватил за грудки сержанта арбалетчиков, вот уже и оружие обнажено....

— Орки!

— Что! Где орки?!

— Вот, тут орки!

Все обернулись. Распря на время была забыта. Арбалетчики спешно взводили свое оружие, пехотинцы надевали щиты и шлемы.

Оказалось, обозные, продолжавшие шнырять по стойбищу, в одной из хижин откопали старуху — орчиху. Больше орков не было. Но это хотя бы отвлекло солдат от усобицы.

— Отлично! Давайте-ка посадим ее на кол рядом с Шумпером! Будет сладкая парочка!

Старуха орчиха только рычала и скалила гнилые клыки. Похоже, она была слепа, и не смогла сбежать с остальными. Кожа ее, усеянная татуировками и шрамами, выдавала долгую и нелегкую жизнь, которой, судя по всему, сейчас придет страшный конец.

— А она шаманка, — сообщил Клаус. — Судя по татуировкам и вот тем кольцам!

В ушах у старухи было несколько колец, которые солдаты сейчас со смехом вырывали.

— Эй, малый! — крикнул я. — Дай-ка сюда это кольцо! Давай-давай, не бойся, посмотрю и кину в общую кучу!

Клаус внимательно осмотрел снятые со старухи украшения. Потом подошел к ней и что-

то прокричал по-орчиному. Та злобно прорычала что-то в ответ.

— Так, ребята, стой. Нам с этой старой крысой надо потолковать!

Мы с Азалайсой подошли ближе.

— Слушай, Аззи. Вот эта бабка явно варила для орков разное снадобье. Давай ты с ней потолкуешь, может быть, узнаешь что-то интересное!

— Ха. Так она и будет говорить!

— Думаю, будет. Если жить захочет...

Мы затащили старуху в вонючую круглую хижину и начали допрос. Но, как и предполагала Аззи, старая орчиха категорически отказывалась говорить. Я показал ей нож — бесполезно. Точно, слепая. Зашел сзади и, задыхаясь от вони, поднес нож ей к горлу — тоже без толку. Ткнул ее острием под ребро — орчиха хрюкнула, но говорить не стала.

— Что можно сделать тут, Клаус?

— Что сделать, вы спрашиваете? Ответ очевиден! Прирезать ее, да и вся недолга!

— С удовольствием, но нам нужно ее допросить.

— Тогда просто напоите ее в свинью. Орки очень нестойки на алкоголь. А как напьются — становятся совсем дурные!

— Это можно. Клаус, собери-ка вино из солдатских фляжек! Скажи, я приказал.

Вскоре он вернулся.

— У солдат почти ничего нет, вылакали еще с утра, пока сюда шли.

— Тогда спроси у мага, у него всегда есть.

Через минуту ко мне прибежал недовольный Литц.

— С ума сошел, Энно? Поить моим кларетом эту сволочь? Дайте ей солдатского пойла!

— Солдатское кончилось две битвы назад. Разве тебе не жаловались твои собутыльники?

Литц фыркнул.

— Я пью исключительно с господами рыцарями. У Рейсснера еще оставалась фляжка!

— Давай свое и возьми у Рейсснера. Нам понадобится много выпивки.

Но собрать достаточно вина не удалось — его просто не было. Носимые фляжки у всех были полупусты, а тащиться в лагерь не хотелось.

— Давайте что есть, — вдруг сказала мне Аззи, странно улыбаясь.

Мы слили вино в один кувшин.

Аззи достала из-за пазухи небольшую подозрительного вида склянку и плеснула в кувшин.

— Белладонна, — подмигнув, одними губами шепнула она мне.

— Влейте это в нее! Только аккуратно. Не проливать! Больше у нас вина нет.

Пара солдат с удовольствием схватила орчиху за горло. Ей запрокинули голову, разжали ножом гнилые зубы и влили отравленное вино внутрь.

— Теперь подождем, — сказала Аззи, рассматривая старуху, как лягушку для препарирования.

Несколько минут ничего не происходило. Затем старуха начала что-то тихонько напевать, качая головой. Она на глазах становилась все более и более пьяненькой. Морщинистая морда улыбалась, все происходящее вокруг ей уже нравилось...

— Она готова, командер. Пьяна в стельку!

— Отлично! Аззи, спрашивай. Клаус, переводи нам!

Азалайса задавала вопросы, то и дело трясая перед глазами старухи то пучками разной

сушеной травы, найденными в хижине, но разными банками и пузырьками. Та заплетающимся языком что-то отвечала. Клаус с трудом все это переводил — видимо, было много специфичных слов, которые он не знал ни на человеческом, ни на орочьем языке. Мне это вскоре надоело, и я вышел из душной, пропахшей навозом и орками хижины на воздух.

Солдаты тем временем закончили сбор трофеев. Мы нашли две дюжины неплохих мечей, кинжалов и тесаков под человеческую руку — видимо, это были старые трофеи орков. Также на плащ легло серебро монетой и орочьими слитками примерно на шесть фунтов — очень достойный улов с одной-то деревни! Нашлись также седло и конская сбруя — их придется отдать Хозицеру — несколько дюжин свиных шкур, выделанных и сыромятных, сапоги и дублет Шумпера. Еще солдаты натащили всякого железа — ухваты, топоры, гвозди, кочерги и так далее, полосовое железо, несколько медных и железных котлов и котелков. Нашелся и отнятый орками у Шумпера меч, когда-то принадлежавший рыцарю Эйхе.

— Давайте так, — предложил я солдатам. — Серебро в слитках — общая добыча, тут нет сомнений. Все мариенгроши — отдать арбалетчикам, навряд ли орки могли добыть их иначе, чем из их сундука. Ландрские гротены и другую монету — делим пополам. Пойдет?

Все остались недовольны — арбалетчики — тем, что не возместили своего убытка в полном размере, пехотинцы — несправедливым поприем обычаев дележа добычи. Но их взаимное недовольство хотя бы не достигало таких размеров, при которых поднимают оружие на соратников. Ну и ладно, это все, что мне надо!

— А вам, ребята, действительно, следовало лучше выбирать себе ротмистра, — заявил я арбалетчикам. — Никто не виноват, что ваш командир оказался вор и негодяй!

Однако бурление умов от этих моих утешений отнюдь не стихало. Денежный вопрос — всегда болезненный.

Вдруг из хижины, где я оставил Клауса и Аззи, раздался сдавленный хрип. Я бросился туда.

Старая орчиха освободилась из пут. Порвав веревки на запястьях, она душила Клауса, пытаясь добраться до него своими клыками. Аззи держала ее за редкие волосы, оттягивая от горла Клауса, и молотила кулаком, но толку от этого было мало.

Я достал кинжал. Надо ударить ее под лопатку. И все. Верное дело. Проще простого. Она спиной ко мне. Клаусу нужна помощь!

Но я никогда еще не убивал разумных существ! Даже в бою!

Майнфельд шагнул мимо меня и воткнул что-то старухе снизу под ребра. Та даже не дернулась, продолжая яростно душить сержанта. Дитрих снова ударил, потом еще, и еще раз. В хижину влез солдат с тесаком, и с размаху рубанул старую ведьму по затылку. Затем они с фельдфебелем стали яростно колоть живучую тварь, не считая ударов.

Наконец она обмякла и повалилась на пол. Темная, как зеленка, кровь растекалась вокруг. Клаус сидел на глинобитном полу рядом, тяжело дыша. Из шеи его текла кровь — когти орчихи располосовали кожу, но до яремной вены ей добраться не удалось.

Аззи поглядела его раны, и смазала своим снадобьем, укоризненно качая головой.

— Кхорнова белладонна. У орков от нее приступы бешенства. Я уже думала, ему конец!

— Ты что-то узнала?

— Что-то — да.

— Значит, попробуешь *это* сварить?

— Значит, попробую. Но ничего не обещаю! Хоть у нас, магия и сродни с орочьей, но на

самом деле различий тоже хватает!

— Ну, вот и славно. Идем назад. Солдаты! Подожгите тут все! Мы возвращаемся!

Происшествие со старой каргой немного отвлекло арбалетчиков от их тяжелой утраты. Через час, нагруженные добычей, мы были в нашем полуразгромленном лагере.

Глава 37

Вернувшись, я сказал Литцу еще раз перепроверить показания Поисковика. Да, ошибки быть не должно. Наконец мы были почти у цели. Можно собираться в Мертвые земли.

По нашим расчетам, мы обернемся в пять дней. Правда, наш лагерь стоит не совсем вплотную к Проклятым землям, и переместить его не удалось — повозки были сильно повреждены боем и взрывом «Метеора». Пришлось оставить лагерь на прежнем месте у ручья. Я приказал за время нашего отсутствия отремонтировать фургоны и сделать новые щиты, обтянув их свиными кожами из орочьего становища.

Больше всего проблем доставляло отсутствие арбалетных болтов. Линдхорст обещал сделать простые деревянные стрелы без наконечников, заострив их и укрепив обжигом в костре, но разве это заменит полноценный арбалетный болт? Но, выбирать не приходилось.

Литц был мрачен и сосредоточен. Он не пил уже несколько дней, но как-то с этим справлялся. Похоже, предстоящая задача заставила его забыть про алкоголь. Сердобольная Аззи дала ему отвар, облегчающий страдания расстающегося с алкоголем тела, но, кажется, Литц не очень-то следовал ее рекомендациям.

— Далеко ли до этой штуки? — спросил я его.

— Я говорю, где-то двенадцать — пятнадцать лиг.

— То есть мы можем обернуться примерно за три-четыре дня?

— Возможно!

— Ты выдержишь?

— Возможно...

— Тогда завтра выступаем. Приготовься!

На следующий день, на рассвете, когда весь лагерь встал для краткой молитвы Свету, мы вышли из лагеря. У нас был запас мяса боевого кабана орков, вонючего, очень жесткого, но жирного и сытного. Оружия мы взяли немного, чтобы не перегружать себя, поэтому до границы Проклятых земель нас сопровождал небольшой отряд пехотинцев.

Хозицер тоже вышел проводить нас. Он остановился лишь, когда Литц категорическим тоном заявил, что мы уже в Мертвых землях и дальше с нами никак нельзя.

— Желаю удачи, герр Андерклинг. Очень надеюсь, что мы с вами еще увидимся!

Запомнив раскидистые вязы, у которых начиналась граница, мы вошли в густые заросли лавра и самшита. Сначала кустарник почти не давал нам двигаться, но затем мы выбрались на неширокое поле и зашагали по высокой траве, куда вела нас путеводная звезда поискового амулета.

Маг то и дел останавливался, и, посмотрев своими маслянистыми глазками в летнее небо, чего-то бормотал.

— Если почувствуешь себя плохо или странно, сразу скажи мне! — попросил его я.

— Ага, чтобы ты сразу меня прирезал?

— Чтобы я знал о возможных проблемах!

Но мощный защитный амулет делал свое дело, и мы медленно, но верно двигались к цели.

К концу дня маг выбился из сил. Явно непривычный к лесным походам, он просто уселся на поваленный ствол и сообщил, что на сегодня с него хватит.

— А далеко нам еще идти?

— Думаю, примерно семь-восемь лиг.

— А прошли мы....

— Четыре или пять.

— Всего? Да нам такими темпами еще два дня идти туда!

— Я не виноват, что туда не ведет имперская дорога!

— Ты сможешь продержаться столько времени?

— Не знаю.

— Очень оптимистично, Кхорн возьми!

— Ты бы не поминал демонов Хаоса в таком месте!

— Ладно. В любом случае, здесь мы не останемся. Надо найти воды!

Из-за яростной летней жары мы опустошили баклажки с водой еще в первой половине дня. Очень хотелось наполнить их снова. Пройдя еще с пол-лиги, мы наткнулись на крохотный ручеек, едва заметный среди высоких трав.

— Вот здесь и остановимся. Кидай торбы сюда!

Литц присел на суму и медленно, аккуратно снял сапоги.

— Похоже, я стер ноги, — сообщил он, осторожно ощупывая свои ступни.

— Ты же маг. Сделай что-нибудь!

— Я уже «делаю что-нибудь», хотя тебе это и незаметно. Но здесь, знаешь ли, я бессилен. Я ведь не маг Жизни, как эта твоя Азалайса!

— А она что, прям вот «маг»?

— Ну да, — Литц хмыкнул. — И притом хороший, не ниже магистра! Мне, конечно, трудно судить, я учился по другому направлению, но даже тебе это должно быть совершенно понятно!

— Она, вообще-то, из деревни. Определенно, ни в каких университетах ей бывать не пришлось!

— А я бы сказал, что она где-то училась. И не один год, уверяю тебя!

— Ну, она что-то говорила про «мудрых женщин». Видимо, от них чего-то набралась. Главное — как бы ее не поймали наши друзья в черных сутанах! Не хотелось бы ее потерять...

От мозолей я дал ему мазь, сделанную колдуньей. Она прекрасно помогает от ран, наверное, и тут подействует!

Через час Литц вполне мог ходить. Мы двинулись дальше, то и дело сверяясь с показаниями поискового амулета. Литц постоянно что-то кастовал и тихо ругался — Хаос мешал ему в поисках.

Лишь к началу следующего дня мы нашли то, что искали.

— Вон там, — маг указал на несколько гигантских дубов, возвышавшихся у небольшого озера. — Оно там. Определенно!

Несмотря на усталость, мы быстрым шагом направились к огромным деревьям. У одного из толстенных, узловатых стволов я увидел остатки шалаша. Тут же лежал скелет лошади, все еще привязанный за уздечку к дереву. Поодаль было еще два лошадиных остова.

— Вот тут.

В остатках шалаша, под сухими ветками, лежал сверток. Развернув заскорузлый пергамент, я увидел тяжелый, покрытый рунами молот. Хотя он лежал тут на земле, на нем не было ни пятнышка ржавчины.

— Это оно?

— Я точно не могу тебе сказать, Энно. С такого расстояния поисковик не действует. Но я попытаюсь определить....

Он с трудом поднял его, провел ладонью по рунному орнаменту, покрывавшему массивную рукоять.

— Магия в нем есть, древняя, мощная, нечеловеческая магия. Наверное, это то, что мы ищем!

— Значит, пойдём отсюда. Дело сделано!

— погоди. Тут, кажется, ещё что-то есть.

Порывшись в остатках шалаша, маг извлек на свет длинный круглый пенал.

Он был круглый и длинный, как цилиндр для чертежей. Коричневая кожа, обтягивающая его, снаружи была покрыта изящной золотой вышивкой, ничуть не потускневшей ни от времени, ни от ужасных условий хранения. Ремень из прошитой кожи, видимо, чтобы носить все это за спиной. Внутри было что-то, видимо, не очень тяжелое.

— Это очень сильная магическая вещь, — сообщил Литц.

— И явно дорогая. Давай, берем все это и идем прочь! Где только бывшие хозяева этого великолепия?

И тут противный скрип заставил меня обернуться.

Из густой травы под кроной деревьев медленно вставали три фигуры! Ржавые пластинчатые доспехи, почти такие же, как и мой, оставшийся в лагере, были покрыты сухими старыми листьями, налипшими на металл. Черепа, обтянутые лопнувшей местами кожей, повернулись к нам пустыми глазницами. Один из мертвяков сжимал грязно-желтую, иссохшуюся рукою тяжелую железную палицу; другой пытался вытащить из ножен застрявший там от ржавчины меч.

— Бежим! — крикнул я магу и рванул из-под сени деревьев.

Маг чуть замешкался. Третий мертвец вдруг быстро шагнул к нему и ударил снизу кинжалом.

— Осторожно, Литц!

Маг оттолкнул обсыпанный бурыми листьями скелет и побежал. Я счел за благо рвануть следом, волоча на себе добытые артефакты.

Выбежав на солнце, я увидел, что один из мертвецов остался под деревьями, а двое других тяжело бегут за нами. Конечно, я уйду от них, даже с грузом, а вот маг начал отставать. Он обернулся, посмотрел на приближающихся мертвецов, и побежал быстрее. Но, через несколько десятков шагов, просто остановился.

— Прости, Энно. Я не могу бежать больше!

Он зажимал ладонью бок, из-под пальцев текла кровь.

Никогда еще в Мертвых землях я не встречал ходячих мертвецов! Да и нигде их не встречал, хотя о такой возможности мне рассказывали монахи. И еще они говорили, что убить их почти невозможно.

— Пойдем!

Я взял его под руку и потащил с собой. Оглянулся назад — один из мертвецов стоял на

поле, заслоняясь руками от солнца, и озирался по сторонам. Видимо, он нас потерял. Другой же продолжал ковылять к нам, ориентируясь, как мне показалось, на оставляемый магом кровавый след.

— Мы так не уйдем!

Маг тяжело повалился на землю.

Я вынул из ножен легковесный меч Стусса.

— Оставь! — Литц быстро бледнел. — Эту тварь не убить! Он же уже мертвый!

Маг был плох. Его лихорадило. Он был смертельно бледен, лицо его покрылось бисером скверного, болезненного пота.

— Давай я понесу тебя. Не знаю, что еще можно сделать!

— Нет, не надо, Энни. Сейчас.... Он приподнялся на локте, потом с трудом встал на колени, — Отойди немного. Вот так.

Затем резко очертил рукой круг надо головой.

Как будто дымчатая полоса сорвалась с тонких пальцев мага и очертила над ним круг. Секунду или две колеблющийся голубоватый саван накрывал его, а потом он исчез.

Не веря глазам, я подошел к тому месту, где только что лежал раненый Литц. Нет, он не стал невидимым. Он именно исчез, оставив лишь примятую траву и капли крови на ней.

Это было то самое заклинание, которое бросило меня в этот мир! Такая же полоса колеблющегося, голубовато — белого тумана, в которую я по собственной глупости угодил три года назад! И ведь он скрывал это от меня, до последнего скрывал! Ай да Литциниус Кнаппе, маг-алкоголик!

Впрочем, артефакт он оставил мне, как и непонятный пенал. Мог бы и захватить с собой, чтобы мне не таскать его еще пять лиг! Кругом одни эгоисты...

Убрав меч в ножны, я взял молот и пенал и отбежал на несколько десятков шагов. Мертвец доковылял до места телепортации мага, и начал вертеться на месте, тыкаясь в стороны, как слепой. Меня, похоже, он не видел.

Какое-то время я боролся с желанием врезать ему как следует мечом, или может быть, даже молотом. Но здравый смысл победил, и вместо драки я, не торопясь, пошел в направлении нашего лагеря.

Глава 38

Пройдя остаток дня, я заночевал на дереве. Мне очень не хотелось, чтобы мертвецы ночью перегрызли мне горло. Вдруг они все-таки выйдут на след? Если мертвяк пройдет всю ночь, вполне может дойти до меня! Но — обошлось.

Весь следующий день я быстро шел по сделанной нами же просеке в кустарнике. До лагеря, в сущности, оставалось недалеко — главное не наткнуться на шальных орков в районе их бывшей деревни. А потом — назад. К цивилизации. К безопасности. Бегом отсюда!

— Так-так-так, а вот и наш любезный командер. Как добрались, Энно?

Голос хауптфельдфебеля Хозицера, самоуверенный и насмешливый, вернул меня к реальности.

Отделившись от толстого ствола столетнего вяза, Хозицер вышел ко мне, растягивая губы в нарочито притворной улыбке.

Что-то в его глазах мне не понравилось. Очень не понравилось!

Рихтер, продолжая любезно скалиться, не оборачиваясь, жестом подозвал кого-то из-за спины.

— А мы уж было перестали вас ждать. Мыслимое ли дело, столько времени торчать в Проклятых землях и не свихнуться! Но тут появился этот ваш маг, с дырявой шкурой и отличными новостями! Оказалось, что ты кхорнов герой, неуязвимый для магии, раздобыл какие-то древние редкости! А я, знаешь сам, очень люблю всякие древние штуки!

Из-за спины Хозицера подошло несколько человек. Впереди — Руппенкох в своих черных одеждах, утирающий пот с лица. За ним — два человека из банды Хозицера, один с готентагом, другой со здоровым топором. На веревке они тащили за собой Аззи.

Та была здорово растрепана, на лице — кровоподтек.

Руппенкох вежливо мне поклонился.

— Очень, очень рад вас видеть, дорогой мастер Андерклинг. Ведь вы принесли *нам* то, зачем ходили в такой долгий и опасный поход?

Сильный удар сзади по ногам заставил меня упасть на колени. Кто-то схватил мои руки, заломив их за спину, в горло уперся нож. От скрутивших меня сзади исходил запах овчины и перегара. Молот и пенал с другим артефактом с меня стащили, попросту перерезав шнуры.

— Не так уж и опасно это было, раз он защищен от чар хаоса, — отозвался хауптфельдфебель. — Но ничего, Энно, не волнуйся. Мы тебя прикончим безо всякой светопротивной ворожбы, старым добрым железом. Девку твою заберем с собой, чтоб ребята в дороге не скучали, а вот от тебя нам нужна только голова! Или все-таки забрать его целиком, Ханс?

Руппенкох задумчиво почесал жирный подбородок.

— Конечно, Вепри обрадовались бы живому юнгеру больше, чем его тухлому черепу. Но, как знать, что он выкинет дорогой? Может быть, у него есть и другие таланты, кроме уклонения от хаотической магии? Давай уж, оставим это брненное тело здесь!

— Ты как всегда прав. А голову можно замариновать в уксусе. Гхортаг сожрет ее на завтрак. Ха-ха-ха!

Руппенкох принял от одного из бандитов замотанный молот и пенал. Открыл его, не без труда разомкнув плотно сидящие друг в друге половинки. Внутри оказались две инструктированные серебром костяные палочки.

— Смотри-ка. Ты знаешь, что это?

Хозицер принял из рук советника раскрытый пенал, осмотрел его, далеко отставив от себя.

— Похоже на эльфийские письма. Ханс, не думаю, что мы должны заниматься этим сейчас. Давай оставим это Вальнеру. Раз он знает, кому продать испорченный камень, то и с этой ерундовиной тоже разберется!

— По крайней мере, она легче, чем эти гномьи штуки. Парни уже из сил выбились. Неужели обязательно тащить их в свинцовом сундуке?

— Торвальдинн сказал, что да. Иначе — очень быстрая смерть. Слишком сильная концентрация магии!

Они болтали, а я смотрел на Аззи. Она была бледна, но не выглядела испуганной. Твердо сжатые губы, и глаза, сильно выделявшиеся на непривычно бледном лице, смотрели на меня. Одними глазами она показала мне на Хозицера. Потом — еще раз. Что она...

— Очень жаль, герр Андерклинг, — продолжил меж тем Рихтер Хозицер, пригладивая свои роскошные усы, — что человек таких достоинств закончит свою жизнь столь жалким образом... Право, жаль! При других обстоятельствах мы могли бы быть очень полезны друг другу... Не каждый день встречаешь такую резистентность к магии!

— И даже не через день, — вставил Руппенкох, улыбаясь мне почти доброжелательно.

— Если бы вас правильно применить, сударь, о, это было бы золотое дно! Мне даже не хочется думать, сколько возможностей мы теряем... Но, знаете ли, у нас есть некоторые обязательства перед нашими старыми, верными партнерами, долг чести, так сказать!

— Вы должны умереть, Энно, — пояснил советник, хитро улыбаясь.

— Да, тут я согласен с Хансом, иного Вепри не примут! А что вы хотите, после того, как сожгли их таверну? Но, ничего. Убитых, понятно, не возродить, а вот наши убытки мы покроем вполне. Ведь, благодаря вам, у нас целый сундук варп-камня, а он сейчас невероятно дорог!

Аззи при упоминании сундука вдруг яростно захлопала глазами, и вновь указала взглядом себе под ноги.

И тут я понял.

— А может, я... Хрр...

Нож так сильно уперся мне в горло, что я не смог продолжать. Хозицер оглянулся.

— Чего «ты»? Что он там говорил? Отпусти его, Грюн.

Острие ножа ослабило напор.

— Я говорю... Может, я понесу камни?

Хозицер скептически поглядел на меня. Руппенкох же вдруг заинтересовался.

— А что, Рихтер, это хорошая мысль! Пусть тащит их на себе. Он-то может нести их и без сундука! Заодно и посмотрим, так ли хороша его магическая защита.

Хауптфельдфебель выглядел озадаченным.

— Но цвайны сказали определенно, что нужен сундук. Вдруг он скопытится через пару дней, а сундук мы бросили здесь? Нам что, придется возвращаться?

— Рихтер, — вполголоса проговорил советник, шагнув к Хозицеру ближе, — сундук слишком тяжел для лошади... Понимаешь, о чем я?

Ага! Барсучий сын Руппенкох задумался, смогут ли они бежать, если наткнутся на орков! Надо дожимать их!

— Давайте посмотрим... — осторожно проговорил я, косясь на бандита с ножом. — Несите камни, и я сразу увижу, смогу ли я удержать их силу!

Хозицер продолжал с сомнением смотреть на меня, как будто не мог решить, сколько я могу выдержать излучение варп-камня. Но Руппенкох, не дожидаясь конца мыслительного процесса своего компаньона, позвал кого-то из-за спины. Четверо бандитов стоявших поодаль, наклонились, и, с заметным трудом подняв за ручки небольшой свинцовый сундучок, потащили его к нам.

— Что же, герр Андреклинг, — обернулся ко мне советник, — вы причинили мне очень большие убытки, когда сожгли мою таверну и убили компаньонов. Но, с вашей же помощью, мы возместим все сторицей. Жаль, конечно, что придется оставить в живых вашего выпивоху-мага. Его голове Вепри обрадовались бы еще больше, чем вашей, ведь в ней намного больше содержимого! А, Рихтер? Ха-ха-ха!

Бандиты притащили сундук и поставили его к ногам Хозицера. Тот недовольно отступил назад.

— Слушай, Ханс, давай, он сам его откроет. Эти магические штуки.... Не хочу еще раз рисковать.

— Да что с тобой? Мы же его открывали уже дважды. Когда осматривали у Торвальдинна и когда дали сил этому малахольному недомагу...

— Вот именно, дважды. Ты разве не знаешь, что судьба дает два шанса, а на третий раз бьет наотмашь?

— Хм. То есть третий раз нам в предгорья идти не стоит? А я-то наобещал Торвальдинну... — Ну мало ли, что наобещал. Если бы я выполнял все, что когда-то обещал, то был бы уже трижды банкротом. Эй! — сказал он державшим меня бандитам. — Давайте его сюда!

Меня подняли и потащили к сундуку. Бросили на колени около него.

— Герр Андерклинг, будьте любезны, отомкните засов... да, вон там.

Один из стражников протянул мне ключ, прицепив его на конец готентага. Все отошли от сундука и от меня, в том числе и бандит, державший веревку, на которую была примотана Азалайса.

Я взял ключ, взглянул на Аззи. Она одними глазами показала мне на сундук, потом опустила зрачки своих глаз себе под ноги.

Ее прекрасные глаза, один — зеленый, другой, почему-то, серый, светились тревогой и... надеждой.

Я растер болевшие запястья, и не без труда открыл сундук, со скрежетом повернув ключ в мощном замке. С трудом откинул тяжеленную крышку. Внутри лежали несколько желто-зеленых камушков. Я взял в руку одни из них.

— Послушайте, Ханс, а не случится ли так... — начал Хозицер, но, взглянув на меня, осекся.

Хорошенько примерившись, я кинул камень под ноги Аззи. Она сразу же наступила на него босой ступней и с ликующим видом подняла глаза на нас. Охранник в ужасе отшатнулся, натянув ее веревку.

Но было поздно.

Земля задрожала, будто с неба упал вагон с чугуном.

Какие-то бурые корни выскочили из земли прямо под нами, и обвили лодыжки Хозицера.

— Что за... — начал было он, но тут третий корень, прямой и острый как меч, вылетел из земли и вошел в него снизу, пока два других расчетливо держали его за ноги. С жутким чавкающим звуком он вошел в сухопарое тело хауптфельдфебеля, делая его в два раза толще. Раздался тошнотворный треск ломавшихся ребер и тазовых костей.

Лицо несчастного побагровело, изо рта хлынула кровь. С диким треском его ноги оторвались от туловища, обнажив обломки костей; разрывающееся туловище взлетело вверх. Голова натянулась на быстро удлинившейся шее, а затем, когда кожа на шее лопнула, оторвавшись по ключицу, вывернувшись из кольчужного капюшона, повисла, насаженная на ветку, в добрых пяти саженьях от земли.

Не прошло и пяти секунд, как на месте Рихтера Хозицера стояло дерево, на ветви которого были насажены куски его тела. Он не успел даже крикнуть, и только дикий ужас на его быстро бледнеющем лице запечатлел невероятные муки, испытанные им перед смертью. Стражники в ужасе бросились кто куда; храпя, разбежались испуганные кони.

Одна из ветвей, наклонившись, подхватила уроненный хауптфельдфебелем полэкс и грациозно поднесла его к Аззи. Та подставила руки, и дерево, чиркнув лезвием топора, перерезало пути. Ведьма скинула с рук остатки веревки, растирая запястья; на лице ее уже не было никаких следов побоев.

Не торопясь, она подняла зеленоватый камушек из-под своей ноги, и, поигрывая им в ладони, подошла к онемевшему от страха Руппенкоху.

Тот стоял на месте как вкопанный, что неудивительно: его тело обвивала прочная и тонкая лоза, мгновенно выросшая у него под ногами. Выглядел он так, как будто сейчас обделается.

Аззи задумчиво повертела камушек в руке. Лицо ее, сосредоточенное и серьезное, выражало печальную неумолимость, как у кухарки, которой совершенно не хочется резать курицу, но — *надо*.

— Скажите-ка, советник, где живут эти самые «Вепри»?

Руппенкох ничего не ответил, таращась на нее с диким ужасом. Его барсучьи глазщелочки казались теперь совсем круглыми, неузнаваемо меняя лицо советника.

Аззи слегка нахмурилась. Лиана, обвивающая жирное тело пленника, вдруг вдавилась в него так, что исчезла в складках плоти. Лицо советника побагровело.

— Отвечай, — тихонько сказала ведьма, почти ласково глядя на него. Но тот как будто впал в ступор, не в силах издать ни звука.

Глаза Аззи вдруг стали холодными и пустыми, как замерзшая осенняя лужа. Внезапно лиана дрогнула и стала мохнатой, как гусеница! Из нее выскочили тонкие, острые шипы в добрых три дюйма длиной. Одежда несчастного окрасилась кровью, лицо стало страшным, видно было, что он терпит невероятные страдания на грани смерти от боли. Если бы он мог кричать, то орал бы как сумасшедший, но он лишь пытался наполнить легкие воздухом, хватая его ртом, как рыба.

— Аззи, постой. Он же не может говорить, дай ему вздохнуть!

Та с иронией посмотрела на меня, продолжая поигрывать камушком в руке, и лиана, дрогнув, отпустила свою жертву. Советник рухнул на землю.

Раздался дикий, утробный вой, полный запредельного ужаса.

— Ну вот, дала вздохнуть. И что, ты хотел послушать *это*? — спросила Азалайса в

перерыве между завываниями советника. Конец лианы между тем толкнул крышку сундука, и та захлопнулась с тяжелым глухим стуком.

— Ты ведь можешь укротить его боль, правда?

— Могу, конечно, только что-то не хочется.

— Мы так ничего не добьемся.

— О, еще как, — рассмеялась она, весело глядя на меня своими разными глазами. —

Именно так мы всего и добьемся, особенно от такого куска говна, как этот твой «советник». Кстати, о чем он дает советы? Как жить в городе, среди помоев и дерьма? Обманывать, предавать, убивать и грабить на большой дороге?

— Ну, типа того.

Руппенкох тем временем затих, судорожно хватая воздух открытым ртом. Аззи повернулась к нему. Глаза ее, циничные и пустые, казалось, кричали несчастному: "На, сволочь, получай!"

— Так что там с Вепрями?

В смертельном ужасе советник смотрел на нее. Его узкие, заплывшие жиром глазки почти вылезали из орбит.

— Вы найдете их в пяти лигах на юго-восток от развилки дорог южнее Мортенау, от того места, где стояла таверна, — произнес он наконец. На губах его выступили кровавые пузыри — похоже, лиана повредила легкие.

— Прелестно. Советник, где вы закопали золото убитых путешественников?

— Я все расскажу, госпожа. Оно лежит в глиняном сосуде на дне выгребной ямы у городской стены Теофилбурга. В женской части.

— Чудесно. Последний вопрос. Ты знаешь хоть одну причину, по которой мне не стоит убивать тебя прямо сейчас?

Руппенкох задрожал всем телом.

— Убей меня! Я не могу выносить этих страданий! Эти шипы жалят меня... Великий Свет, как же мне больно!

Голос советника был полон муки.

— Что ты знаешь о страданиях, дурачок! — сказала Аззи равнодушно-презрительно, отступая от него на шаг назад. Тут же из земли вылезло несколько тонких лиан. Одни обвили голову и ноги советника, другие приподняли его тело, изгибая дугой. Раздался жуткий, чавкающий треск — это сломался позвоночник. Толстяк Руппенкох на мгновение застыл в позе складного ножа, затем лианы бессильно упали, и тело гулко грохнулось наземь.

Одна из тонких зеленых плетей скользнула к свинцовому сундуку и на мгновение приоткрыла крышку. Аззи ловко забросила зеленый камушек внутрь, и крышка с тусклым свинцовым стуком захлопнулась вновь. Наконец, она обернулась ко мне, и взгляд ее стал немного теплее.

— Ну что же, герр командер! Думаю, мы квиты. Вы запомнили место, которого следует опасаться, и другое, где стоит пошарить?

Я запомнил. Чего тут не запомнить?

— Да, Аззи. Как ты это сделала?

— Ну, вы же понимаете, я не совсем обычная девушка, — она мило улыбнулась мне, — а когда такой, как я, попадаете интересный камушек, ее силы становятся... невероятны! Жаль только, нечасто ими можно воспользоваться!

— Эти камни действительно опасны?

— Очень! И для тебя — тоже.

— Гм. А почему ты одного разорвала деревом, а другого — опутала лианой?

— Просто у старого хрыча под ногами оказалось семя вяза, а у жирного каплуна — росток жимолости. Да и поговорить с ним стоило. Тебе ведь понадобятся деньги?

— Как и всем нам. Что с Литцем?

— О, все в порядке, не считая неизлечимого пристрастия к выпивке. Я его подлатала и погрузила в сон. Проспится, все будет хорошо. Хотя стоило бы его наказать за убийство безобидных зверушек!

— Это кого он убил?

— Вепрей, конечно же.

— Ты что, любишь людей с кабаньими головами? Ты что, чувствуешь себя ближе к Вепрям, чем к людям?

Она задумчиво посмотрела на меня, потом на вздернутые на ветки куски хауптфельдфебеля.

— Знаешь, иногда мне кажется, что у меня с людьми вообще ничего общего!

— Может быть, пойдём к лагерю?

— Боюсь, Энно, что наши пути теперь разойдутся!

Вот это да!

— Но отчего?

— Видишь ли, — она посмотрела на меня с грустью, — эти камушки — очень-очень сильные хранители магии. И *очень* большая редкость. А ты, если принесешь их в лагерь, не меньше половины отдашь своему пироману. А я хочу *все*. Я жадная. Прости, Энно. Ты хороший парень, но магию я люблю больше любых парней!

Мне стало грустно от такой перспективы. Впрочем, никто друг другу не клялся в верности... Все по-честному. Наверное.

— Итак, сударь, вы заберете свою погремушку, — Аззи указала на отлетевший в сторону пенал с артефактом, — а я, — свою. Это ведь справедливо?

— Гм. А как ты это унесешь?

— О, ты беспокоишься обо мне? Как это мило!

Она поднесла губы к моей щеке в целомудренном сестринском поцелуе.

— Спасибо за платье, Энно. Я буду вспоминать тебя! — пропела она мне на ухо и, легко обернувшись, пошла вдоль опушки леса, беззаботно пританцовывая.

Рядом со мною раздался шум. Под сундуком как будто выросла кочка из густой дернины. Он зашевелился и приподнялся, затем, как будто поплыл за колдуньей. То, что с трудом несли четверо крепких мужчин, тащила теперь стремительно растущая трава.

— До лагеря всего пол-лье, — крикнула мне Аззи, обернувшись. — Иди по их следам, не ошибешься! Прощайте, *коммандер* Андерклинг!

И, весело помахав мне рукой, скрылась в чаще, шагая так беззаботно, как будто и не было густых кустов и подлеска.

И я остался наедине с двумя изуродованными мертвецами.

Оба представляли крайне жалкое зрелище, которое даже не хочется описывать. А мне нужно было их обыскать! Нельзя бросать ценные вещи, которые еще на них оставались — я просто не могу себе этого позволить.

Во — первых, тут лежал недурной полэкс, который, чувствую, мне еще пригодится, чтоб прорубаться сквозь орков. Ух ты, какой тяжелый... Во-вторых, на поясе Хозицера еще висел

его прекрасный, прочный шлем из цельного куска металла, а на ногах — вполне себе целая пара сапог. Да и мешочек с монетами еще болтался на шнурочке, по-стариковски педантично подвязанном у пряжки ремня. А пятна крови — это же ерунда...

А уж у Руппенкоха меня ждал просто клад — роскошная пряжка с драгоценным камнем (какой-то синий, наверное — сапфир) и пояс, набитый монетами. Я все это увязал в узел, сделанный из собственного плаща, приторочил на рукоять топора, и потащил в лагерь. Не забыл и артефакты — к счастью, они не пострадали.

По пути к лагерю, сгибаясь от непосильной ноши, цепляясь полэксом за кусты и то и дело вставая на отдых, я пытался осознать произошедшее. Не так я представлял наше будущее с Аззи... Впрочем, никто друг другу не клялся в верности. Все по-честному. Наверное.

Следы, оставленные бандой Хозицера, действительно оказались вполне выразительными, и, следуя по ним, я в конце-концов, увидел наш вагенбург. С повозок меня никто не окликнул — как беспечно с их стороны! Придется наорать на фельдфебелей, тем более, что настроение у меня как раз подходящее! Только сначала скину все эти железяки...

Не без труда я протиснулся между оглоблями повозки и рогаткой, и побрел к «своему» возку.

Глава 39

Первым делом я расспросил всех о том, что происходило в лагере за эти пять дней.

Оказалось, Хозицер развил тут бурную деятельность. Сначала он долго подъезжал к Рейсснеру, предлагая ему поднять мятеж против меня. Когда Николас послал его, Хозицер с Руппенкохом, забрав несколько лошадей, ночью покинули лагерь, оставив и повозки, и своих вагенкнехтов.

— Точно также они бросили нас в последнем походе шесть лет назад, — сообщил Клаус. — Оставили нас отбиваться от орков, а сами забрали золото и ускакали. Именно поэтому они берут с собой хороших коней — чтобы можно было быстро скрыться, если орки обложат со всех сторон. Благородный конь легко уходит от их хряков!

— Волшебно. А как же ты решился пойти с ними во второй раз?

— Мне не оставили выбора. Толстый Вилле внезапно меня уволил. Я пошел в другие таверны, но никто не взял меня! Я, конечно, не самый лучший кельнер во вселенной, но вполне справлялся. И то, что меня уволили прямо перед началом ярмарки, когда посетителей невпроворот, было очень подозрительно! Один из кабатчиков шепнул мне, что мне надо переговорить с хауптфельдфебелем, иначе в этом городе мне не будет покою. Я мог бы уйти в деревню, но там лишь тяжелая работа, с которой я не справляюсь. Вот и пришлось идти с вами.

— Клаус, а что они тащили от цвергов? Я слышал про «испорченный камень»...

— Тсс! Не говорите такого вслух, командер! Не надо!

— Это запрещено?

— Шутишь? Ты у себя в монастыре разве не слышал про варп-камень?

Вот тут я заткнулся.

Варп-камень! Демоническая сила! Да за это нас могут сжечь всем отрядом! Даже расспрашивать про него — это как расписаться в признании себя адептом Нургла, Кхорна и Слаанеш одновременно, да еще вампиром и еретиком. Хорошо, что я не спросил кого-то другого!

Потом я зашел к магу. Он был слаб, но бодр, даже смог встать. Никогда не думал, что буду рад его видеть!

— Да, герр Кнаппе, прогулка с вами была совсем не скучной! Ни разу еще не встречал я в Гнилых Землях бродячих мертвецов!

— Зато понятно, как они зашли так далеко, и не сошли с ума. Они были мертвы еще до того, как вошли в Мертвые земли! А на мертвых магия Хаоса толком не действует...

— Но они так и не выбрались?

— Ослабели и впали в спячку. У них всегда так. Магия смерти — самая идиотская из всех! А почуяли нас — и проснулись.

— А те мертвецы, что я видел в первый раз, так и не встали! Повезло мне тогда...

— Дай угадаю. Ни у кого из них не было головы. Верно?

— Да. Некоторые вообще разобраны на куски. Ладно, Кхорн с ними. Литц, ты кое-что скрывал от меня! Оказывается, ты способен к телепортации?

Маг заметно насторожился.

— А почему я должен был тебе об этом рассказывать? Чтобы ты сдал меня светошам?

— Почему это «сдал»?

— Потому что, видишь ли, телепортация и телекинез — это совсем не магия света. И применять это запрещено! Так что, помалкивай об этом. Понял?

— Ладно. Непременно сдам тебя инквизиторам, но сначала нам надо отсюда выбраться. Ты сможешь применить магию снова, если нас атакуют орки?

— Через неделю-две смогу выжать из себя пару файерболов.

— Не скоро. Файербол — это страшно?

— Да как сказать. Тот, в кого он попадет, будет здорово обожжен. Возможно, помрет от ожогов. Те, кто будет рядом с ним, испугаются. И все.

— А что-то более мощное? Метеор?

— Скажу тебе честно, Энни. Если тот мощнейший источник магии, который я ощутил в последней битве, снова волею Света чудесным образом вскрыется, я смогу ударить снова. Но думается мне, что это было чудо, сродни Великому спасению две тысячи лет назад.

— А накопить силы?

— Можно. Если есть амулет — накопитель и время. И ветры магии не ушли на покой, что с ними бывает.

— Слушай, так эта самая магия... Как это вообще работает?

Литц посмотрел на меня с совершенно непередаваемой иронией. Так наверно, я сам бы в своем родном мире смотрел на младенца, рассуждающего о ядерной физике.

— Ты что, Энно, решил пройти ускоренный курс Светлой и Огненной Магии? Тебе поздновато этому учиться да и просто бесполезно — что человеку не дано, то не дано!

Чертов сноб. И как у него удастся совмещать терки с солдатами, которым он за выпивку показывает фокусы, и это пронзительное самолюбование своей магической избранностью?

— В магии я не собираюсь. Других дел хватает. Но, как командир отряда, я должен понимать, как работает твое оружие, и где его можно и нужно применять, а где — нет. И особенно интересно, как ты смог смыться оттуда! То, что ты сделал — это «телепорт»?

Маг посмотрел мне прямо в глаза ясным и требовательным взглядом.

— Это телепорт, Энно. Только я такое не афиширую и тебе не советую тоже. Это запрещенная магия, я научился ей не на факультете.

Так-так-так, Литц. Я давно подозревал что-то подобное.

— А вот когда ты пропил... прости, *зложил* амулет в таверне «Кабаний клык». Я тогда никак не мог понять, как ты сумел дойти оттуда до лагеря? Ты же на ногах не стоял! Ты тогда тоже телепортировался, правда ведь?

Литц явно не хотел вспоминать эту историю.

— Вы удивительно проникательны, герр командер. Конечно, я ускользнул оттуда не на своих ногах.

— Удивительно! Ты был так пьян, но при этом смог сделать столь сложное заклинание!

— Видишь ли... у меня выработан как бы магический блок. Как тебе это объяснить...

— Как сможешь, так и объясняй!

— В общем, если сознание мутится, я совершаю прыжок почти бессознательно. Просто перескакиваю в безопасное место! Мне это не раз спасало жизнь...

— Да, Вепри тебя вряд ли выпустили бы!

— И до этого. В каких вертепах я только не побывал, Энни, ты бы только знал!

Я помолчал, пытаюсь осознать масштабы открытия. Похоже что Литц действительно маг

высочайшего уровня. А что, если....

— Слушай! — решившись, наконец, на разговор, я схватил его за рукав. — А ты не сможешь и меня телепортировать в мой родной мир? Ведь это же очень близкие виды магии, правда? И там и там мгновенное перемещение в пространстве, только надо понять, где оно — мое пространство!

— погоди, погоди, — Литц высвободил руку из моего захвата, — не тараторь так, я из-за твоего тарабарского акцента ничего не понимаю!

— Я говорю, — с трудом сдерживаясь, я постарался говорить медленно и понятно, — что ты мог бы отправить меня в мой мир. Если доработать заклинание. Раз получилось у тех хаоситов, то у тебя-то точно получится!

— Гм... — Литц вытянул ноги, с иронией взглянул на меня. — И каким образом?

— Ну, если один раз открыли портал отсюда в мой мир, значит, можно это сделать и повторно?

— Хаоситы, сделавшие это, мертвы. Как именно это у них это получилось, доподлинно никто не знает!. Очевидно, что они пытались установить связь со своими богами, точнее, с демонами, и портал в ваше измерение — просто ошибка рьяных, но неумелых адептов. Вероятно, даже они сами не смогли бы повторить такой результат, а уж без них, — Литц выразительно махнул рукой, — это просто безнадежное дело! Их ведь сожгли!

— Я на аутодафе не присутствовал. Вроде Тереллин один раз обмолвился, что один из них избежал казни за активное сотрудничество с инквизицией. Или даже несколько... Я тогда не придавал этому значения!

— Мой тебе совет — забудь. Никто даже пытаться не будет повторить обряды хаоситов, да еще и закончившиеся таким непредсказуемым образом. Прежде всего, это, сам понимаешь, незаконно. А законы у нас чтут, — Литц весело захрюкал, изображая саркастический смех.

— С каких пор тебя так беспокоят законы, Литц?

— Да не меня, что ты! Они сковывают волю тех людей, которые могли бы помочь тебе, но — не будут. Кто мог бы достать нужные книги, записи, ингредиенты...

— Разве ты без них не разберешься? Ты же талант! Почти гений!

Литц закатил глаза долу

— Ох уж эти дилетанты! — Маг преувеличенно тяжело вздохнул. — Ты как себе все это представляешь? «Разобраться» — это как? Сел, задумался, — открыл? Это не так делается!

— А как?

— Во-первых, все магические знания мы получаем, в основном, из древних трудов. Сейчас, в наше дегенеративное время, магия в страшном упадке! Наши предки общались с эльфами и дроу, путешествовали по миру, собирали советы и симпозиумы, работали в лабораториях, черпали мудрость из древних манускриптов. Испорченный камень был обыденностью! С ним проводили эксперименты, создавали самые невиданные механизмы.... И вот они-то могли создавать новые заклинания! А мы, их ничтожные потомки, далеки от этого! У тебя не осталось хорошего вина, Энно?

— Нет, Литц.

— Вот и у меня, — совсем мало...

— А что «во-вторых»?

— А во-вторых, те хаоситы, что притащили тебя в наш мир, видимо, раскопали древнюю мудрость в запрещенных свитках. Да еще и сделали что-то неправильно, иначе

появился бы, как положено, вызываемый демон Хаоса, а не ты. Так что древние труды тут не помогут, Энно. Нужны записи, относящиеся именно к твоему случаю! И если они достаточно подробны, чтобы воспроизвести все в точности, как все делали адепты Кхорна, то... да! Наверное, разберусь.

— Ты говорил, что сведения о том случае должны где-то храниться!

— Совершенно точно. Церковь все записывает! Все, что касается инцидентов с магией, документируется и сохраняется, обычно — в двух местах.

— Где?

— В архиве экзархата, где произошло «странное» событие, и в Главном архиве в Ахенбурге!

— Туда можно попасть?

— Нет. Все сведения закрыты для непосвященных.

— А какой уровень посвящения нужен?

— Точно не помню, — Литц задумался, — для Главного архива, кажется, второй, а для местных —...то ли шестой, то ли пятый!

Ничего себе. Пятый уровень — это экзарх. Шестой — викарий. А второй — архилектор член Конклава!

— Но бывает, монастыри и диоцезы тоже сохраняют хроникальные записи для внутреннего пользования. Тебе стоит поговорить с каноником, ведь он расследовал твой случай.

— И если записи сохранились в диоцезе, ты мог бы...

— Не знаю, мог бы или нет. Зависит от их содержания. Но вот о чем я могу сказать определенно — тебе не стоит заводить этот разговор.

— Почему?

— Это все связано с магией Хаоса. А ты и так под подозрением. Твой интерес могут интерпретировать в очень нехорошем смысле. Понимаешь?

— Не думаю, что Тереллин так это воспримет!

— Тереллин — да. А вот кто угодно другой, скорее всего, именно так и подумает!

— Значит, поговорю с каноником. Но если я получу у него записи, ты поможешь мне?

— Если смогу.

— Отлично! Спасибо, Литц!

Но маг явно не разделял моего оптимизма.

— Будь осторожен, Энно, даже в разговоре с Тереллином. Ни в коем случае не говори, что видел, как я кастую телепорт. Будешь отчитываться ему, скажи, что мы зашли и вернулись вместе, без всех этих ненужных подробностей. Ведь все виды магии запрещены! Осталась лишь магия света, на которой основана сама наша религия. Ее бы они прикрыли тоже, только отделить ее от светлой веры невозможно, хе-хе.

— А почему магию поставили под запрет?

— Да кто знает. Магию холода и льда запретили, потому что она родом из Кислева, магию жизни — оттого, что близка к шаманским практикам орков, иллюзии — потому что это магия Хаоса и дроу, анимизм друидов связали со зверолюдьми.... Но, это все предлоги. Причина другая!

— Какая же?

— Просто жадность. Почему, скажем, запретили сигмаритов, ульрикиан? Они всегда боролись с хаосом и другими врагами человечества, честно и беззаветно, хоть и не особо

успешно. Да просто чтобы паства ходила в правильные храмы и несла талью правильным экзархам! Ладно, довольно об этом. Ты расскажи, как случилось, что ты вернулся со шлемом и полэксом достопочтенного хауптфельдфебеля Хозицера?

— Нашел в лесу, — сухо ответил я. — Похоже, они наткнулись на орков. Ладно, выздоравливай.

Наконец я добрался до своего воза. В мое отсутствие Азалайс тут плотно похозяйничала. Мне в глаза сразу бросилось несколько пузырьков со снадобьями — похоже, именно с этим экспериментировала Аззи — и целая копна сушеной травы.

Первым делом я откупорил склянки. Похоже, у нее действительно получилось! Вот грубые глиняные посудины, снятые с пояса орка-берсеркера. А вот горшок того, что сварила ведьма. С виду и по запаху — очень похожие штуки. Конечно, не очень верится, что это вот можно принимать внутрь...но кто не рискует, тот не лезет в Орквальд, а мы в забрались в него буквально по ноздри! Может быть, проверить снадобье на ком-нибудь?

А что тут делает эта трава?

Я смотрел на невзрачные белесые цветочки, растер и понюхал листья. Белладонна.

Интересно... Аззи наверняка не просто так это все собирала и готовила. Что-то она хотела сделать с этой отравой.... Интересно!

Ко мне заглянул Майнфельд.

— Мы выступаем?

— Да, давайте собираться.

— Все готовы. Как только появился маг и сообщил, что вы скоро будете, мы начали сворачивать лагерь. Хозицер и Руппенкох вообще уже пошли налегке, сказали, что разведают путь впереди, а мы их нагоним. Правда, повозки свои оставили, они пойдут с нами.

— Вряд ли мы их нагоним, Дитрих. Но это не важно. В любом случае — выступаем. Пусть Линдхорст встанет впереди, потом повозки теофилбуржцев, а вы за ними следом.

Вскоре мы уже двигались обратно.

Путь назад всегда кажется проще и быстрее. Мы шли по своим следам, по просекам, проделанным на пути сюда. Разведка пока не замечала активности орков. Но было понятно, что мы их встретим рано или поздно.

— Тут проживает шесть племен, — сообщил мне Клаус, — с двумя мы уже познакомились и разбили их. Но есть еще племена, и они не дадут нам спокойно уйти. Уже вся страна орков знает, что мы тут, и постараются убить нас — это дело чести.

— А их не испугал метеор? Наверное, слухи об этом тоже прошли?

— Наверяд ли. Орки не очень-то общаются с враждебными им племенами. А если и услышат что-то такое от пленных или торговцев — решат, что это выдумки трусов. Я бы не надеялся на подобное.

— Значит, впереди у нас бои?

— Наверняка.

Скверно. Аззи ушла. Некому лечить раненных. Щиты мы сделали заново, починили повозки, но вот арбалетных болтов так и нет. А без них — никак, ведь именно арбалеты выкашивают орков, пока они толпятся у нашей стены из повозок.

Нда...

Литц, конечно, показал себя с самой выгодной стороны, даром, что недоучка. Но только лишь я знаю причину, по которой ему удалось устроить в последнем бою тот феерический взрыв! Потоки магии от испорченного камня оказались так сильны, что стоило лишь

Хозицеру открыть свинцовый сундук, как маг сразу же получил целую бездну сил! Но сундука теперь нет. А без варп-камня он далеко не так силен, как нам надо. Как он сам говорил? «Пара файерболов, и надо отдыхать неделю». А будет ли у нас неделя? Непуганные орки могут прийти через час! Да и толку-то с тех файерболлов...

Думай. Ты командер! На тебе сотня жизней. Думай сейчас! Перед боем будет некогда, в бою — тем более...

— Кхорн, вина бы... пробурчал рядом со мною один из пехотинцев.

— Да уж. Неделю без винной порции. Скоро ребята начнут маяться животами! — ответил с облучка обозный.

Да, кстати. Если начнется дизентерия — мы отсюда вообще не выберемся. Может, зря я оставил там эти бочки....

Так. Стоп. Бочки. Точно!

Бочки! Как я сразу не понял...

Так. Надо додумать то, что пришло только что мне в голову!

— Эй, Птах, позови мне Клауса!

Старшина обоза был у соседнего воза. Тяжело хромя, он подбежал ко мне.

— Клаус, а ты сам общался с цвергами когда-нибудь?

— Да, приходилось, — насторожено ответил он.

— Они знают человеческий язык?

— Некоторые. С ними трудно договорится, но не потому, что они плохо знают язык.

— Да? А почему?

— Просто они злобные, жадные, тупые уроды, готовые удавиться за медную орту!

— Волшебнo. Почему-то, я так и думал! А они могут продать нам оружие?

— Гном продаст что угодно, если цена устроит!

— Отлично. Это все, что я хочу про них знать. Ступай, Клаус. Линдхорст! Линдхорст!

Вскоре новый ротмистр арбалетчиков оказался подле меня, просто придержав лошадь и дождавшись, когда моя повозка пройдет рядом.

— Слушай, Курт. Когда дойдем до старой дороги — сворачивайте в предгорья! Обратно, к гномам!

— Простите, — Линдхорст наклонился ко мне ниже. — Я правильно расслышал?

— Да. Мы возвращаемся к гномам!

Глава 40

Наверное, все решили, что я спятил, но вслух мне этого никто не сказал. Уже знакомым путем наш скрипучий караван возвращался назад, в старый заброшенный торговый лагерь.

По пробитой колее путь оказался заметно быстрее, чем в первый раз. Через два дня мы уже заезжали в горный лагерь на каменном мысе.

Бочки с вином, оставленные внутри, стояли на месте. Ни ящерицы, ни горные козлы, ни цверги клана «Молотобойцы» на них не позарились, и, честно говоря, я их прекрасно понимаю!

Разбив лагерь, мы разожгли костер на положенном месте и стали ждать ночи.

Как только солнце закатилось за Черные горы, мы с Клаусом отправились на переговоры.

Узкая, поросшая ежевикой и еще какими-то кустами каменистая тропа петляла вверх. Пройдя с пол-лиги, мы вышли на небольшую площадку перед входом в пещеру.

— Здесь, — сообщил Клаус. — Нам нужно ждать их здесь. И, вот что, командер. Если хотите сторговаться с гномами — не показывайте, что их вещь вам действительно очень нужна. Иначе — беда!

Темнота быстро сгущалась, как обычно бывает на юге. Коротая время, мы разожгли небольшой костер.

Прошло не более получаса, и в глубине пещеры появились отблески света.

— Они пришли. Пойдем! — сообщил Клаус.

Мы взяли по горящей головне и, спотыкаясь о камни, вошли внутрь.

В небольшом гроте горели три светильника, выдолбленных прямо в стене. Зал был, наверное, шагов семь в диаметре, но мне он показался тесным из-за тех, кто в нем находился.

Три так называемых «цверга» сидели на каменных стульях, вырубленных из сталагмитов. И они совсем не походили ни на милых гномов Белоснежки, ни на добрых толкиеновских ворчунов.

Представьте три здоровенные, бочкообразные туши, шириною соперничающие с ростом. У каждого — башка размером со жбан для эля, и кулаки с пивную кружку. И я сейчас даже в мелочах не преувеличиваю! Рыхлая, землистая кожа с крупными порами, покрытая угольной пылью и заросшая жесткой щетиной, у двоих — рыжей, а у третьего — черной. Впрочем, если живешь в подземелье, трудно выглядеть кинозвездой!

Но больше всех поражали их лица. Они просто огромны, с гигантскими носищами, губищами и бородами, здоровые и грубые, будто головы сняли с плеч великанов! Густейшие бороды украшены какими-то проволочками, трубочками, бусинами, и, похоже, все они — золотые. Маленькие, едва выглядывающие из-под кустистых бровей глаза на красно-сизых рожах, прокопченных угольным дымом, смотрели на нас совсем не дружелюбно.

— Вот этого я знаю, — без обиняков сообщил чернобородый, ткнув толстым пальцем в сторону Клауса. — А этот — невесть кто!

— И невесть зачем, — пробурчал рыжий, сидевший с краю. — Торг закончен, человек.

Если ты пришел к нам снова толкать свою бурду, то зря тратишь наше время!

— И терпение, — злобно добавил третий. Какие прямые ребята, ну надо же!

Все трое они говорили каким-то сиплым, звериным басом, как человек, у которого сорван голос. Звучали их «голоса», конечно, по-разному, но при этом одинаково противно!

— Я не буду предлагать вам вина. Я предлагаю золото!

— Что?

Черный цверг, мерзко ухмыляясь, оглянулся на остальных, предлагая разделить его веселье.

— Ты предлагаешь золото НАМ? — последнее слово он просто прорычал. — Да ты, я смотрю, дурачок!

И положил демонстративно свою гигантскую лапу на рукоять кинжала. Тут Клаус почему-то отодвинулся от меня.

— Вы продали «испорченный камень» Хозицеру, — я начал говорить, торопясь, пока они еще слушают. — И он попал к оркам. Теперь шаманы орков смогут обрести невиданную силу. Нам надо его вернуть. Продайте нам наконечники для арбалетных болтов, и мы сможем отбить варп-камень!

— Что он мелет? — Черный обернулся к рыжим. — Кто это дал долговязому Хозицеру варп-камень?

— Ты что-то путаешь, человеке, — прорычал крайний рыжий цверг. — Никто не продавал Кхарун-знак людям уже много лет. Это запрещено!

— Желто — зеленые камни, которые носят в свинце, — также торопливо выкрикнул я, стараясь внятно выговаривать каждое слово. Вы в своих пещерах не слышали грохот десять дней назад? Это был он!

Они переглянулись.

— А я говорил, что это не землетрясение! — запальчиво прорычал второй рыжий. — А ты — «обвал в горах, обвал в горах»! — передразнил он черного.

— Да, удар был таков, что все на землю попадали, — поддакнул я. — А ведь это малая часть их силы!

Чернобородый цверг смотрел на нас с Клаусом с презрением, что у него прекрасно получалось.

— Так значит, он у орков?

Я молча кивнул. Возможно, что он и у орков. Вдруг Аззи наткнулась на какой-то клан и не справилась с ними?

— Вот поэтому и не стоило продавать его людям.... Эти недоделанные эльфы могут потерять что угодно!

— Кроме мозгов, — буркнул второй рыжий, — нельзя потерять то, чего нет.

— Только вот я не пойму, человеке, — продолжал черный гном с тем же презрением в голосе, — кто у орков мог применить Кхарун-знак... Был у них тут раньше один шаман, да и тот кувыркнулся зим пять назад. Крови он нам, конечно, попил знатно. У них даже самого варп-камня не было, только череп скайвена, впитавший его пыль! Так он такое творил... мы уж думали уходить на ту сторону хребта!

Черный цверг мрачно почесал бороду лопатообразной пятерней.

— Помнишь, как они взорвали тоннель под Трехглавой горой? — толкнул он локтем рыжего соседа. — Тогда мы четверых не откопали!

— Как не помнить, — густым басом отозвался тот, — до сих пор кости ноют. Два дня

лежал под завалом, думал, и не найдут меня. Житья не было от них. Но потом все затихло, слава Одину.

— Ну, то дело прошлое, — черный дварф почесал широченную бороду своей титанической пятерней, — а вот кто сейчас-то продал людишкам Кхарун-знак?

— Ну, я продал, — буднично сказал первый рыжий, глядя под ноги. — А чего такого? Черный дварф аж затрясся от бешенства.

— И на кой тролль ты это сделал? За такое надо изгонять! Вон из горы, на ветер!!

И в сердцах шарахнул кулачищем по свисавшему перед ним сталактиту, разнеся его в мелкую крошку. Висюльки на его бороде возмущенно закачались.

— А ты забыл, что я выторговал? Рыжий искоса остро посмотрел на черного, и тот сразу присмирел.

— Пойдите, пойдите! Все можно исправить. Дайте мне наконечники для арбалетных стрел, и мы все устроим!

Черный в упор посмотрел на меня примерно таким взглядом, как сержант на духа, не умеющего наматывать портянку.

— Святой антрацит, да что такой тощий растяпа может «исправить»? Ты пошел в поход за сотню лиг без снаряжения, и пытаешься убедить нас, что можешь чего-то там исправить? Шаманы орков, да еще и с Кхарун-зираком, тебя в пыль сотрут, и не заметят!

— Сами знаете, шаманов у них тут нет. А у нас — сильный маг, он поможет. Да в конце концов! Что вам стоит продать нам наконечники? Вы же наделаете новых!

— Это точно. Наделаем. Перед войной стоит запастись оружием. А, ежели то, что ты говоришь, правда, войне быть, и оружие нам понадобится!

— А союзники на войне не нужны? Даже если мы падем в боях, мы сможем убить немало орков, а их шаманы потратят часть своей магии на нас!

— А вы и так сгинете в боях, а орки потратят на вас и магию, и силы!

— Вам что, не нужно золото?

— Нет не нужно. А сколько?

— Товар ваш, так сами и назовите цену!

— Да Кхорн с ним, — проревел крайний рыжий. — Он мне надоел. Сразу видно, языком приучен болтать, а не руками дела делать! Ежели б не Закон гостеприимства, давно бы свернул ему шею, да и дело с концом. Дай им, чего хотят, и пусть проваливаются!

— Хорошо, — глаза черного цверга с красноватыми белками уставились на меня в упор. — По дублону за дюжину. Идет?

Мы торговались до рассвета. Только теперь я начал понимать, почему Хозицер пришел тогда с темными кругами под глазами. Гномы орали, плевались, трижды уходили в свои катакомбы и трижды возвращались. В итоге сошлись на пяти гротенах за дюжину, что всего лишь в два раза превышало обычную цену. Правда, наконечники оказались отличные, все одинаковые, как из-под пресса, и сделаны из превосходной каленой стали.

— Как вас звать, господа? — спросил я под конец.

— Зови меня Стом. А мое истинное имя тебе ни к чему, — сообщил чернобородый гном. Рыжие цверги проигнорировали мой вопрос, но я помнил, что один из них — Торвальдинн.

— Вы придете еще торговать, если я приеду вновь?

— Ты, человек, еще надеешься выжить? Да ты и вправду дурак!

— А все-таки? Если я приду вновь?

— С орками и мертвецами мы не торгуем. Так что — нет.

Сама галантность, Кхорн их дери!

— Стом, а как насчет небольшого кусочка этого вашего Кхарун-зинака? Он бы нам очень пригодился!

Гном развеселился. От его широкой, щербатой ухмылки мне стало сильно не по себе...

— А «хлитциус» у тебя есть?

— Это что? — шепотом спросил я у Клауса.

— Тот очищенный жир, который вез им Хозицер, — также шепотом ответил он.

— Гм. Может быть, тоже золото? — обернулся я к цвергам.

— Нет, — отрезал Стом. — Нам и хлитциус-то не очень нужен, закупили достаточно.

Хотя...

— Может, все-таки продадите?

— Ну, нет. Вы, людишки, запретили торговлю с нами, и мы теперь не пойдём вам навстречу!

— А арбалеты?

— Можно... самые хреновые!

Мы дождались, пока цверги принесут наконечники, расплатились и, сгибаясь под нечеловеческой тяжестью, двинулись обратно в лагерь. Арбалеты они обещали принести позже, и, конечно, за них тоже предстояло поторговаться.

— Клаус, — спросил я сержанта, когда мы встали передохнуть, — а не знаешь, почему запретили торговлю с гномами?

— Нет, мне это не известно. Скорее всего, из-за испорченного камня. Церковь не хочет, чтобы маги имели сильные амулеты. А вам сейчас сильно повезло, командер.

— Что-то я не заметил. В чем?

— Просто цверги всегда делают вид, что уж чего-чего, а золота у них навалом. Предлагать гному расплатиться золотом за его товар — это как будто крикнуть ему: «Ты-нищий!». Это оскорбление. Можно сразу киркой в лоб получить!

Наутро мы загрузили бочки скисшего вина в повозки и под проклятья пехотинцев поехали обратно. На привалах все прикрепляли наконечники стрел к древкам. Я купил двести дюжин, а еще выторговал дюжину прекрасных гномьих арбалетов, тяжелых, но мощных, потратив все деньги, что нашел у Хозицера и Руппенкоха. Стрелять из них с рук было решительно невозможно, но, закрепив эти штуки на бортах телег, мы получили мощнейшее и дальнобойное оружие.

Об одном я сожалел — что не удалось сторговать даже кусочка варп-камня. Судя по тому, что творила с ним Азалайса, эта штука делает магов просто смертоносными чудовищами. А мне бы сейчас очень не помешало какое-нибудь чудовище на нашей стороне! Да и для маячившего впереди сотворения портала в мой мир запас сильной магии явно не помешал бы.

По крайней мере, я знаю, к кому теперь обратиться. Осталась всего лишь мелочь — выбраться отсюда живыми....

Глава 41

Мы шли все дальше и дальше от предгорий. Разведчики каждый день уходили вперед на

глубину в три-четыре лиги, но орков пока не встречали, и всех это несказанно радовало. Всех, кроме меня и Клауса — он по опыту знал, что главные бои еще впереди, а я доверял ему во всем, что касается орков. Но, пока можно и передохнуть.

Все это время я, не переставая, думал о перспективах сбежать отсюда обратно, в свой мир. Рассказанное магом не шло из головы, ведь, увидев голубое сияние, сопровождавшее его телепортацию, я впервые ощутил признаки робкой надежды на возвращение.

Да, все это опасно. Даже если не принимать во внимание сложность создания портала между мирами — здесь я могу рассчитывать только на знания мага и на удачу — есть и опасности иного рода. Интерес к упражнениям хаоситов, скорее всего, будет принят за злонамеренное поклонение демонам. А я и так всегда был под подозрением. И это может вылиться во что-то очень нехорошее!

Одна надежда — на каноника. Он всегда был добр ко мне, насколько слово «доброта» вообще уместно в этом, всеми богами забытом, мире. После получения артефакта он, очевидно, будет милостив. И мы с Литцем узнаем от него все подробности моего появления здесь — ведь инквизиция проводила расследование этого случая! А потом, я надеюсь, сможем успешно провести рискованный эксперимент, в итоге которого я вернусь в свою прокуренную однушку на окраине Балтийска. Снова пойду на работу, откручивать прикипевшие гайки чужих дорогущих машин. Вновь заведу древнюю, но еще бодрую Ауди. Ждет ли меня еще Лена? Что-то мне подсказывает, что нет....

Не могу сказать, что жизнь в родном мире когда-либо казалась мне сахаром. И платили в автомастерской вроде бы неплохо, а все равно денег всегда не хватало — расходились туда-сюда. Но, все равно, с тем, что я увидел здесь, не сравнить. Там я мечтал сменить машину, а здесь — купить приличные сапоги. Тут побриться-то — целая проблема, пока еще найдешь горячую воду, а не найдешь — сам кипяти, если есть в чем! Очаг с трубой я видел только в монастыре, все остальные топят «по-черному». Окно, из которого не дует — диковина, о которой слагают стихи. Тут чистят зубы мелом и сажей, моются раз в год, обходясь в другие дни протираaniem тела мокрой тканью, а одежду меняют.... Очень редко. Это еще если есть, на что менять!

И все — дорого. Дешева только человеческая жизнь. Разнообразные банды бродят по дорогам, убивают путников и сжигают деревни. Их непрерывно вешают вдоль дорог, Пять лет назад была эпидемия, и кладбища, говорят, разрослись тогда вдвое. Мало кто доживает до сорока, а человек за пятьдесят — уже глубокий старик. И неудивительно — половину болезней тут лечат ртутью, а другую половину — мышьяком. А если хлеб не уродился, едят турнепс и желуди — обычную пищу свиней. На таком фоне пальмовое масло и соя вспоминаются, как манна небесная!

Нет, если есть хоть малейший шанс вернуться, надо им воспользоваться, несмотря на риск. Любой ценой!

Я запустил руку в кошель, задумчиво покрутил в руке несколько монет. Тяжелое золото грубой чеканки приятно холодило ладонь. Вот бы что взять с собой! Скопить серебра или золота — золото, конечно, лучше, да и прихватить с собой. Оно везде в цене — раз тонкая золотая цепочка стоит несколько тысяч, значит, такие увесистые монеты потянут ого-го! Тут у меня в мешочке, наверное, квартира в Калининграде. А может быть, и в Москве!

Вот это было бы замечательно! Правда, своего золота у меня не густо. Но можно и прихватить чужого — меня ведь то и дело посылают на сбор церковной талы... а может, удастся добыть и сумму побольше? Например, перейти в экзархат и ходить с Беренгардом —

они собирают по сотне рейксталеров за раз, а то и больше! Вот это было бы...

Мои раздумья прервал Линдхорст.

— На дороге завал, — сообщил он. — Похоже, что орки повалили деревья, чтобы мы не прошли!

— Так уберите их! — удивился я. — Неужели самим непонятно?

— Их довольно много. Пехотинцы должны помочь нам!

— Осторожно! — подошел встревоженный Клаус — Где завал, там и засада!

Он оказался прав.

— Орки! Кабанщики с левого фланга! — закричал кто-то из обозных.

— Печенка Архаона! — проорал ротмистр Рейсснер. — Да они нас окружают!

Разворачивай повозки! Распрягай!

Солдаты спешно начали готовиться к бою.

Орки же, казалось, не спешили. Небольшие отряды швайнрайтеров под бунчуками разной формы стягивались на обоих флангах, собираясь в кучи и вновь распадаясь.

— Что скажешь, Клаус?

Одноглазый сержант, оторвавшись от перебранки с обозными, влез повыше и внимательно посмотрел по сторонам.

— Знаки слева — это «черные» орки с высокогорья. У них нет всадников, только пехота. Но очень яростная и сильная!

— Почему «черные»?

— Перед боем они мажут морды черной краской. А так — обычные орки.

Я взгляделся тоже. Тех, кого он назвал «черными», можно было отличить по бунчукам с витыми козлиными рогами и меховым безрукавкам. Действительно, свиных всадников у них не было, зато у кое-кого я заметил арбалеты! Вот это по — настоящему скверно.

— Справа орки под бунчуками, которые мне не знакомы. Я думаю, они с равнин по ту сторону горного хребта. Похоже, местные кланы получили подкрепления со всех сторон!

— Как думаешь, сколько их?

Клаус задумчиво почесал бритый подбородок.

— Возможно, тут три племени: местные орки, вон они, корчат нам рожи на завалах, — он показал рукой на перегородившую дорогу баррикаду, — горное племя и племя с равнин. Их может быть и пять, и шесть сотен.

Так-так. Пятикратное преимущество. Чудесно.

Пойду надевать свой доспех.

Бой начался еще до того, как мы смогли подготовиться. Из ближайшего перелеска с фланга вдруг выскочили, как мне показалось сначала, орки-подростки. Уродливые полуголые твари, размахивая топорами, ятаганами и боевыми кирками, бросились на наш вагенбург, что-то злобно визжа.

— Гоблины! Они привели гоблинов, — прокричал Майнфельд, привязывая штандарт Андтага к вертикально выставленной оглобле.

— Эти коротышки нам не страшны, — отозвался Николас Рейсснер, проводя лезвием своего топора по своей черной как смоль бороде. Затем, удовлетворенный его остротой, подкинул топор в руке и заорал:

— Быстро на возы, сукины дети! Кончай ковыряться в задницах, чтоб вас.....!!!

Командирский рык, как всегда, произвел на пехотинцев самое бодрящее действие. Все побежали, как кролики от лая гончих, причем каждый солдат уже имел свой «любимый» воз

и место на нем.

Рейсснер оказался не прав. Гоблины с визгом прыгали на телеги, пролезали между ними, подползали под днищами. Сразу начался бой накоротке. А тем временем к нам уже приближались отряды орков.

Пришлось и мне взяться за дело. Взяв копьё, я отпихивал эту мразь обратно за повозки. Тяжесть доспеха, хоть и делала меня неповоротливым, зато внушала уверенность в своей относительной безопасности. Держа копьё двумя руками, пригнувшись, я подождал, когда очередной ублюдок вылезет из-под телеги, и вогнал в него копьё. Тот оглушительно завизжал и задергался, молотя ятаганом по древку.

От ужаса я его выпустил и взялся за меч. Легковесный клинок Стусса дважды прошелся по лысому черепу гоблина, но тот как будто бы его и не заметил. Резко крутанувшись, он переломил древко копья и, держа его обломок в одной лапе, а ятаган — в другой, бросился на меня. Хоть и невелик ростом гoblin, а какая же это крепкая тварь! Яростно отбиваясь, я отражал чудовищной силы удары и щитом и мечом, пока кто-то из пехотинцев не схватил зеленомордого сзади и не перерезал ему глотку так, что башка чуть не отлетела.

Со всех сторон раздался дикий грохот — за гоблинами навалились орки. Они яростно рубили повозки, лезли на них, подсаживая друг друга. Арбалетчики старались вовсю, вгоняя болт за болтом в измазанные черной краской туши. Плохо закрепленные повозки ходили ходуном — мы не успели вкопать колеса в землю, и теперь орки вовсю раскачивали тяжеленные фургоны, пытаясь повалить их.

— Клаус! Клаус!!!

Командир обоза, несмотря на дикий шум и крики со всех сторон, услышал, и, хромя, подскочил ко мне.

— Почему обозные не помогают солдатам? Пусть берут дубины и сражаются, или хотя бы удерживают телеги!

Тот кивнул и бросился исполнять.

Я почувствовал, что сильно взмок, и уже устал. Все-таки не привычно таскать такой тяжелый и не очень удобный доспех на себе. А орки собирались в новую атаку...

Улучив минуту, я подошел к своему фургону. Где-то тут было... да. Вот эта склянка.

Небольшая, на несколько глотков, бутылочка из мутно-черного стекла. Пробка тоже стеклянная, хорошо притертая к пузырьку. Прямо аптека, ей-богу. Взял другую склянку. Что из этого варила Аззи, а что сняли с орка-берсерка? Поди, знай!

Я еще раз внимательно посмотрел на склянку. Открыл, понюхал бурое варево. Запах был незнакомый, и какой-то чужой. Трудно было представить, что можно запихать это внутрь. Больше всего мне это напомнило смазку для лыж.

Рискнуть? Метаболизм орков сильно отличается от человеческого, но, все же, мы во многом и похожи. Я так и не удосужился проверить средство на ком-то другом, решив, что толку от такой проверки будет мало — ведь я отличаюсь от других. А ситуация у нас критическая. Сейчас они снова атакуют и разнесут нас в клочья! Если не случится чуда...

Я осторожно сделал один глоток. Гм. Могло быть хуже. Немного горчит, немного жжется, но в целом, терпимо. Ну, понеслось. С Богом.

Выпив зелье, я минуту постоял в одиночестве. В животе разливалось тепло, как после стопки водки, в остальном я ничего особого не почувствовал.

Снаружи послышался шум. Снаружи стоял испуганный Птах.

— Коммандер, там вас кличут, — прочирикал он.

Я вылез наружу, на ходу поправляя на поясе ножны с мечом.

Бледный Клаус стоял в окружении обозников, вооруженных дубинами и топорами. Все это было очень похоже на бунт.

— Мы не солдаты, — кричал один из них, — и не собираемся тут погибать!

— Что такое? — присоединился я к беседе.

— Обозные отказываются помогать солдатам.

— Обозные решили умереть?

— Нас брали перевезти груз, — начал один из теофилбуржцев. — Не было речи, что нам придется махать дубинами, отбиваясь от кхорновых гоблинов!

— Вы разве не знали, что пойдете в область орков?

— Нам сказали, что будет охрана.

— Охрана есть. Но она не справляется. Если не будете биться с нами — погибнем все.

— Так займись своим делом, начальник, какого Кхорна нас запрягать, — заорал другой. — Нам за это не платят!

— Могу предложить вам жалование солдат, раз уж так вышло. Что тут поделывать, раз орки лезут толпами, то надо биться!

— Я скажу тебе, что мы собираемся делать, начальник. Ничего! Мы стоим и смотрим, как вы тут разбираетесь с орками. А наше дело- сторона, мы тут ни при чем. Правда, ребята?

Раздался одобрителный гул голосов.

Скоты!

Бешеная вспышка ярости пронзила меня. Одним движением выхватив меч, я, что есть сил, хлестанул им плашмя ближайшего вагенкнехта.

Баммс! Раздался звон, как будто ударили в рельс.

Голова мужика разлетелась на куски, как гнилой арбуз! Мой меч лопнул. У меня в руках осталась рукоять и семь дюймов клинка — остальное улетело в неизвестность.

Все застыли, в ужасе глядя на тело.

— Немедленно. Немедленно выполнять мой приказ. Все — ПО МЕСТАМ!

Бледные обозные, вытирая с лиц капли чужой крови, молча разошлись по своим возам.

— Проследи, чтобы все сражались как должно, — кинул я землистому Клаусу и пошел к солдатам, вертя в руках обломок меча. Черт. А с этим что делать?

Мне нужно другое оружие, разрази меня Кхорн!

Сунувшись обратно в фургон, я начал перебирать свое вооружение. Полэкс Хозицера, даже с виду тяжелый, лежал у борта телеги, завернутый в ткань. Ну-ка, ну-ка... Выйдя наружу, повертел в руках этот полу-топор, полу-молот, подбросил его и поймал, сделал несколько взмахов, со свистом рассекая воздух.

Неплохая штука. Вполне можно им размахивать. Ручка немного неудобная, но если приноровиться, то, в общем-то, все нормально. Конечно, щит с ним не толком не используешь, но с моим доспехом он не очень-то и нужен.

Дай-ка попробую эту штуку в деле!

Шар-рах! Вот это удар! Ствол молодого вяза, служивший оглоблей телеги, просто разлетелся в щепки! Хорошо, что молот цельнокованный, деревянная рукоять не выдержала бы такого. Вот Кхорн, теперь оглоблю придется менять!

Ладно, с этим разберемся потом. Если живы будем. Бой уже в самом разгаре!

Выбравшись из-под грубой шатровой ткани, я огляделся. Бой уже был в самом разгаре. Арбалетчики как сумасшедшие взводили свое оружие и вгоняли болты в орков в упор.

Пехотинцы с ревом вонзали острия глеф и аншисов в лезущих на повозки тварей. Чертовы обозники тоже не халтурили, кто держал повозки и щиты, а кто-то и размахивал топором. Кажется, все идет хоро...

Шаррах!!

Один из возов с грохотом рухнул на бок. Применив что-то вроде багра, несколько здоровых орков зацепили его за борт и потащили на себя. Арбалетчика с воза сразу забили дубинками и топорами; два пехотинца рубились, прикрываясь щитами, но было понятно, что долго им не выстоять.

Странное, доселе неведомое чувство охватило меня. Мне вдруг нестерпимо-страшно захотелось пойти и убить кого-нибудь. Впрочем, нет. Мне хочется убить *всех*. Вообще всех! А почему бы и нет?

Отбросив мешавший мне щит и перехватив полэкс поудобнее, я, не торопясь, отправился в пролом.

Здоровый орк возник передо мной, рыча от бешенства. В любой другой день это бы вызвало у меня ужас, но не сегодня.

Ххек!

Удар пришелся лезвием топора, снизу вверх и наискось — так полэксом, конечно, не бьют, а я вот врезал, и снес половину его зеленой морды. Вся нижняя челюсть и половина верхней — просто улетели!

Хренак!

Доля секунды, и ошеломленный враг от души получает мощнейший удар по черепу. Раздался гулкий звук, как будто лопнул глиняный горшок. Башка зеленомордого стала похожа на мешок с костяными осколками, один глаз стал заметно ниже другого. Отдыхай, дружок.

Ой-ой — ой. Да чего ты суешь мне в лицо эту железку? Ты хоть понимаешь, что я сейчас с тобой сделаю?

Дддзеньь!!!

Быстрый взмах — так быстро даже мечом не машут, а я вот размахиваю тяжеленным молотом так, что воздух свистит — и тесак кабанщика взлетел куда-то в небеса. Ярость в его глазах моментально сменилась ужасом. С такой мимикой тебе бы в театре играть, дружок. Нет-нет, я с тобой еще не закончил!

Тррах!

Орк отпрянул, и мой удар пришелся не в голову, а в грудь, где у человека была бы ключица. Молот отозвался приятной тяжестью, как бывает при хорошем, правильном ударе. Как в колоду засадил!

Тррах!

— Подходите, сукины дети! Я сегодня добрый, никого не обижу. Никто не уйдет, обделенный вниманием!

Шаррах!

Ты щитом решил прикрыться, да? Очень, очень глупо. Вот где теперь твой щит? А ведь была хорошая вещь, украшена чьими-то костями, а теперь? Ну что ты его второй раз не поднимаешь, ведь сейчас в голову прилетит? Не можешь? А я могу!

Трах! Это какая-то песня!

Шарах! Да как я жил-то раньше?

Хрряк! Бах! О, как я счастлив! Боже, сделай так, чтобы это длилось вечно!

Бзздыннь!!!

Это кто-то меня стукнул тесаком. Дурачок, вот как надо! Хрряп! Да, плечо у тебя слабовато, не то, что мой топор!

Как, неужели все закончилось? Они бегут? Да как так! Я же только начал. Еще не все черепа разбиты!

Непреодолимо тянет догнать их и всех разобрать на мясные запчасти. Непреодолимо. Но нельзя. Надо оставаться на позиции, это мой собственный приказ. Чертов приказ, Кхорн его дери!

Чей это рев? Еще орки? Нет. Это я рычал от бессильной злобы, глядя на их удаляющиеся спины. Черт! Кхорн!.....!!!

— Возвращайтесь скорее, уроды! — ору им вслед, сжимая ясеневое древко своего оружия.

Горячка боя не отпускает. Как хочется повторять это еще и еще раз, опускать полэкс на их черепа то топором, то молотом! Да как я жил раньше? Боялся этих зеленых уродов? Они же просто корм для моего молота!

Но, дружок, надо взять себя в руки и проверить, все ли в порядке. Так...Рука — пока непонятно, возможно, что запястье я повредил. Удар орка по плечу сталь выдержала. Отличный доспех! Синяк, может, и будет, ну да это ерунда!

Оружие.... Вроде в порядке. Так, а что это? Ха! Ха-ха-ха!!!

— Коммандер? Ты что, Энно?

Сержант Кунц и солдаты с возов смотрят на меня в недоумении.

— Смотрите, ребята, — я протягиваю им молот, показывая зеленовато-серую жижу, облепившую боек. — Оказывается, у орков есть мозги! Ха-ха-ха!

Все ржут. Я вижу на лицах солдат облегчение оттого, что атака отбита. Мы уже все попрощались с жизнями, а оно вон как обернулось. Бегство врага, адреналин боя — все это выливается в глупые шутки и похвальбу, бессмысленный смех, как после хорошего косяка.

— Коммандер, как ты врезал вон тому орку, — череп-то лопнул, как тыква! Гы-гы-гы!

— А этот с ножиком полез... Кусок тупого зеленого дерьма!

Я оглядываюсь вокруг и вижу восторженные глаза людей. *Своих* людей. Я только что спас нескольких из них, и они это запомнят. Мы на одной волне, и это прекрасно

— Ребята, займитесь своими делами... Соберите трофеи. Ищите арбалетные болты — они нам еще очень пригодятся. Сегодня вечером хлебнете хорошего винца — вы заслужили!

Глава 42

Вдруг кто-то тронул меня за плечо.

Линдхорст, бледный как мел, с безумными глазами, махал рукой куда-то в сторону.

— Там... Там...

— Там тролль! — Подошедший Клаус закончил его фразу. — Черные орки притащили с собой горного тролля!

Вскочив на ближайшую телегу, окидываю взглядом поле боя, выискивая эту новую, страшную опасность. Долго искать не пришлось!

Поле перед нашим отрядом сплошь было усеяно мертвыми и умирающими орками. Но дальше, под бунчуками с вилорогими черепами горных козлов, собирались новые таборы зеленокожих. И среди них, на добрую сажень, возвышаясь над всеми, стоял невероятно уродливый гигант.

Черная с подпалинами шерсть покрывала такую же черную кожу. Бычья голова с огромными ушами возвышалась над бочкообразной грудью, а кривые, «колесом», ноги, похоже, с трудом удерживали все это над землей.

Несколько здоровых орков с двух сторон растягивали его цепями. Похоже, напрочь отбитые зеленокожие и сами его боятся, а это, знаете ли, говорит о многом!

Хрипло взревел орочий рог, и отряды черных клюгеркерлов двинулись на нас, потрясая оружием. Тролля дернули за цепи, и он пошел какой-то кривой вихляющейся походкой, на ходу размахивая слева направо дубиной размером со ствол небольшого дерева. Среди наших солдат послышались торопливые молитвы и вопли ужаса.

Надо что-то делать!

— Линдхорст, вы сможете подстрелить эту тварь, пока она не добралась до нас?

— Он не сможет, — внешне спокойно сообщил Клаус.

— Отчего?

— Арбалетом его не взять. У них кожа твердая как кора. Стрела войдет на пару дюймов, не более того. И в рукопашной его не победить!

Последнее было понятно. Никто и не рискнет идти с ним в рукопашную. Даже я. Нет, конечно, я крут, как Краесветные горы, но пока еще не сошел с ума. И что, собственно, делать?

Я оглянулся по сторонам. Солдаты, только что оживленные от ожидания близкой победы, были подавлены и напуганы. Сейчас это чудовище подойдет к нам и сначала сметет своей дубиной всех моих людей с повозок, потом расшвыряет и повалит возы, и орки потоком ворвутся внутрь....

Так, а что это?

По бортам повозок стояли купленные мною арбалеты гномов. Но почему-то никто ими не пользовался!

— Линдхорст! Почему арбалеты на бортах остались без солдат?

— Коммандер, мы не можем из них стрелять. Нужно быть гномом, чтобы натянуть эти штуки!

Проклятье. Я совсем про это забыл. Натяжные механизмы у арбалетов

цверговрасчитаны на гномьи ручищи, а не на слабые людские культипки! И теперь они бесполезно стояли по бортам повозок, занимая место и только мешая нашим людям. Таким же бестолковым грузом лежали рядом предназначенные для них прекрасно выкованные цельностальные болты.

— Давай-ка, попробуем!

Подойдя к одному из арбалетов, я начал натягивать ворот, пытаюсь дотянуть до защелки замка. Пока силы, данные шаманским элексиром, еще бурлили во мне, я и не на такое был способен! Не могу сказать, что это было просто, но шестеренчатый механизм со скрипом сделал свое дело.

— Линдхорст! Кто у вас лучший стрелок?

— Меткий Дитрих. Эй, «Меткий!»

К нам подошел приземистый боец с изуродованным лицом. Я, конечно, уже видел его в отряде. Этот приземистый и коренастый здоровяк уже седьмой год командовал декурией арбалетчиков и делал это очень хорошо. Когда-то он получил сильное ранение — тесак орка рассек ему лицо горизонтально на уровне рта. Грубый шрам, глубоко вдающийся в щеку и завершающийся на углу рта, придавал ему особенное выражение лица — как будто Дитрих постоянно держал что-то во рту. Говорил он из-за раны плохо, мало и неохотно.

— Меткий! Попадешь из вот этого, — я показал на гномий арбалет, — вон в того?

Стрелок прищурился, приложился к гномьему арбалету, потом снова посмотрел поверх него.

Троль был в сотне шагов.

Не надеясь на единственный выстрел, я бросился взводить второй арбалет.

Бамс!

Меткий выстрелил. Болт сверкнул на солнце стальным оперением и вонзился в бочкообразную грудь тролля, уйдя в нее наполовину.

Тот взревел, разбрасывая орков с цепями в стороны. Бросив свою дубину, он обеими лапами вырвал стрелу и отшвырнул ее в сторону. И рана его тут же, буквально на глазах закрылась!

— Он легко затягивает свои раны! Только раскаленный металл может навредить ему, — сообщил Клаус, отчего-то втягивая голову в плечи.

Я наконец-то справился с арбалетом. С сухим щелчком он встал на взвод.

— Маг! Тащите сюда мага!

Сержант Кунц поспешил за Литцем. Орки, тем временем, смогли восстановить контроль над своим, трехсаженного роста, воином. Натянулись цепи, и тролль, вращая уродливой головой, снова двинулся в нашу сторону! Да где этот кхорнов маг!

Оглянувшись, я увидел, что Литц уже бежит к нам.

— Сюда! Лезь на телегу! Вот, смотри. Можешь раскалить этот болт?

Тот, помешкав секунду, простер руки над стальной стрелой. Через несколько мгновений я почувствовал, что она стала греться. Металл обжигал меня даже через перчатки.

— Погоди!

Я перехватил стрелу через полу дублета.

— Давай! Только хвостовик не кали!

Пара секунд, — и стрела стала бордовой, а затем и оранжевой. Ткань, через которую я удерживал стрелу, задымилась.

— Достаточно!

Я вложил раскаленный болт в арбалет и принялся сбивать пламя с собственной одежды.
— Меткий! Стреляй!

На этот раз до тролля оставалось всего с десяток шагов. До нас уже доносилось его смрадное дыхание, и свист воздуха, рассекаемого гигантской дубиной!

С сухим треском болт сорвался с арбалета и полностью вошел в брюхо твари.

Дикий, утробный вой оглушил нас. Сорвавшись с цепей, монстр раскидал окружавших его орков, буквально подкинув их в воздух! В бешеной ярости он крушил все вокруг, круша кости своих собственных хозяев. Те в ужасе бросились во все стороны, швыряя в него топорами.

Я уже заново взвел арбалет цвергов.

— Литц, кали болт! Меткий, бей его!

Стрелок помедлил, наблюдая метания подстреленного зверя, пытаясь подловить удачный момент; потом быстро, почти не целясь, выстрелил. Болт влетел в голову тролля где-то между глазом и носом. Тварь повалилась на землю и забилась, вздымая тучи земли и пыли. От дикого рева я не слышал сам себя, отдавая команды, но, к счастью, все уже поняли, что делать.

Еще один раскаленный болт влетел в брюхо тролля. И еще один — в подмышку.

Казалось, это длилось не меньше часа, хотя прошли считанные минуты. Затем тролль вытянулся на боку прямо под нашими повозками и забил задними лапами. Орки уже разбежались, и с расстояния смотрели на агонию своего чемпиона.

— Чего ждем? Стреляйте! — крикнул я арбалетчикам.

Те всадили в застывших орков прекрасный, точный залп.

Для зеленокожих это оказалось последней каплей. Бросая оружие, они позорно бросились наутек.

Я обернулся к ротмистрам.

— Подсчитайте потери. Соберите раненных. Найдите все болты, какие сможете — нам они еще пригодятся. Потом — ко мне, на военный совет. Клаус, и ты тоже!

Отдав все приказания, я вышел за вагенбург поближе посмотреть на то, что мы наворотили.

Трупы орков густо устилали поле. С учетом гоблинов, мы завалили, наверное, семь-восемь дюжин зеленокожих. Почти все убиты из арбалетов, впрочем, как и всегда.

Горные орки показались мне плотнее и приземистее своих равнинных собратьев. На мордах черной краской нанесены узоры, в ушах у каждого — много серег, в том числе и золотых тоже. У многих на одежды из козлиного меха нашиты металлические пластины, защищающие от стрел, впрочем, от арбалетных болтов их это не защитило. Некоторые орки выглядели так, как будто их разнес паровой каток. Я не сразу понял, что это те, кого убил я.

Солдаты собрались возле тролля. Зажимая носы, они с любопытством рассматривали эту невероятно уродливую тушу. Я тоже подошел поближе.

Все, смеясь, обсуждали уродливые клыки, страшные когти и грубую, как моржовый ус, шерсть горного монстра. А меня интересовала рана, нанесенная первым выстрелом.

Она действительно затянулась в считанные секунды, так что невозможно было и понять, где она была — так много оказалось шрамов на груди тролля!

— Так-так, — произнес я вслух сам себе. — Похоже, я знаю, где орки берут компоненты для неуязвимости берсеркеров....Эй, Кунц!

Сержант обернулся.

— Кунц, отрежьте у него голову... и лапу, пожалуйста. И в укус ее.

— Зачем? — не скрывая удивления, спросил тот.

— Ну... на всякий случай. Исполняйте, сержант.

И тут я почувствовал подступающую слабость. Действие зелья кончалось! Начала кружиться голова. Надо сдать командование и срочно где-то прилечь!

— Николас, вы — за главного. Я буду у себя в шатре!

Не без труда я доковылял до своей полевой «резиденции». Птах стащил с меня доспехи и помог сменить насквозь мокрую камизу. Укрывшись попоной, я сразу провалился в сон.

Глава 43

Проснулся я от боли. Резкая, пульсирующая — в правом плече. Тупая — в предплечье. Сильная, жгучая боль в ребрах. Я так и знал! Вчерашние эскапады не прошли даром!

Встав на пол шатра, осматриваюсь в предрассветной полутьме. Да *****! Запястье распухло так, что стало шире кисти руки. Намахался молотом, чтоб его! Болят ребра — оказывается, по ним прилетело во время вчерашнего боя. Здоровый синяк на весь бок. А ведь я даже не заметил этого удара! Ожидаемый синяк на плече, похоже даже, там на кости возникла шишка. Тело стерто доспехом — поддоспешник не совсем мне подошел. И голова чугунная. Общее состояние, будто болею ковидом в самой тяжелой форме.

— Птах! Птах!

Слуга не пришел — видимо, возится с конями или трется у костров. А может, дрыхнет под телегой. Вина вчера на каждого пришлось, скорее всего, немного, но местные неизбалованны, бывает, их валит от стакана обычной браги. А тут все-таки крепленое вино!

Пришлось вылезать из фургона самому. Накинув на плечи плащ — просунуть руку в рукав и надеть иную одежду я не смог — и выполз наружу, в туманное сизое утро.

— Клаус! Литц! Кто-нибудь...

Солдаты вповалку спали среди возов. Из-за линии телег доносился удушливый запах — трупы орков на жаре начинали тухнуть. Мне это запах удивительным образом напоминает то, что бывает при прорыве газовой трубы. Через пару дней тут будет невозможная вонь.

— Коммандер?

Фельдфебель Майнфельд, обходивший караулы, участливо тронул меня за плечо. Оно отозвалось жгучей, яростной болью. Кхорн!

— Что-то мне скверно, Курт. Прикажите восстановить мой шатер. И пришлите хотя бы своего цирюльника!

В отрядах наемников цирюльник не только брил бороды, но и рвал зубы, и лечил простые раны. Понятно, что грамоте этот субъект не обучен, но и опыта ему не занимать.

Вскоре отрядный брадобрей Авель Липманн мазал мне бок и руку мазью, пахнущей странно, но знакомо.

— Это она мне дала. Она, чертовка ваша. Говорит, от ушибов. Я всех, кому дубиной прилетело, этим лечу. Очень помогает, исключительно! А вот это, — он поднес к глазам пузырек, — от открытых ран. Затягивается на глазах! Очень умная она, чертовка ваша, жаль, что сбежала...

Немного придя в себя, я попросил всех командиров прибыть на Военный совет. Едва

одевшись, ротмистр и фельдфебели поспешили в мой, вновь поднятый, шатер. Мне пришлось принимать людей лежа, что, впрочем, было принято с пониманием.

— Клаус, — начал я, — ты знаешь орков лучше всех. Что они предпримут теперь?

Клаус откашлялся.

— Скорее всего, командер, они пока воздержатся от дальнейших атак. Они потеряли много воинов, особенно горные кланы. Смерть тролля, должно быть, здорово их обескуражила, может быть, они даже уйдут.

— А остальные?

— Теперь они встанут в оборону. Будут сидеть за баррикадой из бревен, и ждать нашей атаки.

Это скверно!

— И что, нам придется самим их атаковать?

— Определенно.

— Ну, так ударим по ним. Нельзя все время сидеть за возами! — заявил экспансивный Рейсснер.

— Николас, мы провели уже сколько — четыре? Да, четыре боя с орками. И положили их сотни, а сами потеряли полтора десятка. А почему? Исключительно из-за принятой тактики. Бить их из арбалетов с возов — это одно. А рубиться лицом к лицу, штурмуя лесные завалы — совсем другое дело. Тут мы потеряем намного больше, вероятно, размен пойдет — один к одному. А впереди еще могут быть битвы. Сколько тут племен, Клаус? Шесть?

— Да. Похоже, сейчас на равнине их шесть. А еще союзные кланы — вот эти «черные», например, что гниют сейчас за тыном.

— В общем, это — не последняя наша битва. Надо поберечь людей, других мы здесь не найдем.

— Прошу не считать меня идиотом, Андерклинг. Я прекрасно понимаю все преимущества вагенбурга. Но нельзя всю компанию провести за обозными щитами, иногда надо атаковать! А насчет «беречь людей» — это, конечно, правильно. Только вот что сказать соратникам того бедолаги, которому вы вчера разнесли голову?

— Николас, я наказал бунтовщиков. Мои приказы надо исполнять, и все будет в порядке. Кстати, а чей обозный тогда погиб?

— Это ваш, монастырский, — ответил Клаус, — его звали Даррем.

Даррем? Вот Кхорн, я вчера угробил Даррема? Вот попался же он под горячую руку.... И ведь вот какое дело — ни вчера, ни сегодня никаких сожалений, как цыпленку голову свернул. Да, Кхорн возьми, я и цыпленка-то раньше убить не мог! А теперь....

— Ладно. Что у нас с обстановкой?

— Орки больше не нападают на нас. Сидят за устроенными ими завалами, носа не кажут!

— Понятно. У кого есть идеи по поводу этих завалов?

— Я думаю, — взял слово Линдхорст, — что внезапная атака на рассвете могла бы иметь успех. Орки не слишком-то тщательно исполняют караульную службу, так что...

— Вы правы. Но если они опомнятся и начнут атаковать нас из леса — мы понесем изрядные потери. А сколько их там, в лесу — нам неизвестно!

— Может быть, обойти их? — спросил Майнфельд.

— Было бы славно. Но с тяжелыми повозками мы не сможем сделать это. Придется их бросить, а ведь вагенбург нам еще понадобится!

— Так что вы думаете, командер?

— Приведите сюда мага!

Пока Птах ходил за Литциниусом, я обратился к Клаусу.

— Скажи, откуда обычно дует ветер в этих местах?

Тот пожал плечами.

— В основном — с севера, северо-востока. Южный ветер бывает, но нечасто. Там ведь горы!

— То есть возле баррикады орков, если мы встанем напротив, окажется, что ветер будет дуть нам в лицо?

— Сейчас, получается, да.

Остальные слушали нас, как двух сумасшедших.

Маг протиснулся в мой шатер и встал на входе — для такого собрания моя резиденция была маловата.

— Магистр, сможете ли вы обеспечить нам два-три файерболо?

— Разумеется. Только помните — кто гонится за числом, проигрывает в качестве.

— То есть?

— Я смогу выдать один или два отличных файерболо. Но если надо три — они будут слабы.

— Насколько слабы?

— Одежду подожжет, но убить — вряд ли.

— Это устраивает!

— Но это надо еще попасть прямо в фигуру!

— Куда мне надо, думаю, вы попадете. Итак, господа, я предлагаю следующий план на завтрашний бой...

Весь день мы готовились к битве. На следующее утро я чувствовал себя сносно, настолько, что надел доспех и шлем Хозицера и сам командовал движением отряда. Из общей добычи я забрал себе меч Эйхе, положив взамен три дублона. Казначей отрядов не протестовали, так что теперь отличный, длинный и хорошо сбалансированный меч — мой.

Лошадей выпрягли. Повозки развернули и руками начали толкать к баррикаде орков. Они пытались обстреливать нас из луков, но безуспешно. Как и предполагал Клаус, атаковать они нас не решались — слишком убедительна была наша позавчерашняя оборона.

Подойдя к завалу на дороге на тридцать шагов, мы остановились.

— Арбалетчики, начинайте перестрелку!

Десяток самых метких стрелков, укрывшись за щитами, начали не торопясь расстреливать орков. Те пытались стрелять в ответ из луков, но лучников у них было мало.

— Не торопитесь, ребята. Цельтесь лучше! Те, кто не занят в перестрелке — перезаряжайте арбалеты! — скомандовал Линдхорст.

Один за другим, болты стрелков находили цель. Орки постепенно зверели. Вот уже они начали подбегать ближе и швырять в нас топорами. Я позвал мага.

— Ну что, Литц, давай!

Встав чуть позади арбалетчиков, маг осмотрел баррикаду орков, сверился с направлением ветра. Затем любовно скрутил в руке сгусток оранжевого пламени. Подняв его над головой, он раскрутил его в ладони. Пламя стало оранжево-белым. Дождавшись, когда встречный ветер немного утихнет, маг легким, даже изящным, движением запустил шар

вперед.

Файербол буквально поплыл над землей и взорвался тысячей искр в самом конце завала.

Сухие листья поваленных деревьев вспыхнули как порох. Буквально через секунды там взвился целый вихрь пламени.

Маг приготовил второй, а потом и третий огненный шар, и послал их левее и правее первого.

Баррикаду орковхватило пламя. Сухие деревья вспыхивали мгновенно всеми своими листьями, а ветер раздувал пламя и нес его дальше.

Орки сначала не поняли, что произошло. Видимо, они подумали, что маг промахнулся по ним, и радостно заворчали. Но затем дым и пламя потянулись в их сторону, и зеленокожие заметались. Впереди были мы, а позади — пламя. Одни вставали и бежали к нам, другие пытались протиснуться к лесу через еще не горящие участки завала, третьи просто в ступоре стояли и вертели башками, не зная, на что решиться.

— Арбалетчики, стреляйте!

Стрелки начали бегло расстреливать орков, едва успевая взводить арбалеты. Пехотинцы с удовольствием метали в зеленокожих их собственные топоры, долетевшие до нас.

Над полем боя пронесся вой орков и дикий визг их кабанов. Задыхающиеся от дыма орки бросились кто куда. Пехотинцы, не выдержав, вышли из-за повозок и начали их резать, просто, как свиней. Те почти не оказывали сопротивления — во всеобщей панике их мысли были заняты только бегством.

Наши долго, до темноты, ходили по полю, добывая раненых, обыскивая трупы и вырезая из тел арбалетные болты. Солдаты натрясли из поясов орков изрядное количество монет, слитков и украшений; также было найдено несколько приличных клинков и много вполне пригодных топоров. Пришлось ждать сутки, пока толстые стволы деревьев прогорели до золы. Бордовые угли сгоревшей баррикады мерцали всю ночь. Солдаты, смеясь, жарили на них мясо и сало, вырезанное из павших боевых кабанов орков.

— Как жаль, что к доброму ростбифу нет доброго эля, — пробасил Рейсснер, поджаривая себе бекон на лезвии орочьего ятагана.

— Кхорн возьми, я готов выпить даже той отравы, что командер возит взад — вперед в своих бочках! — воскликнул Майнфельд.

— Побереги желудок, Курт. Нам еще шагать и шагать!

— Коммандер, а действительно. Зачем вам эти бочки?

Я поворошил угли, поглядел на звездное небо, на котором сияли две местные луны — бледно-желтая и серо-зеленая, потом на головы орков, которые солдаты ради забавы насадили на колья и отправили запекаться в угли.

— Всему свое время, Курт. Возможно, и ни к чему. А может быть, пригодятся. Пока я точно не знаю... Всему свое время.

Глава 44

Еще три дня мы ехали относительно спокойно. Устроили большой привал у попавшейся по пути речушки, дали отдых лошадям. Постирали одежду с золой, захваченной солдатами с произошедшего пожарища, искупались сами. И, видимо, расслабились сильнее, чем надо.

Отряды орков появились как будто со всех сторон. Мы развернули вагенбург, поставив его тылом к реке, приготовили арбалеты. Но орки не атаковали.

Внезапно мы поняли, что они окапывают нас со всех сторон.

— Потроха Архаона, они что, решили взять нас измором? — удивился Рейсснер.

— Возможно, Николас, вы правы. И, если так, то они умнее, чем я рассчитывал!

Постепенно замысел зеленокожих стал понятен — не имея возможности победить нас в бою, они теперь перекрывали путь нашим повозкам, чтобы не они нас, а мы их атаковали в невыгодных условиях.

— Нужно немедленно атаковать их, пока они не выкопали эти рвы! — взволнованно выкрикнул Рейсснер.

Он, разумеется, был прав. Но и нападать прямо сейчас, не зная ни сил врага, ни их расположения, казалось крайне опасным, отчаянным делом.

Видимо, пора реализовать мой хитрый замысел. Лишь бы получилось!

— Клаус! Возьмите повозки, в которых лежат бочки с вином. Посадите на них хороших возничих, расторопных и смелых. Пусть отвезут вино к оркам.

— Как это сделать, командер?

— Просто пусть бросят повозки, когда увидят, что орки их атакуют. И на лошадях возвращаются к нам.

Клаус пошел исполнять.

Две повозки с бочками внутри двинулись, одна в направлении нашего движения, другая к тем оркам, что вышли нам с тыла.

Все напряженно следили за ними.

Вот повозка остановилась — и орки бросились к ней. Вот сервы, правившие фургоном, вскочили на лошадей, перерезали постромки и поскакали в нашу сторону.

Орки долго гнались за ними, швыряя топоры и короткие копья, пытаясь сбить их с лошадей. К счастью, все обошлось.

Затем зеленокожие обступили повозки. Похоже, им понравилось то, что они в них нашли — до нас донесся радостный вой. С криками они впряглись в повозки, и, толпой подталкивая их сзади, потащили к себе.

Вскоре возницы вернулись.

— Еле-еле ушли, как они набросились!

— Держите, парни, — я дал им по паре монет. — Что они, добрались до вина?

— Не знаем, сударь. Мы улепетывали, что есть сил, на затылке-то глаз у нас нету!

— Ну, что там? — спросил я зоркого Линдхорста, наблюдавшего за происходящим.

— Они прекратили работать. Никто больше ничего не копает!

— Подождем.

— Распрягать коней?

— Нет. Будьте готовы выступить.

Прошло около часа, когда от обеих лагерей орков послышались крики и звуки боя.

— Давайте подходить постепенно! Арбалетчикам быть наготове! Арбалеты на взвод!

Мы осторожно двинулись вперед.

Шум битвы был все ближе. Вот уже видны канавы, которыми орки перегораживали нам дорогу. Рядом лежало несколько зеленокожих, мертвых и умирающих.

В лесу, среди деревьев, кипела драка. Пьяные орки хаотично бегали, нападая друг на друга, вцеплялись в глотки, размахивали тесаками и лопатами.

Бочка с выбитым дном лежала у обочины поодаль. Половина вина из нее вылилась, и орки пили его прямо из луж. На стенках бочки сиротливо висели пучки стеблей белладонны, которую мы с Птахом несколько дней назад старательно засунули внутрь.

Орков не остановил ни мерзостный вкус прокисшего вина, ни пучки травы в нем. Они вылакали все и, одурманенные алкоголем и отравой, начали нападать друг на друга. Кругом лежали орки, и клюгеркерлы, и швайнрейтары, и простые, с проломленными черепами, разорванными глотками и оторванными конечностями. Один рослый орк, видимо, глава клана, пытался навести порядок среди своих в стельку пьяных парней. Он хватал их за морды, поворачивал в нашу сторону, чтобы клюгеркерлы увидели своими осоловевшими глазами, как враги спокойно выбираются из их ловушки, орал на них, молотил дубинкой, и все напрасно. В конце концов, один из тесачников на наших глазах проткнул ему горло, и снова принялся лакать вино из лужи.

— Прекрасно придумано, командер! — Клаус не скрывал своего восторга, рассматривая истерзанные трупы зеленокожих. — Они и так-то еле удерживают себя от усобиц, а уж напившись....

— Помнишь ту старуху, что едва тебя не удавила? Вот она и подала мне мысль! Эй, ребята! Рейсснер! Прикажи своим закопать эту яму, и мы прекрасно проедем!

Пехотинцы довольно быстро закидали свежерытую землю обратно в канаву и затрамбовали все ногами. Арбалетчики были наготове, отстреливая тех орков, что приближались к нам слишком близко. Одна, затем вторая повозка осторожно проехали через закопанный ров.

Чуть поодаль мы увидели нашу повозку, которую угнали орки. Забрать ее не удалось — в беспорядочной ярости ей так изрубили колеса, что она бы не сдвинулась с места. Минус два добротных фургона. Увы.

Постепенно все проехали опасное место. Шум драки еще долго раздавался позади.

Глава 45

Прошло еще несколько дней. Запасы были на исходе. Мясо кончилось совсем, и нам пришлось остановиться на «пополнить припасы». Посоветовавшись со всеми, мы устроили загонную охоту. Убедившись в отсутствии рядом орков, мы поставили пехотинцев и обозных как загонщиков, а арбалетчиков — цепью «на номера». Загонщики гнали дичь на арбалетчиков, а те стреляли ее. Нам удалось взять кабаньих выводок, две дюжины оленей и косуль. И все это — за полдня.

— Косуль отправим на вертел в первую очередь, — авторитетно сообщил Линдхорст. —

Их мясо плохо хранится.

— Нет, сначала надо съесть потроха! Они хранятся еще хуже! — не согласился Рейсснер.

Часть мяса подсушили на костре, порезав тонкими ломтиками, часть — закоптили.

Хуже дело обстояло с фуражом — кормить лошадей было почти нечем. Добыть овес в стране орков не удалось.

На следующий день нам пришлось пережить внезапную атаку орков на марше.

Пришлось идти настороже.

— Рейсснер, усильте разведку. У нас появилось две лишние лошади, дайте их разведчикам. И пусть люди идут в доспехах.

— Трудно убедить солдат быть во всеоружии, если командование не подает им пример, — возразил мне он.

Действительно, я не носил на марше ни доспехов, ни шлема. И то и другое было крайне тяжело. Шлем уже через пару часов казался неподъемным, а шея грозилась переломиться. Доспех натирал плечи — поддоспешный колет, сделанный второпях, оказался неудачным.

— Все это пустяки. Носите доспехи на себе, и через несколько дней вы просто перестанете их чувствовать! — заявил Майнфельд, не расстававшийся со своей кольчугой с хауберком.

Я бы последовал совету, если бы не неудачно сидящий дублет. Надо обратить самое серьезное внимание на поддоспешную одежду. Если, конечно, мне суждено отсюда выбраться.

Нам оставалось еще пару дней до выхода за границы оркских владений, когда разведчики принесли тревожную новость.

— Орки собрались большими силами. Мы видели бунчуки трех разных видов! И пехота, и окабаненные! Никогда еще не было такой силы!

— Троллей или еще какой подобной мрази не обнаружили?

— Нет, такого не видали!

Ну, хоть это радует.

Я срочно созвал всех на совет.

Пока офицеры собирались, я лихорадочно думал о том, как мы будем действовать в этот раз. Три разных племени. Большие силы! Орки знают, что мы набрали в их стране немало трофеев, и будут биться за них. А запас кунштюков, похоже, у нас закончился.

Фокус с отравленным вином, так успешно прошедший несколько дней назад, невозможен из-за полного отсутствия вина.

Конечно, я сразу подумал о нашем магистре света и пламени. Тот мрачно трясся в одной из повозок, страдая от отсутствия выпивки.

— Литц, как твои силы? Там собираются зеленозадые клиенты на массовое прижигание!

Тот грустно усмехнулся.

— Никак. Тут вообще, уже несколько дней очень мало ветров магии. Один файербол, не более того!

Значит, маг тоже нам не поможет.

— Скверно. Линдхорст, сколько у вас болтов?

Ротмистр арбалетов уже знал, что должен знать ответ на такой вопрос в любое время дня и ночи.

— Два дюжины на арбалет наберется, навряд ли больше!

— Отчего так мало?

— Мы много потратили. Было несколько тяжелых, долгих боев, перестрелок, и еще — много болтов сгорело в том пожарище.

— Совсем скверно.

Но самое плохое было в том, что у нас теперь было на две повозки меньше. Затыкать эти дыры пришлось рогатками — кольями, сколоченными «ежом». Плохая замена возам, ведь здесь возможен прорыв орков внутрь лагеря. А прорыв — это катастрофа.

Наконец все собрались. Объявив короткий привал, мы сели под открытым небом на поваленное бревно, немного в стороне от солдат, дабы не пугать их нашими разговорами.

— Итак, путь нам преграждают орки. Похоже, их много — три племени. Это больше, чем когда-либо. Что будем делать?

Первым заговорил Рейсснер.

— Мы уже несколько раз били их. Это такие же орки, как и раньше, ничуть не лучше. Будем держать позиции, и делать свое дело. Не вижу особенных проблем!

— Прекрасная речь для командира пехоты. Держать позицию — именно то, чего от вас все ждут. Линдхорст?

— У нас маловато болтов. Много потрачено в предыдущих боях. И, получается, что все будет зависеть от того, успеем ли мы собрать болты в промежутке между атаками.

— Значит, вам поможет пехота. И, вот что я думаю. Пехотинцы тоже могут вести обстрел. Соберите камни, короткие копья, топоры орков. Все это можно отправить по обратному адресу! Конечно это не арбалет, но и совсем не ничто. Теперь другой вопрос. Чем закрыть пробел в нашем строю?

— Можно выставить рогатки, — сказал Майнфельд.

— Их сметут. Слишком легкая штука.

— Еще у нас есть цепи, что мы сняли с дохлого тролля. Если привязать рогатки к повозкам, они никуда не денутся. Ну и прикопать, конечно же.

Можно было бы вообще вырыть ров, подумал я, если бы у нас было достаточно лопат!

— Слушай, Клаус... а мы вроде бы набрали много инструмента в деревне орков. Кирки, мотыги. Есть такое?

— Да, лежат в одной повозке. Штук сорок будет, — озадаченно ответил тот.

— Раздайте солдатам, и пусть роют ров. Один рыхлит киркой, а другой шлемом черпает землю.

— Так много не накопает, — возразил Рейсснер, проводя ручищей по бритому черепу.

— Николас, даже если мы углубимся на три фута — оркам будет уже намного труднее лезть на повозки. А перед рогатками надо вырыть ров поглубже. Обязательно! Клаус, щиты целы?

— Мы все отремонтировали с последнего боя.

— Майнфельд, пошлите людей в разведку — надо найти хорошую позицию. Овраг или ручей, что то, где есть вода. Бой может продлиться не один день, а у нас лошади, не говоря уж о людях. Исполняйте!

Тот побежал отдавать нужные команды.

Рейсснер тяжело поднялся с бревна.

— Коммандер, людей надо подбодрить. Если бы был эль...

— Эля нет. Накормите их вдоволь, пусть хотя бы так. Ладно, совет окончен.

Вскоре был найден овраг с ручьем на дне, возле которого мы и встали.

— Воду придется носить на виду у неприятеля. Натаскайте пока воды в бочки, чтобы не делать этого под обстрелом. И напоите лошадей!

Развернув вагенбург, мы начали окапываться. Ближайшие к нам кусты срубили, чтобы не мешали обстрелу, и сделали колья. К концам прикрутили орочки тесаки, и выставили эти колья в промежутки между телегами. Более-менее подходящее для человеческих рук оружие раздали арбалетчикам — отбиваться в рукопашную, когда кончатся выстрелы.

— Тут такие заросли, — пожаловался Линдхорст, глядя на высокую, в человеческий рост траву, окружавшую нас, — что мы не найдем ни одного болта!

— Пустяки. После первой же атаки орки все вытопчут. А чтобы искалось проще — прикрутите нитки или ленточки яркого цвета на каждый болт. Так они будут бросаться в глаза.

— Где же нам такое взять?

Я выразительно посмотрел на ярко-красное блио, доставшееся Линдхорсту от бедняги Стусса.

— Почти новая вещь, — жалобно пробормотал он, проводя по ткани руками.

— Да, орки оценят. Снимай быстрее, во имя Света Неизбывного!

Тот с каменным лицом начал кромсать ткань ножом, оставшись в кольчуге на дублете.

Да, с тканью — то просто, подумалось мне. Вот бы еще и с железом так же.... Как я жалел, что у нас нет кузнеца! Мы могли бы наделать немало наконечников для болтов и другого оружия из того хлама, который захватили у орков. Но, увы, об этом заранее никто не подумал.

Орки опять попытались атаковать внезапно. Несколько зеленокожих тварей выскочило из ближайших зарослей и набросилось на арбалетчиков, вырубавших кусты перед лагерем. Послышался звон металла и крики.

— Отходите! Отходите! Рейсснер, помогите им, — заорал Линдхорст.

Увы, еще до начала боя мы потеряли двоих стрелков. Хорошо, что арбалеты их остались в лагере!

Из окружающих зарослей вылезали все новые и новые группы зеленомордых утырков. Скучковавшись вокруг командиров, они с ревом бросились на нас.

— Давай! Бей!

Людей отчаянно не хватало, поэтому я взялся за арбалет. В походе я немного потренировался и мог сносно попадать с дистанции в сотню футов и ближе. А дальше стрелять и не стоило — шансы найти потом болт резко падали.

Орки уже близко. Оскаленные морды, видны белки глаз — можно стрелять без примерки, в такой близости болт полетит прямо, а не по дуге.

Треск арбалетов. Стреляю и я, сразу перезаряжаю, не глядя, попал ли. Тут трудно промахнуться — орки заполонили все поле.

Вой орков слился с барабанным грохотом — они начали швырять в нас метательные топоры. Толку от этого было мало — арбалетчики стреляли в небольшие амбразуры, куда топор не пролетает. Но часть метательных топоров залетали в промежутки между возами, попадая по пехоте. Вот Кхорн! Остались ли у нас мази Азалайсы? После этого боя — точно кончатся!

Тем мне менее, арбалетчики делали свое дело.

— Они бегут! Бегут! — воскликнул Клаус, наблюдавший за боем сквозь щель в щите.

Оглянувшись, я понял, что метатели топоров, вчистую проиграв перестрелку, пустились наутек. Две дюжины тел остались перед нашим лагерем.

— Сбирать стрелы! Срочно!

Арбалетчики и пехотинцы, вперемишку, бросились вырезать болты из орочьих тел, заодно добывая тех, кто еще шевелился. Но времени у нас было мало. Вторая волна орков нахлынула из рощи.

— Отходите! Все в лагерь!

На этот раз вид орков был необычен. Они тащили с собой охапки прутьев и сухой травы.

— Хотят сделать навал! — закричал Рейсснер.

Подбегая к нашему рву, орки швыряли к возам вязанки хвороста. Так за короткое время могла получиться насыпь, по которой они могли без затруднений войти в лагерь.

— Бей! Стреляй их!

Арбалетчики выбивали их одного за другим. Но орков это не останавливало — они шли и шли! Некоторые, бросив свой пучок прутьев, затем подбирали те охапки, которые выронили убитые нами орки, и кидали их тоже. Гора веток перед нашим лагерем быстро росла.

— Отшвыривайте их!

Пехотинцы стали копьями отпихивать пучки веток от лагеря.

— Литц! Сожги это к Кхорну!

Маг, немного покаставав, швырнул в гору веток даже не фэйербол, а какой-то огненный плевок. Этого оказалось достаточно — все запылало.

Жар от взметнувшегося пламени был таков, что невозможно было смотреть в бойницы. Кое-где начали дымиться борта телег.

— Клаус! Николас! Облейте ближайшие возы водой! Срочно!

Пехотинцы начали шлемами черпать воду в бочках и плескать ее на ближайшие к гигантскому костру щиты и повозки. Бой на какое-то время затих — и орки, и их кабаны старались держаться от пламени подальше.

Под треск сучьев и тучи искр, разбрасываемых вокруг пламени, вокруг лагеря загорелась высокая сухая трава. Врагу пришлось отойти, а нам — тушить пламя, подступающее к возам. На это была потрачена почти вся вода.

Вдруг сквозь пламя шагнула полуголая фигура с двумя кривыми тесаками в мускулистых руках.

— Берсеркер! Это берсеркер!

Злобный орк, довольно сублильного, по меркам этой расы, сложения, расчерченный косыми шрамами, образующими сложный рисунок, волчком крутился с двумя ятаганами среди наших солдат, занятых тушением огня. Я вскинул арбалет.

— Стреляй!

Тварь была очень подвижна, попасть в нее оказалось тяжело. Лишь с третьего выстрела я увидел, что попал в жилистую спину с татуировками драконов. К счастью, стрелял не я один. Вскоре тело отморозка оказалось на земле, многократно пробитое болтами.

— Ну-ка, пустите меня!

Я обыскал труп. На поясе оказался один целый пузырек со снадобьем, второй был пуст.

Огонь, тем временем, широко разошелся по полю. К сожалению, много арбалетных болтов, лежавших в поле, получили от него повреждения.

После небольшого перерыва, орки снова бросились на нас. Атака следовала за атакой. Ключгеркерлы с бунчуками из шакальих хвостов. Швайнрайтеры под рогатыми шлемами. Снова пехота, с измазанными красной охрой мордами. И снова кабанщики...

Ко мне подошел Линдхорст.

— У нас кончились выстрелы. Совсем.

Я посмотрел в поле. Там разворачивались для удара свежие силы зеленокожих.

Мы не выдержим этого удара, точно. Люди устали, стрелять нечем. Так, а что это?

— Раздвоенные черные бунчуки? Это не то племя, с которым мы уже сталкивались возле Проклятых Земель?

Клаус взгляделся в скачущих к нам по полю швайнрайтеров.

— Да, это они.

Значит, у нас есть шанс. Маленький, но есть.

— Литц. Помнишь, как ты делал иллюзию на Теофилбургской дороге? «Огненный метеор»? Можешь сделать также?

— Это я могу. Но ты же понимаешь, Энно, что еще ни один орк на свете не умирал от иллюзии?

— Сделай его. И будь убедителен!

Маг закрыл глаза, собираясь с силами. Потом поднял лицо к небу и что-то зашептал.

Яркий огненный шар вдруг вспыхнул среди туч.

Он вращался и наливался огнем, становясь все быстрее и ярче. Белые искры летели из него во все стороны. До нас донесся сдержанный грохот, как от отдаленного грома.

Атакующие орки при виде этого хрипло завyli и бросились назад.

Бешеная радость охватила нас всех. Мы гремели мечами о щиты, орали, показывали оркам разные интересные части тела. Зеленокожие под раздвоенными бунчуками, похоже, усвоили урок — никто больше не рискнул атаковать нас.

Мы заночевали в разбитом, полусожженном лагере среди неубранных трупов. С утра, собрав трофеи — содержимое поясов орков, много метательных топоров, коротких копий, тесаков и другого железа, мы двинулись дальше. Солдаты нарубили прокопченных орочьих голов и лап и «украсили» ими телеги. Я был настолько измотан, что даже не стал протестовать. В таком варварском виде, совершенно не подходящем отряду Пресветлой церкви, мы и пошли обратно, в земли людей.

Глава 46

Через пару дней мы покинули, наконец, владения орков. Когда вдали показалась река и аванпост герцога Виссландского, солдаты сами собой, без команды и капеллана, опустились на колени и вознесли хвалу Свету Неизбывному и Всесожигающему, позволившему нам вернуться из орочьих мест живыми.

Коннетабль Зауэр, командир гарнизона, с баннеретом и двумя рыцарями встретил нас под стеной герцогского замка.

— Не думал, что вы вернетесь живыми, да еще и с такими трофеями, — он указал концом жезла на копченые головы орков, со страшными, белесыми глазами и оскаленными клыками, до сих пор развешанные по фургонам.

Долг вежливости требовал, чтобы мы остановились и рассказали подробности нашего похода. Конечно, кое-что пришлось опустить, особенно про торговлю с гномами, а вот сочные подробности боев с зеленомордыми были даже несколько преувеличены. Ну, так, в несколько раз.

Рыцари гарнизона были в восторге.

— Вот почему этим летом не было ни одного набега! Орки нос не совали из-за реки. Все их силы ушли на вас!

— Благодарю. Не найдется ли у вас эля для солдат? Мы уже три недели пьем только воду с уксусом!

— Понимаю! Снабжение в этом глухом краю, конечно, очень затруднительно. Мы и сами, бывает, перебиваемся с воды на верджюс. Но, для таких смелых воинов мы, конечно, готовы продать пару бочек!

У них я узнал, у кого тут можно разжиться провиантом. В первой же деревне мы запаслись свежим, только что обмолоченным, фуражным зерном. Еще нам испекли настоящего пшеничного хлеба и наварили эля, так что дорога на Теофилбург сразу стала веселее! А потом солдаты отбили от чьего-то стада несколько овец, дополнив скудный походный рацион благородной бараниной.

Самое удивительное, что виноградник, созданный волшебством Аззи, не погиб! Хотя мы обкорнали лозу под корень, она отросла снова и даже дала урожай. Мы нарвали несколько корзин спелого, сладкого винограда. После непрерывных боев с орками это казалось чудом!

Я поинтересовался у рыцарей последними новостями.

— До нас тут все не быстро доходит, сударь, — сообщил мне баннерет. — Последнее, что мы слышали пару недель назад — что в замке Эбершрайк собирается сейм. Выборы императора вот-вот состоятся. И, право, жаль, что мы сейчас не там. Говорят, будет прекрасный праздник, турнир, соревнование среди менестрелей, мистерии и большой молебен в честь этого, несомненно, великого события!

— Да, — подхватил один из рыцарей гарнизона, — наконец-то мы наkostenяем проклятым оркам! И жадные до чужих земель королевства Штирии и Кенигсланда теперь притихнут.

— Представляю, как бесится король Кенигсланда, Карл Рейкландский — воскликнул

второй рыцарь. — Ведь он считал императором себя!

— У них там не разберешь, — вмешался коннетабль Зауэр. — Штирийская династия заявляет, что имперская корона принадлежит им, кенигсландская — что это их безусловная прерогатива, а князей-выборщиков до последнего времени невозможно было собрать!

— Если бы они не грызлись между собой, а били по отдельности князей и баронов — давно бы захватили всю землю, — кивнул баннерет. — Но Свет, видимо, лишил их разума. А Тьма — наделила непомерной жадностью и гордыней.

Тепло попрощавшись с пограничниками, мы сделали еще три перехода и устроили большой привал. Здесь, пока отряд отдыхал весь день, мы поделили добычу. С убитых орков сняли четырнадцать фунтов серебра и одиннадцать — золота, что составило примерно 650 рейксталеров. Половина отходила солдатам, половина — Церкви. Ну, то есть, мне. Конечно, что-то придется сдать камерарию, но на сотню дублонов можно рассчитывать смело. Добрых два с половиной килограмма золота! Вот бы с ними да в мой родной мир!

От этих приятных мыслей меня отвлек слуга. Птах уже не раз задавал мне вопросы по поводу своего жалования, выбирая удобное, как ему казалось, время на привале. То, что человек, который, вроде бы, ничего не делает, может в это время напряженно размышлять, в его голову, конечно же, не приходило.

— Герр Энно, герр Энно, пожалуйста! Все получают воинское жалование и долю в добыче, даже обозные, один только я — ни с чем! А ведь я делаю все то же, что и они!

— Ну, ты же заработал на постройке щитов, не так ли? И зачем тебе вообще деньги, ты же всем обеспечен!

— Но, герр Энно, мне, как и всем, нужны деньги, купить себе одежды, обуви, а может быть, и отложить на старость...

— Далеко тебе до этого, Птах. Ладно, я подумаю, — отрезал я, и сразу же выкинул это из головы. Уж о чем о чем, а о старости Птах явно не задумывается. Они тут вообще далеко в свое будущее не заглядывают, и, честно говоря, правильно делают. Не нужны ему деньги. Пропьет он их, и вся недолга!

Еще через несколько дней мы были в пригородах Теофилбурга. Пустынные дороги преобразились, везде, куда не глянь, кипела жизнь. Купцы сновали с повозками, поселяне жали пшеницу, собирали виноград и сливы, тянули сети из озер. То и дело дорогу запруживали стада бычков и овец, косяки гусей, которых гнали на городской рынок. Мои солдаты дружелюбно болтали с поселянами, бахвалясь своими победами и добычей; сельские детишки, смеясь, кидали камешки в копченые, с оскаленными клыками, головы орков, которые, несмотря на мои указания, так и не были сняты с повозок. Несколько раз меня просили достать из бочки маринованную голову тролля; поселяне ужасались и ахали, в глубине души, наверное, вознося хвалы Свету, что им не приходится иметь дело с такими уродами.

Встав у Теофилбурга, я первым делом приказал спрятать гномьи арбалеты.

— А то, как бы нам, господа, не попало от светош за незаконную торговлю с врагами рода человеческого!

И, разумеется, убрал подальше шлем и полэкс Хозицера. Вдруг подумают, что это я его убил!

Теофилбуржцы, чьи телеги Руппенкох и Хозицер наняли в поход, узнав от своих возниц, как было дело, явились ко мне. Поутру меня посетили два важных господина, представившиеся как Шульман и Клегг.

— Господин командер Андерклинг! С прискорбием узнали мы о несчастном конце, постигшем наших сограждан, — начал толстый герр Шульман, противным гнусавым голосом растягивая слова на теофилбургский манер.

Я кивнул, стараясь придать своему лицу хоть малую толику сочувствия, приличествующего столь прискорбному событию.

— Однако, во всем этом есть и некоторый деловой момент!

— Какой же, господа?

— Видите ли, — сукин сын по фамилии Шульман, в благообразную физиономию которого так и тянуло врезать кулаком в латной перчатке, залебезил, льстиво и преданно заглядывая мне в глаза, — когда господа Хозицер и Руппенкох, да упокоит их Свет, примкнули к вашей компании, они естественным образом как бы образовали с вами одно товарищество, партнерство, в котором издержки пути делились сообразно количества повозок...

— Никогда о таком не слышал. Это по закону так?

— Таковы старинные обычаи города и графства Теофилбург! Так вот, а потом, когда господа Руппенкох и Хозицер самым печальным образом покинули ваше товарищество, вы, герр командер Андерклинг, приняли на себя руководство и управление нашими повозками. Вы и ваши люди использовали их в боях, перевозили на них щиты и воинов. Потеряны три повозки и пять лошадей! Борта остальных возов красноречиво хранят следы ударов, нанесенных светомерзкими варварами! И, выходит, что тем самым вы молчаливо, но вполне определенно, взяли на себя обязанности нанимателя этих повозок со всеми правами и обязанностями такового!

И смотрят на меня, гады. Денег хотят. Да пошли вы в задницу!

— Господа, — все это мне уже очень не нравилось, — я, безусловно, горячо поддерживаю обычаи славного Теофилбурга, как торговые, так и общинные. Однако должен заметить, что вы как-то однобоко и предвзято толкуете события, свидетелями которых даже не являлись. Мы действительно совместно с известными вам господами совершили опасную поездку в места, прежде славившиеся обильной и выгодной торговлей, а сейчас ставшие оплотом зеленокожей мерзости. Но мы не составляли товарищества торговцев. Известные вам господа попросили моей поддержки и покровительства, и я осуществлял охрану их имущества — и вашего тоже, господа, — на всем пути и туда и обратно. За это мне причиталось обычное вознаграждение, которое я, увы, не смогу получить ввиду кончины должников. Но, несмотря на гибель моих нанимателей, я продолжал защищать их повозки от посягательств разного рода. Да, мне при этом пришлось поместить своих людей прямо на повозки. Но это лишь для того, чтобы они лучше защищали их! И, вот, посмотрите — они доехали обратно, пусть и не все, но, все же доехали, и при этом почти не пострадали!

Господа выглядели огорченными.

— Мы видим, что вы не готовы внять голосу разума, герр Андерклинг, — чопорно произнес сукин сын по фамилии Клегг. — Придется нам обратиться в ратушу. Не уезжайте никуда, пока идет разбирательство... если не хотите испытать гнев нашего герцога!

— Теофилбург — вольный город. Разве нет?

— Мы поставщики двора. Мы будем жаловаться герцогу! — пообещали торговцы и под свист солдат ретировались из лагеря.

Я с сожалением посмотрел им вслед. Ведь мог же просто сказать им: "Идите н****й!", да и дело с концом. А так — только время зря потратил!

Ладно, Кхорн с ними. Худшее, что мне грозит, это потеря небольшой суммы денег. Переживем.

В Теофилбурге, как оказалось, тем временем шла осенняя ярмарка — вторая в этом году. Это показалось мне прекрасным случаем распродать лишнее барахло, собранное в деревнях и обозах орков. Котлы, гвозди, разное железо можно будет сбыть с хорошей выгодой, а не за бесценок, как обычно происходит с трофеями.

В городе, непривычно шумном и смрадном, мы сначала показались в ратуше, сообщив о цели нашего приезда. Помощник алтмана, отвечавшего за рыночную площадь, указал нам место для торговли. За место пришлось заплатить два гротена. Были места по полтора, но совсем скверные. Я поставил воз с железом на отведенное место и поручил Клаусу сбыть все до вечера.

— А с ценами определись сам. К вечеру — снижай, продавай дешевле, но не совсем уж за гроши!

Пройдясь по рынку, я внезапно услышал, как меня зовут по имени.

Оглянулся и увидел смутно знакомое лицо. Ба! Да это же подмастерье мастера Кана!

— Как я рад вас видеть, сударь! Знали бы вы, как я скучаю по нашему Андтагу! Тут крайне неуютно, среди всех этих местных жлобов... И все так дорого! Надеюсь, по возвращении вы засвидетельствуете мастеру, что расходы в этом городе просто невозможно велики! А то мне он не поверит!

— Что ты тут делаешь, Хёфль?

— Мастер послал меня с подводой на ярмарку, продавать свои доспехи. Решил попробовать торговать самому!

Посмотрев, что продает парень, я от удивления присвистнул. Мастеру Кану настолько понравился тот доспех, который я давал ему перебрать, что он сделал несколько упрощенных копий и отправил их на продажу.

— Отчего же мастер не продал их в Андтаге?

Подмастерье замялся.

— Да может он бы и продал, да только вот цеховые правила Андтага не позволяют мастеру торговать иной броней, кроме кольчужной...

— Понятно. И как идет торговля?

— Торговля недурна, хотя могло бы быть и лучше. Очень многие интересуются такой конструкцией, примеряют, и, вижу, — хотят купить. Но мастер Кан поставил такую цену...

— Как мастер, как его супруга? Здоровы ли?

— Все благополучно, хвала Свету Неизбывному! А вот в городе нашем недоброе творится!

— В Андтаге? И что там?

— В монастыре неладно, да и в диоцезии! Приезжал большой отряд из экзархата. Во всем монастыре у вас устроили обыск! Приор Антоний и каноник Тереллин взяты под стражу и увезены, как говорят, в монастырь пресветлого Теофраста в Хугельхайме, на дознание. Викарий под домашним арестом! Затворили его в покоях, никого к нему не пускают, и его не выпускают ни на шаг за порог! Видно, ждут признаний приора и каноника, а там уж будут решать, как быть с викарием нашим!

Тут сердце мое упало куда-то к желудку. Понятно, что случилось что-то очень скверное, а для меня, возможно, катастрофическое.

— А кто приезжал? Из Хугельхайма или из Ахенбурга?

Хёфль пожал плечами.

— Господа в черных сутанах, и с ними стража экзархата. Никто толком не знает. Искали еретиков и шпионов. В монастыре схватили старика Анхеля. Он, оказывается, шпионил для шаллийских язычников. Такая история... — по бегающим глазкам Хёфля было понятно, что его буквально распирает желание рассказать про скандал в Церкви, и я, понятно, не стал ему противиться. — Так вот. Поводился этот Анхель ходить к какой-то бабенке. Она его привечала, старого козла, а он ей все-все рассказывал, что в монастыре творилось. А ведь обет молчания давал Неизбывному Свету, козлице драное! А с этой потаскухой пел иволгой! И ключаря Гиппеля тоже взяли! Но с ним, говорят, не очень понятно, с кем именно он якшался. Пока допрашивают его...

Тут к подмастерью подошли два покупателя, и я счел за благо тихонько уйти.

Новость поразила меня, как удар кувалды. Тереллин! Мой покровитель арестован! А что ждет теперь меня? И, самое-то главное: не связан ли арест с тем поручением, с которым меня послали?

Так. Надо все выяснить. В Андтаг мне пока нельзя. Нужно подумать, кого послать туда, разузнать обстановку. Впрочем... ответ-то лежит на поверхности!

Я вернулся к повозке Хёфля. Он как раз аккуратно заматывал проданный доспех в промасленную льняную ткань. Покупатели — похоже, претенденты на места в городской страже — стояли наготове, отсчитывая рейксталеры.

— Сколько еще у тебя тут оружия на продажу?

— Да все, вот, последний доспех остался.

— Отлично. Знаешь, Хёфль, давай-ка я у тебя этот доспех куплю, и езжай, Света ради, в Андтаг. Я передам тебе письмо для мастера. Только отдай его прямо в руки и не болтай лишнего ни с кем. Вообще не говори никому, что видел меня, понял?

— Хорошо, герр Андерклинг, все сделаю, как вы скажите!

— А я не буду распространяться про маленькое нарушение цеховых правил. Сейчас я приду.

Поспрашивав людей, я вскоре нашел на рынке книжную лавку. Хозяин за небольшие деньги оказывал услуги писаря — мог написать письмо, прошение, даже грамоту или другой официальный документ.

— Любезный, мне надо небольшую записку примерно на пять строк!

— О, проще простого! Пять крейцеров и стоимость пергамента сверху. Вам телячий, овечий или козий?

— Какой дешевле.

Лавочник приготовился записывать, достав чернильницу и затасканное гусиное перо.

«Любезный мастер Кан!

Рад сообщить, что нахожусь в добром здравии. И в основном все это благодаря вашей броне. Она выдерживает сильнейшие удары, хотя и не совсем бесследно для тела, но намного лучше простой кольчуги.

Сообщаю, что ввиду обстоятельств я не смог попасть к мастеру оптики. Сожалею, но вам придется посетить его самому.

До меня дошли сведения о странных и непредвиденных событиях в монастыре и диоцезии. Знаете ли вы о причинах и последствиях произошедшего? Я был и остаюсь беззаветным слугой церкви. Но клевета способна разрушить любую репутацию.

Пишите мне нарочным на адрес „лагерь воинства у юго-западных ворот Теофилбурга,

командеру“. Также посылаю пять гротенов Ландра на оплату ответной почты».

— Получилось не пять, а девять строк! — сообщил писака. — Итого двенадцать крейцеров.

Не став спорить, я расплатился и поспешил к Хёфлю.

— Вот. Отдай в руки. И вот еще пять гротенов мастеру. Он знает на что. И двигай напрямую домой, понял? По кабакам не шляйся!

— А за доспех-то, за доспех-то отдайте!

— Держи. Да не складывай доспех, протом давай его сюда скорее! Решив это дело, я в раздумьях побрел к возу, где Клаус торговал нашим железом. Он распродал почти все, оставалось полосовое железо и лом — обломки орочьего оружия, бочарные обручи, старая наковальня.

— Знаешь, Клаус, — сказал ему я, сгружая купленные доспехи в телегу, — я передумал. Не надо торопиться с продажей. Мы на некоторое время остаемся здесь!

Глава 47

Из-за ярмарки снять сколько-нибудь приличное помещение в Теофилбурге оказалось невозможно, так что ночевали мы в лагере. Ворочаясь на охапке свежей пшеничной соломы, я думал о том, что же случилось с Тереллином. Если его забрала внутренняя инквизиция, скорее всего он свою жизнь самым жалким образом — быстро сгорит на костре, или, тоже не очень-то долго, сгниет в одиночной камере. И, само-собой, никогда уже не сможет рассказать мне то, что меня так интересует. Возможность возвращения в свой мир, и так довольно призрачная, становится совсем утопичной.

Люди в черных сутанах... Inner Inquisition. Это они, нет сомнения. И что-то мне подсказывает, что меня они тоже ищут. И что, скажите, теперь делать? Мне нельзя попадать к ним в лапы! Если они узнают мою историю, мне конец. Приравняют к демонам и сожгут ко всем чертям! Здесь у нас это запросто.

Ах, как все неудачно получилось...

Под утро еще пришла мысль, что, наверное, я дал маху с письмом. Слишком долго мне придется ждать ответа! Пока этот олух со своею подводой доберется до Андтага, пока мастер ответит, пока до меня доедет его посланник.... А все это время мне придется оплачивать наемников! А я хотел отпустить их раньше, чтобы сэкономить на оплате.

Наутро я пересчитал свои средства. В целом, можно было расплатиться с наемниками и оставалось бы еще два десятка монет. Только вот, мне эти двадцать дублонов ничего особенно-то не дают. Явно не хватит ни на возврат в свой мир, как бы это не выглядело на практике, ни на жизнь здесь.

Когда же я вызвал Линдхорста и Рейсснера для разговора об отставке, выяснилось совсем интересное обстоятельство.

— По условиям договора мы оплачены на полгода, — заявил Рейсснер. — Вы, конечно, можете нас распустить, но деньги придется уплатить в полной сумме, и плевать нам на дату отставки!

Я перечитал договор и убедился в правоте ротмистра. Грамотеи из канцелярии подсунули мне знатную свинью! Впрочем, так всегда.

Пообедав в лагере, я было собрался заехать в город, разведать, возможно ли отправить письмо в Андтаг другим, более быстрым способом. Еще лучше было бы написать не только Кану, но и кому-то еще, чтобы, так сказать, диверсифицировать источники информации. У меня была еще пара знакомых, которым можно было бы довериться, но в подробности церковной политики они были посвящены еще менее, чем мастер Кан.

— Герр командер, — в мой шатер заглянул Птах, — вас там ищут очень важные господа!

Внутренне чертыхнувшись — наверняка это опять господа Шульман и Клегг явились клянчить плату за аренду подвод — я выскочил из шатра в самом неблагоприятном для названных господ настроении. Но, как оказалось, ошибся.

У входа в лагерь, представлявшего собой простую рогатку, перекинутую между двумя возами, стояли совершенно незнакомые мне и, похоже, действительно важные господа.

Я внимательно оглядел их. Невысокий, улыбчивый старикан, и мрачный тип средних

лет. Первый, видимо, главный, здесь это нетрудно определить по одежде. В моем мире все намного сложнее — и большой начальник, и мелкая сошка могут носить одинаковые по крою костюмы, и нужен очень набитый глаз определить, у кого пиджак из миланского бутика, а у кого — с местного рынка. А здесь — пожалуйста, все на виду. Подчиненный никогда не будет одет лучше сеньора! Вассал всегда выглядит скромнее, так тут принято.

Несмотря на седину, старик был румян и крепок. Длинные волосы и растрепанная, спутанная седая борода делали его очень похожим на известный автопортрет Леонардо Да Винчи. Одет так, будто решил нарушить сразу все законы о роскоши в известной части этого мира. Значит, не торговец, и не из шеффенов или фогтов — те, даже если головокружительно богаты, выглядят скромнее, да и мечей не носят. Сам визитер, несмотря на преклонный возраст, подтянут и бодр, живые серые глаза весело и ернически смотрят мне прямо в лицо.

— Герр Андерклинг? — напористо спросил он скрипучим, старческим голосом, скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Коммандер Андерклинг. Да, это я.

Старик, огорченно разведя руками сделал вид, что сконфузился.

— Конечно, я ошибся. Коммандер. Да, *коммандер* Андерклинг, прошу великодушно, простите мою бестактность!

И лучезарно улыбнулся, показав отличные ровные зубы. На мгновение мне показалось, что в этом щербатом мире я встретил инопланетянина.

— Мы рады наконец-то видеть вас, коммандер! Нам пришлось проделать долгий путь, чтобы встретить вас. Поверьте, это было непросто. Но, волей Света, мы наконец-то вас нашли и имеем счастье беседовать. Не так ли, Ролло? — продолжая учтиво скалиться, пожилой герр обернулся к своему мрачному спутнику.

Тот медленно кивнул, не сводя с меня пристального взгляда темных глаз. Никакого счастья он явно не испытывал.

Старикан сразу показался мне опасным. Очень опасным! С первого взгляда понятно, что он хладнокровен, опытен, и умен. Манеры, любезные и в то же время холодные, как клыки вампира, говорили и о способности командовать, и о не менее глубоко усвоенном умении подчиняться. Кто он? Какой-нибудь крупный владетель? Вряд ли, слишком твердо он держит себя, слишком высок его самоконтроль... Скорее — министриал, начальник в каком-то крупном ведомстве...и, конечно же, из благородных. Серьезный, очень серьезный господин!

Второй, высокий дворянин в темном, богато расшитом колете, продолжал мрачно помалкивать, глядя на меня исподлобья. Черные волосы, густые черные брови, небольшая бородка клинышком, серьга в ухе. Под глазом заметный звездообразный шрам.

Мерзкий тип. Возможно, он тут просто в роли телохранителя. Заводила тут точно старый хрыч.

Короче, оба они мне очень не понравились. Но, разговаривают любезно, ведут себя вежливо, — не прогонять же их просто из антипатии?

— Итак, вы имеете счастье. И чем могу быть полезен, господа?

Седобородный улыбнулся еще лучезарнее, делая вид, что оценил мою неуклюжую колкость.

— Позвольте мне перейти прямо к делу. Ведь вы человек дела, не так ли, коммандер? Наш визит связан с личностью некоего Тереллина Гильдебранда, каноника диоцеза Андтаг,

помощника и друга тамошнего приора монастыря Пресветлого Селестина!

Тут старикан сделал значительное лицо.

Вот Кхорн. Кто они? Из инквизиции? Нет. Непохожи. Тогда кто?

Похоже, старик прочитал по моим глазам все мои мысли и слегка усмехнулся.

— Дело в том, что названный каноник, отправивший вас в столь опасный поход, в настоящее время попал в опалу, инаходится под следствием по подозрению в превышении полномочий.

Старик на секунду замолчал, проверяя мою реакцию. Затем, с некоторым, как мне показалось, разочарованием, он продолжил:

— Превышение, надо прзнать, действительно имело место. И состояло оно, как не печально, в том, что он послал вас туда, откуда вы недавеча возвратились, так вызывающе увешанные орочьими головами!

Пожилой нотабль вновь замолчал. На этот раз пауза затянулась, — видимо, мне давали время осознать случившееся.

— Между тем, — продолжил, наконец, старикан, — известный вам Гильдебранд, каноник из Андтага, действовал по нашему поручению, в интересах, — тут седобородый сделал испуганные глаза, — очень знатных особ. *Очень знатных!* И финансирование всей акции проходило не иначе, как на средства этих могущественных людей! Да-да, тот самый поход, который вы столь блистательно возглавляли. За все платили они! А мы с Ролло по мере сил их здесь представляем. Поэтому, сударь, на правах заказчика я спрошу вас прямо: достигли ли вы цели своего последнего путешествия? Искомый предмет... найден?

Гм. Так вам сразу и расскажи. Вот сукин сын, и ведь даже не представился!

— Господа. Я незнаком с вами. И не знаю, что вас связывает с опальным каноником Тереллином. Его обвиняют в заговоре, как я слышал? А вы, стало быть, как раз из заговорщиков? Не думаю, что мне следует сообщать вам хоть что-либо!

— Вы так и будете держать нас здесь? — спросил вдруг мрачный господин по имени Ролло.

Действительно, разговор, по характеру своему, требовал конфиденциальности.

— Пройдемте ко мне, — я пригласил их в шатер. Мы прошли внутрь. С моей походной обстановкой гости с трудом нашли, куда присесть.

Старикан вернулся к своему вопросу.

— Послушайте, тот...артефакт, за которым вы были отправлены, он важен для очень серьезных людей! Я говорю и о графе, но не только о нем! Эти люди могут быть вашими друзьями! Или врагами, — со значением произнес седобородый герр, пристально глядя мне в глаза.

Похоже, они уже поняли, что искомая ими штука у меня. Нужно было сразу все отрицать! А теперь уже поздно.

— Господа, еще раз повторю. Я вас не знаю. Мой непосредственный наниматель сейчас недоступен. Полагаю, тот...предмет ему сейчас без надобности. Но ваши слова про то, что именно вы представляете конечного получателя, мне никто не подтвердит.

— Ты, наглец, смеешь усомниться в словах милорда! — взорвался второй тип, привставая с места.

— Стой, Ролло, стой, — седобородый схватил его руку, легшую уже на рукоять кинжала. — Уверен, что с командером Андерклингом можно договориться, не размахивая железом!

Потрясающая... смелость. Они находятся в моем лагере, прямо среди моих людей, и ведут себя так, как будто мы где-то в лесу наедине!

— Герр Андерклинг, — начал седобородый, — *коммандер* Андерклинг, с того самого момента, как я вас увидел, я понял, что вы — человек выдающихся достоинств! Нечасто в вашем возрасте увидишь столько здравомыслия, и вместе с тем, столько предусмотрительности!

Так-так, начал меня обхаживать. Что-то будет дальше?

— И такой дальновидный человек, как вы, не может не знать о необходимости поддерживать добрые отношения с высокопоставленными персонами, заказавшими вам некоторые услуги чувствительного свойства...

— Простите, — невежливо перебил его я, — но никакие *персоны* ничего мне не заказывали. Я служил и служу Пресветлой Церкви Неизбывного света, всеблагого и всесожигающего...

— Мы все служим церкви, — перебил меня старикан, и его серо-стальные глаза стали очень серьезными. — Некоторые, — прямо, как вы, герр Андерклинг, — он преувеличенно-вежливо поклонился мне, — а кто-то... опосредованно. Ну вот, мы, например, — оглянулся он на чернобрового спутника, проверяя, видимо, держит ли тот еще себя в руках, — с господином Хейлеманом не имеем счастья принадлежать к славной конгрегации жрецов света и пламени, называющей себя Церковью Неизбывного света. Но, поверьте, даже служа своему господину — а зовут его Гетц фон Волленбург, великий граф Виндесхейма и Хааннау, сеньор Лайтенца, — надеюсь, вы слышали это имя, — в конечном счете, мы действуем ко благу Церкви, как и наш августейший сюзерен. Поэтому, сударь, давайте предметно обсудим наше предложение, поверьте, оно заслуживает самого серьезного отношения!

Гм. Ничего себе. Они служат фон Волленбургу. Да, это серьезно...

— Раз уж вы представили своего господина, может быть, наконец-то, представитесь сами?

— Оу... — Старикан сделал вид, что смутился. — Мне нет прощения! Мы так были поглощены целью нашего визита, что совершенно забыли все приличия! Полагаю, Ролло, коммандер сейчас прикажет вздернуть нас на оглоблях обозных телег и будет совершенно прав!

Издевается, сукин сын.

— Но спешим поправиться. Я — Крейг фон Эушвиц, барон Нойендрее. А это — Роланд фон Хейлеман, фрайхерр. Мы оба имеем честь состоять в свите графа фон Волленбурга.

Фон Эушвиц. Слышал про него краем уха... Заправляет делами графа, один из самых доверенных его слуг. И, как говорят, очень ловок в делах!

А фамилия Хейлеман, что носит этот вспльчивый бородач — еще того чище! Один из министралов Волленбурггов, исполняющий его самые отвратительные поручения. И как говорят очень, очень хороший боец.

И им нужна эта штука... Очень сильно нужна! Что-то мне подсказывает — не будь у меня сотни солдат, разговор протекал бы совсем в другом русле....

А с другой стороны, если подумать — а зачем эта штука *мне*? За обладание ею наверняка может прилететь от инквизиции так, что мама не горюй. Тереллин не даст соврать. Может, слить её этим ребятам? Но, конечно, не бесплатно, — деньги-то мне как раз нужны!

Барон между тем продолжал:

— Когда клирики Андтага отправили вас со столь опасным поручением, они действовали по согласованию с нами. Ведь вы же понимаете, что иначе мы не были бы столь информированы? Именно нам должен быть передан тот *предмет*, который вы нашли в Проклятых землях!

И герр Крейг выжидательно посмотрел на меня. Что же, пора решаться.

— Господа, я очень уважаю графа. Все говорят, что он — выдающийся человек, и, несомненно, достигнет еще больших высот, как и люди, которые ему служат. Я с радостью готов помочь вам. Но вы должны принять во внимание те трудности, с которыми мы столкнулись, продвигаясь по враждебной местности, среди орков и разной нечисти, теряя людей и лошадей. Ведь граф, насколько я знаю, достойно вознаграждает своих людей?

— Ты чего, мать твою, несешь! — грозно прорычал фон Хейлеман, глядя на меня, как доберман на блоху.

— Я, кажется, понял, Ролло, — пожилой барон смотрел на Хейлемана устало, как будто только что закончил тяжелую работу. — Он хочет денег!

Да, Тзинч вас всех побери, я хочу денег. Почему бы нет?

Чернобровый смерил меня враждебным взглядом.

— Сколько?

Ээ, ну что вам сказать...

— Тысяча дублонов.

— Сколько?! — яростно взревел тот, вновь хватаясь за рукоять кинжала.

Да ничего ты мне, бычара, сейчас не сделаешь!

— Тысяча дублонов!

— Стой, стой, стой. — Седбородый положил руку ему на плечо. Выглядел он несколько обескуражено. — Нам нужно посоветоваться, герр Андерклинг. Простите, мы на время вас покинем. Пойдем, Ролло, нам надо переговорить!

Он дернул сверлившего меня яростным взглядом чернобрового за рукав, и они отошли в сторонку, о чем-то шепчась, и, то и дело, поглядывая на меня.

Наконец они вернулись.

— Итак, герр командер Андерклинг, — церемонно начал старикан, — все прекрасно. Все просто замечательно! Мы придумали, как удовлетворить вас совершенно полным образом!

— Это нетрудно, — откликнулся я. — Несите деньги, больше мне ничего не надо!

— О, вы же понимаете, это очень, очень большая сумма! — барон сделал круглые глаза, наглядно демонстрируя непомерность моих запросов. — Нам необходимо объяснить заказчику причину таких неожиданных и чрезмерных затрат! А он далеко отсюда, и ничего ему, соответственно, не объяснишь. Но мы нашли решение! Мы дадим вам вексель! Я кроме всего прочего, имею у маркграфа кое-какие финансовые полномочия. И могу выполнить надлежащую ценную бумагу!

Я задумался. Вексель? Опасная штука. Но, если он будет заверен первоклассным банком, это будет вполне приемлемо.

— Хорошо. Вексель, засвидетельствованный домом Вольфрамов или Ашенбахов, мне подойдет.

— Хмм... Вы действительно предусмотрительны, герр Андерклинг! Что же, я готов

представить вам требуемую сумму — 200 дублонов наличными и 800 в виде векселя.

— 900

— Как 900? Мне казалось, что мы договорились...

— Вы же знаете этих прощелыг-банкиров. Они своего не упустят! Буквально три луны назад я получал деньги по векселю церкви, и что бы вы думали? Вместо честного золота мне совали всякую дрянь, и в интересах дела мне пришлось на это согласиться!

— Вы опытни в делах, герр Андерклинг, — седобородый нотабль смотрел на меня одобрительно, — и вы приперли нас к стенке. Мы согласны на ваши условия. Когда мы получим «предмет»?

— Как только я получу вексель.

— *Он* здесь?

— Если вы про артефакт, то — да. Он недалеко отсюда.

— Прекрасно. Нам надо несколько дней, решить денежный вопрос. И сразу к вам!

Фон Эушвиц снова жизнерадостно мне улыбнулся, на чем мы с ними расстались. Не знаю, почему, но когда они ушли, я невольно вздохнул с облегчением.

Глава 48

Прошло три дня томительного ожидания. Чтобы себя чем-то занять, я тренировался орудовать мечом, топором и полэксом в компании офицеров. Сходив в город, заказал себе новый дублет, как и хотел, с кольчужными вставками, наплечные щитки, и забрало на свой новый шлем. Теперь доспех сидел на мне как влитой, правда, в дублете было очень жарко.

И было еще одно дело, крайне мне интересное.

Помня про некий горшок с золотом, лежащий на дне дамской уборной под стеной Теофилбурга, я все раздумывал, как бы его достать. Зайти среди бела дня в женское отделение и пошариться там казалось делом безнадежным. Во-первых, придет стража и просто повяжет меня. Во-вторых, под каким видом я это сделаю?

И, со всех сторон рассмотрев это дело, я решил, что самое безопасное и надежное — это сделать подкоп.

Две уборные — мужская и женская — стояли у самой крепостной стены. Стража по этой стене совсем не ходила, видимо — чтобы не смущать посетителей и особенно посетительниц. Если прокопать лаз с другой стороны стены, можно будет залезть туда ночью и искать Золото Вепрей хоть до утра, а затем унести его по подземному проходу.

Еще раз зайдя на площадь Теофилбурга, я заметил место, где стоят уборные, пересчитав количество зубцов крепостной стены от ближайшей башни. Затем, выйдя из города, нашел это место на городской стене с другой стороны.

Здесь, у стены, оказалась старая овчарня и высохший, полузасыпанный ров с чьими-то огородами.

Осталось найти хозяина овчарни — им оказался небогатый скорняк — и арендовать ее у него. Как только я получил этот сарай во владение, сразу привел туда дюжину солдат и обозных сервов.

— Копайте подкоп прямо из овчарни под городскую стену, — сказал я им. Старшим поставил Клауса. Он, хоть и не был сапером, но видел, как копают «тихую сапу» и умел крепить свод лаза.

Землю я сказал выбрасывать ночью в воду городского рва, там, разумеется, где он еще не пересох. Под водой кучи свежевырытой земли не будут заметны и не привлекут ничье внимание. Сменяясь и работая круглосуточно, мои люди смогут сделать подкоп, предположительно, за месяц. Пообещав щедрое вознаграждение при успехе и всякие кары — при неудаче, я стал ждать Хейлемана и Эушвица.

Названные господа появились на четвертый день пополудни. Как обычно, разодетые как павлины, и, в этот раз, на изумительных, дивных кровей, вороных жеребцах.

За это время я уже несколько раз успел передумать отдавать им молот, и снова решал все-таки исполнить сделку.

С одной стороны, ну, зачем мне эта штука? А деньги есть деньги. Но что-то туманно — интуитивное в моем сознании тихонько и угрожающе шептало: «Не делай этого... Не надо!».

И вот эти люди стоят у рогатки, служащей нам воротами в лагерь, и криво мне улыбаются.

Оба поприветствовали меня изысканными, глубокими поклонами. Я неуклюже кивнул

им в ответ.

— Пройдемте, господа.

В шатре Крейг фон Эушвиц сразу протянул мне бумагу.

— Вот он! Именной, как вы и просили.

Я вроде бы ничего подобного не просил, но, в конце концов — какая разница? Именной даже надежнее, ведь никто другой не сможет предъявить его! Главное — сумма верная.

— Давайте пройдем к нотариусу, который удостоверит подлинность и векселя, и индоссамента.

Фон Эушвиц положил руку мне на предплечье.

— Не беспокойтесь об этом, герр Андерклинг. Надеюсь, вы понимаете, что никаких уверток тут быть не может. Господа, которых мы представляем, очень-очень могущественны. И они могли бы быть вам прекрасными заказчиками. Мы глубоко заинтересованы в предметах такого рода и согласны платить за достойный результат. Вы не будете разочарованы! Но сотрудничество требует установления некоторого доверия, и, надеюсь, сегодня мы сделаем первый шаг к нему. Вы согласны, сударь?

— Конечно — чопорно ответил им я. — Приятно иметь дело с разумными и платежеспособными людьми!

Что же. Я потерял покровителя в церкви, но приобрел заказчика вне ее. Неплохо, неплохо.

— А теперь прошу вас выйти из шатра! Мне нужно исполнить свою часть сделки.

Оставшись один, я достал молот из своего сундука, в последний раз примерил его к ладони.

Шут его знает, молот-не молот, довольно тяжелая и очень старомодная штукенция. Рукоятка толстенная, явно не под человеческие пальцы. Может ли это быть знаменитый молот Сигмара, известнейшая реликвия давних времен? Очень маловероятно. Во-первых, для человека он тяжеловат и неудобен. Во-вторых, молот Сигмара служил ему оружием, и пропал вместе с ним самим где-то в районе Ущелья Погасших огней. Потом, уже через сотни лет, его чудесным образом обнаружили и перетащили в храм, но, уже тогда были подозрения на подделку.

Этот же, лежащий сейчас передо мною, артефакт, применить как оружие крайне сложно. Скорее скипетр, а не боевой молот... Но, несомненно, вещь магическая, как и сказал Литц. В общем, штука важная, если подумать. Может, я продешевил?

Господа снаружи стали проявлять нетерпение. Ладно.

Я вышел на солнечный свет и вручил молот Эушвицу.

— Нет, сударь. — Старик ласково, почти отчески, улыбался мне. — Этот кусок железа нам не нужен. Мы ищем лук!

Я оторопел.

— Какой лук?

— Костяной лук, разумеется. Разве не за этим вас отправляли?

Гм. Похоже, плакала моя тысяча дублонов.

— Давайте я покажу, что у меня есть.

Вбежав в шатер, я порылся в вещах и достал те странные костяные штуки. Вынес их на свет и внимательно осмотрел.

Да е-мое! Вот в чем дело!

На тонких концах костяных жердей виднелись следы тетивы. Если вставить их друг в

друга — действительно получается лук, только каких-то гигантских размеров.

Я вышел к покупателями.

— Вот, посмотрите. Вы это ищете?

Фон Эушвиц расплылся в улыбке.

— Да. Это он.

Он поднес к костяным палочкам изящный амулет из темного серебра. На амулете тут же загорелся синий сапфир.

— Это он. Дело сделано. Я должен вас покинуть, сударь, чтобы завершить свою миссию. Однако, есть важное дело, не терпящее отлагательств. Это касается вашего старого знакомого и покровителя, Тереллина!

Я насторожился.

— Нас очень печалит то обстоятельство, что этот в высшей степени достойный иерарх столь жалким образом содержится под стражей в монастыре Хугельхайма. Право, церковь не ценит своих людей! Каноник явно достоин большего, чем его скромная должность в Андтаге. На службе фон Волленбурга, где мы имеем честь состоять, он был бы, по меньшей мере, министром! Конюшим или кравчим, как думаешь, Ролло? А теперь, когда его враги добились его ареста.... В общем, я получил от своего господина недвусмысленное указание спасти каноника. Мы должны вырвать его из лап врагов, подло действующих посредством инквизиции. Готовы ли вы к этому?

Ничего себе! Да это ведь разбой!

— Простите. Вы хотите сказать, что мы совершим нападение на Церковь?

Барон сделал круглые глаза и замахал руками, как мельница.

— Нет-нет-нет, что вы, что вы! Об этом не может быть и речи! На церковь? Как можно! Нет. На врагов! На истинных врагов церкви, окопавшихся в ее стенах! На извергов рода человеческого, извративших учение Света и поставивших его на службу своей алчности и подлости. На заговорщиков, предателей, убийц. Вот так обстоят дела!

— Никто ничего не узнает, — прогудел чернобровый, перекидывая ногу за ногу. — Все будут в закрытых капюшонах, закрывающих лицо. Мы уже много раз так делали, — он иронично хмыкнул. — Но, как видите, я жив и на свободе, и вхож к лицам, которые вас никогда не пустят дальше кухни.

— И какой план?

— О, я вижу, что вы заинтересовались. Позвольте оставить вас обсудить подробности. Мне же нужно спешить. До встречи! Ролло... Коммандер...

Старик отвесил изысканный поклон и буквально выбежал из шатра. Секундой позже раздался храп коня и удаляющийся стук копыт. Я же остался наедине с Роландом Хейлеманом, к чему, понятное дело, совсем не стремился.

— Итак, сударь, о чем идет речь?

— Дело верное, — лениво сообщил он, поигрывая кинжалом — то доставая, то внося, с глухим стуком вгоняя его в ножны. — Мы устроим так, что каноника будут перевозить из тюрьмы экзархата в Ахенбург. Дорога там, как вы знаете, ведет через Барсучий лес. У вас три десятка арбалетов, — расставленные правильным образом, они истребят охрану, коей будет от силы полторы-две дюжины не самых лучших воинов. Потом мы оставим улики, которые укажут на засаду орков или гоблинов. У вас ведь сохранились их тесаки, топоры? Подложим пару штук. Этого будет достаточно!

— Прекрасная идея, герр Хейлеман. Только есть один момент. Там с другой стороны

будут не орки и не гоблины, а люди экзархата. Не каждый арбалетчик посмеет выстрелить в слугу церкви!

— Это всего лишь вопрос вознаграждения. — Ролло цинично усмехнулся. — Обещайте больше, и муки совести утихнут под звоном монет!

— И сколько Волленбург готов выделить на все это?

Хейлеман стал предельно серьезен. Мерзкая ухмылочка исчезла с его лица.

— Пятьсот рейксталеров, сударь. Я уполномочен на такую сумму. Вы можете договариваться со своими людьми на сколько угодно, в этих пределах.

Вот это да! Двести пятьдесят дублонов за одно-единственное дело!

Мысли мои завертелись. Так. Арбалетчики согласятся за пять монет. Дюжина арбалетов. Нет, пусть две дюжины. И столько же пехотинцев. Возьму самых толковых. Нападем внезапно, расстреляем из засады. Профит!

Итого расходов на двести пятьдесят рейксталеров. А получу я пятьсот! Да еще и добыча какая-то будет, стража экзархата исправно получает свои фирлинги и грошени...

А самое главное — я вытащу Тереллина из тюрьмы, и смогу узнать все, что мне нужно. Он не сможет отказать мне, не в таком он будет положении. Возможно, с этими деньгами я уже через самое короткое время окажусь дома! И даже если вскрыется, что именно мои люди напали на стражу экзархата — я уже буду далеко отсюда.

Да и что мне особенно терять? Ведь инквизиция наверняка уже в курсе моих связей с каноником. Даже если каноник ничего им не рассказал — он ведь обязательно все расскажет, это лишь вопрос времени! Светлая инквизиция знает свое дело...

— Мне надо подумать, — медленно произнес я. — Поговорить с людьми. Но, конечно же, моя благодарность канонику, сейчас, когда он в оковах, требует действий! Ролло нахмурил и без того суровые брови.

— Мой господин рассчитывает, что его люди будут проявлять рвение в отстаивании его интересов. Помни это, Андерклинг. Как только чего-то надумаешь — найдешь меня в доме графа фон Фалькенхайма. И не тяни, время дорого.

Напыщенный тип, наконец, удалился, оставив меня со своими мыслями. Тут было, о чем подумать.

Прежде всего, я нашел мага. Литц оказался в небольшой уличной таверне под открытым небом в компании каких-то веселых девушек.

— О, командер Андерклинг, присоединяйся к нам? Что такое? Вижу печать забот на твоём светлом лице! Попробуй этот эль, все развеется как дым!

— Рад, что тебе весело. Слушай, можно тебя на два слова?

— Погуляйте, гусыньки, мой друг хочет, чтобы я уделил ему время. А потом я весь ваш!

Спровадив барышень, маг попытался сделать трезвое лицо.

— Ну что там у тебя?

— Ты помог бы мне освободить Тереллина?

— Чего? Откуда освободить?

— Оттуда. Он в камерах экзархата.

— Ух ты, — удивился Литц, — и на чем же он попался?

— Тише. Не кричи. Пока не известно. Но я думаю, что это может быть связано с нашим походом. С той штукой, что мы нашли.

— Гм. То есть господа в черных одеждах нас тоже могут пригласить для легкой, ни к чему не обязывающей беседы? Умеешь ты обрадовать!

— Да. Так вот. Его надо выдернуть оттуда.

— Ха, каким образом? Это же Кхорнова инквизиция!

— Да не ори ты, на нас оглядываются! Есть способ. Ты скажи, сможешь ли ты, или нет!

— А нас не примут в теплые объятия те же самые господа?

— Если ты сможешь, наверное, нет.

— Ну, считай, я в деле. Не люблю этих скотов. А что еще?

— Отлично. Как только мы его освободим — расспроси хорошенько про мое появление здесь! Узнай все что можно. Если есть шанс отправить меня обратно, я хочу его использовать!

— Так расспроси его сам!

— Я же не маг. Это ты знаешь, чего спрашивать, и поймешь его ответы.

— Разумно. Ты чертовски умен для юнгера, Энно, разрази меня Кхорн, если это не так! Но Тереллин... Он намного умнее тебя. И у него всегда был нюх на неприятности. И все же он попал в Черные камеры... Невероятно!

Девушки, хихикая, подошли обратно. Я же, узнав, что хотел, поспешил в лагерь.

Ротмистра Рейсснера я решил не ставить в известность ни о чем. Слишком прямолинеен был командир пехотинцев. Лучшей кандидатурой для этого дела был Линдхорст.

Назвав ему сумму, от которой бывший фельдфебель зарделся, как девушка, и вкратце изложив дело, я понял, что не прогадал.

— Придется всех убить? — только и спросил он.

— Да. Надо сделать так, чтобы никто не ушел. Как думаешь, Дитрих пойдет на это дело?

— Я поговорю с ним. Думаю, без проблем. А как мы окажемся на ахенбургской дороге? До туда добрых пять дней ходу. И еще надо найти место для засады, и дожидаться, когда вашего светочу повезут в Ахенбург. Все это надо продумать. Кого еще возьмем?

— Надо пару десятков арбалетов и столько же копий. Пехотинцы перережут дорогу, а твои люди перестреляют всех.

— Это если в охране не будет пары добрых рыцарей. Хороший всадник может натворить беды!

— Там буду я, еще один неплохой воин рыцарской стати, и наш маг.

— Хм. А он будет трезв?

— Последнее время он вроде бы держит себя в руках.

— Хорошо. Но, как же мы туда доедем? Отряд в сорок человек вызовет вопросы!

— Доберемся. У меня есть идея!

Глава 49

Не без труда мне удалось выжать из Хейлемана сотню рейксталеров на аванс людям и прочие расходы. Мы почистили наши фургоны, сняв с них, наконец, потерявшие всякий вид головы орков. Купили несколько десятков тюков шерсти и провизии на две недели на сорок человек. И под мелким осенним дождем тронулись в путь по северной дороге.

По легенде мы были торговцами шерстью, везли на четырех возах двести тюков с юга в город Ландр, известный своим сукном. В глубине фургонов, за тюками, сидели солдаты и

лежало оружие.

Главная проблема была в постоянных таможенных досмотрах. На разного рода аванпостах, мостах и пограничных пунктах сидели министриалы разного ранга, норотившие произвести досмотр и пересчет товара. Конечно, по обычаю такса должна собираться с одного воза, но все считали себя очень умными, а торговцев — дойными коровами.

Тем не менее, где подкупом, а где — со скандалом, но мы преодолевали таможенные посты и шли вперед.

На четвертый день пути Хейлеман нагнал нас на постоялом дворе крошечного городка Ранкеберг.

— Андерклинг, нам надо ехать вперед. Вы слишком медленно тащитесь. Надо встретиться с моим человеком, чтобы организовать перевозку Тереллина и найти место под засаду.

Сочтя доводы разумными, я решил верхом отправиться с ним к городу Хугельхайм — столице экзархата Виссланда. С некоторых пор в землях Империи стало принято, чтобы церковная власть располагала свои курии отдельно от светских правителей, поэтому резиденция экзарха размещалась не в столице Виссланда — Браундштадте, а здесь, в старинном епископальном городе. Майнфельд и Линдхорст, услышав об этом, сразу увязались с нами. Конечно, сидеть с господами в кабаке для них было куда интереснее, чем трястись с солдатами по ухабам отвратительной Северной дороги. Маг, разумеется, тоже захотел ехать с нами.

До этого я лишь раз бывал в этих местах, да еще и то во времена, когда еще ничего не понимал в этом мире. Тереллин привозил меня на капитул экзархата, где поручился за мою «не демоническую» природу, чем спас от костра. Теперь мне предстояло вернуть тот долг... и, может быть, навсегда избавить себя от угрозы.

Мы остановились на постоялом дворе прямо напротив величественного здания монастыря Пресветлого избавления. Вызвав слугу, Хейлеман что-то шепнул ему и сунул монету. Тот исчез.

— Теперь нам остается только ждать, — сообщил Хейлеман и завалился в сапогах на кровать.

Через час в дверь тихонько постучали.

— Входи, — отрывисто кинул Ролло, поправив, однако, кинжал на поясе.

Дверь отворилась, и невысокий человек в коричневой рясе грубого сукна с капюшоном проскользнул к нам. Когда он откинул с лица хук, я сначала не мог поверить своим глазам — ведь это был Лотоульф, послушник монастыря Пресветлого Теофраста и доверенный посыльный экзарха. Увидев меня, он застыл на месте, но затем крайне неубедительно изобразил радость.

— Как вы оказались здесь, брат Энно? Не ожидал увидеть вас в таком месте, и... — он покосился на Ролло —... в такой компании!

— Компания не хуже любой другой, — грубо прервал его Хейлеман. — Как дела в экзархии? Кого-то еще арестовали?

Лотоульф помрачнел.

— Ситуация там все опаснее. Недавно взяли брата Гиппеля из монастыря Андтага. Когда его привезли сюда и помещали в карцер, он так смотрел на меня... Боюсь, герр Хейлеман, что не смогу быть далее вам полезен!

— Ну вот, конечно! — одними губами усмехнулся Ролло. — Как устраивать тайный культ Слаанеша, так это мы запросто. Гулять, развлекаться со сладкими мальчиками, открывать в монастыре тайный бордель, творить такое, за что и костра-то мало, и все замечательно. А как надо сделать что-то для тех, кто за шкуру вытащил тебя из дерьма — так все. «Не смогу быть далее полезным!»

Он рывком встал с кровати и ухватил своей ручищей Лотоульфа за капюшон, близко-близко заглянув ему в глаза.

— Слушай меня, гнида монастырская! Пойдешь в монастырь. Передашь секретарю экзарха записку — вот эту. А на словах скажешь ему, что Тереллина надо срочно перевезти в Ахенбург. Он, мол, знает великую тайну о заговоре в церкви. Но допросить его может только посвященный второго ранга и выше. Нам надо, чтобы его повезли в Ахенбург. Все понял?

Лотоульф слушал его, зажмурившись. Потом открыл сначала один глаз, потом другой, и уставился на Хейлемана, как кролик на лису. Было видно, что его трясет от дикого ужаса.

— Так ты понял меня, ничтожество?

Лотоульф молча кивнул.

— А теперь — пшол вон, мелкий извращенец, — прорычал Хейлеман, — и если я снова услышу что-то подобное твоему сегодняшнему бляению, ты отправишься сначала на дыбу, а потом на костер, где тебе самое место! И поверь, дружок, я устрою это легко и с удовольствием!

Резким движением выкрутив капюшон послушника, Хейлеман пинком открыл дверь и спустил того с лестницы вниз. Судя по грохоту, тот упал и пересчитал немало ступеней, прежде чем остановиться.

— Кхорнов сукин сын! — проорал ему вслед Хейлеман, захлопывая дверь.

— С какой только мразью не приходится иметь дело, — успокаиваясь, он завалился снова на кровать. — Но, Тзинч свидетель, именно за это нашего брата и ценят. Правда, Андерклинг?

— Не думаю, что нас можно объединить по какому-либо признаку, — несколько неуверенно возразил я. — У вас свой господин и дела. А я...

— Да то же самое. Делать темные делишки, проворачивать то, о чем не говорят вслух, а делать, тем не менее, надо. Ты нашел ту драконью штуковину, а мы с Крейгом ее доставим по назначению. Ты пронес ее половину пути, а мы — вторую половину. Все тоже самое, *коммандер!*

Эти философские разговоры мне быстро надоели.

— Ладно. Что дальше?

— Дальше я жду, когда этот слизняк доложит об исполнении. А потом — следим, когда стража экзарха начнет готовиться к поездке в Ахенбург. Мне донесут об этом. Есть свои люди на конюшне.

В напряженном ожидании прошел весь вечер. Мы с Хейлеманом вышли в общий зал таверны, где лейтенант и ротмистр, взяв вина, играли в кости на мелкие ставки и болтали на разные необременительные темы. Мы присоединились к ним.

— Я слышал, скоро будет сейм, и граф — один из претендентов на древний императорский трон. Как вы оцениваете его шансы? Кого, думаете, выберут императором? — спросил Курт у Хейлемана, решив, видимо, что он витает в тех сферах, где знают всё и обо всём.

Хейлеман чуть заметно усмехнулся, задумчиво оглядываясь по сторонам.

— Разговорам этим уже много лет. Сейм должен был собраться еще два года назад. Только дело это непростое!

— Неудивительно, — поддержал я тему. — Сейма не проводилось уже больше ста лет!

— Ста двадцати шести, если быть точным, — кивнул Хейлеман. — Знать никак не может договориться по самым важным пунктам его регламента. Начиная с места проведения!

— Ну, с местом вроде бы разобрались, — вклинился в разговор Дитрих Майнфельд, — а вот по избранию императора, бьюсь об заклад, они никогда не договорятся!

— Готов побиться на любую сумму, — усмехнулся Хейлеман. — Избрание нового императора ближе, чем вам кажется, господа!

— Кто знает, — Курт Линдхорст поболтал в кружке остатками вина, затем подставил ее кельнеру. — Я слышал, Церковь крепко заинтересована в избрании нового императора. Они ведь все говорят про священный поход по Проклятым местам, дабы выжечь там всю заразу хаоситов!

Ролло Хейлеман посмотрел на него скептически.

— Да, разговорам много лет, — веско произнес он, — *Разговорам*.

— А начерта нужен для этого император? — не согласился Майнфельд, — церковь сама способна повести людей. Там же нужны не мечи, а кадила!

— Потому, — с той же странной улыбкой продолжил Ролло, — что людей с кадилами надо охранять людьми с копьями. И охраны нужно много, ведь этот самый «Светлый поход» пойдет сразу ко многим из «Проклятых мест»!

— Вот это я не понимаю! Зачем им очищать сразу много проклятых земель? Начали бы с одной, а уж потом пошли бы и на другие! — заметил Дитрих.

Почему нельзя начинать с одной, я знал из рассказов служителей собора.

— Надо сразу все — или хотя бы главные. Во-первых, нужно ждать специальное время. Когда Свет особенно силен. Оно может наступить внезапно и продлится недолго. И в это благоприятное время надо успеть сделать как можно больше. Вот и получается, что надо организовать выступление сразу ко многим Проклятым местам и выжигать нечестивую магию, пока действует благоприятный магический ветер!

— Пуфф, герр командер решил порассуждать о магии! — Литц был уже сильно навеселе, и, похоже, его тянуло потоптаться на чужом авторитете. — Ветер магии, чтобы вы знали, юноша, непредсказуем и своенравен, и полагаться на него — это полная утопия. Он может перемениться мгновенно, этот ветер.

— И что? Вы все полагаетесь на ветры магии, с того и живете!

— И то, что строить планы на этом шатком основании, мягко говоря, неблагоприятно. Вот, скажем, — Литц сгреб блюда на столе, сооружая из них импровизированную карту, — пошел нужный вам ветер. В церквях и соборах бросают клич — все в поход на Проклятые земли! Начинается сбор пилигримов, — он стащил в одну кучу все кружки и кубки, — начинается сбор войск для их охраны, — в другую кучу небрежно накидал куски хлеба, — а тут ветер — бац, и переменялся! Он по десять раз на дню может меняться, знаете ли!

И маг замолк с видом глубокого знатока предмета, оскорбленного тупыми дилетантами.

— Ну, может быть в этом все и дело. Слишком сложно это все устроить. Проклятым местам уже тысячи лет — магия хаоситов очень сильна!

— А, по-моему, похоже на отговорку, — не унимался Майнфельд. — Ведь так можно вечно собирать пожертвования, выпрашивать земли и привилегии у королей и князей и

постоянно что-то обещать. И ничего не делать!

— Ну, здесь вы не правы, — возмущился Линдхорст. — Все знают, что во время войны с Хаосом, когда Старая Империя была уже разгромлена, погибли древние эльфы и, казалось, все кончено, в наш мир снизошли Светлые ангелы. Они сокрушили демонов Хаоса морем огня и света. Гигантские столбы света, огненные смерчи, ослепительно пылающие метеоры — все это превращало демонов в прах и золу.

— И немало людей заодно, — вставил ехидно Литц.

— Еретиков, принявших власть хаоситов. Но не находите ли вы странным, что когда-то Свет сокрушил мощнейших демонов Хаоса, со всеми их заклинаниями и магией, сжег многотысячные армии вместе с их богами — и все это за какие-то несколько дней, а теперь мы два тысячелетия пытаемся устранить всего лишь Проклятые места — жалкие остатки хаотической магии, ничтожные в сравнении с живыми армиями демонов!

— Еще один знаток тонких материй! — фыркнул Литц. — Может быть, порассуждаете про *известные* вам предметы?

Нет, он положительно не уймется.

— На два слова, Литц, — я увлек мага с собой, и мы вышли из таверны.

— Вы снова пили с утра?

Конечно, пил. У меня никаких сомнений.

Литц промолчал.

— Вы, может быть, перестанете оскорблять всех вокруг?

— Все вокруг болтают чушь.

— Люди только и делают, что болтают чушь. Если вам это невыносимо, оставьте нашу компанию и идите выклянчивать выпивку у солдат, как вы любите. Не надо провоцировать склоку.

— Покинуть? Да я с удовольствием находился бы совсем в другом месте сейчас!

— Ну, вот и договорились, — и я вернулся к офицерам, оставив Литца снаружи.

Когда я вернулся, оказалось, что Курт и Дитрих разошлись не на шутку.

— Там были ангелы! — Линдхорст, похоже, начинал злиться. — Удар Света был нанесен не нашими слабыми жрецами, но самими светлыми сущностями! Они могут все, а людям, конечно же, не справиться даже с жалкими остатками Хаоса! И император ничего тут не добавит и не убавит. Нельзя на земле решить то, что должно свершиться на небе!

— Насколько я знаю, церковь отрицает бытие «светлых сущностей». Не так ли, командер? — обернулся ко мне Майнфельд.

Именно так.

— В общем-то, да! Было даже движение — как их там звали... иллюминаты, иллюминиты... неважно. Так вот, они проповедовали второй приход ангелов света, существование Князя света, которому эти ангелы подчиняются и служат. Движение было признано еретическим, кого-то даже сожгли. Это было давно, больше ста лет назад. Но, как говорят, сейчас эта точка зрения становится преобладающей в церкви. Земные дела суть отражение небесных, и если есть князь света и ангел на небе, то и должен быть император и его рыцари на земле!

— Этим спорам нет конца, — лениво протянул Хейлеман, допив свое вино, — но если говорить серьезно, император нужен князьям, чтобы королевства Штирии и Кенигсланда не овладели всеми землями бывшей Империи, и только для этого... Андерклинг, я пойду к себе, ждатель вестей.

Уже стемнело, когда к нам зашел невысокий серв, от которого узнаваемо пахло лошадиным потом. Он тихонько прошептал что-то Хейлеману.

Выслушав его, конфидент Волленбурга разразился проклятиями.

— Тзинчев сын! Срань трясухая! Чтоб тебя!

— Что-то не так?

— Все не так, клянусь демонами Хаоса! Вообще все не так! Этот ханурик не пошел в монастырь — вместо этого он взял, и повесился на конюшне! Только что достали из петли!

Лотоульф.... Вот это да! Похоже, на него был действительно мощный компромат, раз он так себя извел! Ох, в какой же замес я попал!

— Признаться, мне он никогда не нравился, — мой голос казался ровным, хотя на самом деле я был в ужасе. — Однако, как же мы теперь сможем вытащить каноника на большую дорогу?

— Хотел бы я знать, Нургл меня дери! — мрачно буркнул Хейлеман.

Нужно срочно что-то придумать...

Глава 50

Маг Литциниус Кнаппе, после того как я выгнал его из таверны, появился лишь на следующий день к обеду. Все это время я был как на иголках. Увидел мага, заходящего на постоянный двор, и сразу бросился к нему.

— Прости, Энно, — Литц был заметно смущен, — я вчера действительно хватил лишнего. Эта тюрьма выводит меня из себя — когда-то я провел тут не одну неделю!

— Ах, да. Ты же сидел тут во время следствия. Ладно, пустое. Нам надо поговорить.

Я отвел его подальше от людей.

— Литц, дела пошли не по плану. Все очень плохо!

— Да неужели? Почему же я не удивлен? И что, стража экзарха уже ищет нас?

— Шутки в сторону. Литц. На тебя вся надежда. Ты должен телепортироваться в камеру Тереллина и рассказать ему наш план!

Маг сделал круглые глаза.

— Что? В камеру? Да ты с ума сошел?

— Увы. Других вариантов нет. Были, но оказались несостоятельными...

— Ничего не получится. Забудь, — отрезал маг, и хотел было уйти. Мне пришлось схватить его за рукав.

— Ты же умеешь делать телепортацию. Ты прыгал на несколько лиг!

Литц возмущенно закатил глаза.

— Это невозможно! Не-воз-мож-но! — с нажимом произнес он. — Это тебе не лес в жопе мира. Это — тюрьма монастыря! Тут каждый второй обладает какими-никакими магическими познаниями. Меня вычислят сразу же!

— Успокойся. Ведь Тереллин в одиночке, не так ли? Проникнешь к нему, когда он один. Ты же знаешь расписание тюрьмы?

— Да. Да, Кхорн возьми. Я провел в ней немало дней. И возвращаться туда не планирую.

— Нам надо всего лишь передать ему весточку, иначе ничего не получится. Не можем же мы штурмовать монастырь прямо посреди Хугельхайма!

Маг оставался непреклонен.

— Значит, Свет не благоволит нашему делу!

— От тебя ли я слышу такое?

— Пойми, — Литц решил снизить до объяснений, видимо, чтобы я понял глубину своего невежества, — монастырская тюрьма — это не просто каменное здание. Там есть и магическая защита в том числе. Преодолеть ее, — он закатил глаза, — невероятно трудно!

— Но ты ведь можешь это? Если ты смог скастовать «Метеор» и спасти всех нас — то здесь у тебя точно получится!

— А если нет — я останусь там навсегда. В лучшем случае!

— А если «да»? Благодарность каноника не будет иметь границ! А есть еще важные особы, которые и наняли нас на это дело.... Если ты покажешь себя в этом деле, то семейство фон Волленбургов определенно тебя заметит! А ведь Гетц фон Волленбург, как говорят, может стать императором! Ты представляешь себе возможные перспективы! —

Черненькие глазки мага забегали, как тараканы. Похоже, я зашел с правильной стороны!

— Литц. — Я положил ему руку на плечо. — Мы у цели! Сделай это для Тереллина. Он все же был добр к тебе!

— Я подумаю, Энно. Если тут что-то возможно сделать...

— Ладно, давай пока перекусим и выпьем,

Пока все отдыхали после долгой дороги, я зашел к Хейлеману. Тот откровенно скучал, сам с собой играя в шашки.

— Герр Ролло, мы еще можем выполнить первоначальный план. Но надо убедить мага, что высокие особы в случае успеха обратят на него свое внимание!

— Без проблем, — спокойно ответил Хейлеман, поигрывая своим узким кинжалом «мизерикордия» — то вынимая клинок из ножен на пару дюймов, то с глухим стуком бросая обратно. — Хорошие маги всегда в цене, особенно в наше бесталанное время. Что ему пообещать?

— Внимание, и перспективу оказаться при дворе графа.

— Давайте его сюда. Обещать я умею очень много, и даже больше того!

— Отлично.

Я подозвал Литца.

— Герр Хейлеман — доверенное лицо графа, — инструктировал я его, пока мы поднимались по лестнице. — Можете обговорить все касательно твоего будущего.

Я представил его Хейлеману, затем вышел. Они переговаривались с полчаса. После этого довольный Литц заговорил по-другому.

— Энно, ты говорил, мне надо будет только передать канонику несколько слов. Значит, мне надо будет попасть туда лишь на короткое время?

— Только чтобы объяснить ему суть дела. Даже давай так — мы дадим тебе кусок пергамента с инструкциями Тереллину, ты все объяснишь на словах, а еще отдашь записку.

— Я думаю, что способ попасть туда есть. Мне нужен будет темно-серый плащ и хук.

Я отправился за указанным, а по дороге заглянул к Хейлеману предупредить, что нам понадобится его комната.

— Это единственное уединенное место, где он может творить заклинания!

— Хорошо, — чернобровый бандит медленно поднялся с кровати, — пойду в кабак. Может быть, хоть кто-нибудь в этой дыре умеет играть в «шашки»!

— Отличный выбор, герр Хейлеман!

Тот смерил меня взглядом, в котором ясно читалось: «Засунь свое одобрение себе в задницу» и ушел.

Раздобыв у солдат нужную одежду и отдав ее Литцу, я пошел в комнату Ролло. Переодевшийся Литц поднялся туда через несколько минут.

Выглядел он довольно странно — замотанный в плащ, с капюшоном на глазах. А еще от него исходило заметное амбре отхожего места. На мой немой вопрос Литц весело ухмыльнулся.

— Служитель, опустошающий ночные горшки узников, не вызывает ни подозрений, ни желания заговорить с ним. Только, Энно, ни при каких обстоятельствах никому об этом не рассказывай!

— Хорошо. Значит так, скажи канонику, что он должен пообещать сделать громкие признания о заговоре еретиков. Но может раскрыться только высшим иерархам, не ниже архилектора. Наша цель — чтобы его увезли в Ахенбург. *Попытались увезти!*

Я отдал ему записку для каноника. Маг несколько минут готовился к «прыжку», затем его окутал голубоватый туман, от которого у меня мурашки пошли по коже, и он исчез.

Я ждал его в сильнейшем нервном напряжении. Несколько минут истекло... потом еще несколько.... А Литца все не было.

В волнении я прошелся по комнате туда-сюда. И где он? Ему же реально надо было лишь передать то, что я ему сказал. Надеюсь, он не решит геройствовать... уже начал впадать в отчаяние, когда Литц появился на прежнем месте, окутанный голубым туманом и еще усилившимся запахом дерьма.

— Еле-еле выбрался, — сообщил он, отдышавшись. — С тех пор, как я покинул эти стены, защита там стала еще сильнее. Но и я стал сильнее тоже...

— Все получилось?

— Да, — мрачно ответил маг. — Я прыгнул в уборную, пока все были на молитве. Пошел к камерам, поговорил с каноником через дверку, в которую ему подают еду. Он очень плох, Энно. Поначалу он даже меня не узнал. Не знаю, сможет ли он выдержать поездку до Ахенбурга....

— Мы перехватим его раньше. Будет засада в одном или двух днях пути отсюда. Мы освободим его. До Ахенбурга он не доедет.

— Я догадываюсь. Но ведь и здесь он не останется? Если не в Ахенбург, то в Виндихтхалле, ко двору маркграфа?

— Да. Будем надеяться на лучшее.

Как жаль, что фройляйн Азалайсы нет с нами. Она бы поставила его на ноги, несмотря на весь антагонизм жрецов света и «ведьм»-шаллиек.

Я позвал слугу. Птах околачивался на конюшне.

— Найди господина Хейлемана — он должен быть в каком-то из местных трактиров. Сообщи ему, что дело сделано. Только не кричи там на всю округу, сообщи на ухо.

— А в каком? — прочирикал Птах.

— Не знаю, начни с тех, что попримичнее. Наверное даже, с самого дорогого!

— Да, сударь.

Птах ушел и через некоторое время вернулся.

— Герр Хейлеман сказал наблюдать за монастырской конюшней. Как только там начнут готовить повозки — значит, скоро повезут вашего каноника!

Посмеявшись в душе по поводу уровня местной конспирации, я посадил пару солдат на чердак посматривать за монастырским двором. Надеюсь, все же, что план сработает, я выслал телеги с солдатами и Майнфельдом вперед по дороге на Ахенберг, сам же остался в таверне играть в кости с Хейлеманом и ротмистром. Если Тереллина повезут в конклав, мы нагоним своих верхом и встанем в засаду в удобном месте, коих здесь на любой дороге найдется немало.

Время шло, но ничего не происходило. Монастырь жил своей обычной жизнью. Только на следующий день мы увидели, как из конюшни начали выводить и запрягать лошадей, а во внутренний двор въехали два десятка всадников.

— Они собираются! Выступаем, срочно!

Торопливо оседлав коней, мы размашистой рысью понеслись догонять наш ушедший вчера отряд. Сердце яростно билось в груди. Никогда еще я не убивал людей церкви, да и вообще — людей, (не считая, конечно, бедняги Даррема, но то было сгоряча). Мы участвуем в отчаянном деле, в котором легко потерять головы, но при удаче приз может превзойти все

ожидания. Надеюсь, скоро я узнаю, как мне выбраться отсюда навсегда!

Глава 51

Мы прошли три лиги по Ахенбургской дороге в поисках места, где можно было устроить засаду. Неширокая петляющая дорога с кое-где сохранившейся каменной брусчаткой то шла среди недавно сжатых полей, то ныряла в лесистые ложбины.

После освобождения они должны были скакать на север, к владениям Волленбургов. Мы приготовили несколько верховых лошадей и сбрую для езды верхом.

— Выдержит ли Тереллин такой путь? Он ведь ослабел в заключении?

Хейлеман только отмахнулся.

Наконец мы подошли к небольшому мосту через ручей. Тут дорога шла в низине и хорошо просматривалась. С одной стороны стояли высокие стога сена, с другой — раскидистые дубы. Это было то место, где можно сделать отличную засаду.

Я поместил часть арбалетчиков в стогах, часть — на деревьях с другой стороны. Пехотинцы разместились под мостом.

Мимо нас проезжали возы поселян с зерном и турнепсом, телеги торговцев с чесаным льном, шкурами, солью. Однажды проехали двое вооруженных всадников — вероятно люди какого-то местного юнгера или рыцаря. Нас они не заметили.

Однако когда через мостик погнали отару овец, пастушьи собаки стали лаять под мост. Пехотинцы вылезли и, прежде чем я смог вмешаться, убили и собак, и пастуха.

— Это нам на руку, — сообщил Хейлеман. — Оставьте отару тут. Ей как раз можно перегородить мост! А я поеду проверить, где идет наша цель!

И Хейлеман ускакал на своем породистом жеребце, провожаемый множеством завистливых взглядов.

Трех пехотинцев обрядили в широкие пастушьи шляпы.

— Когда увидите конвой из Хугельхайма, гоните овец на мост, запретите им обратный путь! — проинструктировал их я.

Вернулся Хейлеман.

— Скоро они будут здесь!

— Понятно. Готовься, ребята!

Нервы натянулись до предела. Я совершенно уверен в успехе, и все же, не могу быть спокоен. Слишком остра сталь у тех, кто, не торопясь едет сейчас рядом с черной крытой повозкой....

Сначала появилась пара всадников. Затем — повозка с фургоном черного цвета и эмблемой экзархата. За ними растянулась конная стража.

Сердце гулко стучит в груди, отдавая в висках. Это плохо, что они так растянулись. Мы не сможем накрыть залпом сразу всех — задние увидят нашу атаку и либо бросятся на помощь своим, либо убегут. Второе даже хуже, чем первое. Если кто-то спасется, про легенду об орках придется забыть.

Наверное, пора.

— Давай, — крикнул я Линдхорсту.

Курт привстал и издал протяжный свист.

Затрещали спускаемые тетивы арбалетов. Тяжелые болты один за другим ссаживали

стражников.

Пехотинцы выскочили из-под моста, хватая лошадей под узцы. Кучер в бешенстве хлестал кнутом во все стороны, и лошадей, и пехотинцев. В итоге кони взбесились и потащили повозку вбок. Черный шарабан встал поперек и перегородил мост. Одна из лошадей повисла над ручьем, ломая ноги о парапет моста, другая с диким ржанием рванула вперед, и шарабан завалился набок, прямо в воду. Раздался треск ломающегося дерева — оглобли отломились, и лошадь сломя голову бросилась прямо по реке, вздымая тучи брызг.

Повозка осталась лежать на боку, в неглубоком ложе ручья.

Держа наготове кинжал, я подбежал к ней и, не обращая внимание на бьющееся рядом животное, влез на нее. Дверь была заперта снаружи засовом и замком,

Высоко подняв полэкс, я ударил по двери. Потом еще и еще. Наконец дверка провалилась вниз, открылся дверной проем — механизм замка развалился.

Я не сразу узнал каноника. Изможденное лицо человека, заслонявшегося от солнечного света, ничем не напоминало деловитого, моложавого Тереллина! Но это был он.

Он стоял внутри повозки по колено в воде и беспомощно озирался. Хук упал с его головы, и я увидел, что он полностью поседел.

— Эй, Линдхорст!

Ротмистр был занят в схватке. Подскочил разгоряченный Хейлеман.

— Помоги вытащить каноника!

Вдвоем мы подняли его за руки на кузов повозки.

— Давай пока под мост! — крикнул Хейлеман.

Под руки мы вывели каноника на землю.

Он действительно был плох. Заключение никого не красит, но Тереллин в тюрьме совсем сдал.

— Это вы, Энно? Я плохо вижу!

— Да, каноник. Я уже не надеялся увидеть вас в этом мире! Вас сейчас отправят в безопасное место. Когда я смогу навестить вас, нам о многом надо будет поговорить. Вы единственный, кто знает тайну моего появления здесь, и к кому я могу обратиться за помощью!

Тереллин положил свою ссохшуюся руку мне на плечо.

— Благослови тебя Свет, Энно! Ты спас меня... Конечно, я расскажу тебе все, что знаю. Те люди, которые тебя вызвали из другого мира, до сих пор живы. Они томятся в тюрьме Ахенбурга. Почему-то тот случай заинтересовал высших иерархов. Архилектор Либрехт затребовал их. Вероятно, хотел понять, как магией можно столь далеко перенести инертный к магии объект....

Голос каноника был слаб и прерывист. Видно было, что он потерял много сил. Над нами кричали дерущиеся и умирающие люди, и мне с трудом удавалось расслышать слова Тереллина.

— Энно. Как только я тебя увидел, тогда, три года назад, я понял, что ты сыграешь особую роль в моей судьбе. Все думали, что ты демон. Ведь хаоситы из той секты вызывали именно демона, демона Хаоса...

— Берегите силы, каноник. Выпейте вина!

Тереллин с благодарностью сделал несколько глотков из моей фляжки.

— Но я, — продолжил он, — верил в тебя! Я знал что ты, — нечто особенное, чего еще не видели в этом мире... И ты, Энно, оправдал мои надежды. Не зря я назвал тебя

Андерклинг! Ты действительно, истинный клинок церкви, не такой, что торжественно несут перед шествием неофитов, но тот, что тайно держат в рукаве, выбирая момент, чтобы пустить его в ход!

— Вам придется ехать верхом несколько миль. Сможете ли вы удержаться в седле?

— Я? Не думаю... — Тереллин покачал головой. — Видимо, придется вам привязать меня к седлу, как Пресветлого Адеоданта во время битвы с Хаосом...

— Эй, Андерклинг, — Ролло махнул рукой в сторону, где еще кипел бой, — Иди, делай свое дело, я с ним побуду тут.

Я вылез из-под моста, оглядывая поле боя.

Кругом лежали трупы стражи экзархата. Почти все они были убиты арбалетными болтами — стрелки знали свое дело.

— Сударь, тут вот нужно ваше решение, — ко мне подскочил сержант Кунц. — Тут у нас пленный, похоже, знатный.

Задернув на лице капюшон, я подошел к группе людей за повозкой.

Прямо у въезда на мост лежал дворянин, показавшийся мне знакомым. Порывшись в памяти, я вспомнил его имя. Эсперн. Надменный тип, с которым мы тогда вместе ехали к деревне Вайзе. Теперь он со всем смирением, приличным слуге церкви, уткнулся в грязь, быстро заполняя следы чужих сапог бордовой, дымящейся на холоде, кровью.

Рядом с трупом нашелся и живой пленный. Рыцарь Беренгард со связанными руками сидел, привалившись к крупу своей собственной лошади. Ему повезло — предназначавшийся ему болт попал прямо в лоб его коню, а потом пехотинцы оглушили его ударом готентага. Теперь он ждал своей участи.

— Что с ним делать, сударь? — спросил стоявший рядом с Беренгардом сержант Кунц.

— Давайте его на лошадь, а там посмотрим, — не зная на что решиться, сказал я.

— Энно! Энно Андерклинг! Не убивай меня! Я же брат твой по Свету! — вдруг тонк закричал Беренгард, раскачиваясь из стороны в сторону. В предчувствии смерти, его красивое лицо с кровоподтеком на лбу исказила гримаса нестерпимого ужаса.

Вот идиот!

— И зачем ты меня узнал, Гарди? — вырвалось у меня. Сделав характерный жест рукой, я отвернулся. Раздался глухой звук удара — сержант Кунц сделал свое дело.

Ну, всех, так всех.

— Эй, ребята, — закричал я, — нам тут свидетелей не надо!

Арбалетчики торопливо обыскивали трупы. Добивали раненных, — всех, как им было приказано, несмотря ни на какие мольбы и обещания.

— Удалось ли кому-то уйти? — спросил я Линдхорста.

— Нет. Мы перекрыли им путь отарой, как вы и сказали. А потом расстреляли завязших в овцах всадников.

Отлично. Похоже, все идет по плану.

— Эй, а кто там? — вдруг спросил Линдхорст.

Я оглянулся. Со стороны Ахенбурга на холме появилось с десятков всадников. Первый, несомненно, был рыцарем.

— Да это, похоже, владелец овец приехал за своим стадом, — удивленно протянул Майнфельд, взглядевшись в герб на щитах всадников.

Только этого нам не хватало! И, судя по всему, местному фьеферу не хватило ума держаться в стороне от чужих разборок — заорав что-то героическое, он опустил копьё и

понесся к нам. Остальные, чуть помедлив, последовали его примеру. Придурки!

— Давай-ка, подстрели этого петуха, — крикнул я Линдхорсту. Тот оглянулся, оценивая приближающуюся цель.

— Меткий! — прокричал Линдхорст.

Изуродованный стрелок припал на колени и поднял арбалет.

Выстрел оказался точен. Хотя я не заметил, куда он попал, но всадник запрокинул голову и кулем свалился с коня, выронив копье. Его люди начали тут же разворачиваться и поскакали обратно. Одному выстрелили в спину и попали, но другие смогли уйти.

— Кхорн побери! Наш план пошел прахом. На этих мы не рассчитывали! И занес же их Тзинч так не вовремя!

— Да, — откликнулся Майнфельд. Придется уходить круглым путем, возможно лесами. А где каноник? Он сможет перенести дорогу?

Вдруг нас окликнул Литц.

— Энно, посмотрите туда! Этот хлыщ, что, покидает нас?

Я оглянулся.

Ролло Хейлеман уносился прочь. Он скакал во весь опор, а за ним неслась заводная лошадь с седлом, но без всадника. Тереллина с ним не было.

Нехорошее предчувствие сжало мне грудь. Я бросился к мосту.

— Каноник! Где вы, каноник!

Я заглянул под мост. Тереллин сидел на земле, прислонившись к опоре моста, где я его и оставил. Он был мертв. Крохотная ранка от узкого граненого лезвия кинжала «мизерикордия» почти не кровоточила.

Глава 52

Долгий обратный путь мы проделали в обход Хугельхайма, частично пройдя лесами и полями. Вперед выслали разведку, чтобы избежать внимания патрулей и дозоров. Но все обошлось.

Лишь однажды мы попали в переplet. Пересекая реку вброд, мы вынуждены были переносить тюки с шерстью на руках, а на другом берегу положить их на землю, иначе в повозках они бы намokли и стали чересчур тяжелыми. Тут же нарисовался местный бейлиф с совершенно неуместными заявлениями о том, что товар теперь перешел в собственность местного сеньора. Пришлось перевести в собственность сеньора и самого бейлифа, уложив его на землю арбалетным выстрелом в лоб. К счастью, никакого продолжения у этой ситуации не было.

Все это время я задавался непростыми вопросами в свой собственный адрес. Как я позволил так обмануть себя? Доверять этим людям было очевидной нелепостью. Сволочи! Каноник нужен был им только для того, чтобы заткнуть ему рот! Я долго думал, что же все таки планировал этот отморозок Хейлеман — сразу убить Тереллина, или все же хотел доставить его в Виндесхайм, но увидел что к стражникам подходит подкрепление и заколол его в панике. Результат-то один — тонкая ниточка к истории моего появления здесь, увы, оборвалась. И никаких "заказчиков", "знатных покровителей" у меня нет. Да и четыре сотни так нужных сейчас рейксталеров, увы, проплыли мимо...

Хорошо, что я хоть что-то успел узнать у каноника! Но и толку с этой информации, увы, немного — достать людей из подземелий Ахенбурга невозможно. Тем более, что после двух лет заключения их, скорее всего, уже нет в живых!

Наконец, впереди, сквозь пелену дождя проявились высокие, черные от воды крепостные башни Теофилбурга. Дойдя до нашего лагеря, я с удивлением обнаружил, что он совершенно пуст — лишь сержант Кунц и пара больных солдат грелись у небольшого костерка.

— Рейсснер увел всех в город! Там начались волнения. На рыночной площади была целая битва! Два семейства что-то не поделили, и началось!

— А причем тут Рейсснер и наши войска?

— К нам прибежал приор монастыря Пресветлого Избавления. Он увидел у нас церковный штандарт и слезно умолял дать солдат для охраны монастыря и собора.

— Вот как? Рейсснер у нас что, сменил работодателя?

— Нет, просто решил подработать во время вынужденного безделья!

— Понятно. Денежки лишними не будут! Что с подкопом?

— Все готово. Мы даже потихоньку выходили в город!

— Как? Через дерьмо?

— Там ничего нет!

— Хм. А вы точно выкопали там, где надо?

— Да. Но отхожее место оказалось пустым, от фекалий остался лишь запах! Впрочем, мы покопались под деревянный помост, и можем проникнуть туда совершенно беспрепятственно в любое время, стоит лишь поднять доски!

Все это было очень странно. Однако, первым делом следовало найти вторую половину нашего отряда и восстановить цепочку командования. А то Рейсснер там такого наворотит, что мои текущие неприятности покажутся полной ерундой....

— В город сейчас пускают?

— Как сказать... Противники захватили часть стены и башен. Ворота на Хугельхайм держит одна банда, ворота на Оденельштадт — другая. Южные ворота, вроде бы, остались под контролем стражников штадтфогта Теофилбурга. И все они пропускают только своих!

— Пойдите к Рейсснеру, пусть передаст, можно ли к нему пройти, и нужна ли подмога!

Кунц ушел. Через полтора часа он вернулся с новостями.

— Ротмистр находится в соборе, часть солдат — в монастыре. Приор и аббат просят прислать еще войск, сколько только можно найти. Они дают по два рейксталера за пехотинца и по четыре за арбалетчика, но только, если не будет грабежей!

— Прекрасно. А как пройти туда? Нет, не через подземный ход, конечно же. Про него никто в городе не должен знать!

— Через Южные ворота. Стражу уведомят о нашем приходе!

— Ладно. Немного отдохнем и войдем в город. Линдхорст, сколько у вас болтов?

Беглый осмотр наших сил показал, что они не в лучшем состоянии. У арбалетчиков было по полторы дюжины выстрелов на нос, у пехоты щиты и копья нуждались в починке. Но, думаю, мы сможем заняться этим в монастыре!

Посоветовавшись с Линдхорстом, мы решили взять и железные болты для гномьих арбалетов. Конечно, они тяжеловаты, но на близкой дистанции сойдет. А в городе все расстояния — близкие.

— Выходим, строимся, и идем к Южным воротам! Повозки оставим здесь! Договоритесь насчет лошадей!

Оставив в лагере несколько человек, охранять повозки и другое лагерное имущество, а заодно — кормить и ухаживать за лошадьми, мы нестройную толпой двинулись к Южным воротам.

Тут оказалось неожиданно оживленно. У ворот стояли несколько возов с разным продовольствием из окрестных поселений, тут же топталось небольшое стадо свиней, приведенных на продажу. Пастухи и вилланы тревожно переговаривались со стражниками и друг с другом. На стенах и у надвратной башни слонялись несколько городских стражников, но, увидя у наших людей арбалеты, тут же попрятались, как мыши по норам!

— Кто вы? — крикнул со стены декурион в цветах цеха суконщиков, прячась за выступом машикулей. — Не подходите ближе!

— Отряд диоцеза Андтаг, люди Светлой церкви. По приказу приора монастыря идем охранять имущество церкви в Теофилбурге. Часть наших сил уже внутри!

Стража действительно оказалась предупреждена. Сразу успокоившись, десятник приказал открыть ворота.

— Вы — проходите!

Ворота с диким скрипом распахнулись, за ними стала подниматься кованая решетка. Дальше стояли рогатки, которые два стражника бросились растаскивать, чтобы дать нам пройти.

— Добрый господин, позвольте нам пройти тоже! Под вашей охраной мы дойдем до монастыря. Нам только продать свой товар! — взмолились со всех сторон.

— А как вы выйдете обратно?

— Будем просить приора дать нам защиту до ворот!

Я посмотрел на вилланов.

— Ну, пойдёмте. Не думаю, что в такое непростое время монастырь откажется от продовольствия!

Стража, наспех проверив возы вилланов, нет ли там оружия для мятежников, все-таки пропустила и их тоже.

Итак, через широкие Южные ворота мы вступили в город. Сразу стало понятно, что здесь все очень неблагополучно! Многие улицы были перегорожены рогатками и баррикадами, то и дело попадались разрушенные дома. Ближе к центру на улицах стали попадаться трупы, и, похоже, что их давно никто не убирал...

Вилланы, тащившиеся за нами с повозками, пугливо сторонились раздетых мертвецов, в то же время зорко поглядывали по сторонам, перешептываясь друг с другом.

— Смотрят, что можно стащить, — презрительно проговорил Курт и на всякий случай взвел арбалет.

Наконец мы добрались до темных, окованных старой медью ворот монастыря Светлого Избавления. На наш стук сначала в маленькое окошко показался нос испуганного привратника, потом — один из наших пехотинцев.

— Открывай, свои!

— Наконец-то! Герр ротмистр, командер и его люди прибыли!

Мы вошли. Вилланы сразу начали торговаться с камерарием и монахами за свои товары, солдаты шумно приветствовали друг друга после почти месячной разлуки. Ко мне подошел растроганный ротмистр Рейсснер, раскрывая медвежьи объятия. После тяжелого, но победоносного похода в Орквальд он проникся ко мне самыми добрыми чувствами.

— Рад видеть вас в добром здравии, Николас. Как вас снабжают в монастыре?

— Вполне пристойно, не считая того, что заставляют соблюдать все их несносные посты. Но приор Соммерфельд, вполне разумный человек, и втихаря дает нам послабления. А у вас как дела?

— Слава Свету, все благополучно. Потеряли только одного, да и тот — новичок. Подробностей рассказывать не буду. Скажите-ка, Николас, — я понизил голос, — про наш подкоп никто не проболтался?

Рейсснер красноречиво ткнул себя в горло большим пальцем руки, показывая, что будет с тем, кто не удержит язык за зубами.

— Клянусь Светом, такому не бывать, не будь я Мельхиор Теодор Николас Рейсснер! Уж заставить своих ребят держать язык за зубами я смогу даже безруким! Да тут и болтать-то не с кем! Нас поселили в отдельную казарму, и вина не дают, из-за постных дней!

— Ого! А вы, оказывается, Мельхиор, а не Николас?

Рейсснер смущенно зажмурился, как от яркого солнца в лицо.

— Не нравится мне "Мельхиор". Ну какой я "Мельхиор", не говоря уж о "Теодоре"? Только третье имя мне и подходит, то что дал мне отец. Его и ношу!

Ну да, правильно. Первое имя тут присваивает Церковь, второе — мамаша, третье — отец. Выбирай любое и носи на здоровье! Чего я пристал к человеку?

— Ладно, Мельхиор... Да шучу, шучу! Чем вы тут заняты, Николас?

— Дав раз отбивали приступы разных банд. Сопровождали грузы монастыря до ворот, проводили конвой с продовольствием. Надо бы очистить ближайшие улицы, поставить наши баррикады и не пускать на них этот сброд. Но, у нас для этого мало сил!

— Теперь — больше. Были ли потери?

— Один выбыл. Сильно покалечен проклятым мужичьем! Но выжил, ведьмино снадобье помогло!

— Тише! Понятно. Кто наши враги?

— Тут недели две назад началось Кхорн знает что. Помните наших попугчиков из Теофилбурга, Хозицера и Руппенкоха? Вот их семьи все и начали. Да вот пусть его пресветлость приор расскажет вам, он-то лучше тут все знает!

К нам действительно спешил невысокий седовласый светоша в фиолетовых одеждах с тремя символами небесных светил на толстой цепи — знак посвящения в таинства девятой степени.

— Как замечательно! Наши силы прибывают! Хвала Свету и всей благодати его!

Он порывисто обнял всех офицеров и благословил Знаком Света, благочестиво закатывая глаза к изукрашенному сводчатому потолку.

— Вы устали с дороги! Извольте отдохнуть в дормитории, а мы пока устроим славный ужин!

— Всенепременно! Однако, мне нужно ознакомиться с обстановкой. Что происходит в Теофилбурге? Когда я оставлял ваш славный город четыре недели тому, тут все было в полном порядке!

— Да, — грустно произнес приор. — Пойдемте же, и я расскажу вам все в подробностях.

Мы прошли в спальню монахов и растянулись на кроватях и сундуках. Несколько братьев принесли в больших кувшинах эль, сидр и верджюс.

— Всем ли вы довольны, господа, — участливо осведомился приор.

— Все замечательно, — заверил я его, — но что же, все-таки, случилось? Что за напасть поразила ваш город?

Светоша грустно сделал жест смирения перед Светом.

— Скандальные и крайне неприглядные события развернулись в нашем Теофилбурге! Не думал, что доживу до такого... Вы, кажется, были знакомы с господином Хозицером? И советника штатфогта Ханса Руппенкоха тоже наверняка встречали? Эти два почтенных и уважаемых семейства — Хозицеры и Руппенкохи — всегда были дружны, даже подворья их стоят по соседству. Однако, четыре месяца тому назад они скоропостижно отправились с торговым караваном в неизвестном направлении. И когда пришло сообщение о гибели названных господ в глухих дебрях Оркских земель, то наследники, как положено, в установленный день вскрыли их завещательные распоряжения. И сразу как будто взбесились!

Тут надо пояснить следующее. Каждый раз после окончания ярмарок мы устраиваем торги по уборке города. В частности, мы продаем содержимое городских нужников. Урину всегда разбирают кожевенники и делают это регулярно. Они просто оставляют там свои вазы, которые и наполняют мочой посетители городских клозетов. Иную же часть обычно покупают мелкие владельцы или поселяне, чтобы вывезти фекалии на свои поля. Но тут, совершенно неожиданно, в торг вмешались семейства Хозицер и Руппенкох! Никогда до этого случая они не интересовались столь низменными вещами! Первые вообще не владеют землями, а у Руппенкохов поместья в районе Мортенау, что, согласитесь, слишком далеко, чтобы везти туда даже такое прекрасное удобрение, как содержимое выгребной ямы!

Все иронично заулыбались. Лишь приор остался серьезен и печален.

— В этот раз страсти разгорелись не на шутку. Торг, обычно ограниченный пятью-шестью гротенами, вдруг пошел на рейксталеры, а потом и на дублоны! И семейство Руппенкохов выиграло его с суммой сорок шесть дублонов! Сорок шесть! Вы представляете? За несколько фургонов дерьма! Все алтыманы были просто в ужасе от такого падения нравов, хотя деньги, конечно, пришлись городскому совету очень кстати!

Светоша благочестиво помолчал, держа руки в жесте Извинения Свету Всепрощающему, затем продолжил, излагая события с неподдельным изумлением. Произошедшее так поразило его, что даже через три недели он все еще не мог привыкнуть к нему!

— Дальше случились события еще более невероятные. Ночью кто-то вытащил дерьмо из женской части уборной. И Руппенкохи обвинили Хозицеров в этом похищении! В городе началась настоящая война! Часть стражи стоит за Хозицеров, часть — за Руппенкохов. Причем семейство советника имело наглость потребовать назад свои деньги от Совета господ! Мы им указали, что содержимое мужского отделения совершенно не пострадало. А женское, намного меньше размерами, его даже и не чистили никогда со времен постройки нужника, тоже вынесли только частично — больше раскидали туда-сюда. Как будто искали что-то.

— Дерьмовая история, — иронично заметил Литц.

— И теперь в городе, не прекращаясь ни на миг, идут жестокие бои! Вновь вспыхнули старые обиды; проснулись группировки, чьи споры и конфликты, казалось, давно забыты! Обе семьи и примкнувшие к ним союзники набрали банды черни, притащили в город нанятых в деревнях поселян и теперь бесчинствуют, каждый день устраивая битвы на городской площади. Той самой площади, где должен идти торг! Сколько скамеек и лавок изломано, сколько товара испорчено! Ужас!

— И что теперь? — спросил Линдхорст. — Как тут поступить? Каковы наши задачи? Что собирается делать штатфогт и Совет господ?

— Пока вам нужно сохранять имущество церкви от любых на нее посягательств. Штатфогт Кириштенбаум послал за подмогой. Скоро должен подойти отряд от герцога, который наведет порядок во всем городе. Надеюсь на вас, господа, и уповаю, что вы поможете в столь благом деле, хоть мы и не оговаривали этого при найме!

— Всегда рады послужить Свету, — заверил я его. — А по деньгам, уверен, договоримся!

— Прекрасно. А пока, пойдемте ужинать. В честь вашего прибытия, совпавшего с окончанием поста, у нас будет настоящий пир! Вы будете представлены аббату!

Мы все пошли в рефекторий мимо хозяйственных построек монастыря. Внутри огромного помещения с побеленным сводчатым потолком уже хлопотали послушники и монахи. Столы были накрыты чистыми холщовыми покрывалами; отдельный стол под балдахином с двумя толстыми свечами предназначался для аббата. Он появился вскоре, предшествующий послушником с масляным светильником в руке. При появлении аббата все встали и поклонились ему.

Аббат, дородный черноволосый мужчина с красным мясистым лицом и едва заметной сединой, приветствовал всех благословляющим жестом.

Едва мы присели, послушник — помощник аббата — подошел к нам и шепотом предложил присесть за стол настоятеля. Отказаться было нельзя, да и не было причины, так что я с Линдхорстом и Рейсснером оказался за аббатским столом прямо напротив хозяина. По правую руку его сидел приор, по левую, по случаю военного положения — комтур.

— Отведайте дичь, — широким жестом хозяина предложил аббат, — и самое лучшее вино из наших запасов — вот это, рейкское, восьмилетней выдержки.

«Как жаль, что мое вино не продержалось и полугода, скиснув в походе» — подумалось мне. Вслух же я сказал:

— Разрешите выразить глубокие сожаления о том, что происходит в славном Теофилбурге буквально на пороге святой обители!

— Ах, оставьте, — величественным жестом отмахнулся аббат. — Уж если суждено нам претерпеть такие испытания — так тому и быть. Чего еще ожидать от демонопоклонников!

— Простите? Тут замешаны хаоситы?

— Нет, конечно. Просто дурная кровь не может не проявить себя. Вы знаете, почему этот город так называется? «Чертов град» — довольно странное имя для поселения добрых людей, не находите?

— Да, это странно, но в Виссланде немало таких названий, да и в других княжествах тоже.

— И поделом!

Аббат обтер губы тонкой льняной салфеткой и отпил вина из дорогого хрустального кубка.

— Этот город во времена Погибели мира отдался под власть демонов Хаоса и принял свое имя как знак полного им подчинения. Предки горожан служили хаоситам — платили дань, давали воинов и обозных. И, конечно же, занимались грабежами и мародерством, везде, где могли. Золото демонов стало фундаментом их сегодняшнего богатства. Не по своей воле они стали на сторону Света! Так что, любезнейший герр Андерклинг, все, что случилось и еще случится с этим городом — все это вполне заслужено. Посеявший искры, пожнет пламя. Грехи отцов падут на детей до сотого колена!

— Тем более, что нас всех ждут испытания куда более серьезные, — сообщил пожилой комтур монастыря, невысокий, хромоногий рыцарь с совершенно седой головой.

— Простите, о каких испытаниях вы ведете речь?

— Хм. А разве вы не слышали, что произошло на сейме?

Глава 53

Вопрос этот показался мне настолько неуместным, что я даже не сразу понял его.

— Так вы слышали, что произошло на сейме? Все только про это и говорят!

— Простите, но — нет! Мы только вернулись из похода в дикие земли. Там, знаете ли, про политику разговаривать не с кем!

— Отлично, сейчас я вам все подробно расскажу!

Аббат вытер полные губы салфеткой и важно продолжал:

— Как вы, наверное, знаете, в замке Эбершрайк еще в прошлом году должен был состояться съезд князей-выборщиков. Главные претенденты — Гетц фон Волленбург, граф Виндесхейма и Хаанау, сеньор Лайтенца, и Конрад фон Кессель, князь Фрезенберг, маркграф Остермарк — давно обхаживали князей-выборщиков, не жалея посулов. Силы складывались поровну — у Волленбургов в кармане были голоса от Аверхайма, Вайсберга, Мидланда и, само собой, от Лайтенца. У фон Кесселей в союзниках всегда были князья Талабекланда, нашего Виссланда, Реденштадта, ну и, конечно же, за него голосует Остермарк. Ну, вот и получалось, что голоса делились пополам...

Я был удивлен.

— А что, выборщиков так мало? И они уже десятки лет не могут договориться, как проводить сейм?

— Там свои сложности. Кенигсланд и Штирланд, как известно, в голосовании не участвуют, считают себя независимыми королевствами. Сильвания утратила суверенитет. Был еще Нордланд, но полномочия его князей ничтожны, так как страна завоевана оловянщиками. Остланд расколот на части, и никогда не голосовал. Ну и получается, что никто не должен быть избран. И императором остался бы Карл XIX Рейкслинг, король Кенигсланда. Но тут случилось нечто совершенно неожиданное...

— Гм. А с какой стати император у нас этот Карл? — грубо спросил быстро захмелевший Рейсснер.

— Так он ведет родословную от последнего правителя Старой империи — князя Рейкланда. Считается, что пока выборов императора не было, они передают этот титул по наследству!

— Ну да, — поддакнул комтур. — Только что именно титул, не более того. Никто его всерьез императором и не считает.

— Так вот, — продолжил аббат, — казалось бы, зачем собирать сейм, ведь шансов на избрание нет. Фон Кессель, однако, смог добиться преимущества, и был уверен в победе. Ведь за него должна была проголосовать еще и Штирия! Король Арним имел перед маркграфом долг чести за помощь во время осады Феррбурга. Хоть штирийцы всегда отреклись от участия в сейме, в этот раз они должны были приехать. Так что, фон Кессель мог рассчитывать еще на один голос в свою пользу.

— И что же пошло не так? — Линдхорст уже ерзал от нетерпения.

Аббат явно наслаждался ситуацией.

— О, буквально минуту внимания, господа, и вы все узнаете. Поверьте, эта история стоит того, чтобы ее послушать по порядку.

Отхлебнув вина из собственного кубка, он продолжил.

— Итак, на праздник Симона Огненного сейм наконец-то собрался в замке Эбершрайк. До этого Гетц фон Волленбург два года всячески затягивал его проведение, устраивая споры по второстепенным деталям. Особенно долго стороны не могли прийти к согласию о регалиях, подтверждающих права выборщиков.

— «Регалии»? Что это такое? — опять спросил Рейсснер. Да что же он не уймется?

— Да, регалии. Символ власти, существовавший еще при Старой империи. Владел его князь провинции. Он же и был князем-выборщиком на сейме.

При Старой Империи такой регалией обычно были мечи, молоты, шестоперы, или иное оружие, освященное или магическое, согласно нравам той эпохи. У имперских городов регалиями были ключи или жезлы.

— А зачем вообще эти штуки? — удивился я. — Неужели непонятно, кто князь и правитель, а кто — проходимец?

— Не всегда. Давайте, я расскажу вам об этом подробнее, и вы сразу же все поймете!

Аббат, высокомерно посмотрев на нас, не посвященных в тонкости имперского мироустройства, подставил кубок, чтобы ему налили вина, и веско поставил его на стол.

— Голосование на сейме проходит по старым правилам. Одна провинция Старой Империи — один голос. Но, в наше время провинции раздроблены, ни одна не осталась в прежних границах! Вот, прямо сейчас в соседнем Аверхайме сидят аж три «князя», и все три, вроде бы, законные. Но символ власти — там, по-моему, это секира — лишь у одного из них, у герцога фон Лихтенбергера. Вот он и есть истинный выборщик. Голосование же идет по старым правилам — князь-выборщик подает голос от имени провинции, которая давно не существует, распалась на несколько княжеств и герцогств. Тот же фон Кёссель, хоть и называет себя маркграфом Остермарка, на деле управляет только Фрезенбургом, а это меньше чем половина бывшего маркграфства. Остальное у других владетелей. И как понять, кто из них — истинный выборщик? Вот и решили, если не ошибаюсь, в 1116 году от Пришествия Света, что полномочным князем — выборщиком является именно обладатель регалии, а не просто куска земли от старого графства!

— Странно. Почему бы не позволить Пресветлой церкви определять, кто есть кто? — спросил приор.

— Увы, брат мой, — откликнулся аббат, — светские владыки далеки от желания доверится церкви в такой степени! Господа, попробуйте кабанью голову, она получилась сегодня на славу! Наш повар начинил ее цукатами и не пожалел самых дивных специй Востока! Особенно ярко вкус доброго мяса чувствуешь после поста, не так ли, герр Рейсснер? Так вот... Конрад фон Кессель считал, что на его стороне перевес в один голос. Остермаркцы были уверены в победе, но в день голосования произошло нечто исключительное и невероятное! В собрание явился — кто бы вы думали?

— Кто? Кто?

— Некий Рупрехт фон Хауссер, как он представился. Граф. Наследник трона Нордланда!

— Ничего себе! Это даже не прошлогодний, это *прошло тысячелетний* снег!

— И, представляете, заявляет свои права участвовать в сейме! Предъявил регалию рода — фамильный перстень с печаткой дома Хауссеров, все честь по чести! Все, конечно, признали в нем главу почти погибшей династии, но — голосовать на сейме?

— Невозможно! — авторитетно заявил Рейсснер. — Для этого надо быть не просто

главой семейства, надо быть главой правящей династии, а у Хауссеров трон из-под задницы давно выдернули оловянщики! Все их земли завоеваны уже больше тысячи лет как!

Поморщившись насчет «задницы», аббат продолжил.

— Так вот, в этом-то и дело! Все, конечно, удивились и стали громко протестовать против такого попрания всех правил собрания. И тут Гетц фон Волленбург и заявляет, что давно уже передал этому Рупрехту территории бывшей Зеленой долины и все земли от реки Альта до границы с Вайсбергом, так что владения у фон Хауссера есть. То есть, как бы Нордланд возрожден только на землях бывшего Миддланда! Могли ли мы представить себе такое!

Линдхорст покачал головой.

— Это невозможно! Какая бесчестная сделка!

Маг впервые взял слово за столом.

— Да, это был хитрый ход. Не особенно честный, но, надо признать, остроумный, — весело заявил он, когда все немного утихло. — Могу поставить что угодно против чего угодно, что это все придумал барон фон Эушвиц. Вот голова! Старый лис сделал для Волленбургов больше, чем они сами для себя сделали, и наверняка, еще поставит его императором, вот увидите!

— Уже поставил! — воскликнул аббат. Все поражено замолчали. Прелат же, отодвинув от себя блюдо и кинув салфетку, продолжал свой поразительный рассказ.

— Сначала все долго спорили и ругались по поводу столь странного явления князя Нордланда, а главное, конечно — о чудесном возрождении самого Нордланда на новом месте. Притащили юристов из университета Реденштадта. Несколько докторов права в засаленных мантиях долго ходили вокруг да около, пока от них не потребовали прямого ответа.

— Нашли, кого спрашивать! Пергаментных крыс!

— Да уж. В конце концов, стариканы сошлись во мнении, что славное графство Нордланд может находиться где угодно, и если соседнему владельцу пришла блажь отдать нордландцам часть своей земли, то это его дело. Даже то, что большая часть этого Нового Нордланда занимают проклятые земли, а меньшую часть — непроходимые леса, ничего не меняет — юридически территория у графства есть. И, вуаля — Гетц фон Волленбург провозглашен нашим новым Императором!

— Гм. А что по этому поводу скажет Конклав?

Аббат тонко и со значением усмехнулся.

— Мой друг, если вы вспомните историю Церкви, особенно тот ее эпизод, когда Конклав покинул гостеприимный Кенигсланд и оказался в Ахенбурге....

Вот только тут я действительно оценил и ситуацию, и красоту разыгранной графом Виндесхайма партии!

Когда-то, очень давно, Конклав и, соответственно, глава Церкви — Пресветлый Блюститель, располагались в Кенигсланде, при королевском дворе, и были вынуждены мириться с властью королей, во всем следуя их политике. Но однажды, более ста пятидесяти лет назад, Пресветлый блюститель Кениберт VII вместе с большинством архилекторов бежал из Кенигсланда под защиту герцогов Штирии. Те выделили ему в безусловный домен город Ахенбург, а он в ответ признал их королевским родом. С тех пор церковь независима от светских владетелей, и ее дела сразу же пошли в гору, а Штирия считается королевством. И, если подумать, сделка Волленбурга с Хауссером в точности копирует ту ахенбургскую

историю... Волей-неволей, церкви придется признать, что сейм прошел законно!

— Но, стойте-ка!

Рейсснер даже поднял руку, пытаясь привлечь к себе внимание аббата.

— Ведь голос этого Хауссера ничего не решает. Получается, что у фон Волленбурга и фон Кесселя просто равенство голосов. Не так ли?

Аббат в ответ изобразил на лице покорность неожиданному зигзагу судьбы. Приор тут же повторил его мимику.

— Вы были бы правы, любезный, даже более, чем правы! Да только это не последний трюк, который выкинул граф Волленбург. У него в обозе оказался еще один неожиданный союзник.

— Вот как? И кто на этот раз?

— Вот тут он превзошел себя. Вы слышали про фамилию фон Раухов — Берген?

Все притихли, пытаясь вспомнить.

— Это старинный род князей-электоров из Остланда, — прервал наши мучения настоятель. — Очень древний, и очень давно уже обедневший род.

— Гм. А причем тут Остланд? От провинции вроде бы голосует Хуго фон Гренсгебит. Или Стравински?

— Ни те, и не другие! Вы правы, что это самые могущественные люди Остланда, но регалии князей-электоров у них нет и никогда не было. Но, есть там еще местечко Штормарнштейн, где сидит некий Бурхарт Ойген фон Раухов-Берген... Именно этот род правил Остландом в незапамятные времена!

— Еще в Старой Империи?

— Да. Но они все помнят, эти фон Раухов, и мечтают вернуть!

— Ерунда, — громогласно заявил Рейсснер. — Все эти древние роды погибли в Великой войне. Если кто и остался — младшие сыновья внучатых племянников, седьмая вода...

— Ну, так или иначе, они, — фон Рауховы, и княжеская печать до сих пор валяется у них в сундуке. А древность этого рода не подлежит сомнению.

— И какую роль они сыграли на съезде?

— Произошло следующее. Коммандер Андерклинг, поставьте кубок на стол, ибо вы сейчас все прольете. Старик Бурхарт фон Раухов-Берген заявился на сейм «in person» и заявил о праве голосовать на выборах императора. Кесселям сразу стало понятно, что проголосует он за Волленбурга. Конечно, Кессели задали резонный вопрос — где его регалии? Это допуск до голосования, и иного — нет. Никакие перстни с печатками не заменят государственных символов Остланда — а это, как известно, Драконий лук, сгинувший в битве с демонами где-то на окраинах Империи две тысячи лет назад, По крайней мере, с тех пор про него ничего не было слышно и ни один из Рауховых ни разу его не демонстрировал публично...

Тут маг как-то очень весело заулыбался и подмигнул мне. Аббат, тем временем, продолжал, и по его виду стало ясно, что история подходит к кульминации.

— Конечно, представитель фон Кесселя заявляет, — мол, полномочия князя фон Раухов-Берген не подтверждены, и его голос не должен учитываться на голосовании. И тут князь — тадам! Делает вот так ручкой, и валлеты вносят в зал Драконий лук! Все просто онемели!

Вот тут я тоже застыл как соляной столб. Литц со значением смотрел на меня.

— Неужели настоящий Драконий лук? — в изумлении воскликнул Рейсснер.

— Да, и тут, как вы понимаете, двух мнений быть не может — эльфийскую магию невозможно ни перепутать, ни подделать. Настоящий, старинный как череп Сигмара, лук из костей крыльев зеленого дракона, с древними письменами и магической аурой мощнее, чем крепостная стена Эбершрайка! Подлинность способен подтвердить любой мало-мальски сведущий маг!

— И что, и что дальше?

Моих офицеров настолько захватил рассказ аббата, что они начали нарушать приличия. Но тому, похоже, это даже нравилось. С наслаждением, как дорогое вино, смакуя каждую фразу, аббат продолжал, упиваясь нашим вниманием:

— Кессели, понятное дело, сразу поняли, что проиграли. Какой был скандал! Князя чуть не перерезали друг друга, но, хвала Свету и распорядителям сейма, все длиннее рыбной кости у них отобрали на пороге зала! В конце концов, Кессели встали, и с шумом покинули собрание. За ними ушли и все их сторонники. Так что Гетц фон Волленбург избран императором, можно сказать, единогласно!

— И что теперь будет? Как вы считаете, настоятель?

Аббат развел руками.

— Будущее, к счастью, скрыто от нас милосердной пеленой неведения. Кто знал, что мы окажемся осаждены в нашей обители прямо посреди вольного города Теофилбург! Наверное, если бы мы все ведали, что ждет нас там, впереди, то с отчаяния, не смогли бы дождаться своей доли, раньше срока покончив с земною жизнью и ее скорбями... Но, думается мне, господа, вам теперь нескоро придется вложить мечи в ножны! А пока, попробуйте вот этого вот вина! «Коммагена», пять лет выдержки. И непременно с сыром! И, у меня для вас сюрприз — недавно нам показали новую, доселе невиданную никем игру под экзотичным названием — "шашки"!

Ужин был окончен. Я в задумчивости сидел у камина, допивая бокал прекрасного монастырского вина, и глядя, как догорают в нем последние поленья, и медленно покрываются пеплом бордовые угли. Тепло от очага приятно сочеталось с согревающим действием «Коммагены». Подняв полупустой бокал, я с удовольствием посмотрел вино на просвет от огня, наслаждаясь его цветом. Уж даже и не помню, когда мне в последний раз доводилось пить из стеклянного бокала! Пять лет в монастырском подвале пошла вино только на пользу. Люди, почему-то, редко выдерживают даже половину этого срока...

— Ну что, думаешь, — продешевил?

Литц, неслышно подойдя ко мне сзади, встал у камина, грея руки о его закопченную полку. Черненькие маслянистые глазки мага смотрели на меня весело и зло.

— Нет. Пытаюсь понять, что будет дальше.

— Совершенно понятно, что будет, — Литц в пару глотков опустошил свой кубок, с сожалением посмотрев на его дно. — Совершенно понятно, что будет, Энно. Все это уже было, и не раз. Всегда одно и то же. Когда наверху становится тесно, сначала в ход идут интриги, потом — заговоры, потом — убийства, ну, а в конце — война. Так что мне вот совсем неинтересно думать о том, что будет! Мне хотелось бы знать другое — как чувствует себя тот, из-за чьей жадности погибнут теперь десятки тысяч людей?

В черных глазах мага отражалось пламя очага, что заставило меня вспомнить тот день в таверне «Кабаний клык», когда погиб Эйхе. Не без труда я прогнал воспоминания прочь.

— Иди к Кхорну, моралист. Я тут не при чем. Я всего лишь продал древнюю, как дерьмо Горбада, штуkenцию любителям старины, а уж что за спектакли они с нею устраивают — меня не касается!

Литц саркастически ухмыльнулся, кочергой шевеля угли в камине. В полутьме его мефистофильский профиль источал ехидство и скептицизм к любым моим оправданиям.

— И вообще, какая, хаос побери, разница? Ну, отдал бы я лук Тереллину, а он бы продал его этому Эушвицу. Только и всего. Я сократил передаточное звено. Результат был бы один. К тому же, может быть, все-таки они договорятся миром!

— Да сейчас!

Литц достал с пояса фляжку и приложился к ней. Потом продолжил с тем же сарказмом:

— Ни к чему они не придут. Волленбург явно упивается победой. Его партия мысленно уже делит города, земли и шахты! Кессель же вне себя от бешенства. Его сторонники прямо сейчас подзуживают его начать войну, и, несомненно, добьются своего. Думаешь, кто-то из них пойдет на поклон к экзархам? Да никогда! К тому же, это очень дорого... Вот лет через двадцать непрерывной войны, если в бою весы не склонятся ни на чью сторону, и все истратят силы, разорят свои земли и угробят армии — вот тогда, может быть, начнутся какие-то переговоры! А может, и нет.

Литц поднялся.

— И, поверь мне, Тереллин ни за что не отдал бы Драконий лук Волленбургу. В отличие от тебя, он бы сначала разобрался, что это такое, и сразу бы понял, чем все это грозит! Ну, а ты, конечно, можешь успокаивать себя. Но в глубине души ты ведь понимаешь, что к чему!

Глава 54

Несколько дней мы патрулировали улицы в окрестностях монастыря. Каждый раз приходилось вступать в стычки, — то с мародерами, то со сторонниками одной из противоборствующих сторон. Чаще всего на нас нападали люди из группировки «фалькистов», носивших желтые значки и щиты желтого цвета с изображением летящей птицы.

— Кто они такие, герр Дёбрингер? — спросил я старика-комтура, обходя с ним позиции на монастырской стене.

— Люди Гернхарда фон Фалькенхайма. В былое время этот род был бургграфами Теофилбурга.

— А на чьей они стороне?

Комтур усмехнулся в седую бороду.

— Очень наивный вопрос, юноша. На своей, конечно же! Если бы они действовали в чужих интересах, то не носили бы цветов бургграфа!

— Мне казалось, что война идет между Руппенкохами и Хозицерами?

— Руппенкохи? — Комтур презрительно покачал головой. — Кто они такие? Разбогатевшие купцы, пролезшие в ратушу! Род, ослабленный потерей главы! То же можно сказать и про Хозицеров. Нет, все намного серьезней! Давайте поднимемся чуть выше, я вам покажу.

С высокой стены монастыря мы поднялись на еще более высокую башню. Отсюда был виден весь город, от ворот до ворот. Все это пространство занимал лес крыш, только на месте городской площади зиял разрыв в застройке.

Комтур указал в сторону севера.

— Вот там, видите, большая частная башня, а под ней — подворье на целый квартал? Это принадлежит семье фон Хаанау, очень влиятельной при дворе герцога Виссланда. Вайфер фон Хаанау уже шесть лет служит комтуром герцога. А вот там, — и Дёбрингер показал на восток, — видите, цитадель из сдвоенной башни с донжоном между ними? Это принадлежит фон Фалькенхаймам, бывшим бургграфам Теофилбурга. Этот город не всегда был вольным! Так вот. И Хаанау, и Фалькенхаймы мечтают прибрать тут все к рукам. И когда Руппенкохи в поисках защиты пришли к графу Вайферу, то Хозицеры сразу бросились за помощью их противников Фалькенхаймов. А теперь две группировки сражаются за обладание городом, и городские власти с трудом удерживают ратушу и северные ворота.

— А наша задача, — отбивать любые нападения на церковь, пока все не успокоится?

— Думаю, не совсем так.

Дёбрингер распустил бороду пятерней, и я заметил, что пальцы на правой руке у него обрублены наполовину.

— Вероятно, вскоре нам поступят инструкции из экзархата, чью сторону нам следует занять. После этого мы будем действовать активнее.

Он оказался прав. На следующий день к городу подошел крупный отряд герцога Виссланда. Сервы, на свой страх и риск ходившие на рыночную площадь, сообщили, что напротив восточных ворот встали десятки всадников с гербами вассалов герцога, а в ратуше

обсуждаются совместные действия людей шгатфогта и герцога. Это вызвало среди нас оживленные разговоры.

— Интересно, господа, о чем там договорятся люди герцога с этими купчишками, — прогудел Рейсснер. — Кстати, командер, я же совсем забыл! Вам передавали письмо из Андтага!

Мастер Кан! Весть от него!

— Давно? — с замиранием сердца спросил я

— Да уж недели две как.... Вот, пожалуйста. У меня ничего не пропадает! — похвастался ротмистр, передавая мне небольшой пергамент.

Отойдя в сторону, я развернул его. Новости были очень плохими.

«Приветствую вас, достопочтенный герр. Со времени ареста вашего покровителя произошли еще более печальные события. Множество клириков оказалось под следствием и арестом. Говорят, ваше имя звучало на допросах, хотя мне и неизвестно, в какой связи и значении. Более мне ничего не известно. Возможно, вам следует поостеречься».

Я скомкал мягкий кусок кожи. Дело плохо.

Идет следствие. Вероятно, меня ищут. Скоро сведения об этом поступят во все города и веси Виссланда. А я тут в монастыре, как в ловушке! Пожалуй, надо отсюда выбираться...

Вечером комтур Дёбрингер сообщил, что завтра мы попытаемся пробиться через баррикады фалькистов до площади и соединиться с силами герцога Виссланда.

— Будьте осторожны, на улицах действуют городские стражники, а еще в город войдут силы герцога. Боевой клич: «Герцог и Церковь!». По нему вы узнаете союзников.

В преддверии серьезных боев я решил пополнить наши арсеналы.

— У нас мало арбалетных болтов и древков копий. Можно ли рассчитывать на ваше содействие?

— Давайте спросим камерария. Возможно, запасы есть.

Предупредив людей и проведя небольшой смотр, мы выяснили нужды в вооружениях и с помощью монастырских средств смогли немного утолить их. Нам выдали две сотни арбалетных болтов, шесть арбалетов и много тетив из бычьих жил. Пехотинцы смогли сменить изломанные копыя и глефы на исправные.

Готовясь к бою, я надел свой доспех, переделанный шлем Хозицера с забралом, и щит, взятый у камерария монастыря Светлого избавления. Вооружиться полэксом Хозицера я не решился — слишком уж узнаваемым был двуручный молот хауптфельдфебеля, и взял парадный меч Эйхе. Если придется драться в помещении, такое оружие будет более уместным.

За пояс я положил пузырек с элексиром берсерка. Кто знает, когда он понадобится?

Утром мы осторожно двинулись по узкой улице в сторону площади.

Впереди стояли повозки, перегораживающие улицу. Люди бургграфа, одетые в акетоны с желтыми повязками на плечах, обстреливали нас из арбалетов и швыряли с домов куски черепицы. Рейсснер был всем этим весьма обескуражен.

— И что будем делать, господа? В нас стреляют по — подлому, из-за угла!

Мы столкнулись примерно с той же тактикой, которую сами применяли против орков. Нам загородили проход щитами и повозками и обстреливают из-за них. Единственным разумным решением было бы попытаться обойти укрепление и ударить с тыла.

— Линдхорст, поставьте щиты и укройте за ними людей. Ведите перестрелку, а мы попробуем пройти другой улицей.

Отойдя обратно в монастырь, мы наскоро сколотили несколько лестниц. Подтащив их к домам, солдаты полезли наверх, на острые крыши окружающих зданий.

Начались схватки на вторых этажах и крышах, короткие, яростные и кровопролитные. Постепенно мы оттесняли мятежников из зданий, окружающих баррикаду.

Затем мы привели несколько арбалетчиков наверх. Те начали расстреливать вражескую пехоту на баррикадах.

Сторонники Фалькенхаймов пришли в ярость.

— Куда вы лезете, церковные крысы! — орали нам. — Не суйте свои носы в дела города! Или мы насадим вас на вертелы своих мечей и хорошенько прожарим!

Я собрал силы для штурма, сзывая разбредшихся по домам солдат. Мы взяли одну из наших повозок, самую легкую, и наскоро сколотили с одной стороны наклонную эстакаду, так, чтобы можно было взбегать по ней прямо на телегу. Толкая ее сзади, мы подкатали ее вплотную к вражеской баррикаде.

Вдруг сильнейший удар в голову ошеломил меня. Очнувшись, я обнаружил себя сидящим на земле, с торчащим прямо перед носом оперением арбалетного болта! За пазуху текла теплая, липкая кровь, голова гудела от удара.

Подскочивший пехотинец помог мне встать. Я сунул руку под доспех, с ужасом думая, что убит. Но, оказалось, стрела прошла по касательной сверху вниз, распоролла мне щеку, но на груди нанесла лишь неглубокую царапину.

— Вам попали в голову из арбалетас крыши вон из того дома, командер — солдат указал наверх, где, действительно, маячила пара фигур с оружием. — Стрела отрикошетировала от шлема и вошла под пластины доспеха!

Чертова кавалерийская броня!

— Линдхорст, пристрелите вон тех парней на крыше! И соберите своих, пока они совсем не погрязли в мародерстве!

Тот бросился собирать стрелков. Выстрелами они согнали фалькистов с крыш. Все было готово для атаки на баррикаду.

— Сейчас мы ударим по ним. Пехотинцы, за мной! — проорал Рейсснер и первым побежал по этой импровизированной лестнице вверх, оказавшись на самом верху вражеского укрепления.

Закипел яростный рукопашный бой. Противников было много, но мы имели преимущество — наши арбалетчики с крыш расстреливали фалькистов как на стрельбище. Вскоре они не выдержали и побежали.

— Нет, не гонитесь за ними, — прокричал я нашим пехотинцам. — Там может быть засада!

Растащив захваченную баррикаду, чтобы всадники герцога смогли проехать по улице, мы двинулись дальше.

Внезапно нас атаковали из проулка, отрезав от людей Дёбрингера.

— Честь и дело Фалькенхайма! — орали враги, размахивая готентагами и цепями. Командовал ими воин в выдавшем виды топхельме и хорошем доспехе, полускрытом желтым ваффенроком — видимо, один из рыцарей бургграфа.

Нас теснили. Хотя большинство врагов были простым мужичьем, люди, окружавшие рыцаря в желтом, оказались совсем из другого теста. Один за другим наши пехотинцы падали под их ударами.

А у нас — все арбалеты разряжены! И я до сих пор не выпил снадобье, делающее меня

машиной смерти!

— Эй, ты, железный лоб, иди-ка сюда, — проревел Рейсснер, размахивая топором. — Никто не смеет рубить моих людей и уйти при этом целым!

Рыцарь в желтом оглянулся на него. Николас, ощерившись, показал ему лезвие топора, покрытое кровью сторонников бургграфа. Такой вызов, разумеется, нельзя было проигнорировать.

Секунда — и они уже рубились. С первых движений я понял, что рыцарь в желтом очень опытен и опасен. Его стойка, приемы, работа щитом — все обличало человека, десятилетиями не расстающегося с оружием. В моих ушах возник голос покойного Эйхе. «Отступай! Скручивай! Разорви дистанцию!» — всем, чему он учил меня и, увы, недоучил, этот тип владел в совершенстве.

Пора было действовать. Я достал пузырек берсеркера и одним глотком выпил отвратительную, пахнущую скипидаром, жидкость.

Топор оказался плохим средством против меча. Прошло полминуты, и Рейсснер упал, заливаясь кровью. Клокочущие звуки рвались из его груди, изо рта шли кровавые пузыри. Вражеский командир пробил ему легкое.

Мой эликсир еще не подействовал... Но, тем не менее, этой полминуты оказалось более, чем достаточно.

— Оглянитесь, господа, — предложил я фалькитам. — Вы видите, что уже мертвы?

Рыцарь в желтом, тяжело дыша, смотрел на две дюжины арбалетов, наставленных в него и его людей. Рядом пехотинцы с глефами и альшписами прикрывали арбалетчиков от внезапной атаки.

— И не пытайтесь прикрыться щитом! С такой дистанции вас пробьют вместе с ним. Сдавайтесь, и сохраните жизни!

— Кто вы, сударь? — спросил меня вражеский рыцарь.

— Энно Андерклинг, командер отряда церкви, юнгер, — ответил я.

Тот, немного подумав, кивнул и отдал мне свой меч. Его люди — оруженосец, три кнехта и два арбалетчика — сразу же последовали его примеру.

— А как ваше имя? — спросил я командира фалькитов.

— Бреттенхер фон Фарнхофф, рыцарь.

— Вы из свиты бургграфа?

— Нет. Я фрайхерр.

Понятно. Такой же, как я, наемник.

— Прикажете вашим людям взять пару жердей вон там и уложить на них Николаса Рейсснера, который только что так неудачно с вами сражался. Он достоин пристойного погребения.

С боем мы дошли до рыночной площади. Тут мы увидели отряд в несколько десятков всадников, и, наверное, полторы сотни кнехтов, под знаменами герцога Виссланда. Увидев нас, они выстроили людей в боевую шеренгу с поднятыми щитами.

— Ребята, боевой клич! Герцог и Церковь!

— Кто вы? — к нам подъехал один из рыцарей Виссланда, держа меч наготове.

— Отряд диоцеза Андтаг, служащий церкви. Мы обороняли монастырь, — ответил Курт.

— Вы очистили эту улицу? Прекрасно! Я — Рейнгарт фон Тирфинг, коннетабль Браундштаттского отряда герцога. Сейчас подъедет граф Вайфер фон Хаанау, наш

коммандер, и мы обсудим с фогтами города дальнейшие действия. Прошу пройти сюда, — и он указал нам на вход в ратушу.

— Это он! Это он! — вдруг раздался истошный вопль. Голос был крайне противный, но, чем-то, знакомый. Я обернулся и увидел, как герр Шульман, торговец, промышленяющий постройкой и сдачей в наем грузовых повозок, рвется сквозь оцепление, обвиняюще указывая на меня!

— Это он! Это Андерклинг! Только что в ратуше огласили ордонанс герцога! Это он!

— Простите?

— Преступник Андерклинг!

— Сударь, — коннетабль обратился к стоящему рядом полному, гладко выбритому человеку в табарде* цветов герцога, — зачитайте нам еще раз послание герцога фогтам!

— Охотно, сударь!

Глашатай достал из специальной сумы на поясе свиток и развернул его. На конце свитка болталась тяжелая печать герцога Виссланда. Хорошо поставленным звучным голосом, очень отчетливо и громко, он начал читать свиток, периодически оглядывая поверх его собравшихся, как будто проверял, слушают ли его с надлежащим почтением.

— Настоящим, мы, Манфред Лагерштайн фон Виссланд, герцог Виссланда и Солланда сеньор Браундшадта, объявляем, что берем вольный город Теофилбург под свою защиту. Все силы города, собственные и наемные, под знаменем штатдфогта или цеховыми штандартами, вассалов герцога или фрайграфа, называющего себя бургграфом Теофилбурга, должны подчиниться герцогу и надеть его цвета. Всем добрым горожанам, мастерам, подмастерьям, торговцам с собственной лавкой, торговцам с возов, торговцам на рынке любого ряда, торгующим с лотков и в разнос, горожанам и жителям предместий, бюргерам и шеффенам, надлежит сложить оружие и разойтись по домам. Штатдфогту и совету Господ надлежит впустить слуг герцога в ратушу, казначейство и иные здания города.

Также, сообщаем фогтам, альтиманам и всем людям рыцарского и шеффенского звания в городе Теофилбург, что мы, герцог Виссланда и Солланда, сеньор Браундшадта, не признаем узурпатора Гетца фон Волленбурга, именующего себя императором Второй империи, ни законно выбранным императором, ни своим сюзереном, ни братом, ни лицом иного достойного звания, и нарекаем его изменником и святотатцем.

Важно оглядев притихших слушателей, герольд продолжил:

— Никому из наших вассалов, а равно и подданных, а также виссладских фрайхерров, горожан, людей иного звания, повелеваю не оказывать названному Волленбургу никаких почестей, помощи, поддержки и никакого содействия. Ни ему, ни его людям повелеваю не давать ни хлеба, ни крова, ни права проезда, ни земель, ни водой, не конным, не пешим.

Глашатай откашлялся и продолжил еще громче:

— Равно, повелеваю: выявить, найти и передать правосудию пособников названного лжеимператора, а именно: господина Крейга Карломана Иоганна фон Эушвиц, барона Нойдрее, — глашалай сделал паузу, оглядывая собравшихся, как будто ожидал прямо в первых рядах увидеть среди них барона Нойдрее — господина Эйриха фон Хольштайна, барона Аркенхалле, — снова глубокомысленная пауза, и далее, ускоряющейся скороговоркой, — господина Роланда Герда фон Хейлемана, фрайхерра, господина Альбрехта Юттена Шильтрегера, рыцаря, господина Ойгена Фейбельмайера, рыцаря, некоего Энно Андерклинга, юнгера, брата Адабельта, клирика обители Пресветлого Селестина в Андтаге, некоего Тереллина Гильдебранда, бывшего каноника диоцеза Андтаг,

и некоего Иоганна Роххеля из Теофилбурга, торговца!

На площади стало вдруг очень тихо.

— Любому, кто встретит упомянутых лиц, — продолжал герольд, — буде на территории герцогства Виссланд, или вольных городов в герцогстве Виссландском, а равно в лесах, на полях, равнинах, на реках и озерах всех окрестных земель, надлежит по чину:

— Если он рыцарь или благородный человек — силою оружия произвести арест, невзирая на возможный ущерб личности или имуществу, своему или упомянутых господ;

— Если он лицо духовное или низкого звания — сообщить незамедлительно коннетаблю или сенешалю, или начальнику стражи города, или альтману, или синьору тех земель, где обнаружится один или несколько из означенных господ, дабы те произвели арест сообразно своего благородного звания и высокого положения.

Объявляется, что никто не вправе и не дерзнет оказать названным господам помощь или гостеприимство, иначе будет судим как пособник в государственной измене.

Объявляется, что все вассалы и подчиненные лица названных господ отягощаются положением их синьоров и должны быть арестованы наравне с ними.

Дано в Браундштадте второго дня месяца Утреннего льда сего года".

Глашатай закончил и с важным видом сложил свиток обратно.

— Я говорю, это он! — вновь заорал Шульман. После благородного, поставленного баритона глашатая, его тонкий голос показался мне особенно мерзким.

— Сударь, — фон Тирфинг обернулся ко мне. — Вам придется сдать свое ору...

Не успел он договорить, а я уже спешил передать ему мое оружие. Прекрасный флиссингенский кинжал, пробив кольчугу, как полотно, по рукоять вошел в его тело, да там и остался. Тонкий клинок шайбендольха* пронзил сердце, и острая, тонкая струйка под давлением брызнула мне прямо в лицо. Вот Кхорн!

— Ребята, измена!!! — заорал я со всей силы. — Оружие к бою!

* табард — куртка без рукавов, одежда герольдов.

** шайбендольх — рондаш, кинжал с дисковидным навершием, для надежного удержания в руке. Предназначен для пробития кольчуги.

Глава 55

Рыцари Виссланда с гневными криками обнажили мечи. Городские стражники взяли наперевес свои альшписы и глефы. Мы зажаты с двух сторон, и врагов впятеро больше!

— Измена!

— Отходим! Отходим в ратушу!

Теми же молотами, которыми мы пробивали крыши домов, мы высадили двери ратуши и ввалились внутрь, прихватив с собой пленных фалькитов. На первом этаже ратуши оказался большой зал и множество скамеек в нем: сидя тут, господа фогты обсуждали дела города. Мы сразу же забаррикадировали вход этими скамейками и огромными сундуками.

— Майнфельд, поставьте двух человек с копьями, а вы, Линдхорст — двух арбалетчиков. Пусть отгоняют всех, кто попытается приблизиться!

Пока солдаты таскали тяжелые скамьи, я решил оглядеться. Быстро взойдя по темной лестнице на второй этаж — тут были кабинет штатфогта и канцелярия — а потом и на крышу, я выглянул в слуховое окно.

Ратуша была одним из самых высоких зданий города, хотя, всего лишь, двухэтажным. К ней была пристроена небольшая оборонительная башенка, удобная для наблюдения за городом.

Взобравшись на самый ее верх по очень узкой винтовой лестнице, я огляделся по сторонам.

Наши дела крайне плохи. С одной стороны — отряды герцога, стоявшие на той части городской площади, что примыкает к ратуше. С другой — отряды городской стражи, стоявшие, в основном, по улицам, примыкающим к площади. Вместе их, наверное, под триста-четырееста голов, а то и больше. А у нас так мало выстрелов для арбалетов!

Сбежав по лестнице вниз, я наткнулся на пленных фалькитов.

— Сударь!

Рыцарь Бреттенхер фон Фарнхофф обращался ко мне, сложив руки в жесте, означающем чистоту намерений и честность.

— Если вы вернете нам оружие, мы будем сражаться за вас.

На секунду я задумался. Те люди на площади, определенно, не друзья наемникам бургграфа. Не думаю, что тут есть подвох.

— Эй, Птах, — позвал я слугу. — Верни этому господину его меч и кинжал. Кстати, что это у тебя в сумках?

— Как же, — прочирикал слуга, — вы не помните? Это болты железные, для тех арбалетов, которые никто натянуть не может. Мы их так и таскаем, замучались уже!

Из-под тряпиц, действительно, тускло поблескивали острия гномьих арбалетных болтов. Мы так и не пользовались ими — для наших арбалетов они тяжеловаты.

Но ведь нам выбирать не приходится!

— Сударь, они тащат таран, — сообщил мне сержант Кунц, — вон, посмотрите.

Действительно, отряд городских стражников нес к нам короткое, толстое бревно.

— Так. Подпустите их поближе. Как начнут бить в дверь, — обстреляйте их этим, — я указал на гномьи стрелы.

— Но они никуда не годны!

— Меткий свалил таким целого тролля. С такой дистанции, да еще сверху вниз, вы не промахнетесь ни при каких обстоятельствах! Кстати, где Меткий?

Изувеченный стрелок оказался на втором этаже.

— Линдхорст, дайте ему самый лучший арбалет и все болты, какие сможете найти. Вообще все, кроме гномьих железных!

Меткий поднял свой арбалет и выразительно стукнул по нему костяшками пальцев.

— Ну, если самый лучший — твой, то так тому и быть. Слушай меня внимательно...

Я подвел его к окну.

— Вон там, видишь, со стороны площади, стоят люди герцога. Стреляй по их командирам. Не трогай ни кнехтов, ни людей шеффенского звания, — только рыцарей и их оруженосцев. Они в ярких ваффенроках в цветах герцога. Не торопись, у нас мало болтов.

Меткий с вопросительным видом показал на городских стражников.

— Нет, городскую стражу не трогай, даже командиров. Только людей герцога. Все понял?

Он кивнул, и я обернулся к Линдхорсту.

— Теперь дайте мне еще четырех ребят с самыми мощными арбалетами. Литц, ты тоже мне нужен. Мы поднимаемся на башню. Птах, бери эти железные болты, сколько сможешь унести, и пойдем с нами.

Спотыкаясь на узкой лестнице со страшно стертymi ступенями, цепляясь за камни частями снаряжения и доспехов, мы, наконец-то, забрались наверх.

— Смотрите сюда, — я показал Линдхорсту на островерхие крыши города, — все эти дома покрыты тростником. Даже если сверху лежит черепица или дранка, под нею — солома или сухой тростник. Литц, раскалите эти болты, как делали с троллем. А вы, — я обернулся к стрелкам, — стреляйте по крышам. Просто лупите во все стороны, тут невозможно сделать промах. Я хочу, чтобы все вокруг сгорело дотла!

— Отличная мысль, Кхорн дери! — воскликнул маг. — Давно мечтал о чем-то подобном. Но, может, проще пустить пару огненных шаров?

— Они разобьются о слой черепицы и совсем не принесут вреда. И ты слишком много магии потратишь на это, а она еще пригодится. Давайте, ребята!

Стрелки взвели арбалеты. Литц раскалил болты со стороны наконечника, чтобы не пережечь тетивы. Четыре огненные линии прочертили начинающее темнеть небо.

— Еще. Бейте еще!

От одной из крыш в полусотне метров от нас начал валить сизый дым. Другая крыша, подальше, задымила тоже.

— Теперь — в другую сторону. Вон туда!

От первых обстрелянных нами зданий все сильнее тянуло дымом. Затем в мансардном окне появились отсветы пламени.

— Пошло! Ты чувствуешь, Литц?

— Да, чувствую неприятности. Сейчас тут будет ад кромешный! Полгорода выгорит точно!

— Все как ты любишь, не правда ли? Пока развлекайтесь тут, а мне надо наведаться в одно здание по соседству. Птах, брось это все, и идем со мною!

Спустившись с башни, я вылез на крышу ратуши. На городской площади лежало уже несколько фигур в дорогих доспехах. Меткий знал свое дело. Вражеские арбалетчики начали

отвечать, но лишь добавляли нам болты, которых так не хватало. Прямо под зданием лежало бревно и два городских стражника. Больше ломать двери в ратушу никто не пытался.

Я посмотрел на соседнюю крышу. Она, единственная в округе, была крыта свинцовым листом. Здесь размещалась лавка Вольфрамов, в которой я так и не получил свои дублоны.

— Самое время зайти, — пробормотал я сам себе под нос, прикидывая расстояние между крышами. Сажень, не более, но прыгать в доспехе совершенно не хотелось.

— Птах, принеси сюда скамейку подлиннее, чтобы перекинуть мостик вон туда!

Серв побежал исполнять. Вскоре он, пыхтя, притащил тяжеленную дубовую скамью нужной длины. Выломав ножки, я перекинул ее на ту сторону и подпер так, чтобы она никуда не съехала.

— Жди меня здесь, Птах, — сказал я слуге и перелез на соседнюю крышу.

Воткнув меч в медную жесть, я короткими резкими движениями распорол покрытие крыши, как вскрывают консервную банку. Затем, перерубив пару жердей, на которых крепился металл крыши, я пролез внутрь.

Темный чердак, засиженный голубями, казался огромен. Когда глаза привыкли к полумраку, нашел лаз и, открыв его, спрыгнул, гремя сапогами, на второй этаж здания.

Оглядевшись в полумраке, я увидел, что оказался прямо возле лестницы.

— Эй! Кто вы?

Один из клерков Вольфрамов, испуганный малый в черно-желтом упенде, услышав, видимо, мое приземление, спешил вверх по лестнице со светильником в руке.

— Я хочу предъявить вексель к платежу. Мне было назначено!

Клерк был крайне изумлен столь экстравагантным появлением клиента. Впрочем, кто бы не удивился?

— Но, как вы прошли сюда?

— О, не беспокойтесь. На улице некоторый беспорядок, поэтому пришлось зайти необычным способом. Проводите меня к господину Кросснеру. Он ведь тут главный?

Испуганный счетовод повел меня вниз. Мы вошли в их общий зал, где, несмотря на беспорядки, писцы и учетчики работали, как обычно. Когда мы вошли, наступило изумленное молчание. Все смотрели на меня, видимо, предчувствуя недоброе.

Уже знакомый мне герр Кросснер несмотря на всю необычность ситуации, вышел из-за стойки и учтиво поклонился.

— Герр....

— Андерклинг.

Я снял забрало.

— У меня вексель Волленбургов. 900 дублонов. Мы разговаривали месяц назад. Помните меня?

Банкир побледнел и сделал круглые глаза.

— Наш разговор мне хорошо памятен. Но, право, герр Андерклинг, это совершенно невозможно!

— Что, мать твою, невозможно? Что опять за отговорки?

Кросснер побледнел, но не отступился.

— Прежде всего, сударь, граф Волленбург, ваш должник, объявлен вне закона. Его деньги подлежат конфискации в пользу герцога Виссланда. А, во-вторых, вы, сударь, тоже теперь вне закона на территории нашего герцогства. Ваш вексель — именной. И вы не сможете получить по нему денег ни при каких обстоятельствах.

— Да неужели! А если я сам возьму все, что мне причитается? Да еще, наверное, с хорошим процентом, в точности как любите вы, Кхорновы торгоши?

Герр Кросснер, видимо, наконец-то понял, что происходит. Издав тонкий пороссячий визг, он отпрыгнул от меня и спрятался за конторкой.

— Стража! Ради Света всемогущего, зовите стражу!

— Стража не придет. Они там немного заняты. У меня, кстати, тоже дел по горло. Может, сделаем все по-хорошему, а?

Нет. Клерки достали кинжалы. Из-за конторки появился взведенный арбалет. Медлить было нельзя.

— На!!!

Сначала я от души рубанул ближайшего ко мне писца, чтобы не мешался под ногами. Затем схватил за ножку тяжелый табурет и швырнул его в голову арбалетчика. И началась резня. Наверное, так чувствует себя волк внутри овчарни — чем больше давит овец, тем больше хочется... Кинжалы писцов им не помогли — кажется, ни один даже не смог меня им коснуться. Оружие мало иметь, надо еще и владеть им. Я вот тренируюсь, ребята. А вы?

Прошло несколько секунд, и живым в помещении остался лишь клерк со светильником, забившийся под конторку.

— Отведи-ка меня туда, где лежат мои деньги, — вежливо попросил я его, подняв за шкурку и хорошо встряхнув.

Полумертвый от страха писец повел меня в подвал. Несколько сундуков и корзины с разной монетой, отсортированной по видам — фирлинги, грошены, крейцеры, орты... Это все не то!

— Где золото?

Клерк указал на сундук.

— Открывай!

— Ключа нет, добрый господин, — клерк почти плакал от страха. — Он был у господина Кросснера!

Взяв сундук за ножку, я просто поволок его по лестнице наверх. Найдя тело Кросснера, отцепил с его пояса связку ключей и после нескольких попыток нашел нужный.

— Снимай свой упенд! — приказал я дрожащему клерку. Тот торопливо повиновался.

Пересыпав монеты в куртку писца, я завязал ее узлом и взвалил куль на плечо. Из-за тяжести монет меня мотало из стороны в сторону.

— Ну, бывай. Хороший мальчик! — похвалил я дрожащего в одной камизе клерка, и пролез наверх.

Не без труда протиснувшись через узкий лаз, а потом — через еще более узкую дыру в крыше, я по шаткой дубовой доске перешел с кулем денег на крышу ратуши.

Снаружи бушевал сильнейший пожар. Ближайшие к ратуше здания полыхали вовсю, так что жар обжигал лицо смотрящему на них. Городские стражники разбежались гасить пламя, спасая свои дома. Люди герцога Виссланда, спасаясь от дыма и пламени, отступили вглубь рыночной площади, где, похоже, занялись мародерством. Из-за потерь среди рыцарей и корнетов, выбитых Метким, порядок навести было некому.

Взвалив куль с деньгами на Птаха, отчего он аж присел, как мул под поклажей, я позвал всех людей в главный зал ратуши.

— Сейчас мы пойдем отсюда в сторону городской стены, вот туда, — я указал направление, где быстрее всего можно было добраться до нашего подземного хода. Вы,

господа, — я обратился к пленным фалькистам, — можете идти за нами или остаться здесь, я вас не держу.

— Да мы сгорим там! Весь город пылает!

— Нет. С нами пойдет вот этот достойный господин, — я указал на Литца — магистр магии огня и света, единственный из ныне живущих магов, способный создать «огненный метеор». Прошу любить и жаловать. Он проложит нам дорогу там, где другие и близко не подойдут. Собирайте свое барахло, и вперед!

Раскидав баррикаду из скамеек, мы вывалились на площадь. Жар от горящих домов был немыслимо силен. Огонь гудел, балки горящих домов с грохотом лопались, стреляя искрами и пылающими углями. Особенно пугало то, что огонь, казалось, шел со всех сторон! Было, от чего потерять голову.

— Литц, погаси вот это здание, — попросил я мага. Он постоял несколько секунд, сосредотачиваясь, а затем резко взмахнул руками, будто стряхивая с них воду.

С громким хлопком угловой дом моментально потух, окутавшись черным дымом.

— Идем!

Плащами закрывая лица от дыма, мы пошли вперед. Через несколько десятков шагов мы наткнулись на городскую стражу, пытавшуюся тушить добротный особняк. Возглавлял ее — кто бы мог подумать? — баннерет Зайдель.

— А ну-ка иди сюда, сволочь! — воскликнул я, хватая его за горло. — Куда ты дел деньги Вепрей, отвечай!

Несколько стражников попытались защитить командира. Но они тушили огонь, и их оружие было сложено где-то в пирамиду. Одного ретивого парня пропороли алышписом, остальные сразу же отступили на безопасное расстояние, глядя на нас, как на вырвавшихся из ада чертей.

— Где! Где!! Где!!! Где деньги Вепрей, кусок дерьма? — орал я, мотая баннерета туда-сюда. Потом несколько раз как следует приложил его о каменную стену, а когда поднял вновь, понял, что спрашивать больше и некого, и не о чем.

— Вот мразь! Сдохнуть готов из-за денег. Пойдем, ребята!

Пройдя еще пару кварталов, мы наткнулись на завал, — один из горящих домов рухнул и перекрыл неширокую улицу.

— Гаси!

Литц резко взмахнул руками. Пламя он сбил, но едкий дым, валивший из погасших развалин, и горячие угли не давали нам пройти.

— Придется идти, ребята. Возьмите друг друга за плечо, чтобы не потеряться. И идем. Литц, веди нас.

Выстроившись в цепочку, мы, как толпа слепых или прокаженных, пошли за магом через дымящий завал. Жар обжигал даже через одежду. Пленные фалькисты шли вместе с нами, их желтые дублеты и ваффенроки, измазанные сажей, мелькали среди наших пехотинцев.

Вскоре мы достигли городской стены и ввалились в «предбанник» женской уборной. Постучав по полу, по звуку нашла, где у нас выход в подземный ход, и по одному спустились туда.

Очень тесный и узкий проход, где большую часть пути пришлось проделать на четвереньках, то и дело утыкаясь головой то в задницу впереди ползущего, то в дубовые сваи, на которых была выстроена городская стена, то на деревянные подпорки, поддерживающие

проход. Место, где не сразу можно понять, открыты у тебя глаза или закрыты — настолько тут темно, а запах сырой земли, перебивший даже страшный запах гари, заставляет вспомнить, где мы все окажемся рано или поздно... Но, в конце концов закончился и он.

Выйдя в балагане по ту сторону городской стены, мы дождались, когда все выберутся наружу, чтобы идти в лагерь. Холодный, свежий воздух пьянил обещанием свободы. Мы вырвались!

— Становится совсем темно, — сказал Майнфельд, окидывая взглядом выбиравшихся из подземного хода людей. — Надо бы сделать факелы. Ни у кого огоньку не найдется, а, ребят?

Взрыв гомерического хохота, грянувший в ответ, явил все облегчение, что мы испытали, выбравшись из этой, почти безнадежной, передраги. Факелы, кстати, нам не понадобились. Охватившее город пламя подсвечивало снизу тяжелые снеговые тучи, низко нависшие над землей, и этого отраженного света нам оказалось достаточно, чтобы найти дорогу.

Пока мы медленно шли к лагерю, мне на глаза попался герр Бреттенхер.

— Вы можете идти, сударь, — обратился я к нему, — и ваши люди тоже. Мы больше не воюем ни за герцога, ни за Церковь.

— Похоже, что мой работодатель проиграл, — устало ответил он, безрезультатно пытаясь стряхнуть мокрую глину и сажу со своего ваффенрока. — После всего произошедшего, подозреваю, людям бургграфа не поздоровится! Горожане теперь озлоблены, и все свои потери выместят на нас. Пожалуй, — он оглянулся на пылающий город, — нам стоит теперь держаться подальше отсюда. Куда вы отправитесь, герр Андерклинг?

— Пока не знаю, сударь.

— Отлично. И мне туда же!

Наконец мы дошли до нашего лагеря. Люди торопились собрать повозки, свернуть палатки, запрячь лошадей. Я же зачарованно смотрел на отблески пламени над городом, грозные предвестники грядущей бури...

Кто-то тронул меня за плечо сзади. Это оказался Майнфельд, по уши измазанный сажей.

— Люди готовы, командер! Мы можем выступать.

— Отлично. Держите в арьергарде пару разведчиков на свежих конях, пусть предупредят заранее о погоне, буде таковая последует. Уходим, ребята!

Ночной холод схватывал льдом лужи на дороге, на которую, одна за другой, втягивались наши скрипучие телеги. В последний раз взглянул я на пылающий Теофилбург.

Потом на наш обоз.

Потом снова на город, адским горном светящийся во тьме.

Потом снова на наш обоз.

Мы вырвались. Пусть мне пришлось спалить этот город дотла, пусть мы потеряли Николаса. Главное — мы ушли! Но, что же тревожит меня, как слабая зубная боль, грозящая в самом недалеком будущем стать нестерпимой? Что я позабыл в этой суматохе? Что-то мелкое, но важное....

— Так. А где Птах!?

*** **

Эпилог.

Писклявый сукин сын растворился во тьме вместе со своим грузом. Ну, что же — желаю ему успеха! Надеюсь, моему бывшему слуге хватит ума избежать и солдат герцога, и мятежников, и мародеров, и бандитов, как и иных опасностей, коими так богат охваченный анархией город. Дай Свет, он пройдет по грани, увернется от всех ножей, минует все петли и застенки, избегнет и чумы, и пламени, и однажды, целый, живой и очень-очень здоровый, попадет ко мне в руки. И тут мы с ним кое-что обсудим тет-а-тет.

Я человек еще молодой, и память у меня, пока еще, очень хорошая. В ней намертво запечатлелось все, что довелось увидеть в подвалах инквизиции. И теперь-то я знаю, с кем хочу поделиться столь неоднозначными воспоминаниями! Ну а если он, паче чаяния, сможет выдержать все изысканные методы дознания, что веками вырабатывались Пресветлой Инквизицией, то на досуге я, пожалуй, придумаю для своего бывшего слуги что-нибудь *особенное*, для души!

Вот такие мысли блуждали в голове, пока мы вторую неделю шли по промерзшей, заиндевелой дороге на северо — восток, приближаясь к границе Виссланда и Аверланда. Ночные морозы, дневная оттепельная грязь, сырость и мелкий снег, то и дело осыпавший наш отряд, могли бы вывести из себя самого ортодоксального буддиста. Но, несмотря на все это, люди сохраняли бодрость духа. Добычи, взятой в Орквальде, а затем и в Теофилбурге, хватило, чтобы на время погасить недовольство от просрочки выплаты жалования. А дальше... дальше будет видно.

По сути, солдаты сейчас ни в чем не знают нужды. Придорожные селения щедро делятся с нами провиантом и лошадьми, правда, на разных условиях. Чужих сервов и их владельцев мы не обижаем, просто забирая по праву войны все, что нам было нужно, а вот вассалам и арендаторам герцога по полной пришлось расплачиваться за вероломство их господина!

Все время, пока мы отступали от Теофилбурга, мы ежечасно ожидали удара в спину, но его не последовало. То ли люди герцога слишком увлеклись грабежом в пылающем городе, то ли сторонники Гернхарда фон Фалькенхайма оказались сильнее, чем предполагалось, и виссландцы завязли в боях с ними — так и осталось тайной. Но, факт есть факт — никто нас, хвала Свету, не преследовал.

Несмотря на приближение зимы, вся Империя бурлила. Отряды герцогов и графов собирались в ожидании большой войны, князья занимали кто сторону Волленбургов, кто — Кесселей, а большинство самую правильную — *свою* сторону. В такое время каждый меч на счету! Мы сможем с выгодой наняться к любому правителю, и никто не будет задавать лишних вопросов. Лишь бы у сюзерена были деньги!

Подъехал Линдхорст.

— Разведка возвращается, сударь!

Я перекинул на спину щит покойного рыцаря.

— Как думаешь, Курт, сколько брать за один арбалет? Десяти рейксталеров достаточно?

— За зимнюю кампанию? Думаю, да.

К нам, окутанные паром дыхания своих разгоряченных лошадей, подъехали два всадника из нашей разведки.

— Аванпост герцога Аверланда в полулиге отсюда, командер, — доложили разведчики.

— Командер *Эйхе*, — машинально поправил его я. — И когда вы запомните?

— Так точно, командер *Эйхе*.

Наконец, мы выехали на берег Верхнего Рейка. Впереди открылась долина реки, темной лентой вьющейся среди покрытых инеем лугов, каменный мост и предмостное укрепление у него. Приподнявшись в стременах, я рассмотрел в морозной дали невысокую башенку со штандартом черно-желтого цвета.

— Да, похоже, мы близко. Переправимся и устроим большой привал, ребята! С меня жареный бык и бочонок вина, самого лучшего, какое сможем найти!

Ведь человек, хоть иногда, должен собирать плоды трудов.

Конец первой части

Больше книг на сайте - Knigoed.net